Международная академия методологии
государственного управления
МОО

А.И. Комарова

«VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете

Ч.5.

Вып.38.

Том 1168(1210)

Москва - 2023

Научное,
энциклопедическое многотомное
издание

«Человек и общество»

действует с 1991 года (Москва Киев).
С 2016 г. –
Интернет-Издание.

Основатель, научный редактор
Комарова А.И.
http://viperson.ru/people/komarova-alina-ivanovn

Для государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, государственных деятелей, политиков, ученых, специалистов-практиков, преподавателей высших и иных образовательных учреждений, аспирантов, студентов …, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания истинно человечного общества - общества социальной справедливости в России, Украине и в Мире.

«VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете. А.И. Комарова. В 5 ч. Ч.5. / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 38. / Том 1168(1210). М., 2023.

©Международная академия
методологии государственного управления, 2023.

«Каждый Том – это очередной выпуск многотомного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Основной из принципов нашей активности:

«Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно- управленческого, политического, научного … АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».

А.И.Комарова

Комарова Алина Ивановна – ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), член Центрального Совета РУСО, координатор Всероссийского общественного движения «За социализм», Координатор Международного общественного движения "Украина и Россия за консолидацию и благосостояние братских народов" (МОО), академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, профессор, юрист

В числе 50 направлений нашей многолетней научно-практической деятельности особое место занимает проблема России
как государства планетарного масштаба, как особая страна – страна особого исторического предназначения.
Россия – это пространство исторической неотъемлемой ответственности и как большого государства, и как когда-то, и более того – в будущем великой державы, как собирательницы земель и народов,
как особого типа цивилизации,
интегрирующей цивилизации, в отличие от

колонизующей страны цивилизаций,
образцы чего показывает Запад.
В геополитических условиях глобальных угроз миру
современная фактическая
и футурологическая мировая роль России
постоянно возрастает.
Это обусловливает то, что Том 247(289) начал рубрику:
«Русская (славянская) цивилизация»,
Том 251(293) продолжил эту рубрику
с учетом эволюционно-исторической
закономерности
цивилизационного развития:
«Российская (русская) цивилизация:
история, реалии, перспективы» .
Аналитико-прогностический аспект, а Том 320(362)
уточняет, конкретизирует эту рурику:
«Российская (русская, многонациональная) цивилизация:
история, реалии, перспективы».

Том 1168(1207) - это тридцать восьмой выпуск рубрики:

«Внешнеполитические реалии и перспективы России»

* * *

«VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете. А.И. Комарова. В 5 ч. Ч.5. / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 38. / Том 1168(1210). М., 2023.

* * *

**В этом году Алексею Подберезкину исполнилось 70 лет, а «Информационно аналитическому порталу «VIPERSON» (Виперсон) уже более 20!
Создатель портала Алексей Подберезкин предвидел восстановление России, когда создавал портал для объединения идейных и творческих людей, пассионариев!**

* * *

Алексею Ивановичу Подберёзкину

Поздравляем Вас, уважаемый Алексей Иванович, с Вашим 70-летним юбилеем и 20-летним юбилеем Вашего портала «viperson.ru»!

Ваша общественная и научная деятельность поражает своим размахом: Вы создали уникальный портал.

Он уникален тем, что собрал всех значимых для России деятелей, начиная от президента.

Это самая большая в нашей стране электронная библиотека (60000 участников) о людях и их публикация.

И не только самая большая, но и самая доступная: каждый участник сайта имеет возможность: бесплатно публиковать на нём свои работы и пропагандировать свои взгляды, а читатели – бесплатно с ними знакомиться.

Мы не зафиксировали ни одного факта цензуры при самых оппозиционных публикациях.

Портал даёт объективную картину (по количеству просмотров) уровня популярности каждого из его участников. Настолько объективную, что президент оказывается не на первом месте (его

опередили и Вы, и авторы, а кто-то из мало известных общественных деятелей..., которые оказываются с гораздо более высоким рейтингом (15, 16 и т.д.), чем самые известные государственные и общественные деятели – такие как Зюганов (39), Глазьев (53), Шойгу (66)... Солженицын (75), Горбачев (80), Собянин (97), Матвиенко (121) и т.д.

Ваша научная деятельность опережает время – только теперь, в развязанной против России войне, властью осознаётся тупик навязываемого России и всему миру западного глобализма и приоритет для нашей страны цивилизационных и национальных интересов и ценностей, чему посвящены Ваши публикации: книги, статьи и выступления, чиая с конца 80-ых годов.

Взгляды, которые Вы последовательно отстаиваете, уже начали воплощаться!

Желаем Вам, уважаемый Алексей Иванович, здоровья, долгих лет Вашей плодотворной деятельности на благо нашей Родины и народов Мира!

- С глубоким уважением, актив ОД «За социализм».

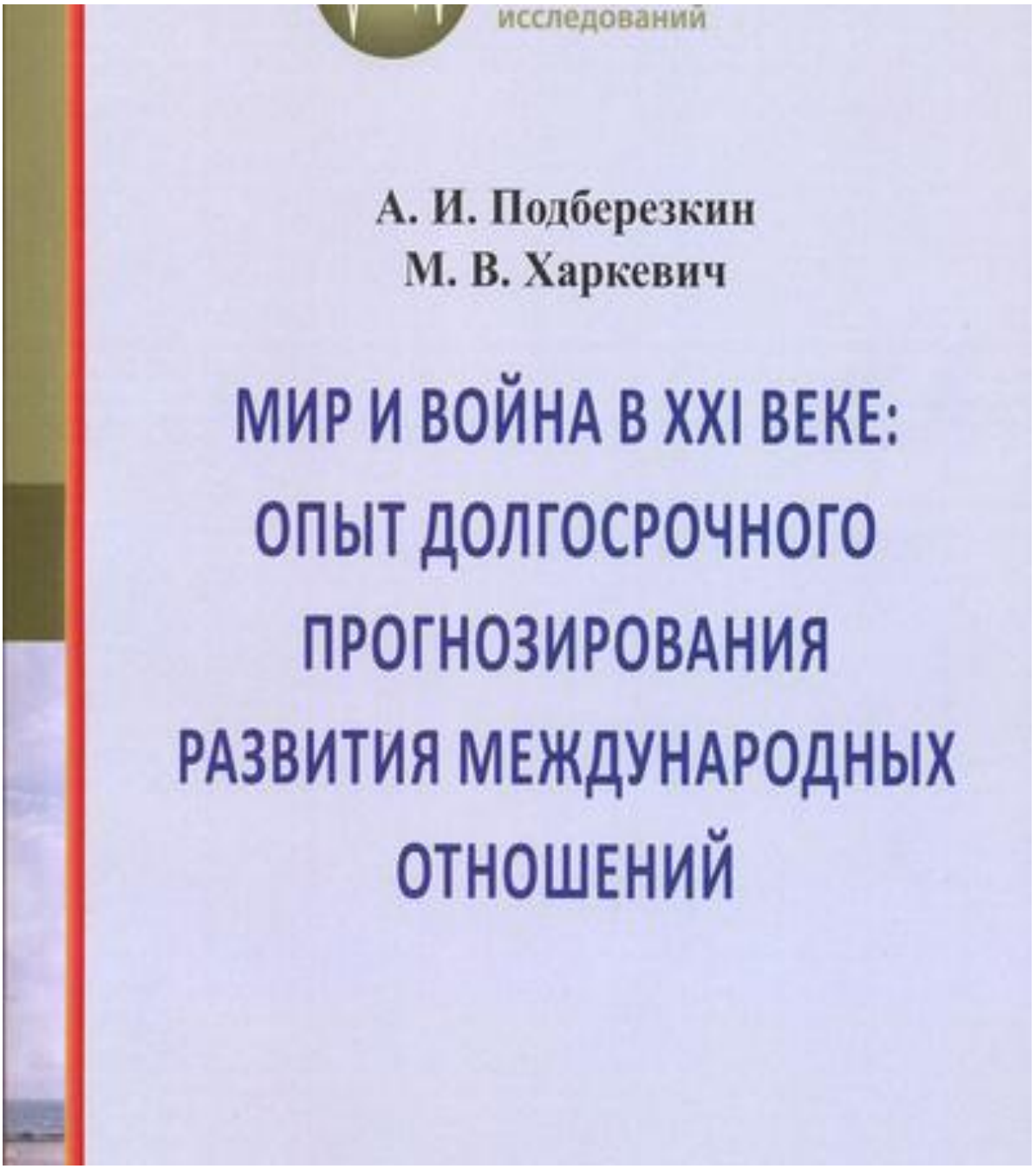
* * *

Учитывая:

1. суть предназначенности нашего Интернет-Издания «Человек и общество» как одной из составляющих «ВИПЕРСОН»;
2. рекомендации, просьбы представителей наших многочисленных Международных и Всероссийских общественных движений, объединений, организаций, большинства трехмиллионной армады наших авторов и читателей, **мы вновь и вновь обращаемся к** высокого научно-теоретического, методологического, социально-политического накала Всемирно-планетарной, государственно-российской прогностически-патриотической значимости **трудам А.И.Подберезкина.**

* * *

Исследование



* * *

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований

А. И. Подберезкин,
М. В. Харкевич

Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327
ББК66.4
П44

Монография подготовлена в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973

Подберезкин А. И., Харкевич М. В.

П44 Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений / А. И. Подберезкин, М. В. Харкевич. Моск. гос. ин-т международ. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 581 с.

ISBN 978-5-9228-1366-2

Монография «Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений» представляет собой теоретическое исследование по теории прогнозирования развития международных отношений. Авторы развивают теорию построения наиболее вероятного долгосрочного сценария развития международных отношений, основанную на цивилизационном подходе. Особое внимание авторы уделяют роли идеологии и развитию человеческого капитала, которые являются основными факторами обеспечения национальной и цивилизационной безопасности. Наиболее вероятным сценарием развития международных отношений является глобальное противоборство локальных человеческих цивилизаций. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

УДК 327
ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1366-2

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2015

© А. И. Подберезкин, М. В. Харкевич, 2015

Оглавление

Вступительное слово генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова 7

Введение 9

Глава I
Война, политика и идеология в XXI веке 19
1.1. Современное состояние анализа и прогноза в международных отношениях: роль личности 21
1.2. Основы анализа и прогноза современной МО, ВПО и СО 54
1.3. Идеологическая война как основная форма противоборства локальных человеческих цивилизаций в XXI веке 74

Глава II
Новые средства и способы силового противоборства между цивилизациями в XXI веке 99
2.1. Наиболее эффективные средства и способы формирования СО и ведения военных действий 101
2.2. Национальный человеческий капитал как главный фактор формирования новой парадигмы развития СО в долгосрочной перспективе 111

Глава III
Основные особенности развития международной обстановки в XXI веке 129
3.1. Общий план и структура анализа и прогноза сценариев развития МО в XXI веке 135
3.2. Основные тенденции в развитии международной обстановки в долгосрочной перспективе 146
3.3. Усиление взаимосвязи тенденций развития международной и военно-политической обстановки в XXI веке 176

Глава IV
Развитие основных субъектов международной обстановки в среднесрочной и долгосрочной перспективе 189
4.1. Основные тенденции в развитии традиционных субъектов международной обстановки 197
4.2. Основные тенденции в развитии локальных человеческих цивилизаций до 2021–2022 годов 206
4.3. Основные тенденции в развитии союзов, коалиций и блоков до 2020 и 2050 годов 249

Глава V
Основные возможные сценарии развития международной обстановки в XXI веке 255
5.1. Логика формирования вероятных сценариев развития международной обстановки в XXI веке 257
5.2. Наиболее вероятные сценарии развития международной обстановки в XXI веке 273
5.3. Базовый вероятный сценарий развития МО в 2021–2024 годах 283
5.4. Сценарное прогнозирование и стратегическое планирование международной обстановки в интересах России 294

Глава VI
Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки в долгосрочной перспективе 297
6.1. Общая характеристика возможных и вероятных сценариев развития МО в XXI веке до 2021 года 309
6.2. Наиболее вероятный конкретный сценарий МО и вероятные варианты его развития после 2021–2022 годов 331
6.3. Обоснование «Точки отсчета» 360
6.4. Эволюция наиболее вероятного сценария развития МО и его вариантов в 2016–2021 годы 377

Глава VII
Оценка и прогноз цивилизационных и национальных возможностей в ходе вероятного военно-силового противоборства.....455
7.1. Количественные методы оценки потенциалов государств, коалиций и цивилизаций в XXI веке.....460
7.2. Цивилизационный потенциал. Его роль и значение в формировании сценариев развития МО в XXI веке.....497
7.3. Рекомендации.....531

Заключение.....561

Список используемых сокращений и аббревиатур.....565

Понятийный аппарат.....567

Список источников и литературы.....569

Вступительное слово генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова

Монография сотрудников Центра военно-политических исследований МГИМО, посвященная долгосрочному прогнозированию войны и мира в мировой политике, ставит актуальную и важную проблему — разработать методологию долгосрочного прогноза эволюции политического насилия и способов его контроля в мировой политике. Несомненно, данный фактор во многом определяет развитие всей системы международных отношений и международно-политической обстановки.

Авторы исследования показывают, что в современном мире отчетливо проявляется трансформация политического насилия. В нем все более отчетливую роль приобретают невоенные средства. Особое значение придается средствам злонамеренного информационного воздействия на общества иностранных государств. В результате граница между состоянием войны и мира сегодня постепенно стирается, в связи, с чем становится сложнее отследить акт агрессии

и эффективно ответить на него. Трудно не согласиться с авторами, что в этой ситуации чрезвычайно важной задачей является развитие национального человеческого капитала, и утверждение национальной идеологии как части этого капитала.

Монография также поднимает важную тему новых разделительных линий в мировой политике, которые, согласно авторам, будут проходить уже не в идеологической, а в культурно-религиозной области. Авторы исследования предполагают, что доминирующими участниками мировой политики в долгосрочной перспективе будут не национальные государства, а цивилизации. В этой связи, основные конфликты в мировой политике, скорее всего, будут разворачиваться как раз между цивилизациями. Кризис беженцев в Европе, ИГИЛ, конфликт на Украине подтверждают выводы авторов.

Новое исследование экспертов ЦВПИ, безусловно, представляет интерес, как с теоретической, так и практической точки зрения. Познакомиться с ним будет полезно всем, интересующимся вопросами международных отношений и международной безопасности.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз–Антей“»
Я. В. Новиков

Введение

Обострение отношений между Россией и Западом, в свете украинского кризиса, является отражением системной трансформации международных отношений, связанной как минимум с тремя ключевыми тенденциями мирового развития последних 20 лет: смещением центра мировой политики с Евро-Атлантики (с центром в США) в Азиатско-тихоокеанский регион (с центром в Китае), рассредоточением ресурса влияния в мировой политике по различным сферам, а также укреплением полицентричной структуры международных отношений. По данным МВФ, ВВП (ППС) Китая в октябре 2014 года превысил ВВП (ППС) США. Впервые со времен президента У. Гранта (время правления — 1869–1877 годы) США перестали быть ведущей экономикой мира по показателю ВВП. Однако за смещением экономического центра со временем последовали и изменения в политической расстановке сил на мировой арене.

Рассредоточение ресурсной базы мировой политики между различными функциональными сферами означает, что для продвижения своих интересов государству или негосударственному актору необходимо создавать коалиции акторов, обладающих соответствующими ресурсами. Добиться чего-либо только с помощью военного или экономического ресурса в мировой политике сегодня зачастую невозможно. Как отмечает заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО профессор М. М. Лебедева «социально-политический и гуманитарный ресурс становится особенно значимым сегодня. Государства его

используют, в том числе, посредством развития процессов „трансгосударственности“ и структурной мощи»[1]. Это в частности приводит к обострению конкуренции ценностей в мировой политике.

Укрепление полицентричности является сегодня, пожалуй, наиболее значимым фактором системной трансформации международных отношений. Смещение центра тяжести мировой политики с Запада на Восток не исчерпывает содержание этого процесса. Вторая его составляющая заключается в рассредоточении ресурсов влияния в мировой политике. Транснациональный бизнес, структуры гражданского общества, международные организации и иные негосударственные акторы, также могут выступать в качестве центров мировой политики. Укрепление полицентричности, таким образом, является обобщающим понятием.

В связи с изменениями в иерархии мирового порядка возникает много теоретических и практических вопросов. Является ли смещение центра власти переходом к новому мировому порядку, или происходит простая смена лидеров при сохранении фундаментальных правил игры? Насколько глубоко новые центры власти восприняли фундаментальные правила игры либерального мирового порядка, будут ли они воспроизводить его в своей внешней политике — или мир ожидает фазовый переход к новому нелиберальному мировому порядку? И один из практических вопросов — как Запад будет стараться сохранить свои лидерские позиции в условиях смещения центра власти к Востоку?

Естественный политический ответ на последний вопрос со стороны США и Запада в целом — экономия затрат на поддержание существующего мирового порядка. В амери-

---

[1] Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике. — Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 99–108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07

канских внешнеполитических документах последних лет тема сокращения расходов является одной из ключевых. Возможно, через 10–15 лет мы столкнемся с миром, в котором США будут очень неохотно брать на себя функции лидера в решении международных проблем.

При экономии затрат на поддержание существующего мирового порядка основная цель США все же заключается в сохранении своего лидерства. «Сохранение глобального лидерства США: приоритеты для обороны XXI века»[2] так озаглавлен основной стратегический документ Вашингтона. Сохранить свое глобальное лидерство Соединенные Штаты могут лишь, противодействуя происходящим системным трансформациям в мировой политике. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 г. «выход на авансцену мировой политики и экономики новых игроков на фоне стремления западных государств сохранить свои привычные позиции сопряжен с усилением глобальной конкуренции, что проявляется в нарастании нестабильности в международных отношениях»[3].

Мощным катализатором отмеченных выше тенденций стал глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. Он актуализировал необходимость исторического Запада во главе с США не только экономить свои ресурсы, но также консолидировать и мобилизировать их. В частности, проектами, направленными на реализацию данных целей, можно считать Транстихоокеанское и Трансатлантическое торговые партнерства. Эти проекты пока находятся

---

[2] Sustaining US global leadership: priorities for 21st century defense. — Department of Defense, 2012. http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186

в стадии переговоров. В случае их реализации, США укрепит свои позиции центра мировой экономики, а, следовательно, и мировой политики. Ряд экспертов полагают, что именно стремление США оторвать ЕС от России и переориентировать его на ТТП лежало в основе политики США по быстрой смене режима в Украине с пророссийского на прозападный. Однако сценарий вышел из под контроля, кризис получился затяжным. При этом рассорить Россию с Европой Соединенным Штатам все же удалось. Антироссийские санкции объединили большинство западных стран. Не последнюю роль в этом сыграл сбитый над зоной конфликта пассажирский Боинг. Рано или поздно это ужасное преступление будет раскрыто, однако уже сейчас нельзя отрицать, что отношение международного сообщества к России после этого происшествия резко ухудшилось. Колебавшаяся Европа заняла однозначно антироссийскую позицию.

В военном отношении консолидация Запада происходит через географическое и функциональное расширение НАТО. В частности, угроза вхождения в НАТО Грузии и Украины вынудила Россию предпринимать ответные шаги, направленные на противодействие данной политике, в том числе и за счет активизации интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Неизжитая ментальность холодной войны не позволяет историческому Западу видеть в России свою неотъемлемую часть. Поэтому консолидация Запада означает исключение ее из западного политико-экономического пространства. Естественно, что быстро такой процесс произойти не может. Энергетическая зависимость стран ЕС от России остается высокой, однако со временем процесс вытеснения России из Запада неизбежно завершится и Россия уже не только идеологически, но и фактически станет евразийской державой.

Замену российским нефти и газу Запад ищет в иранских энергоресурсах. Заголовки новостных лент пестрят

в последнее время сообщениями о прорывах в переговорах с Ираном.

Китай пока еще не оформился в качестве мирового политического лидера. Несмотря на высокую вероятность того, что он в скором времени им станет, нельзя забывать о многочисленных противоречиях и проблемах внутри самого Китая. Темпы его экономического роста уже не двухзначные. Ряд экспертов утверждает, что пик темпов своего экономического роста Китай уже достиг.

Россию и Китай объединяет сегодня активное сопротивление попыткам Запада сохранить свою гегемонию в мировой политике. Несмотря на политическую близость с культурно-цивилизационной точки зрения между Россией и Китаем мало общего, так как Китай не является частью христианской цивилизации.

Россия с одной стороны самостоятельно, с другой стороны в результате действий Запада, оказалась сегодня за цивилизационными пределами исторического Запада, оставаясь при этом западной страной. Именно поэтому она не может стать и частью исторического Востока. С другой стороны, история, территория, ресурсы и человеческий капитал России дает ей возможность поддерживать свою цивилизационную самостоятельность, сотрудничая с обоими цивилизационными полюсами современности.

В этой книге речь пойдет о том, как консолидация исторического Запада провоцирует военный конфликт между цивилизациями в мире. Основные контуры данного конфликта уже видны сегодня. Раскол пока наблюдается внутри самого Запада, а именно между США и Россией. Стремление России играть самостоятельную роль в международных отношениях, постепенный ее отказ от явно или неявно навязываемой политической, экономической и идеологической дисциплины внутри Западной цивилизации, вызывает ответную реакцию — усиление дисциплины. Дисциплина

внутри Западной цивилизации устанавливается, как правило, не с помощью насилия, а с помощью «гегемонистического порядка»[4], «биополитики»[5], «мягкой власти»[6], «второго»[7] и «третьего лика»[8] власти. Идеологическим фундаментом этого гегемонистического порядка является неолиберализм, основными агентами дисциплины — негосударственные акторы, а доминирующей стратегией — развитие рыночной экономики.

Однако кризис 2008 года ослабил гегемонию Запада, его легитимность стала сокращаться, а легитимность исторического Востока во главе с Китаем и Россией возрастать. При снижении своей легитимности лидер может поддерживать установленный им порядок путем наращивания насилия. Поэтому усиление дисциплины внутри Западной цивилизации может осуществляться в условиях кризиса не только с помощью традиционных ненасильственных тактик и стратегий, но и путем открытого насилия. Сочетание насильственных и ненасильственных методов порождает различные гибридные процессы, такие например как война на Украине. Подобные процессы с высокой вероятностью могут развернуться и в Центральной Азии.

По мере изменения соотношения сил и усиления формирующихся новых центров силы, не согласных со сложившейся однополярной моделью мироустройства, прежде всего Китая, России, Индии, Бразилии и ряда других стран, будет усиливаться и военно-силовое противоборство со стороны Западной цивилизации. Представляется, что это будет про-

---

4 Грамши А. Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 1980.

5 Фуко М. Рождение биополитики. Nauka, 2010.

6 Nye J. S. The future of power. PublicAffairs, 2011.

7 Bachrach P., Baratz M. S. Two faces of power //American political science review. 1962. Vol. 56. №. 04. P. 947–952.

8 Лукс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ГУ-ВШЭ. 2009.

исходить в соответствии с определенными приоритетами. Так, по отношению к исламской цивилизации будет применяться стратегия создания очагов внутренних и внешних конфликтов, в которых будут участвовать преимущественно сами мусульманские страны. Это позволит Западу не только разобщить и противопоставить, и, в конечном счете, ослабить исламскую цивилизацию, но и сохранить на ее территории сложившуюся систему финансово-экономических и военно-политических отношений.

Описанные выше явления являются своего рода моментальным снимком современного состояния международных отношений. Однако ключевой вопрос данной монографии — как спрогнозировать дальнейшее развитие системы международных отношений на долгосрочный период и каков наиболее вероятный сценарий развития международных отношений.

Авторы данной монографии исходят из того, что определяющими факторами прогнозирования развития международных отношений являются два обстоятельства: идеология как система взглядов акторов международных отношений и материальные и институциональные ограничения их деятельности. Анализ идеологических оснований деятельности лидеров международных отношений и прогноз трансформации внешних ограничений их деятельности в международных отношениях (технологии, экономика, география, ресурсы и т.д.) может помочь построить наиболее вероятный сценарий развития системы международных отношений.

Идеология как система взглядов на развития международных отношений в нашем случае предполагает некую концепцию, логическую модель, принципы и закономерности формирования и развития различных сценариев международных отношений в XXI веке. Огромное количество самых разных факторов из разных областей человеческой деятельности — страноведческих, политических,

экономических и др. — должны быть объединены в некую систему и встроены в некую логическую модель развития сценария международных отношений, которая должна позволить, максимально приближенно к реалиям и подробно, ответить на вопрос о будущем сценарии международных отношений, стратегиях отдельных акторов международных отношений. В нашем случае речь идет о попытке стратегического прогноза развития сценария противоборства Западной цивилизации с другими цивилизациями, эволюции этого сценария из силового в вооруженное противоборство в 2020 годы и обоснования его характерных черт и особенностей, из которых уже изначально видно, что в его основе находится цивилизационно-идеологическая система взглядов значительной части правящей элиты Запада.

Идеология анализа и стратегического прогноза развития МО, таким образом, предоставляет собой систему взглядов на развитие не только отдельных факторов, формирующих различные сценарии МО в настоящем и будущем (государства, организации, мировые тренды и тенденции), но и на их взаимосвязь между собой. Такая взаимосвязь позволяет говорить о существовании системы, а не о простом наборе информации о различных факторах и тенденциях в МО и ВПО.

Прогноз трансформации материальных ограничений деятельности акторов международных отношений будет связан преимущественно с выделением долгосрочных циклов экономического и технологического развития, демографическими тенденциями.

Глава I
Война, политика и идеология в XXI веке

1.1. Современное состояние анализа и прогноза в международных отношениях: роль личности

Реальность и виртуальность в политической сфере сегодня сложно различить. Современная виртуальная реальность сначала искусственно создается с помощью информационных технологий, а затем становится реальностью. Поэтому очень важно не только точно знать военно-политические реалии и уметь их анализировать, но и сознательно формировать представления о них. В XXI веке сложились две реальности в международных отношениях — формально-практическая и виртуальная, — которые не соответствуют друг другу и нередко открыто противоречат. В отличие от предыдущих периодов человеческой истории, однако, неясно какая из этих двух реальностей «более реальна»: нередко «виртуальная реальность» оказывается более реальной. Из этого вытекает вывод о том, что нередко политическая цель превращается в «виртуальную цель».

Задача анализа и прогноза лежит в плоскости учета этой особенности, в частности, понимания роли «виртуальной стратегии» и целеполагания в политике страны. Выделение ложных целей — не единственная задача. Важно увидеть, как они сосуществуют с реальными. В самом общем виде эту разницу в политике можно было бы показать следующим образом.

Рис. 1.1.

История человечества свидетельствует, что адекватные представления о политике и войне нередко означали выживание для того или иного народа и цивилизации. На протяжении веков и тысячелетий в войнах решались судьбы народов и государств, решалась судьба самих локальных человеческих цивилизации (ЛЧЦ). Некоторые из них после поражения в войнах, как, например, Карфаген, исчезали из политико-экономической жизни и даже из истории. Другие — на годы и даже десятилетия становились зависимыми государствами и народами. А иные — были вытеснены на обочину истории, где и остались забытыми навеки.

Профессиональные политики, военные и ученые в таких победах и поражениях и их последствиях для своих и чужих ЛЧЦ и наций играли огромную, иногда даже решающую роль. Их знания, способности и искусство со временем

оформились в теорию и практику политики, военной науки и военного искусства, которые до сего дня являются одним из наиболее трудных, ответственных и значимых по последствиям искусств.

Сегодня эти во многом профессиональные и достаточно субъективные знания и способности играют еще большее значение, чем прежде. Связано это, прежде всего, с резко возросшей ролью личности, национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов в экономике, политике и военном деле, а также с огромной ролью, которую приобрело государственное и общественное управление, от эффективности которого стали зависеть уже не только темпы социально-политического и экономического развития страны, но и само будущее нации[9]. Достаточно привести примеры в советской и российской истории, когда Н. Хрущев, М. Горбачев, И. Сталин радикально меняли не только положение, но даже далекое будущее страны.

Значение этого влияния сегодня, в современной политической истории, отнюдь не уменьшилось. Достаточно вспомнить роль Б. Ельцина во внешней и военной политике России, или роль В. Путина, их министров: А. Козырева, П. Грачева, А. Сердюкова. Эта роль, как и значение идеологии (о чем старательно умышленно умалчивают), оказывается в некоторые периоды сильнее течения объективных мировых и национальных тенденций. Так, идеология М. Горбачева и сформированной им наспех правящей элиты привела к геополитической катастрофе, затронувшей не только СССР и страны социалистического лагеря, но и большинство стран на планете. И отнюдь не соответствовала развитию объективных глобальных, в частности, гуманистических тенденций.

---

[9] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

Есть и другие примеры, когда победы великих политиков и полководцев стали лучшими свидетельствами огромного значения субъективного фактора в политике и военном деле. Все это изначально предопределяет особую роль личности, знаний о политике и войне и, соответственно, военно-политической мысли[10]. Эти знания, совмещенные с опытом, становятся бесценным, незаменимым национальным ресурсом, а их отсутствие или недостаток — общенациональной трагедией. Современные гуманитарные знания в России об обществе, политике и войне, к сожалению, деградируют, что ведет к ухудшению качества политической науки и искусства. Состоявшаяся в России, в последние 30 лет, «деидеологизация», вкупе с развалом науки и образования привели к тому, что современная правящая элита страны не только не готова сама к качественному анализу и стратегическому прогнозу, но и не обеспечена достаточным количеством качественных экспертов и исследователей. Более того разрушены целые исследовательские школы, от которых остались в лучшем случае отдельные небольшие группы исследователей: деградирует академическая наука, полностью ликвидирована отраслевая, а остатки ведомственных коллективов практически не пополняются молодыми исследователями. Тому есть несколько фундаментальных политико-идеологических причин:

Во-первых, борьба с идеологией вообще и с «этатизмом», в частности, начатая еще А. Яковлевым как главным «архитектором» перестройки, сказывается и сегодня. Роль идеологии и ее институтов оказалась настолько дискредитирована, что даже сегодня, во второй половине второго десятилетия XXI века, не восстановлена. Идеология, как система взглядов, конечно же, сохранилась, но в виде не-

[10] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ. 2013. С. 5.

скольких неформальных школ, не имеющих сколько-нибудь существенной материальной, организационной и кадровой базы. Она превратилась в отдельные направления, перестав быть отраслью профессиональной науки.

В свою очередь это привело к кадровому голоду, когда в России вдруг исчезли политики-идеологи и чиновники, способные широко (идеологически) посмотреть на ту или иную проблему. Востребованы, оказались «практики», которые в подавляющей массе составляют категорию безмолвных, безропотных и безынициативных исполнителей. Главное требование к качеству человеческого капитала в XXI веке — креативность, способность к творчеству, оказалось невостребованным властью. Как следствие — идеологов нет ни в руководстве страны, ни в ее управлении, ни в экономике, ни в образовании. Их место занимают «менеджеры», — специалисты по всем вопросам управления. А. Сердюков, А. Чубайс — яркие примеры, но таких в управленческом звене — абсолютное большинство. Все это мешает управлению, анализу и прогнозу и творческому подходу, а значит и эффективности. Хороший исполнитель не способен к научному поиску.

Даже попытки единственного идеолога в стране — В. Путина, ни к чему не привели. Системы так и не появилось. Точнее — система сложилась как идеологическая антисистема.

Во-вторых, произошло фактическое разрушение национальной гуманитарной науки, что отбросило эффективность управления страной на десятилетия. Некоторые научные школы вообще исчезли, а некоторые сократились до вымирающего минимума. Так, на одной из идеологических кафедр Военного Университета вместо 80 профессоров, доцентов и преподавателей осталось 8. Очень сильный удар по военным научным школам нанес А. Сердюков, но его действия, на самом деле, вполне типичный пример «отраслевого» управления наукой.

Таким образом, анализом и прогнозом общественно-политического развития в России заниматься практически некому, а его востребованность только-только стала возникать в директивных органах. Фактически Россия в этой области оказалась в ситуации, которую можно охарактеризовать как почти «нулевую» — нет ни заказа, ни школ, ни кадров. То немногое, что существовало в СССР, за последние 30 лет было практически уничтожено.

И, наоборот, в конкурирующей западной ЛЧЦ за эти годы было сделано очень многое, что существенно повысило качество анализа и прогноза, а также уровень принимаемых решений. Для России это означает во втором десятилетии XXI века такой его разрыв с США, как и в области технологий.

Эти и другие причины привели к тому, что как во внешней, так, и в военной политике реальная научная база фундаментальной и прикладной науки «сжалась» до того уровня когда ее качественное воспроизводство прекратилось. Попытки власти последних лет воссоздать через научно-координационные советы и прочие общественные институты связь высших звеньев управления с наукой оказались малоэффективными, а реанимации научных коллективов из советского прошлого и использование в этой области советского наследия стали практически бессмысленными.

Естественно, что эти и другие причины позволяют скептически оценивать не только уровень принятия и реализации политических решений (о чем не раз говорил Президент РФ, в частности, упоминая то о 10 %, то 15 % реализуемых его решений), но и качество этих решений. Яркий пример — четыре раза пересмотренный краткосрочный прогноз МЭР РФ в 2014 году. С точки зрения эффективности управления это означает катастрофу.

Такая оценка в полной мере относится как к качеству подготовки, так и принятия решений, что, естественно, в полной мере относится к качеству анализа и прогноза. По

сути дела возникли две большие группы проблем, связанные с анализом, прогнозом развития МО и принятия необходимых решений в области стратегического планирования:

Первая группа связана с катастрофически низким качеством лиц, принимающих политические и другие важнейшие решения, т.е. качеством человеческого потенциала правящей элиты, в частности:

— образованием;
— опытом;
— способностью к анализу и прогнозу;
— нравственными качествами.

Вторая группа связана с развитием научных школ, коллективов, институтов, естественным уходом и переориентацией научных кадров в области социальных и гуманитарных наук, отсутствием наработанных теорий, методик, концепций, аппарата научных исследований и пр.

Между тем, предпринимаемые в последние годы амбициозные усилия руководством страны требуют не только быстрой, но и очень точной оценки и анализа, а тем более прогноза.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что современное состояние потенциала для анализа, прогноза и принятия качественных решений в России оказывается ниже критического уровня. Существующих ресурсов совершенно недостаточно:

— ни с точки зрения наработанного аппарата для анализа и прогноза, теоретической и методологической проработки этих проблем и разработки частных методик и концепций;
— ни с точки зрения кадров, способных сделать такой оригинальный анализ и прогноз;
— ни с точки зрения лиц, принимающих важнейшие решения в стране, которые в настоящее время не только не способны выполнить эту работу, но даже осознать ее масштаб и значение.

Во многом такое катастрофическое положение стало следствием всяческого игнорирования значения идеологии как обоснованной, легитимной и важной с точки зрения управления, системы взглядов правящей элиты и общества на МО и стратегию развития нации и государства. Ее отсутствие оказывается не только на качестве доктринальных документов, анализе и прогнозе, но и формировании кадров, прежде всего в правящей элите страны и экспертном сообществе.

Отличить реальные планы и действия от мнимых надуманных или разработанных в целях дезинформации — всегда было важнейшей задачей политики и лиц, принимающих политические, военные или иные важнейшие решения. Успешная дезинформация приводила не только к проигранным сражениям и даже войнам, но и краху государств. В условиях ведущейся сетецентрической войны исключительно важной становится адекватная оценка идеи, концепции и «смыслов», — собственных и чужих — которые, так или иначе, используются в этой войне локальными цивилизациями и нациями. Это значение определяется как минимум, двумя обстоятельствами: во-первых, объективно возросшей ролью в политике и стратегии государств информационно-коммуникационных средств, вытекающих из роста значения НЧК и его институтов[11], а, во-вторых, в качественно новых возможностях — информационных, научных, образовательных, технических и др. — влиять на другие государства и коалиции.

Особенное значение эти изменения приобрели для политики откровенной дезинформации и создания ложных «виртуальных реалий» в МО, которая стала повсеместной практикой в XXI веке. Так, мысль о «вине» коммунизма и «покаянии», которая активно используется с конца 80-х годов, «плавно» переросла в «вину СССР», а затем уже и «вину Рос-

[11] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. М. : МГИМО–Университет, 2012.

сии», в том числе и за то положительное, что еще совсем недавно признавалось за ней бесспорно. Так, «вина» коммунистов и И. Сталина превратилась через несколько итераций в «вину России» перед всей Европой, а недалеко, возможно, и время, когда эта вина трансформируется в «вину перед Германией». А затем и пересмотр результатов войны.

Развитие современного сценария МО характеризуется, быстрой искусственной виртуализацией действительности, когда сознательно создается некая виртуальная (выгодная одному или нескольким участников МО) реальность, которая влияет на развитие МО. И объективные знания в этом процессе играют подчиненную идеологии роль, т.е. сознательно подгоняются под необходимую субъекту МО реальность.

Рис. 1.2. Пять стадий создания нового сценария международной обстановки (МО) из «виртуальной МО»

Эту особенность важно сознавать в реальной политике потому, что именно отстаивание «виртуальной реальности» становится реальной политической практикой. Это особенно отчетливо было видно в процессе освещении конфликта на Украине, когда собственно медийный процесс превратился в самостоятельную политику. И этот же процесс стал фактором сознательного формирования сценария МО в еще большей степени в будущем. Механизм создания такого «виртуального сценария МО» можно представить следующим образом, разбив его (в целях выделения отдельных функций) на два этапа, которые означают этапы сознательной политики дезинформации и создания ложного сценария развития МО.

Как видно из рисунка 1.2, будущий сценарий МО во многом предопределен теми «виртуальными образами», которые сознательно создаются сегодня. Поэтому реальные объективные знания необходимы для того, чтобы отделить «виртуальные» цели от реальных и спрогнозировать конечные реальные политические цели и будущий реальный сценарий развития МО. В частности, реальный сценарий развития МО после 2020 года представляется как один из вариантов сценариев военно-силового и вооруженного противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской. Однако его «виртуальный образ», который готовится в настоящее время в США и НАТО, существенно отличается от реального, что дезориентирует общественность и лиц, принимающих политические решения.

Надо понимать, что формирование «виртуального образа» — процесс, занимающий определенное время и усилия не только в СМИ, но и в политических и дипломатических, и экспертных кругах, которые — это важно подчеркнуть — специально готовятся и для них выделяются специальные ресурсы. Яркий пример этому — создание иллюзии стратегического наступления, когда в процесс включены в т.ч. и ре-

альные ВС, а также ВиВТ. В политике происходит примерно, то же самое: тратятся не только виртуальные и медийные, но и материальные ресурсы. Это необходимо иметь ввиду при анализе и стратегическом прогнозе развития сценария МО после 2020 года.

Следует понимать, что такие «виртуальные акции» не только могут, но обязательно будут предприниматься. И задачей научной экспертизы является вычленение таких ложных «виртуальных акций». Отличать возможные от реальных сценариев, включая искусственно культивируемые возможные сценарии МО, является очень важной функций органа, участвующего в подготовке и принятии решений.

Известно, что существует много практических примеров такого процесса сознательного искажения объективных реальностей. Например, через все пять стадий этого этапа прошло формирование «виртуального» политического облика НАТО — от искажения реального военно-политического союза, которым он является, и попыток представить его в виде некой «невоенной, политической», чуть ли не гуманитарной

Рис. 1.3. Модель политического процесса и механизма формирования «виртуального» сценария МО в будущем

организации, до дезинформации относительно сворачивания его военной деятельности и даже роспуске блока.

При этом очень важно понимание значения этапа формирования сценария «виртуальной МО» потому, что он представляет собой не только научную основу, базовую логику всего политического процесса, но и механизм реализации всех стадий формирования «виртуального» сценария МО. Логику и взаимосвязь можно лучше представить себе на основе рисунка составленного исследователем МГИМО М. Хрусталевым.

Из рисунка 1.3 видно, что объективные (базовые) интересы и ценности, проходя через «линзу» восприятия национальной элитой могут формироваться в цели и задачи поразному. Наверное наиболее точный, научно обоснованный, «идеальный вектор» представлений («Д»–«В») может соответствовать объективным международным реалиям на 70–80, даже 90 %. Другие же вектора («Д»–«В`» и «Д»–«В``») могут быть очень далеко от реалий и действительности. Причем это может происходить, как по ошибке, или другим причинам, так и осознанно, с целью введения в заблуждение потенциального противника относительно современных и будущих политических целей и вытекающих из них стратегий. Так, вектор «Д»–«В`», например, показывает на эволюцию целей (и соответствующие изменения в стратегии) в сторону международных реалий, открытости, универсальности и большей вовлеченности в международные дела. Это означает, что и внешнеполитическая стратегия и военная политика будут больше ориентированы вовне, что позволяет делать соответствующие выводы о характере будущего сценария развития МО. В качестве примера можно привести политику Японии и прогноз ее стратегии, а также сценарии развития МО в 30-е годы XX века.

И, наоборот, вектор «Д»–«В``» свидетельствует о целях и стратегии ориентированных в значительной степени

на изоляционизм, как это было в США, также в 30-е годы XX века. Но это разделение, естественно, справедливо только для логической модели.

В настоящее время важно максимально точно определить реальный вектор политики, ее цели и стратегию, как отдельного субъекта МО, так и коалиции, союза или ассоциации. В том числе и для того, чтобы не быть дезориентированным относительно их подлинности и отличия от виртуальных целей и стратегий.

Влияние на адекватность восприятия правящей элитой оказывает много факторов, но прежде всего группа внешних факторов («Г»), которые могут прямо влиять на элиту, а также на элиту через корректировку национальных целей и задач внешней политики.

Так, во второй половине 80-х и в 90-е годы XX века на правящую группу М. Горбачева — А. Яковлева — М. Шеварднадзе, а затем и Б. Ельцина — А. Козырева и руководимую ими элиту, очевидно, оказывалось не просто внешнее влияние, но и прямое давление: политическое, экономическое, дипломатическое, психологическое. Это давление привело к радикальной деформации целеполагания, внешнеполитических целей и задач СССР, а затем и России, фактическому отказу, более того, сознательному разрушению военно-политической и экономической коалиции социалистических государств не только в Европе, но и во всем мире. Именно деформация правящей элиты СССР стала главной причиной радикального изменения МО, которая не имела под собой серьезных, объективных оснований.

В этой связи есть основания полагать, что в XXI веке политическое знание качества правящей элиты, ее роль, в том числе, в военном искусстве станут еще более важными, даже решающими факторами в политической и военной победе той или иной ЛЧЦ или нации. Этот вывод подтверждается примерами прихода к власти в XXI веке целой плеяды

сильных харизматических личностей, изменивших, иногда радикально, внешнеполитический курс своих стран и даже ЛЧЦ — в России, Китае, Сингапуре, Венесуэле, Бразилии, Аргентине и т.д. Соответственно резко повышается и значение дезинформации этих лидеров и правящих элит, которая превращается в самостоятельную, публичную, системную политику.

Этот вывод также является следствием, прежде всего, возросшей роли и решающего значения национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов на новом этапе развития человечества, которые нередко сводятся к появлению «креативного класса». Появление массового «креативного класса» в развитых странах существенно изменило в них всю экономическую, социальную и политическую ситуацию.

С точки зрения экономической, — «креативный класс» стал основным производителем нового прироста ВВП (до 95 %), что, естественно, отразилось на его месте в структуре общества, но пока что никак не проявилось политически.

С точки зрения социальной, «креативный класс» — наименее зависимый от государства и наиболее независимый политически и экономически класс, обладающий огромной социальной и логистической мобильностью.

С точки зрения политической, «креативный класс» вынуждает правящую элиту считаться с ним, не претендуя на свою роль в политике государства. Но это, очевидно, временное явление.

В любом случае появление такого феномена как «креативный класс» требует от противоборствующих ЛЧЦ и наций самого пристального внимания, что проявляется уже, в частности, в активности в социальных сетях и других явлениях, недооцененных прежде. Важно одно — появление и быстрый рост значения «креативного класса» дает средствам дезинформации огромные преимущества по со-

зданию ложных образов, политических целей и сценариев развития МО.

Этот процесс имеет под собой долгосрочную и фундаментальную основу, вытекающую из роста значения во всех сферах жизни НЧК. Именно человек, его знания и творческий потенциал, стали не только решающим фактором экономического развития[12], но и политической эффективности и военной мощи. Именно качество личного состава, индивидуальное качество личности конкретного представителя Вооруженных Сил, — от главнокомандующего до рядового, — качество управления ВС и ВиВТ станут в XXI веке решающими факторами в войне. Об этом же свидетельствует опыт последних войн в Сирии и на Украине, когда военные результаты обеспечивались, прежде всего, качеством личного состава противоборствующих сторон и их командования. Так, на Украине в 2014 г. в большинстве боестолкновений соотношение сил было 1 : 3 или даже 1 : 5 не в пользу ополченцев, что не помешало им проводить не только оборонительные, но даже наступательные операции.

В этой связи, особенно важное значение приобретают возможности лидера — политика и военного — отличать реалии от «виртуальных реалий», осмысленно и адекватно делать анализ, выстраивать стратегические прогнозы и сценарии развития международной и стратегической обстановки, по возможности, точно определять будущий характер войн и военных конфликтов, а значит решающим образом влиять на процесс стратегического планирования и программирования. В конечном счете — оказывать решающее влияние на формирование будущих стратегических реалий: стратегической обстановки, войны и конфликта. Для того чтобы максимально снизить внешнее воздействие

[12] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

дезинформации необходима не только достоверная информация, но и идеология, и вера, и нравственность. Все эти качества стали обязательными для лидера.

Но что особенно важно, так это то, что в XXI веке лидер должен обладать высоким профессионализмом, «креативностью» (творческими способностями) и отдельно способностью к стратегическому прогнозу. Личность должна превратить управленческий процесс из преимущественно процесса «угодническо-исполнительского» в процесс творческий. Формированию этого творческого процесса может помочь политическая и военная наука, которые выработали определенные методики и приемы анализа и прогноза. Это означает, что «абсолютный субъективизм», господствующий в политической и стратегической области, не является таким уж абсолютным и таким уж субъективным, если не игнорировать объективные реалии и данные науки, избегать научного анализа. К сожалению, современные политики и военные нередко именно это и делают по самым разным причинам: из-за непрофессионализма (как М. Горбачев и Б. Ельцин), из-за неграмотности и волюнтаризма (как Н. Хрущев), из-за корысти, из-за плохого образования и по другим причинам. Прежде всего, из-за дезинформации — внешней или внутренней.

При этом надо помнить, что цена персональной ошибки в анализе и прогнозе международной и стратегической обстановки (СО) и характера войны — чрезвычайно высока, иногда эта цена независимость государства. Поэтому, кстати, цена дезинформации очень высока. Она стоит больших денег, времени и даже человеческих жизней. Наука, конкретные данные, теория и методики должны страховать от политического субъективизма, и дезинформации, который неизбежно бывает в этой области, но который критически опасен. Достаточно вспомнить известные в истории субъективные ошибки политиков, полководцев и просто командиров, которые были в их деятельности — будь то великие Ганнибал, Наполеон

или Сталин. Или наших современников — М. Горбачева, М. Каддафи, Б. Ельцина и пр. Это ставит, особенно остро, практический вопрос об эффективных и надежных способах и методах анализа и прогнозирования СО и характера будущих международных и внутренних войн и конфликтов, которые позволят минимизировать субъективные ошибки политиков и полководцев. Правда следует оговориться с самого начала, что качественные научные рекомендации и их использование — совершенно разные области процесса подготовки и принятия решений.

Этот процесс, как правило, рассматривается как единый и последовательный, личный процесс, но на практике это далеко не соответствует действительности. В идеальном, самом общем, виде модель может выглядеть следующим образом (как состоящая из следующих основных этапов):

Рис. 1.4. Модель подготовки, принятия и реализации политического решения

Примечательно, что на всех этапах, включая заключительный, практикуются методы дезинформации, которые в XXI веке приняли масштабный и долгосрочный характер — политики государства по созданию ложного представления о МО и политике государств. Искаженный сценарий развития МО сознательно формируется годами, иногда десятилетиями, добиваясь абсолютной реальности искусственного образа. Так, для десятков миллионов граждан Украины удалось создать образ «Украины — не России» и русского–врага,

принесшего все беды — экономические, социальные, культурные и пр. народу Украины.

На практике подобный процесс редко бывает реализован полностью. Как правило, «выпадают» не только целые этапы, но и даже несколько этапов. Более того, в определенные периоды времени политические решения огромной важности принимаются по разным причинам в нарушение даже этих банальных правил. Например, что Беловежские соглашения были составлены и подписаны наспех узкой группой людей, имеющих сомнительные полномочия. Из процесса подготовки и принятия решений были исключены практически все этапы за исключением собственно политического решения о развале СССР.

В этой связи, как представляется, требуется законодательно утвердить алгоритм подготовки и принятия важнейших решений, который минимизировал бы негативное влияние субъективных факторов. Для этого, кстати, у США можно было бы перенять опыт подготовки и принятия стратегических решений, который законодательно закреплен в соответствующей процедуре.

XXI век вносит очень существенные изменения в процессы развития человеческой цивилизации, которые можно сформулировать как стремительное усиление влияния человека, его потенциала вообще и институтов человеческого потенциала, в частности на все процессы в мире. Эта объективная тенденция усиливает и без того значительное субъективное влияние на все общественные процессы, включая, естественно, процессы формирования МО.

Если согласиться с определением, что МО — состояние международных отношений в определенный период времени, которое определяется тремя группами объективно существующих факторов и отношениями между ними:

— субъектами МО (цивилизациями, нациями, государствами);

Рис. 1.5. Основные факторы, формирующие международную обстановку (МО)

— ведущими мировыми тенденциями;
— негосударственными акторами — союзами, коалициями, организациями и т.д.

То мы неизбежно обнаружим, что на все эти объективные факторы в сильнейшей мере воздействует субъективный, человеческий фактор. Благодаря НТР в XX и XXI веке появился новый влиятельный фактор формирования МО — субъективная политическая воля. Это можно проиллюстрировать следующим образом на рисунке, условно изображающем основные группы факторов формирующих МО.

Из рисунка 1.5 видно, что существуют три группы объективных факторов, формирующих МО, и одна группа

субъективных факторов. Ниже мы подробнее рассмотрим способы формализации количественных, а также качественных оценок трех групп объективных факторов. Здесь же важно подчеркнуть, что воздействие на МО группы субъективных факторов влияния (чье значение в XXI веке существенно возрастает) может быть измерено только качественно. Это — намерения («intentions»), симпатии, предпочтения, системы ценностей и личные интересы отдельных личностей: политических лидеров и других представителей правящих элит.

Если три группы объективных факторов можно систематизировать анализировать, а их развитие прогнозировать, то влияние группы субъективных факторов необходимо учитывать иными способами, требующими самостоятельного теоретического и методологического обеспечения.

Очевидно, что даже официальные взгляды, какими является, например, Военная доктрина РФ, выражают в лучшем случае более точный и обоснованный подход, который, однако, является всего лишь точкой зрения, позицией части правящей элиты в конкретный период времени. Так, уточненная Военная доктрина, принятая в декабре 2014 года, является именно уточненным вариантом Военной доктрины 2010, а та — Военной доктрины 1999 года. Примечательно, что между двумя последними вариантами Военной доктрины прошло чуть более 4 лет, однако развитие ВПО потребовало новой редакции. Не случайно и то, что в новой редакции наибольший приоритет уделен описанию «мирового развития» и «глобальной конкуренции», «перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения», а также «соперничества ценностных ориентиров»[13].

[13] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

В действительности суть процесса формирования МО и ВПО вытекает из противоборства локальных цивилизаций и формирования соответствующих сценариев развития будущей МО и СО и будущих войн. Она имеет мало общего с прежними представлениями об отношениях наций и государств в XX веке и, тем более, попытками их прогноза на будущее. Эта новая суть МО прямо вытекает из признания качественно нового характера военно-политической и международной обстановки, а также принципиально новых средств вооруженного насилия. Признание того, что МО и ВПО в XXI веке качественно, радикально отличаются от обстановки в XX веке. Эта новая суть требует рассматривать новую парадигму МО, а не механически экстраполировать МО, сложившуюся в XX веке, на XXI век. Это особенно заметно на той части МО, которая относится к ВПО:

— соотношение и расстановка сил в мире (включая военные) стала совершенно иной;
— произошла революция в средствах ведения войны (ВиВТ);
— радикально изменились способы ведения войны (военное искусство);
— появились совершенно новые пространства для ведения войн, прежде всего, воздушно-космическое, глобальное на море и суше, информационное;
— изменилось представление о времени, необходимом для начала и ведения войны.

Эти и другие радикальные изменения привели к качественному изменению всего характера СО, войн и конфликтов, сделав их частями, производными от глобальных цивилизационных факторов, что ярко проявилось в концепции «сетевой войны». Это же, в свою очередь, стало мощным стимулом для усиления влияния субъективного фактора на формирование МО. Война — как высшая форма социального конфликта — обладает множеством решающих субъектив-

ных особенностей, которые затем влияют уже на более высокие уровни формирования ВПО и МО. Достаточно привести примеры войны 2014 года на Украине, где эти особенности проявились очень ярко. Так, появление небольшой патриотической группы решительных людей во главе с И. Стрелковым в Славянске привело к началу вооруженного восстания. И, наоборот, отсутствие такой группы в Харькове и Одессе не позволило «сепаратистам» оказать сопротивление.

В итоге формирование всей СО, а затем и ВПО и МО вокруг восточных регионов Украины стало следствием субъективного частного случая — решимости нескольких десятков людей, возглавлявшихся И. Стрелковым. Более того, до этого, в Крыму, произошло ровно то же самое: несмотря на противодействие объективных факторов (власть, ресурсы, вооруженное насилие и т.п.), субъективная воля отдельной группы граждан Крыма в короткие сроки изменила стратегическую обстановку, затем — военно-политическую обстановку и, наконец, международную обстановку вокруг Крыма, втянув в себя все сколько-нибудь влиятельные субъекты, объективно формирующие МО.

Субъективность, таким образом, выражается в сознательном приближении, даже интеграции особенностей стратегической обстановки (т.е. конкретных условий силовой и вооруженной борьбы) с международной обстановкой. В XXI веке прежняя жесткая логика и иерархия МО–ВПО–СО меняется на «смыкание флангов» — МО и СО. Средством для этого становится сетевая и сетецентрическая война, которые трансформируются из средства политики в важнейшие атрибуты и особенности.

Суть современной «сетевой войны» (которая не имеет начала и конца, ведется постоянно, без формального объявления войны и соблюдения каких-либо договоренностей) заключается в использовании любых средств — политических, экономических, информационных, военных и других

для достижения конечной и глобальной геополитической цели. Эта суть также выражается в том, что силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся системно, одновременно и скоординировано на всех уровнях, и, как правило, изначально, либо планируются с самого начала. В самом общем виде эта суть может быть выражена в следующей матрице «сетевых войн», где масштабы и интенсивность применяемых средств условно распределены от 1 до 20:

Суть современной «сетевой войны»
(на примере войны США против России на Украине)

Используемые средства	Масштабы и интенсивность						
	1	2	3	5	10	15	20
1. Политические							
2. Дипломатические							
3. Информационные							
4. Экономические							
5. Финансовые							
6. Общественные							
7. Гуманитарные							
8. Военные							
9. Военно-технические							
другие							

Из этой матрицы видно, что собственно военные и военно-технические средства используются параллельно и в разных масштабах с другими силовыми средствами, что отражало суть сетевой войны против Росси на данном (2014 г.)

этапе. Эскалация возможна по всем направлениям ведения войны, но, прежде всего, финансово-экономическим и военным.

Надо сказать, что подобная матрица применима ко всем потенциальным противникам США, которые уже (и в этом весь секрет) перешли из категории «потенциальные» в «реальные». Главная цель сетевой войны — обеспечить тем, кто ее ведет (США), способность, в конечном счете, всестороннего и абсолютного контроля и управления всеми существующими ресурсами и силами человечества: государствами, нациями, организациями, а также глобальными тенденциями — политическими, финансовыми, транспортными и пр., т.е. всеми процессами, формирующими МО и ВПО. Не случайно в декабре 2014 года Б. Обама заявил о том, что в 2014 году США укрепили свое лидерство в мире, прямо связывая этот результат с «победами» в Ливии, Ираке и на Украине, а в феврале 2015 года заявил об «обязательном лидерстве» США.

Поэтому сценарий доминирования США в любой СО, а затем и МО, является главным. Доминирование, как известно, трудно сочетается с равноправием и нормами международного права, обеспечением всеобщей безопасности и другими атрибутами суверенитета и международного сотрудничества. Эта политика — стратегический выбор США и военно-политической коалиции возглавляемой ими в мире. Прежде всего, в форме НАТО, а вскоре и ТТП и ТАП. Не случайно в новой редакции Военной доктрины России активизация НАТО была поставлена в качестве главной угрозы для нашей страны. Именно этот субъективный политический фактор США противопоставляют объективным факторам, формирующим МО.

Доминирование в мировой политике и контроль над всеми субъектами МО, а также развитием основных мировых тенденций не является единственной задачей США и воз-

главляемого ими союза западной локальной цивилизации. Такой формальный контроль потерял в XXI веке значение. Более важным полагается создание условий для контроля над содержанием состояния субъектов МО и мировых тенденций, направленностью и темпами их развития: прежде всего, формированием внутри этих субъектов системы ценностей и интересов. Так, на протяжении более 25 лет, США формально практически контролировали правящую элиту Украины (как субъект МО), включая государственные и общественные институты этого субъекта (партии, министерства, администрации), но в еще большей степени они стремились к установлению контроля над содержанием процессов, происходящих внутри этих субъектов и акторов политической, экономической и медийной деятельности на Украине. Это выражалось в политике искажения системы ценностей, определялось, прежде всего, русофобской, антироссийской направленностью, ориентацией на западную систему ценностей и интересов, отказ от действительно национальных интересов. Ставится задача изменить сознание если не у всей нации, то у наиболее активной ее части, которая и будет обеспечивать развитие наци в нужном направлении. В этом смысле пример Украины достаточно типичен, но наиболее ярок: процессы изменения сознания и национальной системы ценностей были запущены активно еще в начале 80-х гг. XX века, когда, как казалось, господствовала коммунистическая идеология. Именно тогда, по воле части правящей партийной элиты Украины, стали возникать отдельные социально-активные группы людей, ориентированных на «украинство».

Этот тип западно-украинского происхождения активно продвигался во власть на важные, но не публичные позиции. Поэтому «перестройка» М. Горбачева позволила легализовать эту идеологическую диверсию очень быстро и в течение всего лишь нескольких лет превратить во влиятельный

политический фактор. После февраля 2014 года эта политика стала официальной доктриной той части правящей элиты Украины, которую западная ЛЧЦ поставила у власти. «Ярлык» на княжение в Киеве предполагает не просто сохранение формального контроля, но и развития содержательных процессов украинизации, т.е. превращение Украины во врага — не только государственного, но и национального, этнического — России.

Иными словами контроль над содержанием, сутью субъектов МО, основными трендами мирового развития рассматривается западной ЛЧЦ как наиболее приоритетная задача по отношению не только к международной, но и военно-политической обстановке. Контроля только над развитием ВПО и СО уже недостаточно. Недостаточно контроля уже и только над финансами. Необходим контроль над социально-политическими и культурно-образовательными процессами, проходящими в зависимых субъектах МО.

В этих целях не только создаются в массовом порядке лояльные НПО, фонды, но и псевдоинституты развития национального человеческого капитала — университеты и другие образовательные учреждения, системы кинопроката, театры и т.д.[14] Гуманитарные аспекты политики выходят на первый план, а их носители — творческие личности («креативные личности») — становятся важными субъектами, формирующими международную обстановку (МО). Эти субъекты МО и акторы участвуют в формировании МО как лично, так и через свои институты. Учитывая резко возросшее значение «креативных слоев» и их институтов, влияние этих акторов на МО становится просто подавляющим. Именно эти искусственно созданные Западом институты, объединившие различные небольшие, но актив-

[14] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал Т. II. М. : МГИМО–Университет. 2012 г.

ные организации от фанатов-болельщиков до студентов университетов, стали той социальной силой, которая не просто сотворила «революцию Майдана», но и стала носителем идеологического и мировоззренческого мэйнстрима на Украине в 2014 году. Произошло то, что казалось прежде невероятным массовый сдвиг в общественном сознании, который перевернул веками формировавшуюся систему ценностей. И сделали это не финансовые вливания Запада (которые, естественно, были), не военная сила, а воспитанная определенным образом достаточно узкая социальная группа «пассионариев», которая смогла превратить субъективный фактор в политическую силу.

Естественно, что все прежние инструменты политики, основанные на объективных возможностях западной ЛЧЦ, были использованы. Активно в целях «сетецентрической войны» был задействован контроль США над мировой финансовой системой, мировыми сетевыми ресурсами, рейтингами — финансовыми, социальными, университетскими — международными и национальными негосударственными институтами.

Контроль «над содержанием» в отличие от «контроля над формой» субъектов политического процесса, осуществляемый с помощью «сети», как видно принципиально разный. Для контроля над содержанием по большому счету не важно, какая партия, например, будет находиться у власти в Раде, какой президент или премьер, будет возглавлять исполнительскую власть, какие партии и общественные движения будут формировать политическую систему («регионалы», «коммунисты» или «националисты»). Для контроля сети над содержанием важно, имеют ли эти структуры проамериканский, антироссийский и русофобский характер, насколько они последовательны и успешны в такой политике, насколько управляемы в этих целях. Соответственно большинство ответов на эти вопросы лежат в субъективной области.

Изменение механизмов внешнего контроля в XXI веке по сравнению с XX веком

Общая характеристика контроля XX в.	Общая характеристика контроля XXI в.
Внешнее влияние стремится к переходу к внешнему контролю над важнейшими областями **государственной деятельности:** — внешней политикой; — военной политикой; — финансами; — международно-коалиционной и дипломатической деятельностью	Внешне влияние стремится к переходу к содержательному внутреннему контролю через организованные группы правящей элиты не только в государственной, но и в большей степени в общественной деятельности на следующие объекты: — группы правящей элиты и общества в высших эшелонах власти, управления обществом и государством; — группы творческих деятелей и представителей «креативного класса» в общественных организациях, культуре, науке, образовании, СМИ; — группы лиц, контролирующих экономическую и финансовую жизнь
Основной объект влияния — институты государства	**Основной объект влияния — институты общества, формирующие национальную систему ценностей**
Пример: «перестройка» М. Горбачева, когда главными объектами для дезинтеграции стали армия, органы безопасности и правопорядка	**Пример:** трансформация общественного сознания на Украине

Контроль «сети» над МО означает, что «сеть», в конечном счете, формирует и осуществляет контроль над будущими сценариями развития не только МО и ВПО, но и СО,

отметая (блокируя развитие, тормозя) с самого начала все те варианты и сценарии, которые противоречат содержанию проводимой политики. При этом «сеть» «не цепляется» за контроль над формой или конкретными субъектами. Тем более над формальными признаками. Этот контроль для нее менее важен, чем контроль над содержанием. Поэтому «сеть» легко жертвует ненужными субъектами и делает ставку на самые разные факторы. Политика «сети» настолько гибка, что говорить о ее принципах бессмысленно, кроме одного — вписываться в обозначенную политическую стратегию. Не случайно в нормативных наставлениях армии США четко отдается приказ сопоставления любых действий (информационных, военных, подрывных и т.д.) политическим намерениям США, которые четко формулируются Государственным департаментом страны.

Для анализа возможных сценариев развития МО и СО очень важно понимать, что традиционный анализ и прогноз в военно-политической области — это не только анализ состояния и развития субъектов, акторов и факторов (государств, численности ВС, ВВП и т.д.) МО и ВПО, а анализ и прогноз содержания мировых тенденций и направленности их развития. Причем все эти факторы, акторы и тенденции должны быть:

— во-первых, рассмотрены в своей взаимосвязи;
— во-вторых, оценены с точки зрения влияния группы субъективных факторов МО.

Поэтому и в анализе, и в стратегическом прогнозе развития ВПО и СО в России требуется сосредоточиться не только на конкретных деталях и факторах (позиции «республиканцев», «демократов», конкретных конгрессменов, сенаторов, министров и т.п.), анализом деятельности которых привычно занимается большинство наших экспертов, а на системном анализе всего процесса сетецентрической войны, ведущейся против России, изначально включая два

важнейших условия анализа:

— во-первых, признания самого факта такой войны и ее начала;

— во-вторых, признания ее конечной политической бескомпромиссной цели — уничтожения российской цивилизации.

Признание этих двух условий анализа современной МО обязательно просто потому, что оно делает изначально субъективные оценки близкими к объективной реальности. Нет смысла анализировать МО, если вы изначально исходите из горбачевских идей, которые не имеют под собой реальной основы. Также как и при постановке диагноза — будь то человек, автомашина или международная обстановка — нужна трезвая реальная оценка, а не субъективные пожелания «всего хорошего» для всех на этой планете. Реальность, к сожалению, такова. Эта реальность означает, что повсеместное внедрение «сети», в конечном счете, представляет собой не только лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было действительной самостоятельности и суверенности, но и превращение их в жестко управляемые, запрограммированные заранее заложенным и контролируемым содержанием механизмы. Это в целом известный, но широко не признаваемый факт. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» («Операции базовых эффектов» — Effects-based operations — EBO. — *А. П.*), например, разработанной в США, стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе»[15], — справедливо пишет

[15] *Мямлин К.* Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

К. Мямлин. Не случайно политика В. Путина системного противодействия вызвала такую резкую и глобальную реакцию США. Она также системно противодействует системе «сети».

К сожалению, надо признать, что большинство существующих субъективных оценок в России МО и СО далеки от этих предположений. Более того, настолько далеки, что можно констатировать, что они просто не соответствуют реалиям. По самым разным, чаще всего субъективным, а иногда просто корыстным причинам. Поэтому когда происходят «неожиданные» радикальные изменения в МО они встречают «удивленную реакцию» со стороны, в том числе и тех авторов и институтов, которые составляют актуальные анализы и прогнозы. Так абсолютное большинство прогнозов, сделанных вплоть до декабря 2013 года в России, исключали обострение отношений с Западом в 2014 году. О чем сохранилось немало письменных свидетельств. Было немало и таких которые прямо ориентировались на Запад.

Расхождения в субъективных оценках существующих реальных сценариев СО в общественном сознании России, — катастрофические. Именно это сплошь и рядом, и наблюдается в реальной общественной и научной жизни и реальной политике. Там, где эти расхождения между надуманными или устаревшими оценками СО и реалиями больше, — там и крупнее трагедия. Пример — в оценках последствий «демократизации» СССР и случившейся реальной геополитической катастрофе, постигшей нашу страну. Их просто невозможно понять, если не принимать во внимание долгосрочное стратегическое планирование, основанное на возможностях «сети» и ее содержательном контроле. Объяснение может быть только одно: правящая элита СССР и России не обладала необходимыми субъективными качествами для адекватной оценки и прогноза развития политической обстановки в мире. Эти минимальные субъективные качества (о чем

не раз уже писалось)[16], должны соответствовать следующим критериям:

— профессионализму и образованию;
— нравственности, патриотичности;
— способности к стратегическому прогнозу и оценке последствий принимаемых решений;
— творческому («креативному») принятию неординарных и инициативных решений.

К сожалению, не только «брежневская», но и последующие правящие элиты, не соответствовали этим минимальным критериям. Более того, сложилась закономерность: чем сложнее становились проблемы в СССР и России, тем хуже становилась правящая элита, тем меньше оставалось уже субъективных возможностей для управления.

Значение субъективного фактора — прежде всего, позиции правящей элиты — выражается, в частности:

— в ее влиянии на международные реалии, которое может быть очень сильным, даже радикальным. Достаточно вспомнить Наполеона или Гитлера, чье субъективное влияние на МО в XIX и XX веках было огромным;
— в создании «мнимых» политических целей и «виртуальных реалий», вместо реальных, с тем, чтобы сначала дезориентировать, а затем и разгромить противника. Так, заявленной мнимой, «виртуальной» целью США в отношении СССР была «демократизация», а реальная — расчленение.

Нередко «сеть» сознательно пользуется разницей между субъективными и объективными оценками, либо даже искусственно их создает. Что характерно для современной науки и журналистики в общественно-политической области. Это влияние «сети» на искажение реальности недооценивается,

---

[16] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал Т. I. М. : МГИМО–Университет. 2012 г.

хотя нередко «сеть» сама и становится этой реальностью. Более того программирует возникновение этой реальности.

Таким образом, можно констатировать, что традиционно существующий подход в анализе СО и характере будущих войн и конфликтов в XXI веке становится недостаточным. Он позволяет в лучшем случае анализировать и прогнозировать существующие факторы и тенденции, определяющие развитие ВПО в мире — субъекты ВПО и мировые процессы, — но не их содержание и политическую направленность, формируемые теми, кто контролирует политико-информационную мировую структуру «сети». Поэтому, рассматривая существующие и будущие сценарии развития СО требуется акцентировать внимание, прежде всего, на содержании политики «сети», а не на ее формальных моментах.

Сказанное имеет прямое отношение к СССР — России, против которой не прекращалась «холодная война», начатая после Второй мировой войны (а на деле — всего лишь «замороженная» на период 1941–1945 годов). Эта война, получившая мощный импульс в начале 1980-х годов при Р. Рейгане, отнюдь не закончилась с ликвидацией коммунистической власти. Просто борьба против коммунизма в СССР была заменена борьбой против русских и России как центра, «ядра» евразийской цивилизации, геополитического пространства и концентрации природных ресурсов. Теперь уже Россия рассматривалась в качестве противника. Во всяком случае, до тех пор, пока ее элита не приняла правила игры, навязанные Западом.

В дальнейшем война против России приобрела отчетливые сетецентрические очертания — навязывание антинациональной системы ценностей и ложного понимания национальных интересов, деградацию национального человеческого капитала, обрабатывающей промышленности, — что неизбежно должно было привести к двум геополитическим последствиям:

— потере влияния России на постсоветском пространстве и переход к контролю над ним к США и НАТО (что и произошло во многом с расширением НАТО);
— ослаблению влияния центра в регионах страны, разрушению транспортных коридоров, что означало подготовку к дезинтеграции территории страны.

1.2. Основы анализа и прогноза современной МО, ВПО и СО

Основная задача точного анализа и прогноза развития СО — избежать неадекватности, субъективности и непрофессионализма в ее оценке, что, к сожалению, случается очень часто. И нередко по вполне понятным причинам — отсутствия полноты информации, недостатка времени, эмоциональной неустойчивости и др. В этой связи стоит задача минимизировать влияние субъективных факторов в оценке, анализе и стратегическом прогнозе СО, что можно сделать несколькими способами опираясь, прежде всего, на объективный научный анализ и методы исследования.

Самая большая трудность в анализе и прогнозе СО, это выбор методологии, которая могла бы практически обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих ВПО и их конкретную реализацию в конкретном месте и в конкретное время в СО. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной СО реализуются те или иные факторы и тенденции, заложенные в развитии МО и ВПО, а, с другой, — их реализация в конкретных обстоятельствах, множество переменных и появление новых факторов ведут к созданию уникальной СО. Та, никто в России в декабре 2013 года не прогнозировал такое стремительное изменение ВПО в Европе, а, тем более что в феврале 2014 года сложится абсолютно уникальная СО на Украине.

Именно поэтому нам нужна некая объективная основа для анализа ВПО и СО. В соответствии с методологией анализа и прогноза СО будет проходить и дальнейшая работа, которая, как показывает опыт, может делаться по разным, порой, даже противоположным методикам и привести к различным результатам. В основу предлагаемой методики положен анализ двух факторов: интересов и ценностей государств и их реальных возможностей.

Это позволяет избежать изначально искажения в анализе, которое неизбежно из-за субъективного восприятия ВПО и СО.

Наконец, главное в методологии анализа ВПО и СО заключается в том, что такому анализу подвергается огромное число факторов, формирующих ВПО в мире и в регионе, а также десятки наиболее важных отдельных тенденций, существующих в мире[17].

В отличие от прежних методов анализа ВПО, когда анализировались в лучшем случае десятки факторов (ВВП, численность населения, территория, качество и количество ВС, ВиВТ), такой анализ предполагает, что большинство субъектов МО и ВПО должны быть исследованы по тысячам параметров и критериев. Так, например, один из тысяч субъектов ВПО — государство или организация, — должен быть проанализирован по тысячам параметров, включая переменные величины, а также (что не менее важно):

— рассмотреть взаимосвязи этого субъекта с другими субъектами ВПО и акторами, включая международные организации, коалиции, союзы;
— проанализировать влияние основных мировых тенденций, например, в области замещения углеводородов другими источниками топлива;

---

[17] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

— рассмотреть возможности будущих качественных изменений и новых парадигм в развитии МО и ВПО.

В несколько упрощенном виде это показано в следующей матрице, иллюстрирующей сравнение прогноза простых и сложных систем.

Простые системы	Сложные системы	Пример ВПО
Незначительное число агентов	Множество агентов (для ВПО и СО – десятки тысяч субъектов)	Все государства, международные правительственные и неправительственные организации и институты, частные военные компании, социальные сети и т.д.
Незначительное число взаимодействий	Множество взаимодействий (десятки тысяч)	Постоянно увеличивающееся количество взаимодействий
Централизованное принятие решений	Децентрализованное принятие решений	При отсутствии глобального государства ВПО децентрализовано
Возможна декомпозиция	Несводимость к отдельным компонентам	Состояние ВПО не сводится к политике отдельных агентов ВПО
Замкнутые системы	Открытые системы	ВПО – открытая система, т.к. обменивается информацией и ресурсами со своей средой (ЧЦ, МО и т.д.)
Статические системы	Динамические системы	ВПО – динамическая система
Стремление к устойчивости	Неустойчивые	Силовое равновесие в ВПО часто меняется

Рис. 1.6.

В настоящее время возможно создание таких моделей, где учитывались бы все эти десятки тысяч факторов и тенденции их развития в динамике, а также делались предположения относительно характера будущих парадигм. Это позволяет во многом ослабить трудности анализа СО, связанные с его непредсказуемостью и уникальностью.

Особенно важна эта методика в связи с тем, что в XXI веке уже не существует одного центра силы, предопределяющего ход развития ВПО и будущую СО в своих основных чертах. Ликвидация этой заданности неизбежно ведет к умножению вариантов развития МО, ВПО и их мультипликации в СО.

В качестве упрощенной модели ВПО и конкретной СО предлагается модель анализа и стратегического прогноза,

в которой учитываются основные элементы политического процесса, формирующего МО, ВПО и СО.

Как видно из этой модели, каждый из ее элементов является лишь условным обозначением группы факторов, подлежащих систематизации и конкретизации. Это означает, что всего лишь один субъект ВПО и СО может быть и должен анализироваться под самыми разными углами зрения. Достаточно сказать, например, что количество факторов внешнего влияния на политические цели измеряется сотнями субъектов МО, тысячами акторов и тысячами различных международных тенденций. Естественно, что эти факторы можно и нужно систематизировать и группировать, но это не исключает учета их влияния.

Следует также изначально отметить, что «заполнение» каждого из этих элементов может быть очень разным по своей глубине. Так, интересы (и их анализ) можно ограничить, например, только:

— цивилизационными;
— национальными;
— государственными, а можно также их расширить, добавив:
    — интересы локальной цивилизации;
    — коалиционные;
    — классовые;
    — групповые, личные и т.д., что, естественно сделает анализ интересов, влияющих на формирование ВПО и СО более полным и точным.

Анализ интересов можно еще больше уточнить, если конкретизировать его по времени («до настоящего времени», «современные», «краткосрочные», «среднесрочные», «долгосрочные» и т.д.), или по какой-то области: политические, экономические, военно-стратегические и т.д.

В конечном счете, детализация этого метода будет зависеть от ресурсов — времени, информации, качества

и количества людей и др. факторов. При этом пора понимать, что прогнозирование может быть, как минимум, разделено по времени.

Таким образом, можно констатировать, что:

- **Краткосрочное** прогнозирование может быть основано на линейной экстраполяции трендов.
- **Среднесрочное** прогнозирование может быть основано на статистическом анализе.
- **Долгосрочное** прогнозирование должно быть основано на нелинейном системном анализе.

В действительности же можно предположить, что не только долгосрочное прогнозирование, но и среднесрочное и даже краткосрочное должно строиться на основе нелинейного системного анализа и постоянного мониторинга всех факторов и тенденций, влияющих на формирование ВПО и конкретную реализацию СО. Так, невозможно экстраполировать будущее качество и количество ВиВТ, исходя только из сегодняшних данных, которые свидетельствуют о быстрой смене поколений ВиВТ, с одной стороны, и удлинением их срока службы, — с другой.

Роль СМИ в таком сценарии СО совершенно менялась. Из средств информации они сознательно превращались в инструмент дезинформации и создания ложной реальности. Более того, СМИ превращались в случае реализации такого сценария СО по «созданию ложной реальности» в средство вооруженной борьбы. Такое же важное и эффективное, как артиллерия, танки и авиация.

Вплоть до второго десятилетия XXI века не только в высказываниях официальных лиц, но и в основополагающих

нормативных документах — Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине России и др. — говорилось о «благоприятной» и даже «уникально благоприятной» внешнеполитической обстановке. То, что эта МО и ВПО радикально изменилась не в пользу России еще в 90-е годы, — не признавалось, а трансформация безопасности России в абсолютную уязвимость — не замечалась.

Самое трудное в анализе и прогнозе адекватно оценить происшедшие качественные изменения в жизнедеятельности человечества (в т.ч. в таких специфических областях, как военное дело), а тем более спрогнозировать эти изменения на будущее. Такой анализ сталкивается не только с объективными трудностями (недостаток информации, научного осмысления, привыкания к реалиям и т.д.), но и субъективными трудностями — прежде всего, отрицанием этих реалий, нежеланием их признавать, инерцией мышления, а иногда обычной человеческой ленью и привычной.

Можно констатировать, что в начале XXI века произошла революция не только в средствах ведения войны, связанная с новым этапом информационной революции, но и в способах их применения, что, к сожалению, далеко не всегда находит свое отражение в понимании большинства представителей политической и военной элиты России. Так, изменение в соотношении сил в начале века привело к резкому усилению роли военного фактора в качестве политического инструмента Запада, что только в 2014 году стало осознаваться в России.

Аналогичную трансформацию претерпевают и государственные, и даже международные институты, которые в условиях реализации сценария сетецентрической войны превращаются из политических инструментов в средства вооруженной борьбы, которые уже, как правило, становятся мало пригодны для реализации политических функций.

Конфликт на Украине в этом смысле был очень показателен: не только госсекретарь США, но и его пресс-секретари (вспомним «псакизмы») и даже ООН, ОБСЕ и другие международные институты, «вдруг» претерпели мгновенную трансформацию, превратившись в средства ведения не политики, а войны.

Другая сторона проблемы — конкретность развития сценариев СО, войн и конфликтов, — политическая, экономическая, социальная, военная и иная, — отнюдь не означает, что их развитие принципиально отличается от закономерностей развития сценариев человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО) или военно-политической обстановки (ВПО). Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО в том, или ином месте (времени, с участием и т.п.) является одним из частных случаев, частностью реализации более общего сценария, о чем подробнее написано выше[18]. И, что очень важно, не может ему принципиально противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014 году происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как информационный, социально-культурный и цивилизационный. В частности, языковой, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с границей преобладающего населения, говорящего на русском языке.

Сказанное означает, что при формировании современной СО значение невоенных факторов возрастает. В условиях сетецентрической войны это значит, что средства вооруженного насилия, прежде всего, традиционные, отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны.

Другими словами произошла серьезная переоценка значения тех или иных политических и других средств, в том

---

[18] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

числе и в целях ведения войны, в пользу силовых, но не военных средств.

Такая переоценка иногда обозначается на некоторых рисунках как изменение пропорций среди вооруженных и невооруженных средств политического насилия, следующим образом (рис. 1.7).

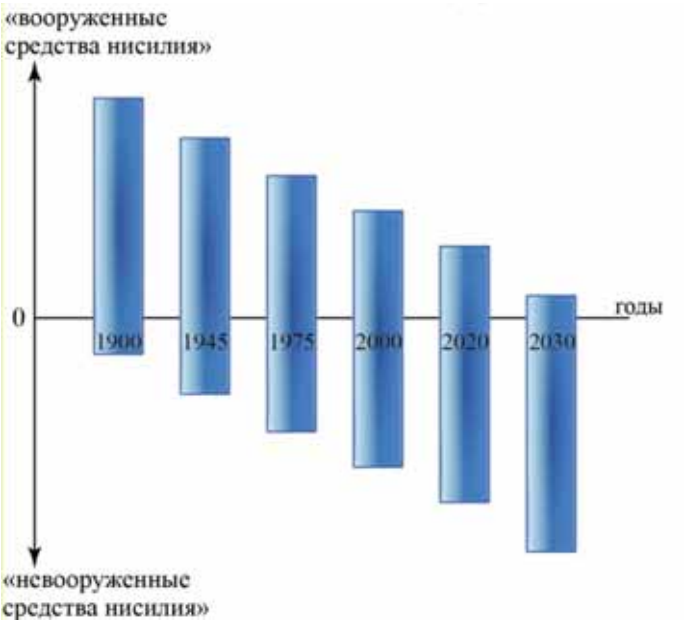


Рис. 1.7. Изменение пропорций среди вооруженных и невооруженных средств насилия в XX и XXI веке

Из этого, однако, отнюдь не следует, что «невооруженные средства насилия» менее опасны для жизни человека. Просто в отличие от «вооруженных» средств насилия в сетецентрических войнах важнее содержание, а не форма — сознание человека, а не его жизнь. Победа достигается не за счет максимальной численности уничтоженных врагов, а за счет максимального числа обманутых (введенных в заблуждение,

дезинформированных и т.п.) противников. Так, миллионы граждан Украины, которых превратили в русофобов и противников России, это — безусловная победа в сетецентрической войне против нашей страны.

Война, как известно, политический инструмент. Она нужна не сама по себе, а в качестве средства для достижений вполне конкретных политических целей, которые являются, в конечном счете, осознанными интересами правящих элит. Поэтому очень важно точно знать политические цели сетецентрической войны против России, которые основываются на неких интересах. Так, применительно к войне на Украине эти цели — дезинтеграция и дестабилизация России, снижение ее влияния, — где собственно военные инструменты играют незначительную роль. Очевидно, что военной победы Украине над Россией не одержать, а прямая война США и НАТО чревата излишними рисками. Поэтому остаются многочисленные средства сетецентрической войны, в т.ч. радикальные, вооруженные, а также санкции, дипломатическая изоляция, даже торгово-экономический карантин и т.п. средства, которые смогут либо заставить Россию принять условия Запада (т.е. капитулировать), либо разрушить ее.

Проблема также в том, что политические интересы в отношении России могут достаточно быстро меняться (а в XXI веке можно констатировать радикальное изменение в политических целях основных держав) в зависимости от международной и военно-политической обстановки. Это означает, что могут меняться и цели и средства сетецентрической войны против России, т.е. меняться современная и будущая СО. Так, в отношении СССР в конце 1930-х годов СО менялась несколько раз в зависимости от намерений и результатов политики Японии, Англии, Финляндии и Германии. Менялось и представление об СССР — от «коммунистической угрозы» до «русского союзника». Поэтому очень важно отслеживать динамику изменения СО. Это легче делать при

помощи модели, где могут быть использованы тысячи факторов, влияющих на сценарий СО.

Если вернуться к известному рисунку логической схемы политического процесса, то область анализа СО, характера международных и внутренних войн и военных конфликтов можно обозначить как заштрихованную часть, включающую часть факторов группы «Д», «В» и «Г». При этом важнейшее значение для анализа СО имеют цели в отношении субъекта МО и ВПО, т.е. группа факторов «В». Эти политические цели являются ключом к пониманию целей и стратегии сетецентрической войны, где создание «ложного образа» для оппонента является важнейшей частной задачей.

Исходя из предложенного определения стратегической обстановки можно предположить, что анализ и прогноз возможных сценариев развития СО в XXI веке, в силу своей сугубой конкретности и субъективизма, требует особенно скрупулезного внимания и подходов, которые исключают простую экстраполяцию существующих тенденций в развитии МО и ВПО, а тем более привычный, традиционный анализ и прогноз, опирающийся исключительно на исследование перспектив развития ВиВТ. В этом случае неизбежен вывод о том, что характер СО и современных войн изменился настолько, что позволяет говорить об отсутствии ясной границы между войной и миром.

Таким образом, сценарий развития СО является «конечным продуктом», частным случаем сценария развития человеческой цивилизации и взаимоотношений между локальными цивилизациями, в частности, военно-политических отношений. Это подтверждает, в том числе и война на Украине 2014 года, которая может быть понята только как вооруженный конфликт между двумя локальными цивилизациями, проживающими на Украине. Первая из них — «западноевропейская» — хотела ассоциировать себя максимально быстро с Западом, в том числе через противопоставление

с «восточноевропейской» (российской) локальной цивилизацией. Вопрос только в том, насколько этот процесс совпадал с интересами Запада, насколько он был им инспирирован и искусственно обострен. Без ответа на этот вопрос невозможно дать оценку СО, сложившейся в 2014 году на Украине.

Очень важно понимать последовательность и приоритетность разных систем ценностей из различных частей элит для того, чтобы правильно оценить СО и характер войн и конфликтов в XXI веке. В данном случае в системе ценностей одной части элит заложено старое представление о неизбежном глобальном характере войны, который автоматически означает ее недопустимость, «немыслимость». В частности, и сегодня у значительной части российской правящей элиты и общества сохраняется миф о том, что война это такой вооруженный конфликт, который сопровождается массированным использованием ядерного оружия. Другими словами, если нет ядерной войны или, по крайней мере, крупномасштабной войны, то и нет войны вообще. Граница между «войной» и «невойной» — массированное использование ВС, ВиВТ. До тех пор пока этого нет, нет и войны.

Это — опасное заблуждение, которое вызвано старым, инерционным и очень субъективно-ошибочным мышлением, при котором только массированные боевые действия с крупными потерями означают войну. На самом деле война, причем крупномасштабная и даже с еще большими потерями, которые сознательно игнорируются, с Россией уже идет. Это полномасштабная война, преследующая и достигающая политических результатов. И дело не в том, что уже есть немалые жертвы и огромные экономические потери, а в том, что политические цели такой войны вполне реализованы и реализуются. В частности:

— развален ОВД и СЭВ, а лидеры стран-союзниц СССР уничтожены или репрессированы;

— развален СССР и разделен на государства, часть которых вошла во враждебную военно-политическую коалицию;
— развалена экономика России, а ее влияние в мире и возможность противодействовать контролю США сведено к минимуму;
— по периметру России создается союз враждебных государств и очагов напряженности;
— в Евразии создана серия постоянно существующих конфликтов и очагов нестабильности.

Если справедливо подсчитать эти потери (русских, оставшихся за рубежом, погибших от эпидемий, в т.ч. эпидемии самоубийств и т.д.), то окажется, что они составляют десятки миллионов жизней.

Представляется, что «холодная война» с СССР–Россией не прекращалась. Просто в 1990-е годы, когда СССР и Россия шли на запредельные уступки, сравнимые с капитуляцией, они приобрели другую, более «мягкую форму», когда очевидные средства и приемы психологической и сетецентрической войны использовались редко. Они не отменялись и не запрещались, просто их использование, как крупнокалиберной артиллерии по отступающему россыпью и не оказывающему сопротивление врагу, не имело смысла.

Но по мере того как «отступающие» замедляли свой бег, начинали организовываться и пытаться оказывать сопротивление все инструменты сетецентрической войны, включая самые грубые — шантаж, провокации, санкции и др. — вновь становились используемыми. Более того, происходила их модернизация, накапливание, разрабатывались новые, более эффективные способы применения. В 2013–2014 годах мы стали свидетелями того, как прежняя «холодная война» не просто вернулась, но и приобрела новое силовое качество: в отличие от периода 1970-х — 1980-х годов уже не было военно-стратегического, политического и экономического равновесия. Соотношение сил однозначно стало в пользу США.

«Незнание» в СССР о войне привело к его поражению, и в этом, при М. Горбачеве и Б. Ельцине — виновата та часть элиты, которая не хотела, не только признавать существование войны, но и понимала и принимала западные правила, т.е. готова была к поражению.

Только понимая роль правящей элиты в осознании объективных интересов, можно адекватно оценить политическую часть СО и, можно говорить о научном долгосрочном прогнозе развития различных сценариев военно-политической и стратегической обстановки. Только правильный политический анализ, т.е. анализ объективных интересов и ценностей (в т.ч. правящей элиты), может объяснить глубинные основы формирования СО.

Огромное значение для понимания характера современной СО имеет представление о роли отдельных локальных цивилизаций и существующих между ними противоречий. Особенно важно понимать приоритетное значение этих противоречий для современного характера международных отношений, выбора наиболее эффективных средств борьбы и противодействия. Так, очевидно усиление роли локальных человеческих цивилизаций Китая, Индии, ряда стран АТР в мировой политике, неизбежно вытекающее из роста численности населения этих стран, а тем более его относительного огромного преобладания над другими ЛЧЦ. Представление об этом, например, дается на следующем рисунке (рис. 1.8).

Однако еще более полное ощущение от повышения роли некоторых ЛЧЦ можно получить, если представить себе, что наравне с этим количественным демографическим ростом (хотя бы пропорционально) будет расти и главный фактор развития — национальный человеческий капитал: Китая, Индии, Японии, Индонезии, Вьетнама и др. стран, а, значит соответственно и их технологическая и промышленная мощь.

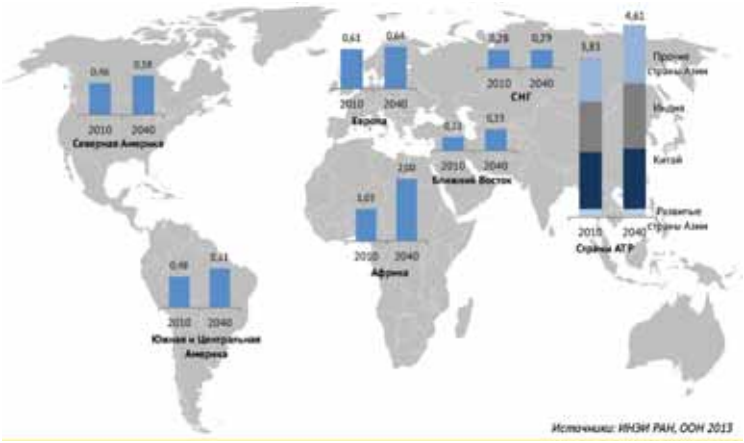


Рис. 1.8[19]. Численность населения мира в 2010 и 2040 годах, млрд чел.

В этом случае сравнение ВВП ЛЧЦ и центров силы уже не имеет значения потому, что рост человеческого капитала будет многократно увеличивать рост ВВП.

Из этих рассуждений следует неизбежный вывод: качество и количество ВиВТ, личного состава ВС некоторых локальных цивилизаций уже в недалеком будущем будет намного превосходить существующие характеристики.

В частности, если рассматривать войну на Украине как столкновение двух локальных цивилизаций и их представителей, то становится ясно, в частности, что:

— эта борьба имеет стратегическое, цивилизационное значение для народа Украины;
— она отражает остроту назревших противоречий между двумя локальными цивилизациями;

[19] Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. М. : 2014 / http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf. С. 8.

— выбор средств такой борьбы определяется их значением для идеологического, мировоззренческого противоборства;
— приоритетность использования таких средств борьбы зависит от того, насколько они соответствуют характеру (цивилизационному) противостояния.

Началом нового этапа в отношениях между Западом и Востоком, двумя локальными цивилизациями, стало завершение «холодной войны», которое стало следствием решений правящей в то время части элиты в России. В конце 1980-х и начале 1990-х годов энергичная часть правящих элит, в СССР и других социалистических странах оказалась не способной и не готовой продолжать «холодную войну» с Западом, посчитав, что политическая капитуляция окажется безболезненнее и выгоднее. И это политическое решение в корне изменило для восточной локальной цивилизации всю МО и ВПО в крайне невыгодном для нее ракурсе. Она была принуждена, в конечном счете, к постоянным уступкам, которые вели за собой лишь новые национальные, государственные, социальные уступки западной локальной цивилизации. Ее целью, в 90-е гг. XX в. и в начале XXI века, было, ассимилировать на своих условиях, нормах и правилах поведения большую часть восточной локальной цивилизации, а другую — дезинтегрировать и взять по контроль, когда территория, ресурсы, самоповедение уцелевших государств будут определяться западной локальной цивилизацией.

Надо сказать, что подобные цели требовали и смены инструментов воздействия. Прекращение «холодной войны» в этой связи отнюдь не означало наступление всеобщего мира и благоденствия (как рассчитывали некоторые наивные политики), но и прекращения войны. Просто форма войны была заменена — с «холодной войны» на «сетецентрическую», «контрценностную», в основе которой лежит не борьба против государства, а борьба против нации — ее

системы ценностей и национальных интересов. При такой смене основополагающей цели война становится:

— во-первых, бескомпромиссной, без перемирий и промежуточных результатов
— во-вторых, глобальной и более жесткой, направленной на уничтожение нации с точки зрения ее самоидентификации. Логику исследования влияния процессов в локальных цивилизациях на формирование СО можно представить следующим образом (рис. 1.9).

Как видно из рисунка, объективный сценарий развития СО находится в самом «низу» схемы, т.е. является производным от множества факторов, включая переменные величины и субъективные факторы влияния, но наиболее важные — цивилизационные — остаются на «самом верху», определяя

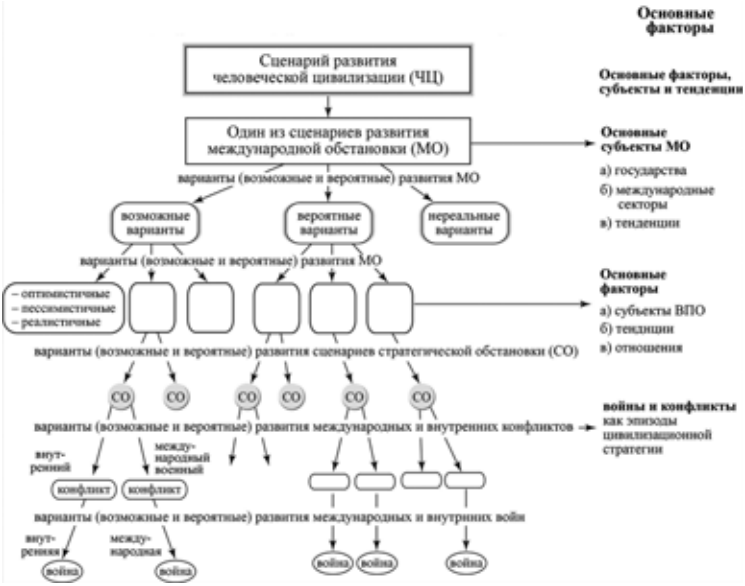


Рис. 1.9. Логика анализа и долгосрочного прогноза стратегической обстановки, будущего характера международных и внутренних войни военных конфликтов

количество сценариев и их вариантов развития. Причем наиболее важные факторы — политические, экономические, цивилизационные и ряд других, формируются не только «на самом верху», но и прямо транслируются на сценарий СО. Поэтому анализ СО, особенно если его пытаются делать военные эксперты, должен исходить из предварительного анализа более высокого уровня:

— мировоззренческого, цивилизационного;
— отношений между локальными цивилизациями и государствами;
— политического, экономического, технологического.

В конечном счете, этот анализ предполагает анализ цивилизационных интересов и их трансформацию в цели и задачи конкретной политики, оставляя «за скобками» анализ средств и способов их достижения. Эта область относится к области конкретной национальной стратегии и военной стратегии отдельной страны, которую необходимо исследовать предметно во вторую очередь. Другими словами реальный анализ и прогноз СО может делаться, либо крупными политиками при помощи экспертов (в т.ч. военных), либо учеными, имеющими опыт практической работы. Таким анализом не должны заниматься «по должности» разного рода начальники в силу их очевидной профессиональной непригодности, — включая высших руководителей государства. Таким анализом и оценками не должны заниматься (как это странным ни покажется) и военные руководители, потому, что они не могут в должной мере учесть решающее значение невоенных факторов, формирующих СО.

Охватить мысленно всю картину взаимозависимости развития локальных цивилизаций и наций, взаимовлияния различных факторов и их значение для СО — задача огромной сложности для гениальных руководителей, которая в современную эпоху может быть облегчена развитием информатики и ростом качества отдельных экспертов. Но

и в этом случае требуется особая подготовка, профессиональные (политические, экономические, военные правовые и иные) знания. Так, в частности, для развития институтов всей военной организации государства, контроля за их функционированием и необходимыми политико-организационными шагами требуется ориентироваться, как минимум, не только в компетенциях всех этих институтов государства, но и в их задачах, решаемых в интересах нации и локальной цивилизации.

Эти компетенции определяются в настоящее время только структурой военной организации страны, сложившейся к определенному времени, а также новыми задачами перед ними. Так, в результате «революционных» изменений в России все организации и институты, входящие в военную организацию России претерпели радикальные изменения, которые далеко не всегда контролировались политическим руководством, а тем более не были изначально сформулированы с точки зрения интересов локальной цивилизации и нации. Некоторые институты (можно сказать, большинство) — постоянно находятся в режиме реорганизации, который затрагивает бюрократический в лучшем случае государственно-институциональный уровень. И это относится не только к МО или ГШ ВС РФ, но и Совету Федерации, Государственной Думе ФС РФ, Совету Безопасности и т.д.

К сожалению, многие участники военной организации страны и процесса оценки СО не обладают даже минимумом знаний в этой области. Профессиональный уровень и компетенция политиков и чиновников за последние 25 лет резко снизилась, образование, в т.ч. базовое, стало намного хуже, а нравственные качества — ниже. Это — очевидная угроза для качества принимаемых правящей элитой решений, изначально предполагающая многочисленные ошибки, даже преступления. Субъективизм и непрофессионализм

принимаемых решений в настоящее время угрожает самой функциональной способности этих государственных институтов.

Совершенно естественно, что руководство России должно выбрать один из наиболее вероятных сценариев развития ВПО, которые могут в тот или иной период времени трансформироваться в конкретные сценарии СО. Это необходимо, как минимум, для основ социально-экономического прогноза и планирования, которые должны оценивать необходимость затрачиваемых национальных ресурсов. Очевидно, например, что бюджетное планирование достаточно жестко ограничено (госрасходы 20 % от ВВП, а военные расходы — 4,5 % ВВП). Для того, чтобы оно отвечало требованиям национальной безопасности, это планирование должно адекватно учитывать прогноз возможных угроз, которые, в свою очередь, вытекают из того или иного сценария развития ВПО.

Таким образом, конечные характеристики стратегической обстановки зависят во многом не только от состояния ВПО, а также состояния МО и трендов в развитии ЧЦ (т.е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий делать адекватный анализ, но и долгосрочный прогноз), но и субъективных факторов — прежде всего способности правящей элиты адекватно оценить СО, спрогнозировать ее развитие и спланировать меры по нейтрализации возможных угроз. Успешный анализ СО и стратегический прогноз зависит от умения исследовать объективные тенденции и факторы самого широкого спектра, т.е. системного анализа, — а не только традиционного анализа военной обстановки, а также субъективных факторов, влияющих на формирование одного из сценариев развития СО. Так, анализ СО на Украине осенью 2014 года, прежде всего, как минимум, предполагал:

— анализ взаимоотношений различных локальных цивилизаций, прежде всего, российской и западной, состояния

и особенностей международной обстановки, в особенности, позиций России, США, ЕС и даже других стран-членов ООН и ОБСЕ;

— анализ мировой и региональной ВПО, в особенности в Европе, взаимоотношений внутри ЕС и НАТО, а также позиции РФ и ОДКБ;

— анализ внутриполитической обстановки на Украине после выборов в Верховную Раду, социально-экономическую и финансовую ситуацию в стране;

— анализ ситуации в юго-восточных регионах Украины, в ее самом широком социально-политическом и экономическом контексте.

Наконец, анализ СО на Украине предполагал исследование собственно количество ВС и качество ВиВТ, их моральный дух, эффективность управления и т.д. Как видно из перечисленных задач, собственно анализ военных аспектов СО на Украине занимает относительно небольшое, даже второстепенное место. Ясно, что прогноз СО на Украине в наименьшей степени будет зависеть собственно от военных факторов.

Ясно и другое. Перспективы эволюции развития СО на Украине будут во многом предопределены будущими российско-американскими отношениями, а в более широком плане, — будущим уровнем взаимоотношений и характером противоборства двух локальных цивилизаций: западной и восточной.

Наконец, ясно и то, что стратегией такого противоборства является продолжающаяся «холодная война», которая в последние десятилетия приобрела форму сетецентрической войны. Характер этой войны, к сожалению, не только до конца не изучен в России, но и сам факт ее наличия не признается большинством правящей элиты. Еще меньше изучены средства и способы ее ведения, которые, собственно говоря, и формируют современную СО. Поэтому необхо-

димо, во-первых, признать ведущейся сетецентрическую войну против России, что поведет к осознанной разработке средств и способов участия в ней, мобилизации общества, элиты и экономики. Во-вторых, признание этого факта будет означать необходимость завершения начатых и новых организационно-политических и экономических мероприятий — от завершения реформы военной организации страны до принятия соответствующих стратегий и планов в области социально-экономического развития и стратегического планирования.

1.3. Идеологическая война как основная форма противоборства локальных человеческих цивилизаций в XXI веке

Сравнивая СО в той или иной стране в разные периоды времени, мы неизбежно по привычке оперируем такими категориями, как количество потерь в живой силе и технике, площадь оккупированной территории, численность захваченного населения и др., достаточно объективными критериями, которые традиционно используются входе всей истории человечества. И к которым мы исторически привыкли.

Между тем современная ВПО и СО характеризуются сегодня преимущественно иными, прежде всего, субъективными особенностями и критериями, которые имеют мало общего с традиционными. Более того, мы видим, что их роль становится даже более важной, чем объективных критериев. Так, например, война на Украине, а до этого в Ираке, Югославии и Афганистане, показала, что не так уж важны прямые военные потери личного состава, вооружений и военной техники, сколько их субъективные оценки в СМИ, социальных сетях и официальных заявлениях. Можно даже сказать, что власти Киева беспокоили

не столько реальные потери, сколько комментарии о таких потерях. Поэтому была запущена массированная политико-идеологическая компания, целью которой было сознательно и грубо исказить реальное положение дел. Если в прежних конфликтах и войнах собственные потери и потери противника искажались в неких пропорциях, то Киев в 2014 году продемонстрировал, что информацию о потерях можно просто придумывать. Так, долгое время говорилось о десятках погибших в АТО, когда уже были тысячи смертей. Реальность отрицалась грубо и сознательно, формируя искусственное восприятие СО на Украине у мирового сообщества и внутри страны.

Другая возросшая роль субъективного фактора — идеологическая поддержка населения, — стала решающей, как показали примеры войн на Украине, в Афганистане, Югославии, Ираке и Ливии. Особенно хорошо эта возросшая роль видна на примере исламских государств и политики негосударственных акторов, прежде всего, общественных и политических организаций, которые стали реальными факторами формирования ВПО — СО, не имея, нередко, никаких иных ресурсов, кроме идеологии. Яркий пример этому стремительный рост влияния ИГИЛ, которое за 7–9 месяцев 2014 года, превратилось во влиятельную политическую и военную силу, признанную не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке, и в Юго-Восточной Азии.

Идеология, как субъективный фактор формирования СО, до сих пор недооценивается в России. Так, говоря о СО на Донбассе в 2014 году, важно оценивать не только физические потери и соотношения в ВС и ВиВТ, а число сторонников, которое сегодня реально существует на Украине. В этой связи примечательно, что на выборах в октябре 2014 года, на занятых Киевом территориях, большинство проголосовало за «сепаратистов». Таким образом, получается, что подавляющее военно-экономическое превосходство Киева проиграло

идеологическому превосходству сил сопротивления, которое обладало существенно меньшими материальными ресурсами.

Важнейшим аспектом, характеризующим СО, например, является эмоциональная степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу. Это происходит потому, что даже незначительное участие страны в военных действиях, так или иначе, отражается на всех областях жизни общества и государства. «Всплеск» патриотизма или, наоборот, негативная реакция могут очень быстро либо ускорить, усилить масштаб военных действий, либо остановить их. Пример с Украиной показателен: массовое дезертирство, с одной стороны, и массовый психоз в СМИ, с другой. Как справедливо отмечают российские исследователи, «Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру… В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»[20].

Вместе с тем характеристика современной СО значительно более субъективна по целому ряду параметров, чем в недавнем прошлом. И это используется в сетецентрической войне, прежде всего, с точки зрения дезинформации элиты. Можно сказать, например, что в 1980-е и 1990-е годы правящая элита СССР и России оказалась под массированным информационным давлением со стороны Запада, которое сознательно искажало многие реалии, разрушая национальную систему ценностей и подрывая государственные интересы. Другое дело, что советская и российская элиты оказались не в состоянии сопротивляться этому давлению

---

[20] *Бочарников М. В., Лемешев С. В.* и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 16.

и искажению МО и ВПО в силу разного рода причин, в том числе и субъективных.

В полной мере эти свойства СО используются и сегодня против российской элиты, восприятие которой сознательно искажается внешним воздействием и санкциями. Таким образом, затрудняется адекватность и своевременность оценки, анализа и прогноза СО у правящей российской элиты. Причем вполне целенаправленно и сознательно. Именно под внешним влиянием в российской экспертной среде «вдруг» появляются и активно продвигаются неадекватные концепции и оценки ВПО — СО. Не случайно, ведь, в первой редакции «Концепции национальной безопасности России» 1996 года утверждалось, что «России никто не угрожает». (Этот тезис, кстати, в той или иной форме до сих пор сохранился в разных нормативных документах).

Сознательное субъективное и ложное влияние извне на российскую правящую элиту проявляется и в том, чтобы игнорировать новые явления в формировании ВПО и СО. В том числе таких решающих и субъективных, как способы ведения сетецентрических войн против элиты и общества противника. Это неизбежно предполагает игнорирование множества неизвестных ранее переменных и новых характеристик, составляющих суть войны, что равноценно в прежние годы тому, что «не заметили» появление новых средств и способов ведения войн. Так, в условиях современной СО и даже войны значительная часть элиты и большинство нации может вообще иметь смутное представление о реальности происходящего. В 2014 году в России, вплоть до конца года, не осознавались реалии войны на Украине, а еще в конце 2013 года ведущие политики и эксперты «прогнозировали», что в 2014 году МО, ВПО и СО останутся прежними.

Массовая дезинформация, искажение действительности, сознательно создаваемые в элите и обществе, формируют иллюзию, которая воспринимается большинством как

реальность. На Украине, например, никто не верит в использование тяжелого вооружения и даже баллистических ракет против гражданского населения, а в России — что Запад поспешит отказаться от экономических санкций. Обострение ВПО и СО в 2014 году, имеющее стратегический и долгосрочный характер, воспринималось в России и в мире как «частное» мнение некоторых представителей российской элиты. Война, в которой фактически уже участвовала Россия в 2014 году, настойчиво не признавалась войной, а враждебная политика — «не всегда адекватными действиями партнеров».

Самое масштабное создание иллюзии неадекватной ВПО и СО происходило в процессе развала ОВД и СССР. Геополитическая реальность в виде ОВД (и его экономической основы СЭВа) Советским Союзом была практически заменена (лучше сказать подменена) на новую, искусственную, нереальную, причем как у ловкого фокусника эту подмену обнаружили не сразу, а только «вдруг» когда границы НАТО приблизились к Белоруссии. Тем более не сразу ее осознали. Потребовалось много лет для того, чтобы эти реальности (и то постепенно) осознали политические элиты бывших социалистических стран, которые стали объектом управления (манипуляции). К тому времени маскировочные символы «демократии», «равенства», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» и т.п. уже не требовались и от них спокойно избавились. Процесс сценарного программирования, составляющий суть сетецентрической войны, против ОВД и СЭВ, в основном завершился к началу 90-х годов XX века.

Была в итоге достигнута главная политическая и геополитическая цель (равноценная победе в масштабной, даже, глобальной войне) — противник был дезинтегрирован и принял условия поведения («нормы международных правил»). Новая ВПО и СО полностью соответствовала этим результатам политической победы. Как отмечали позже

американские эксперты, — «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона»[21].

Безусловной заслугой авторов сетецентрической войны является то, что большинство элиты и общества в Восточной Европе, СССР и России так и не поняло масштабы произошедшего, а значительная часть не понимает этого и сегодня. Не считая сознательных политико-идеологических предателей, это большинство правящей элиты оказалось неадекватным воспринимать реалии МО, ВПО и СО. Между тем, в результате развала ОВД и распада СССР, вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения». И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям,

[21] Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

то в настоящее время — по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»[22].

В этой связи возникает вопрос о том, какими видят на Западе, международную обстановку, военно-политическую обстановку и военно-стратегическую обстановку в будущем, и какими хотят, чтобы их видели в России, прежде всего, конечно, в правящей элите страны?

Приходится признать, что к началу XXI века в США пришли к выводу, что Россия перестала быть для них серьезным потенциальным стратегическим противником, превратившись, в лучшем случае, в региональную державу, а потому, в глобальной сетецентрической войне США за сохранение мирового лидерства ей и отводится соответствующая роль. Одним из следствий такой переоценки стал отказ от массированной и глобальной дезинформации политической элиты России, которая потеряла свою практическую значимость, а, значит, особую секретность и масштабность. Вот почему в отношении российской элиты с конца 90-х годов стали звучать не только трезвые, но и даже пренебрежительные оценки, лишенные, в том числе, необходимости массированной дезинформации. Такой потребности к началу XXI века уже просто не было.

Именно поэтому оценки США в отношении России и ВПО — СО стали более откровенными и даже циничными. Так, главной политической целью США в отношении России в будущем объявлялось постепенное уменьшение влияния России и последующий развал страны, и раздел ее ресурсов, а в качестве программы — минимум, на ближнесрочную перспективу — недопущение интеграции. Новая СО и ее функциональное предназначение, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве

---

[22] Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

государства, аналогичного СССР в послевоенные годы[23]. Это и есть «программа минимум» США по отношению к России на среднесрочную перспективу. Естественно, что «программа-максимум» — развал страны, — пока официально не декларируется, хотя психологическая подготовка российской элиты к такому заявлению уже начата. Не случайно, звучат «частные» и «личные» мнения о необходимости раздела природных ресурсов России.

В этой связи, важно попытаться оценить адекватность правящей на Западе элиты и принимаемых ею решений. На этот счет существует немало точек зрения, представляющих собой широкий «разброс» оценок — от крайне негативных, даже уничтожающих, до восторженных. В частности, по стратегии Запада по отношению к региональным конфликтам в Африке и на Большом Ближнем Востоке, к России и к войне на Украине. Так, исследователь из МГИМО А. Сушенцов неоднократно писал, например, о неспособности правящей элиты США адекватно оценить региональные кризисы. Нередко СМИ, критикующие по разным поводам руководство США и других западных стран, также пытаются объяснить региональные войны «провалом» стратегии США и НАТО.

На наш взгляд, это не соответствует действительности. Собственный опыт и информация свидетельствуют о другом, а именно: в таких странах, как США, Великобритания, Израиль у власти находится прекрасно подготовленная профессионально, преданная национальным интересам и очень опытная элита. Кроме того, в отличие, например, от России, у этой элиты существует ясно разработанная стратегия.

Наконец, правящие элиты западных государств «защищены от дураков» и случайных людей типа М. Горбачева, Б. Ельцина и др., оказавшихся у власти, тщательно

---

[23] См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М. : МО РФ, 2002.

продуманной и реализуемой стратегией кадрового отбора. Она хорошо видна, например, на кадровом составе нескольких администраций, воспитанном еще Г. Киссинджером.

Рис. 1.10.

Таким образом, существующая и складывающаяся для Российской Федерации, в будущем, стратегическая обстановка крайне неблагоприятно влияет на обеспечение военной безопасности[24]. Неизбежно прогнозируется дальнейшее

[24] *Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 29

продвижение идей дезинтеграции. Но теперь уже России и ее геополитического пространства, что постепенно внедряется (как крайняя необходимость) в сознание либеральной части правящей элиты России.

В этих условиях долгосрочный прогноз возможных реальных сценариев развития стратегической обстановки (СО) и их виртуальных клонов — исключительно важное исследование, имеющее трудно переоцениваемое значение для безопасности государств и наций. Но не менее важно и то, как этот анализ будет восприниматься элитой. От того, как точен будет этот прогноз и насколько адекватно он будет восприниматься, зависит, в конечном счете, само будущее государства и нации, а в условиях XXI века, — всей локальной российской цивилизации. Мы нередко встречали в истории самый замечательный анализ, а иногда и самый точный прогноз, но крайне редко сталкивались с адекватностью их восприятия правящей элитой, предусмотрительностью и способностью понять их последствия. До сего дня, например, идут споры относительно того, могло ли царское правительство избежать вступления России в Первую мировую войну, не только остановившую быстрый социально-экономический, научный и культурный прогресс России, но и приведшую ее к катастрофе, хотя для экспертов и была очевидна катастрофичность этого решения.

Сто лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же сложной ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «После войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т.е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы… Это не менее

необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни…»[25].

Как известно, реакция правящей элиты, как правило, редко бывает адекватной объективным потребностям нации и общества, что неизбежно наводит на мысль, что субъективные факторы в политике, оценке ВПО и СО, играют решающее значение. К сожалению, этот мудрый совет В. И. Вернадского так и не был воспринят. Россия оказалась сначала втянутой в Мировую, а затем и гражданскую войну, которые отбросили ее в развитии на десятилетия назад. Примечательно, что возвращение к опережающим темпам социально-экономического и научно-технического развития произошло в 30-е годы XX века во многом благодаря субъективной оценке И. Сталина и части его окружения, именно в отношении существовавшей тогда стратегической обстановки вокруг СССР. Эта оценка потребовала рывка в технологическом и экономическом развитии, который, в конечном счете, и создал основу для будущей безопасности СССР.

Примечательно и то, что противники И. Сталина — как «справа», так и «слева» — не считали СО угрожающей, а меры, требуемые для обеспечения безопасности в области науки и экономики, — чрезвычайными. Споры о необходимости коллективизации и индустриализации, таким образом, вытекали из разных субъективных оценок СО. Примечательно, что оценка правящей элитой России СО во втором десятилетии XXI века, также, существенно отличается, что проявляется порой в совершенно различных политических решениях, но ни одна из этих оценок СО не является консолидированным мнением элиты, требующим мобилизации национальных ресурсов. Исходя из различий в оценках СО, можно выделить, как минимум, три главных подхода, отли-

[25] *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&ext=pdf&ma63–76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf. С. 76.

чающихся как по существу оценки, так и по репрезентативности элиты.

Первый, либеральный подход, в соответствии с которым СО, по-прежнему, не является угрожающей для России, а ее смягчение является целиком следствием изменения курса России и лично В. Путина. Можно оценить приверженцев этого подхода в элите и обществе, как долю в 20–25 %, учитывая в т.ч. их личные интересы.

Второй, государственнический подход, предполагает, что СО обостряется, но явной угрозы России нет и в ближайшие годы не будет. Этот подход предполагает постепенное естественное «смягчение» противоречий и обострения СО. Сторонниками этого подхода является большинство правящей элиты (не менее 50 %) и общества.

Наконец, третий подход в оценке СО, которого придерживается меньшинство правящей элиты и общества (5 % и 5 % соответственно). Эта оценка говорит в пользу нарастания внешней угрозы, более того, что фактически такая война против России уже начата.

Понятно, что разница в оценках СО элитой существует всегда. Можно привести в этой связи и аналогию с субъективными оценками СО в Советской правящей элите в 80-е годы, которая определенно разделилась на два лагеря. В первом лагере остались те, кого позже будут называть «консерваторами» и «ортодоксами», кто внешне придерживался строгих марксистских догм, но в действительности справедливо полагал, что против «социализма» (стран-участниц ОВД) проводится прежняя политика «холодной войны» на уничтожение.

Вместе с тем в правящей элите СССР вырастала и команда «реформаторов», которая совершенно по-иному оценивала СО в начале 1980-х годов. Эта команда использовала для обоснования своих оценок СО разные идеи, концепции и идеологемы — от концепции «общечеловеческих»

ценностей и глобальных проблем, до идей политической и экономической конвергенции.

Современный опыт России показывает, что проблема не в том, что даже на уровне анализа современной ВПО и СО в правящей элите встречаются не просто различные, но и прямо противоположные оценки, которые в будущем еще более будут различаться. Проблема в необходимости выработки единой стратегии поведения в той или иной СО, масштабах ответных мер, т.е. в стратегическом планировании. Как показывает опыт СССР и России, неверные оценки, носят и неизбежно, будут носить катастрофический характер. Субъективизм в оценке СО, наверное неизбежен, но он имеет катастрофические последствия, если становится неадекватной государственной политикой, а именно этого мы еще только учимся избегать.

Несмотря на всю очевидную субъективность любых политических оценок, о которых все знают, от оценки СО правящей элитой и ее реакции во многом зависит характер реальной ВПО и СО. Этот факт не просто известен, но и используется очень активно в современной сетецентрической войне. Очевидно, что если полагать, что СО характеризуется тем, что «В мире у России нет явно выраженных врагов — потенциальных агрессоров…», а «вероятность нападения — со стороны какой-то крупной державы или коалиции мала»[26] (как писал недавно бывший сотрудник МИД и администрации Президента РФ С. Кортунов, выражая позицию большинства российской элиты и экспертного сообщества), то и меры в области военной политики, стратегического планирования и военного строительства будут приниматься исходя из этой оценки. Не секрет, например, что начиная со второй половины 80-х годов в СССР, а затем и в России сознательно формировалось общественное мнение о том, что «нам никто не угрожает», что

[26] *Кортунов С.В.* Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. № 5 / http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225

«общечеловеческие интересы» полностью совпадают с советскими и российскими» и т.д., а система ценностей «передовых стран» — универсальна и «полностью соответствует советской (российской) системе ценностей».

Под влиянием этого сознательного искажения реальной международной действительности, в том числе ВПО и СО, формировалась новая система международных отношений, ориентированная на интересы западной локальной цивилизации. Но не только. В эти же годы продолжалось сознательное формирование враждебной России ВПО — расширялась и продвигалась на восток НАТО, развивалась инфраструктура блока у границ России, продолжался (даже усилился) рост военных расходов США и т.д.

Все эти действия происходили под прикрытием массовой пропагандистской кампании об укреплении безопасности России», которая стала «демократической страной», членом влиятельных международных клубов и организаций. Это все говорит о достаточно эффективной внешнеполитической пропаганде, которая — надо признать — в конечном итоге, полностью исказила реалии ВПО в сознании российской правящей элиты. Начиная, где-то, с 1987 года, было мучительно наблюдать, насколько массировано и успешно развивалась эта кампания, в которой, надо признать, приняло участие большинство популярных советских политиков, ученых и журналистов.

Таким образом, реальная СО, в начале XXI века, отличалась от мнимой, что отражало совершенно иную точку зрения, которая до мюнхенской речи В. Путина практически полностью игнорировалась потому, что если считать, что СО стремительно усложняется и имеет долгосрочную тенденцию к ухудшению[27], то были необходимы срочные и масштабные меры, предназначенные для укрепления национальной

[27] *Подберезкин А.И.* Презентация доклада «Международные последствия развития ситуации в мире до 2030 года». М. : МГИМО, 2014. Ноябрь.

безопасности страны. Меры, которые, естественно, потребуют пересмотра приоритетов не только внешней политики, но и социально-экономического развития страны, коррекции бюджета и многих других, крайне непопулярных мер. Очевидно, что такие непопулярные шаги неизбежно приведут к неизбежным внутриполитическим осложнениям и другим трудностям, если они не будут хорошо обоснованны с точки зрения национальных интересов. Но, видимо, именно этого больше всего и боялась правящая элита страны.

Субъективность в оценке СО, таким образом, может иметь разные причины. Нельзя исключать, более того, следует изначально предполагать, что неверную субъективную оценку и ложный прогноз развития ВПО–СО могут формировать извне с помощью сознательной дезинформации. Хорошо известно, например, что во время войны такие масштабные мероприятия по дезинформации относительно реальной СО приводили к огромным потерям и даже проигранным кампаниям. Но, если согласиться с тем, что против России активизируется сетецентрическая война, в которой дезинформация играет огромную роль, так как непосредственно влияет на главный объект ведения войны — правящую элиту, — то неизбежно надо признать, что «на войне как на войне» — искажение СО становится одной из важнейших задач такой информационной войны.

С другой стороны, с научной точки зрения, уникальность, конкретность и неповторимость таких явлений как СО, военные конфликты и войны, делает попытки их систематизации, формализации, а тем более стратегического прогнозирования, очень условными, достаточно общими, объективно лишенными конкретики. В этой связи, изначально должно быть принято за аксиому, что не существует универсальных методов и прогнозов СО, способных дать конкретные предположения и рекомендации в отношении всех сценариев и вариантов ее развития.

Уникальность любой СО или войны (конфликта) заключается также в том, что их нельзя вырвать из общего контекста развития конкретного сценария ВПО и МО. Они не просто являются органической составной частью ВПО и МО, но и непосредственно, прямо и логично вытекают из их развития. Нельзя «вырвать» отдельную войну и даже незначительный военный конфликт из всего контекста развития происходящих мировых событий — эволюционного, а тем более революционного, — хотя иногда это и пытаются делать. Причем в XXI веке эта зависимость увеличивается. Именно «гибридность» является в настоящее время ключевым моментом в оценке характеристики войны, конфликта и СО. Не случайно этому на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана который следующим образом представляет себе развитие конфликта, подчеркивая нарастающую степень риска по мере роста интенсивности.

Как видно, сложные, «гибридные» войны и конфликты стали наиболее реальными угрозами и частыми войнами и конфликтами в XXI веке. При этом, именно «гибридные» войны стали наиболее часто используемыми средствами США и Запада в целом, хотя именно для оправдания этого продвигается идея об их происхождении из других источников: «… гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»[28].

[28] *Фрэнк Г. Хоффман.* Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.

Важно понимать, что при стремительно нарастающем изменении в значении субъективных факторов формирования СО остается решающая роль за объективными факторами и тенденциями, которые формируют ВПО. Новая СО, вырастая из ВПО, не может не быть ее продуктом и следствием. Так, новая СО в ходе Курской битвы неизбежно базировалась на той военно-политической обстановке и тех факторах, которые сложились к лету 1943 года: общем количестве бронетанковой техники, их качестве, численности авиации и используемых боеприпасах, работе тыла (в т.ч. ремонтных частей), качестве личного состава и т.д.

С точки зрения восприятия СО необходимо помнить, что любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — будет системным явлением, сочетающим множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. При анализе и прогнозе необходимо учесть, необходимо максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых незначительных (ошибки, например, в обмундировании войск или сроках военной кампании), приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным поражениям). Субъективные переменные факторы формируют некую систему переменных величин, значение которой в формировании СО возрастает и имеет крупные последствия. Причем не только положительные, но и отрицательные. Вопрос, однако, в том, каким образом учесть не только известные факторы, но и спрогнозировать появление новых, в т.ч. очень влиятельных факторов, способных изменить радикально всю ситуацию.

Развитие сценариев СО в долгосрочной перспективе неизбежно предполагает, кроме того, «смену парадигм», т.е. изменения качества («фазовые изменения») во всех областях военного дела. Причем не только экономических, социальных и политических, но и гуманитарных, мировоззренческих.

Поэтому неизбежно необходимый качественный анализ СО, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов.

В целом же обязательность системного подхода в оценке и анализе СО диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских исследователей, может быть рассмотрена, как:

— средство, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам;
— процесс взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии;
— определенное состояние общества (и государства) во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способ решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом. Графически это можно отразить с помощью схемы (рис. 1.11)[29].

Рис. 1.11.

[29] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 31.

Соответственно и СО, формирующая основные особенности конкретной войны, одновременно выступает отражением и состояния государств и обществ, и процессов, происходящих в вооруженных силах, и средством политики государств и военно-политических коалиций.

Для лучшего понимания сущности войны необходимо, по мнению российских ученых, учитывать также следующие ее признаки[30], которые отражаются каждый раз на конкретном состоянии СО и перспективах ее развития:

— война есть не просто социальное явление и самостоятельная область (сфера) общественной жизни, но и специальная социальная реальность;
— война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе;
— наличие не менее 2-х субъектов, участвующих в ней;
— цели и задачи этих субъектов противоположны;
— недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
— наличие средств вооруженного насилия с обеих сторон;
— возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
— массовое широкомасштабное применение средств вооруженного насилия с обеих сторон;
— активное противодействие субъектов друг другу;
— юридический акт объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти и другие.

Надо сказать, что каждая из этих особенностей требует своего уточнения и конкретизации в каждой конкретной СО. Тем более, стратегический прогноз возможного сценария

---

30 *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 32.

развития СО предполагает стратегический прогноз каждой из этих особенностей.

Наконец, перечень признаков войны указанный выше, отнюдь не является исчерпывающим и может быть дополнен. Более того, он обязательно будет дополнен и расширен в интересах каждой из сторон. Причем очень важно понимать, что в условиях информационной войны та или иная сторона заинтересована в том, чтобы по-своему трактовать характер войны. Причем — «по-своему» — означает не просто определение войны, но создание ее виртуального образа, такого образа характера стратегической обстановки, который нередко абсолютно отличен от реальной СО. Примеров в современной истории достаточно много, но наиболее, «удачные» примеры сознательного искажения СО Соединенными Штатами в Ираке и Сирии, когда США пытались обвинить их правительства в использовании ОМУ. Война в 2014 году на Украине дала основания полагать, что СО и сценарий ее развития создавались задолго до собственного начала военных действий. Можно предположить, что тщательно разработанный сценарий развития СО предполагал реализацию в 2015 году, но столкнувшись с реалиями — готовностью России активно противодействовать и помогать Украине осенью 2013 года и стихийным обострением внутриполитической ситуации — был «скорректирован» в сторону ранней реализации, перенесен на 1–1,5 года. Этим, в частности, можно объяснить неподготовленность к развитию событий в Крыму и в юго-восточных регионах, а, главное, недостаток накопленных ресурсов для реализации задуманного сценария СО.

Особенностью сознательно-субъективного искажения СО является то, что в этом процессе задействованы системным образом все информационные ресурсы — СМИ (электронные, печатные, сетевые) — а также противодействие — в массовом порядке, без ограничений и каких-либо допущений критики со стороны оппонентов или оппозиции.

Другой особенностью этого субъективного искажения СО является сознательное, без всяких ограничений и стеснений, ссылок на «разумность» и т.д. искажение действительности, когда не задумываясь вбрасывают любую информацию, не только не требуя подтверждений, проверки и др. традиционных для СМИ действий, но и заведомо зная ее ложность. Более того, вбрасывается в массовом порядке сознательно сфабрикованная искаженная информация.

Подобное сознательное искажение СО происходит за счет фактически монопольного использования огромных потоков информации, создаваемых подконтрольно заранее, в соответствии с планом развития СО, которые плотно «вписаны» в единую информационную политику государственных структур (в США — Государственного департамента и ЦРУ, контролирующих не только национальную информационную политику, но и в большинстве стран-союзников).

Организуется своего рода искусственный «информационный взрыв», который исключает возможное противодействие информационных ресурсов противника, либо делает его минимально ощутимым. Этот же массированный взрыв формирует виртуальный образ СО — «народного восстания», «революции» и т.д. Для такого информационного взрыва нужны огромные массивы информации, которые создаются заранее либо с использованием существующих СМИ, либо созданием специальных новых СМИ. Так, «революция» на Украине была подготовлена, в том числе и появлением «вдруг» тысяч новых сайтов, агентств, блоггеров и т.д.

Задача при формировании образа СО, чтобы большинство этого информационного потока было направлено в нужное русло. На фоне, такого объема информации теряется кроме того сообщение, которое не является для владельцев информационных потоков приоритетным. Для этого используется армия недорогих сетевых ресурсов, генерирующих необходимую информацию и реакцию на нее.

Контроль над большими объемами информации, как и контроль над «сетью», является важнейшим условием эффективности сетецентрической войны, когда изначально необходимо создать ложный образ МО, ВПО и, конечно же, СО, а также ложный образ врага. Это возможно только в том случае, когда этот ложный образ будут «лепить» большинство влиятельных СМИ. Примеры с войной в Грузии и на Украине — очень наглядны.

Наконец, огромное значение в формировании СО приобретают специальные кибероперации и атаки, в частности, с помощью специально подготовленных заранее объектов. Так, член ВПК РФ по АСУ Игорь Шеремет, иллюстрирует эту мысль следующим образом[31].

Надо понимать, что информационная война против России ведется разными способами, в том числе (и прежде всего) в сетевом сообществе, и является частью сетецентрической войны. Причем воздействие на общество и элиту, формирование субъективно-ложного образа СО происходит на разных уровнях. Так, для правящей элиты России ложная СО формируется под влиянием таких тезисов, как «единая европейская общность», «либеральные ценности», «демократия» и т.д. Для массового потребления — «уровень жизни в Европе», «права и свободы» и т.п.

Особенное значение в целях сетецентрической войны имеют отдельные, целевые социальные группы, отличающиеся по национальному, социальному, религиозному и иным признакам, для каждого из которых создается собственный уникальный, субъективный образ врага, СО, положения в стране.

Возрастающее значение для формирования субъективно-искаженного образа СО имеют социальные сети. Прежде всего, из-за того, что они способны охватить неограниченное количество социальных групп граждан, для каждой из

[31] *Шеремет И.* Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / http://eurasian-defence.ru

которой будет сформирован свой собственный, уникальный субъективно-искаженный образ противника и СО. Если для СМИ, особенно общефедеральных, а тем более мировых, характерна универсальная информационная политика, то для социальных сетей — возможна только своя, особенная, отвечающая представлениям достаточно узкой группы граждан. Так, невозможно, например, манипулировать сознанием граждан из Бурятии, проживающих в Москве, через федеральные СМИ (это — слишком узкая группа), но, в случае необходимости, это легко сделать через сообщество в социальных сетях, которое имеет на них большое влияние.

Только социальные сети способы сверхоперативно реагировать на меняющуюся обстановку, в т.ч. СО, где возможны изменения в течение суток и даже часов. Особенно в условиях, когда развивается военный конфликт и СО меняется буквально в течение нескольких часов. Как показывает статистика, реакция сетей может измеряться тысячами посещений в течение часа, если происходят знаковые события (рис. 1.12).

Этим активно пользуются те, кто создает искусственно субъективно-искаженную СО, что хорошо было видно на примере Украины, когда в сети размещалась заведомо ложная информация, которая могла повлиять на изменение СО. Так, неожиданная громкая «победа» украинских войск вынуждала менять дислокацию войск оппозиции, подрывала их боевой дух и т.п. И, наоборот, «позитивная» ложная информация могла изменить реальную СО на ТВД.

Все это говорит о новом характере СО и войны и новом значении невоенных средств ведения войны. Так, в частности, некоторые военные теоретики даже считают, что война — это в первую очередь экономическая, дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооружённой силы, вооружённой борьбы отодвигается на второй план. По мнению В. Гулина, например: «Войну отличает не форма

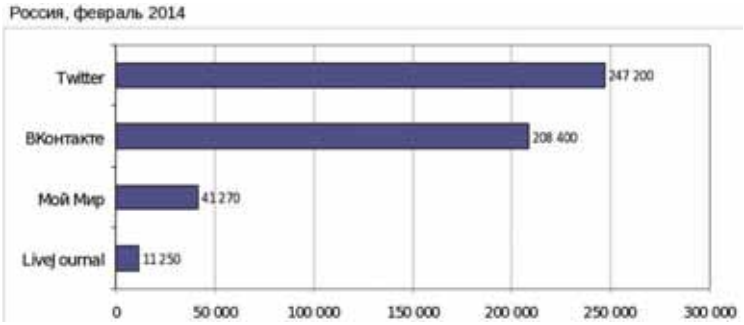


Рис. 1.12[32]. Количество публичных сообщений за месяц (тыс. сообщений)

насилия, а основные её сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определённого времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге — иная их расстановка»[33]. Таким образом, также как и в определении самой войны, выделение ее сущностных признаков является многоплановым и неоднозначным.

Тем не менее, по мнению многих авторов, определяющим признаком войны является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет, по их мнению, сущность войны в точном смысле этого слова: «На основе анализа вышеприведенных определений войны, а также ее наиболее очевидных признаков, представляется возможным дать следующее определение войны, — пишут российские авторы. По их мнению, «В самом общем виде,… война есть двухстороннее вооруженное столкновение ан-

---

[32] *Крылова С.* Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. С. 5.

[33] *Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 33.

тагонистических противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее за собой человеческие жертвы и потери»[34].

Другими словами, «вооруженное нападение», «массовые столкновения», «человеческие потери», считаются по-прежнему основными характеристиками войны.

И с этой характеристикой современной СО совершенно нельзя согласиться по причине того, что субъективно-искаженные представления о СО, ставшие нормой для сетецентрической войны, совершенно по-иному отражают существующие реальности. Эту разницу можно представить в следующем сравнении.

Сравнение основных характеристик СО в традиционной и сетецентрической войне

Характеристики	Традиционная война (объективные представления)	Сетецентрическая война (субъективно-искаженные)
— вооруженное столкновение	десятки / сотни участников	1 участник или 1000 участников
— война	сотни и тысячи участников	несколько участников или десятки тысяч участников
— массовые столкновения	десятки, сотни, тысячи	один–два, десятки тысяч
— человеческие потери	десятки, сотни, тысячи	один–два, тысячи

Очень наглядно демонстрируется эта логика на примере военного конфликта на Украине, где военную победу в революции одержали невооруженные формирования. Те же, что и в Тбилиси, и в Каире.

---

[34] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М. : Экон-информ, 2013. С. 33.

Глава II
Новые средства и способы силового противоборства между цивилизациями в XXI веке

2.1. Наиболее эффективные средства и способы формирования СО и ведения военных действий

Любая война или конфликт происходят «не вдруг» и не «на пустом месте», а как следствие формирования соответствующей международной и военно-политической обстановки, и в свою очередь, реализовываются в конкретной и уникальной стратегической обстановке (СО). Таким образом, СО является результатом, итогом, как правило, длительных процессов, формирующих МО и её часть ВПО, что может быть показано на следующей логической схеме (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Логическая схема формирования СО

Таким образом, мы видим, что если основные, фундаментальные условия формируются в рамках сценария ВПО, то их конкретная реализация происходит в рамках конкретных сценариев СО, т.е. одна и та же ВПО может реализоваться в одном из нескольких возможных сценариев СО.

Более того, возникающая война или конфликт в рамках одного из сценариев СО, также могут отличаться друг от друга. Причем весьма существенно. Так, война на Украине 2014 года стала следствием реализации конкретной СО, сложившейся в январе–феврале 2014 года, которой не было еще несколько месяцев до этого (Крым, вооруженные группы).

Из сказанного выше следует, что та война или военные конфликты, которые возникают, во многом уже предопределены условиями формирования СО. На Украине, например, это стало следствием развала армии, плохого состояния ВиВТ, идеологического состояния общества и политики СМИ и т.д. В этом смысле средства и способы ведения вооруженной борьбы с наибольшей точностью характеризуют любую стратегическую обстановку. Говоря о таких средствах ведения вооруженной борьбы, мы, как правило, имеем ввиду, прежде всего, вооружения и военную технику (ВиВТ), которые в последние десятилетия существенно изменились в силу информационно-управленческой революции. Как и способы их использования. Что давно уже не является новостью, хотя несколько десятилетий с трудом получало признание. Вместе с тем есть и новые средства (ВиВТ), и способы формирования СО, чье влияние в XXI веке ускоренно усиливается. В самом общем виде это можно проиллюстрировать на следующем рисунке 2.2.

Как видно из рисунка, в XXI веке к традиционным средствам и способам формирования СО и ведения войн и конфликтов добавились новые, причем их роль и значение существенно усилились. Более того, можно сказать, что

Рис. 2.2. Логическая схема средств и способов формирования стратегической обстановки (СО)

именно эти новые средства и способы становятся основными. Как при формировании СО, так и ведении войн и военных конфликтов. В ходе войны на Украине в 2014 году особенно важное значение приобрела не только специальная военная техника обнаружения и связи, но и гражданская техника (машины), системы связи и коммуникации (особенно сети).

В XXI веке получила развитие точка зрения о том, что война является «естественной частью бытия». Она подтверждается уже не только политической практикой, но и существованием, даже господством в современной политической стратегии концепций сетецентричных войн, где роль традиционных ВиВТ для ведения войн не только не абсолютна, но уже и не первостепенна. В этой связи вряд ли можно согласиться, с таким утверждением, когда использование «военного насилия», «технических средств» (оружия) для подавления врага считается главной сущностной чертой современной войны. Более того, война перестала быть формой вооруженной борьбы. Как мы увидим ниже, можно использовать в военных целях не только ВиВТ, но

и «подручные средства», в том числе изготовленные или приобретенные самостоятельно, можно спровоцировать и инспирировать враждебные действия другой стороны, согласуясь с главной целью — силового достижения политических целей. Наконец, можно использовать широкий спектр нелетального оружия. Таких примеров эффективного применения силы без вооруженного насилия, олицетворявшего войну, можно привести множество из недавней истории, международных отношений.

Подытоживая, можно констатировать, что формирование современной СО, определяется, прежде всего, уже ведущейся сетецентрической войной. Она может быть характеризована иногда прямо противоположными оценками в зависимости от «политического заказа» и интереса правящей элиты. Эти оценки, транслированные в СМИ, не будут иметь ничего общего с реальной действительностью. Так, ведущаяся против России сегодня сетецентрическая война, которая уже привела к огромным реальным потерям в экономике, демографии и темпах социального развития, фактически отрицается публично в угоду субъективным представлениям и трактовкам СО частью правящей российской элиты, которая пытается сохранить иллюзию нормальных отношений с Западом. Это можно сделать в том случае, когда сознательно не замечаешь новых факторов формирования ВПО — СО, ведущих к обострению военных конфликтов и новым войнам. Получается, что искреннее неверие в новый характер СО, войн и конфликтов или сознательное отрицание этих очевидных изменений не просто политическая позиция (суть которой издавна сводилась к компромиссу на любых условиях), а дезинформация, которая имеет стратегический характер. Если не заметили этих радикальных изменений, то и не сделали соответствующих выводов относительно формирования СО. Так, в годы подготовки ко Второй мировой войне в СССР недооценили

Рис. 2.3. Роль нетрадиционных военных действий (НВД) в национальной стратегии Соединенных Штатов

значение, например, радиосвязи, что крайне негативно сказалось особенно в первом периоде войны.

Явно упрощенное восприятие способов формирования СО обедняет и даже примитивизирует военное искусство. Так, звучащие часто утверждения политиков и военных экспертов относительно того, что СЯС России гарантируют оборону страны, — явное упрощение СО, которое сводит все военное искусство к выполнению одного приказа на запуск средств ответного (встречного) удара. Вся сложная палитра и многокрасочность СО упрощается до черно-белого противоречия.

Между тем, не только реальность иная, но и в странах — потенциальных противниках ее воспринимают по-иному,

а именно: как большое разнообразие силовых способов политического насилия. В частности одно из военных пособий Специальных сил США следующим образом описывает эти способы насилия (которые находятся в компетенции Специального командования Армии США), а также используемые ими ВиВТ.

Как видно из приведенного примера (рис. 2.3), вооруженная борьба рассматривается в официальных военных документах США всего лишь как один из видов военной деятельности, предполагающий:

— во-первых, мобилизацию всех национальных ресурсов;
— во-вторых, применение вооруженных сил в ответ на угрозу выживаемости нации.

Однако, до этой стадии предусматривается целый спектр возможных форм ведения военных действий, преимущественно без прямого и непосредственного участия национальных вооруженных сил. С точки зрения современной политической и военной науки эти действия не относятся к военным, а попадают под категорию «враждебные», реакция на которые также должна быть невоенной.

Между тем, эти «невоенные действия» являются не только наименее рискованными и экономически более дешевыми, но и наиболее эффективными, как показывает современная история. Поэтому вы должны отвечать на них, как минимум, таким же набором «невоенных действий», а именно: подрыв военной, экономической, политической и психологической стабильности и мощи государств, организацией гражданского протеста, провоцирования недовольства и создания вооруженного сопротивления. Значит, вы должны не только понимать эту необходимость, но и иметь соответствующие планы, а также соответствующие ресурсы и конкретные стратегии их использования. Так, например, какова будет ваша силовая реакция, если на островах Курильской гряды высадятся десятки

тысяч японцев, которые будут без оружия, но заявят, что они «вернули утраченные территории»? Для этого им потребуется только найти несколько крупных паромов и мобилизовать общественные организации, которые (от коммунистов до либералов) рвутся «освободить» северные территории.

Ясно, что применение оружия против тысяч мирных граждан невозможно. Реакция — ожидаемая и неприемлемая (достаточно вспомнить штурм турецкого судна израильским спецназом). В этих условиях необходимо только одно: разработать способы и средства силовых операций, например, использование пожарных судов (но для этого их нужно иметь в этом районе), либо других нелегальных средств.

К сожалению, можно констатировать, что в военном искусстве и планах обеспечения национальной безопасности России существует существенный разрыв, который виден, например, в организационном плане, между средствами всей военной организации РФ и ее военной организации МО. Первые относятся к Стратегии национальной безопасности, а вторые — к Военной доктрине России. Они отражают не только существующий нормативный разрыв, но и существующее отношение и понимание у правящей элиты страны, которое традиционно фокусируется исключительно на вооруженных средствах и способах защиты.

В США напротив, существует взаимосвязь и преемственность между основными базовыми представлениями и документами безопасности и обороны. Три документа охватывают всю национальную стратегию США: Стратегия Национальной Безопасности, Стратегия Национальной Обороны и Национальная Военная Стратегия. При этом Стратегия Национальной Безопасности формирует цели, заявленные Президентом США. Стратегия Национальной Обороны — дополнение Министерства Обороны к Стратегии Национальной Безопасности, а Национальная

Военная Стратегия задает рамки для прочих стратегических рекомендаций МО, в частности по вопросу планирования кампаний и непредвиденных обстоятельств, разведки и развертывания сил»[35].

Эту взаимосвязь, существующую в США, важно понимать при оценке СО, в России: военные действия начинаются не решением на применение оружия, а решением президента США об использование военной силы в ее самых разных формах, в т.ч. без объявления войны. Именно такое решение Президента США уже состоялось. Остальные решения, в т.ч. на применение оружия, — следствие этого решения: «Цели и задачи Президентской Стратегии Национальной Безопасности направляют Национальную Военную Стратегию. Национальная Военная Стратегия фокусируется на формах военной активности, определяя набор взаимосвязанных военных задач»[36], говорится в официальных американских документах.

Таким образом достигается существенная гибкость (а, значит, и эффективность) в использовании средств насилия для достижения политических целей, между которыми нет непреодолимого барьера и, который возникает у нас, когда речь заходит об использовании ВС и вооружений. Этот же подход, изначально определяет общий подход США к формированию СО в том или ином регионе или районе мира. Другими словами, гибкость в способах и средствах закладывается еще на стадии формирования СО и оказывается в готовности к применению в случае возникновения войны или военного конфликта. Военная стратегия в США сама выбирает форму их применения, но рамки задаются дополнением МО США к Стратегии национальной безопасности. Гибкость действий выражена

---

[35] Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 10.

[36] Там же. С. 11.

в том, что поддержка Правительством США сопротивления и мятежа (или их инспирирование) может выражаться в любой из нижеперечисленных форм. Рассмотрим эти формы подробнее:

Непрямая поддержка (indirect support). В сценариях ограниченных военных действий (limited-war) открытая поддержка со стороны США сил сопротивления иногда нежелательна. В таких случаях Правительство США может оказывать поддержку не напрямую, а через коалицию партнеров или территорию третьей стороны. Правительство США в обычном случае ограничивает непрямую поддержку доставкой материально-технической помощи и обучением. Ограниченные военные действия являются гораздо более узкой средой, которые требуют низкоуровневых решений для всех операций поддержки со стороны Правительства США. Другими словами, «непрямая поддержка» для США не означает войну и соответственно СО так не характеризуется. Но, вот, для других стран, таких, например, как Сирия или Украина, где ведутся боевые действия и гибнут люди, означает ли это участие в войне США?

«Непрямая поддержка» влияет на изменение структуры ВС и используемых ВиВТ. Так, к началу второго десятилетия XXI века в Армии США не только стабилизировалась численность артиллерийских и бронетанковых частей, но и было заметно их существенное сокращение.

Прямая поддержка (direct support). В преимущественно военных сценариях видимость поддержки менее спорна, что расширяет сферу поддержки в области логистики, обучения, консультаций. Поддержка США может включать советников в убежищах или на подконтрольных мятежникам территориях, а не в области боевых действий. Соединенные Штаты также могут осуществлять поддержку с территории соседней страны.

Военная поддержка (combat support). Военная поддержка включает в себя все виды деятельности по непрямой и прямой поддержке касательно военных операций[37].

Таким образом, у США насчитывается, как минимум, три формы участия в силовом конфликте, которые по-разному характеризуют состояние и развитие СО. Фактически все три формы означают ведение войны, но формально они не дают оснований так полагать, что, естественно, характеризует состояние СО. Так, например, на Украине, США в 2014 году обеспечили поставки военной техники и снаряжения, а также участие своих военных советников, что в полной степени может быть отнесено к военной поддержке США, но отнюдь не к участию США в гражданской войне на Украине (хотя такое участие и является очевидным). При этом любые действия США, например, на Украине — политические, военные, гуманитарные, дипломатические — должны обязательно политически соотноситься со стратегией США по отношению к Украине. И это главное условие, которое отражает содержание сетецентрической войны — ее системность, масштаб, плановость, комплексность, постоянство: Перед принятием решения о военной поддержке движению сопротивления или мятежу, составитель плана должен учесть, как идеология и задачи повстанцев затрагивают стратегические интересы в регионе. Куратор должен удостовериться, что лидеры оппозиции четко представляют себе национальную стратегию и цели США перед тем, как он определится относительно уместности поддержки движению сопротивления или мятежу. Без четкого понимания желаемых эффектов и финального состояния региона или конфликта, невозможно оценить, насколько поддержка достигнет желаемого результата[38].

---

[37] Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 11.

[38] Там же.

2.2. Национальный человеческий капитал как главный фактор формирования новой парадигмы развития СО в долгосрочной перспективе

Известно, что на формирование СО влияют одновременно очень многие факторы, которые отличаются друг от друга не только силой влияния, но нередко, даже своей направленностью. Так, например, такие влиятельные факторы формирования СО как ВиВТ, с одной стороны, и методы и способы ведения вооруженной борьбы, с другой. Могут не только разнонаправлено влиять на формирование СО (новые системы ПРО–ПВО, например, делать малоэффективными воздушно-космические удары, а ВТО, наоборот, — резко повышать их эффективность), но и сами находиться одновременно под воздействием сразу нескольких процессов, имеющих, к тому же, не только эволюционный, но и революционный характер[39].

Таким образом, объективно стоит очень сложная задача определение наиболее влиятельных факторов формирования СО в долгосрочной перспективе, понимая, что количество таких факторов не может быть слишком велико. На практике в этом случае ограничиваются несколькими факторами, среди которых традиционно выделяют: военно-политические (участников ВПО), военно-технические (количество и качество ВиВТ), военно-стратегические, военно-экономические и ряд других.

Представляется, однако, что в условиях современной СО и уже ведущейся сетецентрической войны на первый план выходит группа социальных факторов, которые становятся даже более важными при формировании СО чем

[39] См., например: *Новичков Н.* Инновационные технологии на рынке военного кораблестроения // Рынки вооружений, 2014. № 12. С. 2.

традиционные. Более того, некоторые из них становятся универсальными (системно влияющими на СО) и долгосрочными. Среди них важнейшим является, в XXI веке, национальный человеческий капитал (НЧК).

О значении национального человеческого капитала в международной безопасности было достаточно подробно и много написано еще несколько лет назад[40], однако влияние НЧК на формирование ВПО и СО продолжает оставаться, пока что, «за скобками внимания» экспертного сообщества и политиков, хотя эта роль в XXI веке уже стала, безусловно, решающей. Таким образом, действительная роль НЧК в качестве решающего фактора формирования ВПО остается малоизвестной. В еще большей степени неизвестна роль НЧК в качестве фактора формирования СО и ведения сетецентрической войны. Получается, что о самом главном факторе современной СО и войны мы знаем мало. Поэтому есть все основания для того, чтобы вновь вернуться к этой проблеме в связи с попытками анализа СО и сетецентрической войны против России.

Напомню, что в самом общем виде значение НЧК определяется в современном мире тем, что он: рис. 2.4.

Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих, как качество НЧК влияет на основные критерии и показатели развития ЛЧЦ и отдельных субъектов ВПО–СО. Так, если говорить о значении природных ресурсов и транспортных коридоров, обеспечивающих их поставку в формировании СО (о чем подробнее будет идти речь ниже), мы констатируем стремительный рост потребностей таких центров силы, как — КНР, Индия, Индонезия, Вьетнам, Япония. Вместе с тем этот справедливый вывод необходимо скорректиро-

[40] *Подберезкин А. И.* Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. II. М. : МГМИО, 2012.

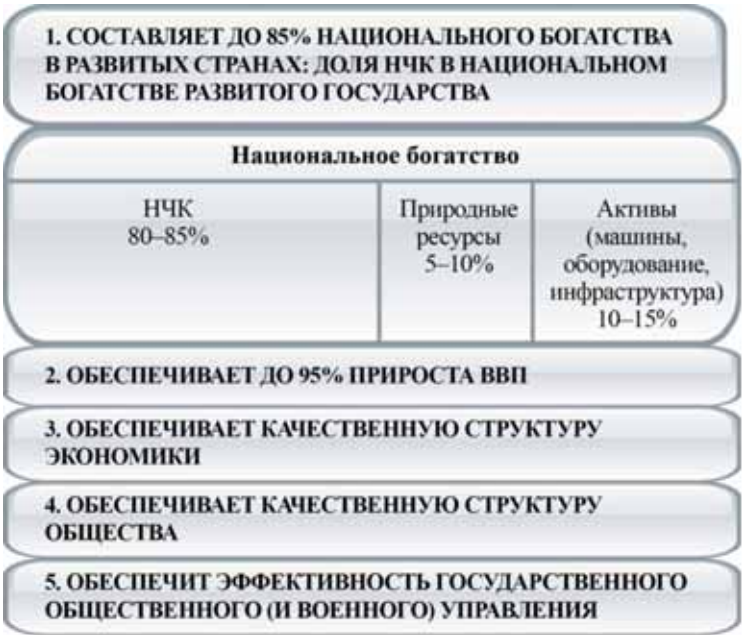


Рис. 2.4[41].

вать в зависимости от качества НЧК в этих странах, которое может обеспечить более эффективное энергопотребление и, соответственно, снизить в 2–3 раза общие потребности в энергоресурсах.

Другие коррективы, взятые с поправкой на качество НЧК, дают представление о качестве экономики и социальной структуре общества к 2030 годам XXI века.

Применительно к ВПО и особенно СО, эти соображения имеют прямое отношение, с точки зрения государственной и военной мощи и способов ее применения НЧК предопределяет в решающей степени важнейшие области военного

[41] *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

дела, а именно: уровень технологий, качество управления и качество личного состава: рис. 2.5.

Рис. 2.5.

Таким образом, НЧК (как потенциал и как институты управления обществом и государством) выступает в качестве решающего фактора в формировании ВПО, а тем более СО.

Анализ, оценка и стратегический прогноз развития факторов, формирующих СО, предполагает скрупулезный учет многих переменных, которые трудно поддаются количественному анализу, а тем более прогнозированию, но является абсолютно необходимым для понимания сути будущих войн и конфликтов.

Другая задача, имеющая особенно важное значение — исследование новых факторов влияния на будущую СО, особенно тех, которые способны качественно изменить ситуацию. Проблема, однако, в том, что эти факторы, как правило, еще плохо изучены и трудно поддаются измерению. Так, если, например, будущий объем ВВП в долгосрочной перспективе еще можно прогнозировать, то состояние науки, технологий, образования, а тем более климата или погоды в том или ином регионе через 25–35 лет — уже практически невозможно, хотя это и имеет большое значение. В этой связи, особое значение для долгосрочного прогноза СО приобретает исследование такого фактора влияния как

стремительно растущие творческие возможности человека, качество национального человеческого капитала и институтов его развития[42]. Революционное, решающее значение этого фактора должно быть проанализировано особо[43], учтено при прогнозе СО. В частности, это может быть отображено как на следующем рисунке (рис. 2.6), на котором делается попытка показать это влияние.

Рис. 2.6. Факторы развития НЧК, влияние на военные возможности государства и СО

Не трудно обнаружить решающее влияние НЧК и его институтов на формирование СО и будущий характер войн и конфликтов. Во многом это объясняет и возможности анализа и прогноза. Есть основания полагать, что самый достоверный долгосрочный прогноз СО и будущего характера войн может строиться на основе долгосрочного прогноза развития НЧК во всех его аспектах и измерениях: средства и способы формирования СО и подготовки будущих войн в определяющей степени будут зависеть от темпов развития и качества НЧК.

---

[42] *Подберезкин А. И.* Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития / *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М. : МГИМО, 2011. Т. II.

[43] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО–Университет, 2014.

Важно, что попытки качественного анализа и прогноза СО на основе развития НЧК в принципе возможны. Более того некоторые методики становятся все более эффективными по мере развития экономики, математики и моделирования в последние годы, что выразилось в значительном улучшении результатов стратегического прогнозирования и планирования в США. Стратегическое прогнозирование и планирование факторов развития ВПО–СО в последние десятилетия стало признанным методом подготовки решений, а в ряде случаев, — обязательным методом практической политики. Даже такие переменные величины как энергоемкость, мощность двигателей, или потребности в энергоносителях, например, могут прогнозироваться достаточно определенно. Для современной войны, в ходе ведения которой расходуются огромные запасы топлива (нередко за неделю превышающие все потребности государства за год), — эта задача становится ключевой. В ходе Второй мировой войны и военных действий на Украине, например, мы нередко становились свидетелями, того, что небоевые потери бронетанковой техники из-за нехватки топлива превосходили боевые.

Очевидно, что точность прогноза СО и войн будет во многом зависеть от точности прогноза потребностей в топливе ВС, всего государства и общества. Так, на Украине к 2014 году все оценки и потребности ВС, которые делались в Киеве, были неадекватны (если вообще были), что привело к фактическому краху украинских ВС в этом году.

В качестве примера также можно привести прогноз изменения структуры потребляемых энергоносителей различным пассажирским транспортом в 2000–2060 годах, исходя из того, что в настоящее время почти 100 % техники использует жидкое углеводородное топливо. Из этого прогноза, например, видно, что бронетанковые соединения в будущем будут зависеть не только от наличия углеводородного топлива,

но и от других видов энергии, хотя сегодня большинство экспертов с этим выводом категорически и не согласятся.

Не только объем потребляемых энергоресурсов и их структура, но и другие потребности ВС при формировании СО, успешно прогнозируются на долгосрочную перспективу, что позволяет в свою очередь говорить о том, что и многие другие потребности и возможности государства и его ВС могут также прогнозироваться достаточно точно в количественном отношении. Следует, однако, иметь в виду, во-первых, что будущую структуру и объем таких потребностей нельзя просто экстраполировать: требуется серьезный качественный анализ будущих изменений в области экономики и технологий. «Фазовый переход» человечества неизбежно радикально изменит его технологическую и социальную базы.

Во-вторых, требуется понимание того, что новая СО будет определяться во многом невоенным факторами, которые будут играть более значимое значение, чем сегодня, а, значит, и потребность в них неизбежно будет выше. И в первом, и во втором случае решающей будет роль НЧК и институтов его развития. Именно они в основном и будут определять темпы развития этих направлений и влиять на качество изменений. В частности, вероятно будущие потребности ВС и СО будут зависеть от возможностей всей военной организации государства в такой области, как информатика и связь, которые, в свою очередь, зависят от НЧК, а также его институтов. Огромные возможности гражданской информатики (суперкомпьютеры, например) и гражданской связи (системы связи, навигации и т.п.) будут играть решающее значение. Так, в ходе первой американо-иракской войны танковые сражения были выиграны США (по свидетельству их участников), прежде всего, потому, что американские военнослужащие обладали GPS и тепловизорами, а «цветные революции» инициировались и контролировались через социальную сеть.

В начале XXI века стало окончательно ясно, что именно уровень гражданских технологий в будущем будет определять уровень развития военных технологий, а сам уровень гражданских технологий в наибольшей степени зависит от качества НЧК. Таким образом, военная мощь, в конечном счете, будет определяться возможностями НЧК.

Учитывая стремительно возрастающую роль субъективных факторов в формировании СО, влияние которых будет усиливаться в XXI веке, можно признать, что выбор тех или иных средств и способов ведения войны будет предопределяться во многом тем или иным сценарием развития СО (хотя сами сценарии во многом, как уже говорилось, формируются этими факторами). Поэтому очень важно попытаться спрогнозировать вероятность реализации того или иного сценария СО.

Следует иметь в виду, что даже наличие нескольких сценариев (и их вариантов) развития СО не означает, что этим перечнем ограничен весь спектр возможных сценариев. Более того, вполне вероятно, что каждый из перечисленных сценариев и вариантов может также развиваться не по одному, а, по нескольким теоретически возможным путям. Это будет зависеть уже от субъективных факторов. На рисунке ряд зарубежных авторов показывают эти варианты развития следующим образом (рис. 2.7)[44].

Сказанное означает, что в дополнение к рисунку, описывающему логику сценариев развития СО, войн и конфликтов, необходимо добавить, как минимум, еще несколько сценариев и их вариантов, что делает спектр всех сценариев и вариантов развития СО чрезвычайно широким, а влияние субъективных факторов — очень сильным. Очевидно, что невозможно готовить военную организацию одновременно ко всем сценариям

[44] *Подберезкин А.И.* Сценарии и прогнозы развития МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / http://viperson.ru/

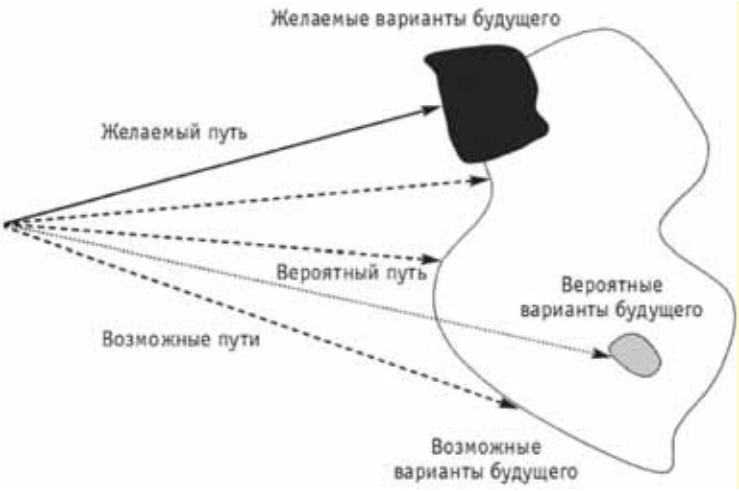


Рис. 2.7. Отношения между возможными, вероятными и желаемыми вариантами будущего

возможного развития СО. И с точки зрения количества ВС, и наличия типов и видов ВиВТ, способов их использования. Придется, в конечном счете, выбирать, к какому сценарию стремиться и готовиться, а этот выбор неизбежно будет субъективным. Насколько этот субъективный выбор будет адекватным, зависит от качества правящей элиты, экспертного сообщества, т.е., в конечном счете, от качества НЧК.

Этот субъективный аспект выбора правящей элитой вероятного сценария развития СО — очень труден и малоадекватен вообще в социальной области (где многое необъективно изначально), но особенно труден в военно-политическом разрезе социальных отношений потому, что в условиях военного кризиса, недостатка времени и информации принимать военно-политические решения крайне трудно, т.е. изначально важно качество НЧК правящей элиты.

Кроме того, необходимо еще раз напомнить, что конкретные сценарии войн, конфликтов и СО вытекают из не

менее субъективных сценариев ВПО, а те — из сценариев МО, которые, в свою очередь, также являются во многом субъективными толкованиями и проявлениями сценариев развития и взаимоотношений локальных человеческих цивилизации. Таким образом, происходит «мультипликация субъективных факторов», которые накладываются один на другой и все дальше удаляются от объективной картины анализа и прогноза СО и ослабляют влияние объективных факторов, поддающихся анализу.

Говоря языком стратегического планирования, мы (как отдельные личности, так и организации) постоянно анализируем, оцениваем, строим планы, включающие прогнозы, сценарии и субъективное видение. Как личности и организации мы часто жестко планируем свои действия, основываясь на различных типах прогнозов. Иногда мы просто вынуждены это делать: нельзя, например, создавать ВиВТ без долгосрочных планов. Но надо помнить, что если в стабильных условиях и в коротких временных рамках прогнозы являются и необходимыми, и действенными, то когда речь идет о долгосрочных прогнозах и нестабильной ситуации, мы вряд ли можем полагаться на существующую практику. Субъективный характер СО в условиях нестабильности и долгосрочного прогнозирования в сложные периоды превращает прогноз СО в условность. И об этом нужно не просто помнить, но и прогнозировать возможность неожиданного появления совершенно незапланированных сценариев развития СО.

С другой стороны, для принятия таких долгосрочных решений нам необходимо снижение риска и хотя бы относительная определенность. А именно это дают (или должны давать) стратегические прогнозы развития разных сценариев СО. Если попытаться эти размышления применить на примере эволюции ВПО и СО на Украине за последние 25 лет, то мы увидим, что она за эти годы радикально изменилась.

В конце 1980-х годов, например, Украина имела одну из лучших в мире армий, уступающую только армиям США, КНР и России при абсолютно благоприятной МО и ВПО. Стратегическая обстановка для Украины конца 80-х годов и начала 90-х годов, таким образом, могла характеризоваться как практически идеальная, а ее прогноз — самым благоприятным. Соответственно, если предположить, что кто-то в то время делал стратегический прогноз развития СО на Украине на второе десятилетие XXI века (т.е. всего на 25 лет), то этот «кто-то» не мог даже предположить, что уже к 2014 году:

— армия Украины будет развалена, ВиВТ распроданы и разворованы, а качество личного состава сведено к минимуму. Именно качество л/с ВС Украины станет главной причиной неудачных действий в АТО, хотя соотношение сил между воюющими сторонами было несопоставимо. По большому счету это означает резкое снижение НЧК в ВС, ОПК и в целом на Украине;
— внутриполитический кризис в стране приведет к вооруженному перевороту, который, в конечном счете, свидетельствует о крайне низком качестве государственного управления, т.е. НЧК в обществе и в элите;
— ОПК разрушен и будет доживать последние годы, а НК в ОПК фактически исчезнет;
— морально-политический кризис приведет к гражданской войне и другим катастрофическим последствиям, которые стали глобальным следствием разрушения НЧК Украины. Для того чтобы создать искусственный кризис в стране нужно было резко дестабилизировать внутриполитическую обстановку, создав новую шкалу «национальных ценностей» и ложные представления о национальных интересах.

Все это стало возможным потому, что социально-экономический кризис сопровождался искусственно созданным извне кризисом идентичности, попыткой создать «новую

нацию» и «новое государство», противопоставив его внешнему врагу — России. Стратегическая обстановка, возникшая в XXI веке в результате такой политики, не была объективно обусловлена: не было ни внешних врагов, ни гражданской войны. И первое, и второе создавали системно и целенаправленно из-за рубежа в течение 25–30 лет, начиная еще с «идеологического» руководства ЦК КПУ и конкретно — главного идеолога Л. Кравчука.

Если бы на Украине существовали соответствующие политические структуры, занимающиеся стратегическим анализом и прогнозом, а политическая элита востребовала бы эти наработки, т.е. была бы национально-ориентирована, то подобное развитие СО на Украине можно было бы не только прогнозировать, исходя из имевшейся информации, знаний и опыта стратегических прогнозов, но и предотвратить. Но на Украине не было ни национальной элиты, ни «социального заказа», ни соответствующих структур. Националистическая элита страны сформулировала, с подачи США, совершенно иной «социальный заказ».

К сожалению, ситуация в России, до 2000 года, мало чем отличалась от ситуации на Украине по всем этим параметрам и только стала лучше в настоящее время. Приход к власти в России В. Путина означал, что постепенно к власти стали приближаться национально-ориентированные социальные группы российской элиты, которые начали вытеснять представителей западно-либеральной элиты, отстаивающих ценности и интересы западной локальной цивилизации. Это привело не только к постепенной смене внешнеполитического курса России, происходившей в 2000–2014 годы, но и, в конечном счете, к созданию ситуации внешнеполитического и военно-политического противостояния России, США и объединенной западной локальной цивилизации, которая в 2014 году фактически трансформировалась в открытую форму сетецентрической войны.

Именно приход к власти В. Путина и части национальной элиты в России, ставший решающим субъективным фактором формирования СО, привел к тому, что относительно мирный сценарий развития ВПО в начале XXI века постепенно перерос в конкретный враждебный сценарий СО. Субъективность влияния этого «фактора В. Путина» выразилась в трех аспектах:

— во-первых, В. Путин публично поставил под сомнение право США на мировое лидерство и определение политико-правовых норм («правил») поведения стран в мире;
— во-вторых, В. Путин стал отстаивать национальные интересы, которые до него на протяжении целого ряда лет никто не отстаивал;
— в-третьих, В. Путин заявил о ценностях российской и евразийской локальной цивилизации и ее самодостаточности, возможности интеграции в Евразии.

«Простить» сразу все три аспекта политики В. Путина США не смогли потому, что в условиях глобального изменения соотношения сил это означало бы принятие США новых правил.

Анализируя и прогнозируя будущие сценарии СО, войн и конфликтов, мы неизбежно сталкиваемся с влиянием такого негативного фактора, имеющего как объективный, так и субъективный характер, — инерцией военно-теоретического мышления. Не только во всех областях гуманитарных знаний в 80–90-е годы, но и в военной науке в СССР и России наступил глубочайший кризис, вызванный сознательно. Этот концептуальный кризис начался с заявлений высшего руководства ЦК КПСС об отказе от «игры в дефиниции», а продолжался безумным использованием заведомо сделанных для России наработок западной мысли, уничтожением российской науки в последние десятилетия. Это привело, в конечном счете, к резкому снижению качества НЧК в обществе и особенно в науке. Если еще в 1990 году СССР входил

по ИРЧП в первую десятку стран, то в последующие десятилетия в число 60-и и даже 70-и государств.

Преодоление этого кризиса в последнее десятилетие шло мучительно, но не произошло, к сожалению, до сих пор. Гуманитарные знания, НЧК и его институты (достаточно сказать, что кафедра философии бывшей ВПА им. Ленина сократилась с 70 до 10 преподавателей) будут восстанавливаться крайне медленно, а ученые еще только начали привлекаться к исследованиям СО.

У этой проблемы есть и другие аспекты. С одной стороны, объективность идеологического и мировоззренческого кризиса вызвана инерцией мышления вообще, а тем более военного, «иерархичного», когда старший начальник всегда должен быть «умнее», «дальновиднее», «грамотнее» и т.д., а, в конечном счете, «всегда прав» по отношению к своему младшему коллеге. Это чинопочитание привело к серьезному ущербу военной науке, прежде всего, для оценки СО.

С другой стороны, современная военная теория — и это мы видим, в том числе на примере России — отстает на десятилетия от реальной действительности. Генералы думают, что будущие войны будут «как прошлые». Особенно, если они в них когда-то участвовали. Поэтому анализ характера СО, войн и будущих конфликтов во многом предопределяется имеющимся опытом «старших начальников». Что совершенно не соответствует действительности. Представим себе, что в 1939 году мы готовимся к войне с Германией, используя опыт русско-японской войны.

Эти объективные и субъективные особенности иногда настолько решительно оказывают влияние на анализ и прогноз СО, что делают их заведомо бессмысленными. А между тем ситуация даже в военно-политической и военно-технической области не говоря уже о СО, меняется стремительно, буквально в течение 7–10 лет. Нередко на радикально иную. Так, на военный разгром Ливии в 2011 году повлияло массо-

вое использование крылатых ракет морского базирования, которые были развернуты США в предыдущие годы. Всего лишь одна ПЛАРК «Флорида» использовала против Ливии почти столько же КРМБ, сколько, за 20 лет до этого, против Ирака весь объединенный флот США и Великобритании.

Но еще большие изменения происходят в невоенных областях, прежде всего, социальных технологиях, и способах применения военного, но не вооруженного насилия. За эти 20 лет появились такие новые явления, как социальные сети, скоростной интернет, дешевая общедоступная связь, способность недорого перемещения на огромные расстояния крупных масс людей, возможности универсализации и программирования массового сознания.

Эти колоссальные социальные изменения происходили в ходе важнейшего этапа в истории всех локальных цивилизаций — изменения соотношения сил в мире и отмирания однополярной силовой системы, с одной стороны, и упорного нежелания этих сил уступать политическое, геополитическое и экономическое пространство новым силам, — с другой.

Взятые вместе, эти социально-политические сдвиги коренным образом меняют все представления о войне и военных конфликтах, роли факторов, определяющих их характер и особенности. Так, например, в еще большей степени ВПО и СО изменится для России по мере развертывания носителей КРМБ по периметру нашей страны в недалеком будущем. Фактически вернется период конца 1940-х годов, когда «абсолютная» неуязвимость США позволяла проводить им любую силовую политику. Это будет не возврат прежней СО, но формирование принципиально новой, более опасной.

Эти и другие стратегические реалии требуют уже сегодня создания новой военной доктрины и военной стратегии России, ориентированных не только и не столько на опыт прежних войн и конфликтов, но и на возможный новый характер СО, войн и конфликтов будущего. Причем как воен-

Рис. 2.8. Терминология для организации сопротивления

ная доктрина, так и военная стратегия должны начинаться с описания современных и прогноза будущих реалий, создавать новый понятийный аппарат, без которого наши пред-

ставления о будущих войнах и конфликтах будут неполными. В качестве примера приведем лишь несколько основных понятий, отсутствующих в российском военно-политическом обиходе, но широко применяемых в США (рис. 2.8)[45].

Из этих понятий и определений уже хорошо виден тот будущий характер СО, войн и конфликтов, на который ориентируется армия США. В частности, для России имеет значение, прежде всего, два обстоятельства:

Во-первых, военное противостояние и СО не рассматривается только как вооруженное противостояние вооруженных сил, а скорее как военное противостояние военных организаций противоборствующих сторон, в которые входят в полной мере все основные институты государства и общества, а не только структуры собственно МО.

Во-вторых, военное противостояние ориентировано на использование, прежде всего, неформальных вооруженных формирований и гражданских сил, находящихся в то же время под контролем военных США. Более того, тщательно подготовленных, обученных и экипированных именно соответствующими военными подразделениями США.

В-третьих, большое внимание уделяется воспитанию и созданию институтов гражданского общества, которые должны использоваться в интересах Вооруженных Сил США.

[45] Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 22.

Глава III
Основные особенности развития международной обстановки в XXI веке

Соотношение военной силы с другими силовыми средствами во внешней политике в XXI веке приобрело совершенно новое, но пока что не осознанное до конца значение. Понимание сути, — основных особенностей, характера, структуры и др. отличительных черт современной международной обстановки — обязательное условие для определения военно-политической обстановки и конкретной современной стратегической обстановки, а также специфики и характера уже ведущейся сетецентрической войны против России[46]. В XXI веке особенно ясно проявилась и другая особенность формирования МО: конкретная СО оказывает в XXI веке решающее влияние на состояние и перспективы развития МО, что естественно, особенно отчетливо проявляется в ходе войн и военных конфликтов. «Быстрая» и эффективная победа нередко коренным образом меняет весь сценарий развития МО не только в отношении одной, но и группы стран. Если прежде решительные победы (Наполеона, Антифранцузской коалиции, Антанты, Антигитлеровской коалиции) меняли состояние МО в отдельные, достаточно длительные промежутки времени, чередовавшиеся через 20–30 лет, то в XX веке с появлением СЯС возможность влияния СО на МО превратилась в постоянный фактор развития отношений между ЛЧЦ, а в XXI веке уже не только СЯС, но и другие

[46] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 13–15.

военно-силовые инструменты политики стали уже не только теоретически возможным фактором влияния, но и постоянно действующим.

Более того, возможность достижения стратегического результата в войне стала рассматриваться в официальных документах как наиболее вероятный сценарий развития военных действий, который изначально уже «закладывается» во внешнеполитическую стратегию развитых государств западной ЛЧЦ. Фактически в XXI веке происходит резкая милитаризация внешней политики, хотя еще в 70–80-е годы XX века усиленно продвигался тезис о «падении значения и роли военной силы во внешней политике государств».

Таким образом, основной особенностью развития МО в XXI веке стало усиление значения собственно вооруженных средств во всей гамме силовых инструментов политики государств. Этот вывод справедлив для всех развитых государств, но в наибольшей степени для стран-лидеров западной ЛЧЦ, что отразилось, например, в таких явлениях как сверхбыстрый рост военного бюджета США до 2010 года (с 350 до 700 млрд долл. за 10 лет) или сохранении большой численности профессиональных армий, быстрая смена ВиВТ. Но, главное, в быстром росте численности конкретных эпизодов применения военной силы, включая и в таких «заповедных» прежде регионах, как Европа.

В начале 2015 года в российской правящей элите и экспертном сообществе наблюдался очевидный кризис в оценке не только сложившейся МО, но и конкретной СО в Европе. Разные группы элиты по-разному, иногда прямо противоположно, подходили к оценке МО и перспектив ее развития. Во многом этот кризис был вызван общим кризисом в стране, в т.ч. идеологическим кризисом. Но не только. Определенно и негативно сказывалось влияние остатков господствовавшей в политике России либеральной идеологии, настойчиво

мешавших трезво взглянуть на происходящее. Те же люди, кто во времена М. Горбачева монополизировал телевидение своими заклинаниями о «единой европейской цивилизации», сегодня, пятясь, пытаются, по сути, говорить то же самое в условиях открытой враждебности Европы. Это выражалось, в частности, в идеализации МО в 2014–2015 годах, что практически вело, во-первых, к отрицанию реалий силовой вооруженной борьбы, а, во-вторых, косвенному признанию опасности периода перехода к многополярной модели. Так, в докладе международного клуба «Валдай» в марте 2015 года очень аккуратно, но настойчиво проводилась именно эта мысль: «переход к многополярной модели, основанной на разных политических культурах, убеждениях, экономических и технологических возможностях, пока не только не укрепил стабильности, но и усугубил симптомы анархии. А сама по себе заявка поднимающихся, не удовлетворенных своим положением держав осуществить ревизию де-факто установившихся правил несет риски и им самим, и мировой ситуации. Многополярность — звучит прекрасно, но практическое знакомство с такой ситуацией пока скорее обескураживает»[47].

Можно, конечно, сколько угодно сожалеть об опасности перехода к многополярности, но реальность такова, что этот переход не только неизбежен, но и связан с обострением силовой борьбы между локальными человеческими цивилизациями, в рамках которой отчетливо уже проявились конкретные вооруженные формы в виде сетецентрической войны использования военной силы в международных отношениях.

Эти теоретические и публицистические споры и псевдонаучные дискуссии внутри правящей элиты во многом

[47] Новые правила или игра без правил? / Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М. : 2015. Март. С. 5.

исказили представление о реальном ходе мировых событий, тех тенденциях, которые господствуют в эволюции конкретного современного сценария развития МО во втором десятилетии XXI века. Поэтому крайне важно изначально четко определиться с отношением именно к современному сценарию развития МО, а еще лучше — наиболее вероятному будущему варианту этого сценария.

Соглашаясь с Еленой и Сергеем Переслегиными, можно признать что, в принципе, во-первых, будущий сценарий МО и ВПО цивилизационно предопределен современным развитием враждебного сценария взаимоотношений локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), а во-вторых, что таких будущих сценариев развития МО в итоге будет немного, «скорее всего — один». И этот «один» сценарий — будет крайне пессимистичен.

Очень похоже, что столкновение локальных цивилизаций не просто неизбежно, но уже началось: западная ЛЧЦ хочет, во что бы то ни стало уже не просто сохранить свое господство, но и подчинить себе другие ЛЧЦ. Более того, она уже начала — системно и последовательно — этот глобальный процесс. Поставки западных ВиВт на Украину это фактически военное участие (пусть и «опосредованное, как говорят на Западе)[48] в цивилизационном конфликте, конкретный пример перерастания конфликта в войну.

Однако, эти самые общие выводы совершенно не могут нас удовлетворить, потому что имеют мало практического значения. Потому что наша главная задача — это, в конечном счете, выделить один или два сценария развития МО в среднесрочной (до 2021–2025 гг.) и долгосрочной перспективах (до 2045–2050 гг.).

---

[48] *Верхоянцев А.* Приметы третьей мировой войны / Эл. ресурс: «ЦВПИ» / http://eurasian-defence.ru. 2015. 2 марта.

3.1. Общий план и структура анализа и прогноза сценариев развития МО в XXI веке

Формулирование именно такой «общенаучной парадигмы», о которой говорил М. Хрусталев, необходимо для прогноза будущих сценариев (и их вариантов) развития МО. В рамках такой парадигмы предусмотрен самый общий план работы, который предполагает использование ставшей уже традиционной структуры для исследования и прогноза сценариев развития международной обстановки в четыре этапа, каждый из которых является относительно самостоятельным анализом и стратегическим прогнозом: во-первых, анализ и прогноз развития глобальных мировых тенденций; во-вторых, прогноз развития основных субъектов МО; в-третьих, анализ и прогноз развития негосударственных акторов МО, и, наконец, в-четвертых, анализ и прогноз их взаимосвязей, которые формируют систему собственно вероятных сценариев развития МО.

Такая общая концепция (общенаучная парадигма) предполагает анализ и прогноз именно системы, находящейся под влиянием нескольких основных групп факторов, которая формирует сценарий (и его конкретный вариант) МО. Это означает, что не только анализ субъектов МО (государств), но и их конкретных количественных критериев, в т.ч. потенциалов, который традиционно делается учеными, недостаточен. Необходимо не только максимально учитывать все факторы, влияющие на формирование МО, но и взаимосвязи между ними и их взаимозависимость, т.е. сценарий развития МО представляет собой, в конечном счете, сценарий развития системы, учитывающий многие факторы.

Однако изначально сделано два важных условия.

Первое — приоритет отдается анализу отношений между ЛЧЦ, которые в работе рассматриваются как основная форма противоречий в XXI веке.

Второе условие относится к новой роли военной силы в этих противоречиях в XXI веке, в частности, сетецентрической войне как важнейшему средству формирования будущих сценариев МО.

И первое, и второе условие наверняка могут быть оспорены значительной частью экспертов-международников в России и за рубежом, а значит и сам подход автора в этой работе поставлен под сомнение. Надо признать, в целях справедливости, что значительная часть специалистов-международников придерживается иной точки зрения, в частности, полагая, например, как считают российские американисты, что внутриполитические соображения и противоречия в США во многом предопределяют их внешнюю политику.

Первый этап исследования предполагает анализ и прогноз (среднесрочный, до 2021–2022 гг.) развития основных тенденций, формирующих будущее человеческой цивилизации и международной обстановки, в результате которых мы выделяем несколько возможных и один–два наиболее вероятных сценария развития МО. Именно основные тенденции мирового развития являются основным предметом исследования, представляя собой самостоятельную группу наиболее влиятельных факторов.

Таким образом, в основу анализа и прогноза наиболее вероятных среднесрочных сценариев развития МО положен анализ существующих и прогноз будущих основных тенденций мирового развития. Такой подход предполагает, что именно мировые — глобальные и региональные — тенденции развития являются основными факторами формирования сценариев МО в среднесрочной перспективе, а остальные факторы, которые будут рассмотрены ниже, играют менее значимую роль.

Предполагается, что исследование таких тенденций позволит нам не только наметить, в основном весь спектр

возможных сценариев развития МО, но и выделить среди них один–два наиболее вероятных сценария развития.

Логическая схема такого анализа и прогноза может быть представлена следующим образом, иллюстрируя, прежде всего, изменения степени влияния тех или иных глобальных тенденций на формирование различных сценариев развития МО.

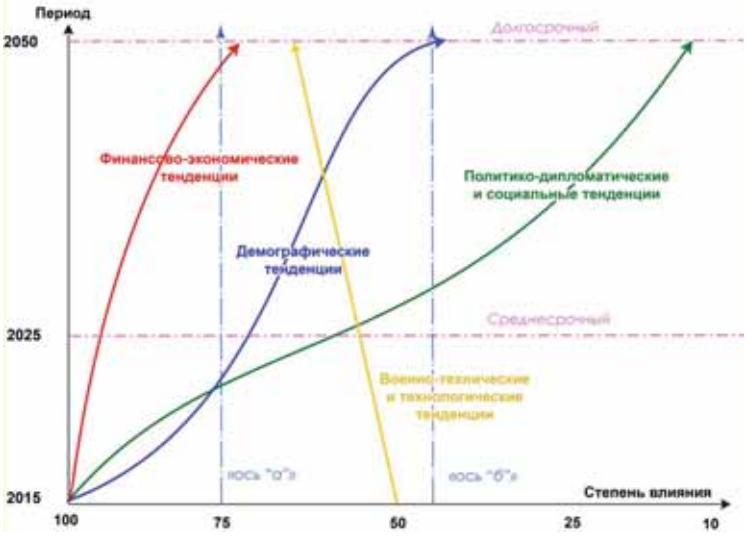


Рис. 3.1. Логическая схема возможных сценариев развития МО на основе анализа мировых тенденций в среднесрочной (до 2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

В качестве примеров эволюции влияния различных тенденций приводятся только некоторые глобальные тенденции развития:

а) финансово-экономические;
б) демографические;
в) политико-дипломатические и социальные;
г) и др., которые, конечно же, совершенно не отражают реалий, но из этой иллюстрации видно, что наибольшее

влияние на формирование будущего сценария МО будут оказывать тенденции, образующие единое поле между осями «а» и «б».

Как видно из этой логической схемы, иллюстрирующей изменение влияния тех или иных тенденций на сценарии МО, их роль может быть решающей уже в среднесрочной перспективе, а тем более в более далеком будущем. Так, при доминировании (как сегодня) финансово-экономических тенденций глобализации, МО «выстраивается» преимущественно с учетом их влияния (значения мировой торговли, финансовых потоков, поставок углеводородов и т.п.). В 2015 году сознательно берется за 100 % влияние финансово-экономических, демографических и политико-дипломатических тенденций с тем, чтобы показать относительное снижение этого влияния в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Второй этап исследования предлагает анализ и прогноз развития влияния основных традиционных субъектов МО — локальных человеческих цивилизаций, государств и наций. В результате анализа и прогноза мы определяем один–два наиболее вероятных сценария развития МО, которые могут совпадать или не совпадать с результатами анализа и прогноза развития мировых тенденций:

— до 2021–2022 годов;
— до 2045–2050-х годов и далее.

Этот этап анализа и прогноза предполагает использование достаточно традиционного подхода, который, в конечном счете, сводится к исследованию влияния отдельных (прежде всего основных) субъектов на формирование и развитие сценариев МО — как возможных, так и наиболее вероятных[49].

Естественно, что на формирование того или иного сценария развития МО отдельные субъекты оказывают разное

[49] *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.

влияние. Если взять крайности — такие субъекты МО как США и Монако, например — то очевидно, что роль, значение и влияние этих субъектов на формирование сценариев развития МО и ВПО различны.

Еще более важным является изменение этого влияния по времени, что ведет к изменению в глобальном и региональном соотношении сил. Так, изменение доли ВВП США с 18 % в мировом ВВП в 2015 году до 16 % в 2025 году и до 12 % в 2045 году, естественно, не может не отразиться на соотношении сил в мире, которое, однако, не может быть простой экстраполяцией падения влияния США: за эти же годы США могут усилить другие составляющие своей мощи — военную силу, коалиционную мощь или качество национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов[50].

Таким образом, задачей анализа и прогноза является определение в среднесрочной и долгосрочной перспективах влияния отдельных ЛЧЦ и государств на МО, а через изучение их целей — и на возможные и вероятные сценарии развития МО. В самом общем виде эту работу можно представить на следующей логической схеме (рис. 3.2).

Примеры:

а) степень влияния США (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;

б) степень влияния РФ (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи) на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах;

в) степень влияния КНР (динамика изменения экономической, финансовой, научно-технической и пр. мощи)

---

[50] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

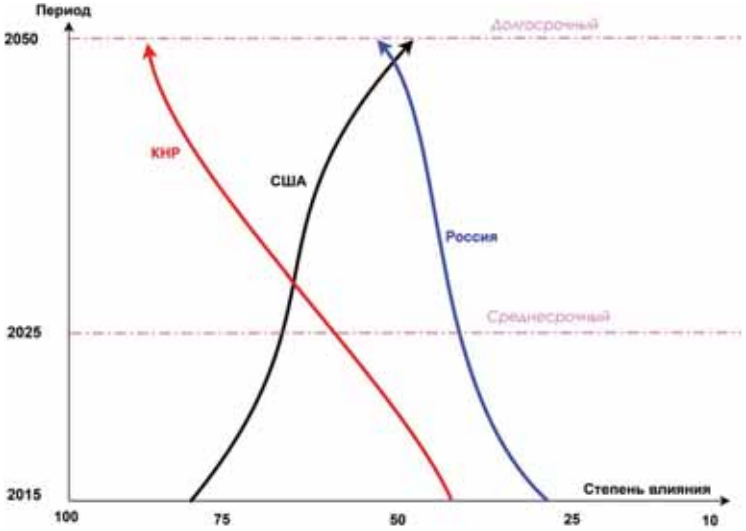


Рис. 3.2. Логическая схема анализа и прогноза влияния отдельных субъектов МО (ЛЧЦ и государств) на формирование сценариев развития в среднесрочной (2021–2022 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

на МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах.

Так, из приведенных примеров видно, например, что к 2021–2025 годам степень влияния КНР и США сравняются, а к 2045–2050 годам влияние КНР в мире на формирование МО существенно превысит влияние США, т.е. в 2050 году мир будет «китаеориентированным» больше, чем «американоориентированным».

Примечательно, что влияние России прогнозируется, на рисунке, как усиливающееся, что в период «равенства» США–КНР в 2021–2025 годах может сыграть важную роль.

Третий этап исследования предполагает анализ и прогноз развития основных негосударственных (международных и общественных) акторов мировой политики, в резуль-

тате которых мы определяем их влияние на формирование возможных и наиболее вероятных сценариев развития МО:

— до 2021–2024 годов;
— до 2040-х годов и далее.

Есть основания полагать, что в XXI веке ожидается разное усиление влияния международных и негосударственных акторов мировой политики. И не только традиционных (как, например, военно-политических коалиций и международных институтов, которые играют все более заметную наднациональную роль в ЕС, НАТО, МВФ, ВБ и множестве других международных организаций), но и принципиально новых негосударственных международных и национальных акторов мировой политики, таких, например, как ИГИЛ или «Правый сектор», или «КиберБеркут».

До XXI века эти акторы (за редким исключением национально-освободительных движений и организаций типа ООП или «Ирландской освободительной армии» или Африканского национального конгресса) играли незначительную, даже второстепенную роль, но уже в конце XX века они стали превращаться в факторы, влияющие на развитие МО и ВПО в мире. Объяснений этому как минимум два. Во-первых, возрастающая роль НЧК и его институтов привела, по сути, к началу нового, социально-исторического этапа в человеческой цивилизации, где роль идеологии, психологии человека становится решающей.

Другая причина — появление новых информационных и социальных технологий, которые сделали решительный шаг в организационном развитии общественных и политических организаций: появлении сначала сетевых, а затем и роевых организаций.

По аналогии с государственными факторами, влияющими на формирование МО, на третьем этапе анализа и прогноза требуется рассмотреть динамику изменения влияния негосударственных акторов на развитие сценариев МО.

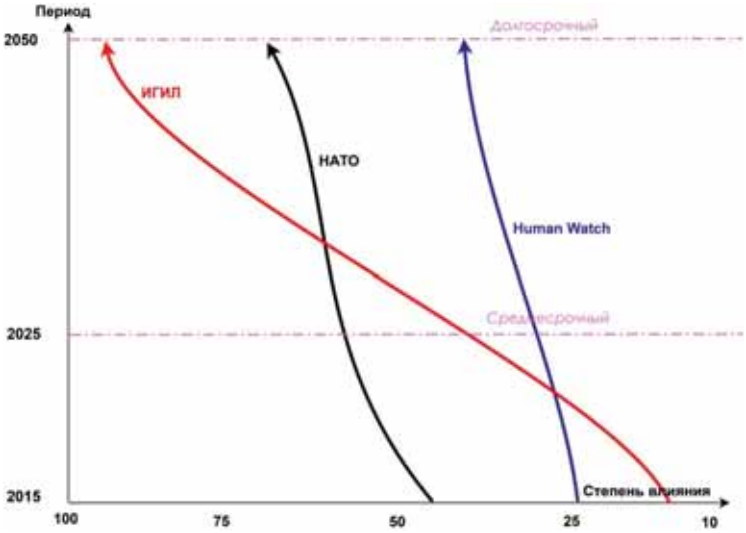


Рис. 3.3. Логическая схема анализа и прогноза влияния, отдельных акторов (субъектов и тенденций) на формирование сценариев развития МО в среднесрочной (2021–2025 гг.) и долгосрочной (2045–2050 гг.) перспективах

Примеры:

а) влияние международных военно-политических коалиций (типа НАТО) на формирование МО;

б) влияние идеологических роевых организаций (типа ИГИЛ) на формирование МО;

в) влияние международных общественных организаций (типа «Human Watch») на формирование МО.

Как видно из рисунка, в самом общем виде можно сделать вывод о том, что влияние негосударственных акторов мировой политики на формирование МО, резко, даже стремительно возрастает. Причем это относится ко всем акторам, которые (в отличие от других факторов МО, например государств или мировых тенденций) развиваются в одном направлении.

Четвертый этап исследования — анализ возможных и наиболее вероятных сценариев развития МО — предполагает «совмещение» — сопоставление и сравнение — выделенных в ходе трех этапов наиболее вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Подобное сопоставление (в случае схожести сценариев развития МО) может в идеале дать возможность даже «наложения» одного вероятного сценария развития МО на другие.

Другими словами, основанные на разной информации и разных методах анализа и прогноза выводы в отношении того или иного вероятного сценария развития МО могут быть близки либо даже совпасть. Это, безусловно, увеличивает вероятность того, что именно этот сценарий развития МО будет доминирующим в среднесрочной либо долгосрочной перспективе. Так, если в результате анализа мировых тенденций (первый этап) окажется, что наиболее вероятным сценарием в долгосрочной перспективе будет сценарий «борьбы за ресурсы и возможности», а в результате анализа государственных акторов (второй этап) — «войны коалиций», то анализ влияния негосударственных акторов (третий этап), скорее всего, покажет не только усиление их влияния, но и в результате чего это будет происходить[51].

Таким образом, в результате исследования может остаться 2–6 наиболее вероятных сценариев развития МО, часть из которых может быть близка друг к другу или даже совпадать. В идеале может оказаться, что 1–2 сценария совпадают полностью и поэтому они интегрируются в единый сценарий развития будущей МО, имеющий два временных промежутка прогноза — до 2021–2024 годов и после 2045 года.

Надо только помнить, что к этому времени вероятность изменения ныне существующей парадигмы развития человечества, МО и ВПО будет очень высока.

---

[51] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

При этом очень важно также иметь в виду, что простая «сумма» трех групп тенденций не может дать точного ответа на вопрос о будущем сценарии развития МО. Необходимы их синтез, системное «взаимопроникновение» и выработка понимания этого взаимовлияния. Как справедливо замечают исследователи МГИМО, «… международные отношения — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»[52].

Сказанное означает, что обозначенные четыре этапа в исследовании трех групп тенденций дают основания для того, чтобы попытаться рассмотреть эти процессы во взаимосвязи, когда основные противоречия между ними устранены либо им найдены логические объяснения, а наиболее вероятные итоговые сценарии вполне совместимы. В конечном счете, нам необходим практический результат, который заключается в описании характера и особенностей наиболее вероятного сценария (или двух его вариантов) развития МО в среднесрочной перспективе до 2021–2025 и долгосрочной перспективе до 2045–2050 годов, а не «набор» различных возможных сценариев. Такой набор может иметь общую футуристическую ценность, но минимальное практическое значение. Так, например, если в результате исследования первой группы тенденций (на 1-м этапе) обнаруживается в качестве наиболее вероятного сценария сценарий «X», то он должен быть совместим по своим основным характеристикам со сценарием, полученным в результате исследования второй группы тенденций (на 2-м этапе), — сценарием «Y», и третьей группы тенденций (на 3-м этапе) — сценарием «Z». Либо, в случае если эти сценарии

[52] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М. : ЗАО «Аспект Пресс», 2014. С. 14.

оказываются несовместимыми (что на самом деле должно настораживать, ибо, скорее всего, свидетельствует об ошибках анализа), должно быть найдено аргументированное объяснение этому несоответствию и противоречию.

Надо понимать, что «глубина анализа» на каждом из этапов исследования может быть очень разной. Как правило, авторы современных прогнозов ограничиваются самым общим описанием того или иного фактора или тенденции, что, с одной стороны, снимает с них ответственность, но, с другой — не позволяет делать действенный прогноз, нацеленный на конкретный результат.

Учитывая, что «глубина анализа» прямо зависит от существующих ресурсов, в любом случае предстоит огранить такой анализ или прогноз определенным количеством избранных критериев. Важно, однако, чтобы было общее понимание: анализ и прогноз развития МО требует исследования сотен, даже тысяч факторов и критериев. Так, например, описывая на втором этапе анализа влияние США, можно остановиться на 10–15 основных критериях (ВВП, площадь территории, численность населения, военные расходы и т.д.), которые мало что дадут для практического использования. Разве что самое общее представление о стране как факторе МО, в то время как важно знать не только объем ВВП, но и его структуру, динамику, например, важно знать не только военные расходы, но и качество личного состава ВС, качество ВиВТ, систем управлении и т.п.

Другой пример. Находясь на втором этапе исследования и выбирая из 200 государств — участников МО наиболее влиятельные, как правило, традиционно останавливаются на 5–7, в лучшем случае на 10–12 государствах. Однако в XXI веке число государств, чье влияние на формирование МО стало заметным и даже сильным, существенно возросло. Более того, некоторые государства «второго ряда» (Индонезия, Мексика, например), чье влияние на МО всерьез не учитывалось, в долгосрочной перспективе войдут в 20 ведущих государств,

а некоторые (как Казахстан и Узбекистан) вплотную приблизятся к этой группе.

В любом случае, размышляя о состоянии и перспективах развития МО, важно не только анализировать самые общие тенденции, как это традиционно делалось в последние десятилетия, включая и российских исследователей, но и пытаться приблизиться к практическим выводам. В настоящее время не только наконец-то признается важность стратегического планирования (и даже принят в июне 2014 года соответствующий закон), но даже делаются попытки заставить ведомства вплотную заниматься стратегическими прогнозами и планированием. К сожалению, пока что, как правило, неудачно. В этом смысле справедливы слова С. Переслегина, которые в полной мере могут быть отнесены к российской элите: «… как показывает опыт всех без исключения ролевых игр, люди, находящиеся у власти, всегда реагируют на конкретную тактическую угрозу, а не на отдельную проблему стратегического характера, даже если ее опасность они вполне сознают»[53].

Целью настоящей работы является попытка приблизиться к тому, чтобы показать не только «стратегическое будущее», но и конкретную точку отсчета — опасное настоящее, которое формирует уже более опасное будущее.

3.2. Основные тенденции в развитии международной обстановки в долгосрочной перспективе

На первом этапе, как уже говорилось, требуется рассмотреть основные тенденции, влияющие на развитие МО, в настоящее время, в среднесрочной и долгосрочной перс-

---

[53] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 69–70.

пективах. При этом сам выбор этих тенденций уже является субъективным выбором, когда доказать значительное влияние тех или иных тенденций (а тем более их решительное влияние) практически невозможно. Так, например, окажись мы перед такой же задачей в СССР периода 1980-х годов, то маловероятно, что выделили бы в качестве главной тенденции развал Организации Варшавского договора, социалистического содружества и в конечном счете СССР, хотя именно это, как оказалось, уже в 1990-е годы и было самой главной тенденцией мировой политики.

Другой пример. В те же 1980-е годы один из авторов (А. И. Подберезкин) пытался безуспешно обратить внимание на исключительно важную роль информатики и систем боевого управления, связи и разведки не только в военной сфере, но и во внешней политике государств, тех последствий для внешней политики, которые будет иметь массовое внедрение высокоточного оружия (ВТО) уже в 1990-е годы[54]. Реакция — политическая, военная и партийная — была резко отрицательная, хотя уже через несколько лет в конфликте в Ираке, а затем в Югославии и т.д. это стало очевидным.

Иными словами, выбор наиболее важных тенденций, которые в настоящее время, а тем более в будущем будут влиять на мировую политику, — очень важный субъективный этап. Чтобы минимизировать его возможные ошибки, как представляется, необходимо попытаться:

— во-первых, не ограничиваться двумя-тремя тенденциями, а попытаться расширять их спектр на все основные сферы международной политики и международных отношений;
— во-вторых, уже на стадии отбора, привлечь как можно больше факторов и информации о таких тенденциях.

[54] *Подберезкин А. И.* Значение развития систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США: дис-я д-ра ист. наук : 1990 / ДА МИД СССР [Электронный ресурс]. URL : http://viperson.ru/

В настоящем разделе приводятся только основные, на взгляд авторов, тенденции, которые влияют на мировую политику во втором десятилетии XXI века. Величину их влияния предлагается оценить по 100-балльной системе — от 10 (отмечено влияние) до 100 (решающее влияние). Это можно представить в виде некой «матрицы влияния» мировых тенденций, при том, понимании, что их число может быть значительно больше, а также что могут появиться (даже неизбежно появятся в долгосрочной перспективе) новые тенденции, которые сегодня пока не существуют либо не обладают заметным влиянием.

«Примерная Матрица влияния» отдельных тенденций на развитие международной обстановки

Решающее влияние	Очень сильное влияние	Сильное влияние	Направляющее влияние	Определяющее влияние	Заметное влияние	Влияние	Слабое влияние	Очень слабое влияние
90–100	80–90	70–80	60–70	50–60	40–50	30–40	20–30	10–20

Таким образом, для нас важно:

— выделить ту или иную тенденцию как значимую, важную для формирования МО;
— определить степень её влияния в настоящее время (т.е. в 2015 г.);
— спрогнозировать степень её влияния в среднесрочной перспективе до 2021–2025 годов;
— спрогнозировать степень её влияния в долгосрочной перспективе до 2045–2050 годов;
— рассмотреть взаимодействие этой тенденции с другими мировыми тенденциями.

В качестве примера можно привести первую выделяемую мировую тенденцию — усиление цивилизационно-политического противоборства между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке. Как представляется, развитие этой тенденции может выглядеть следующим образом.

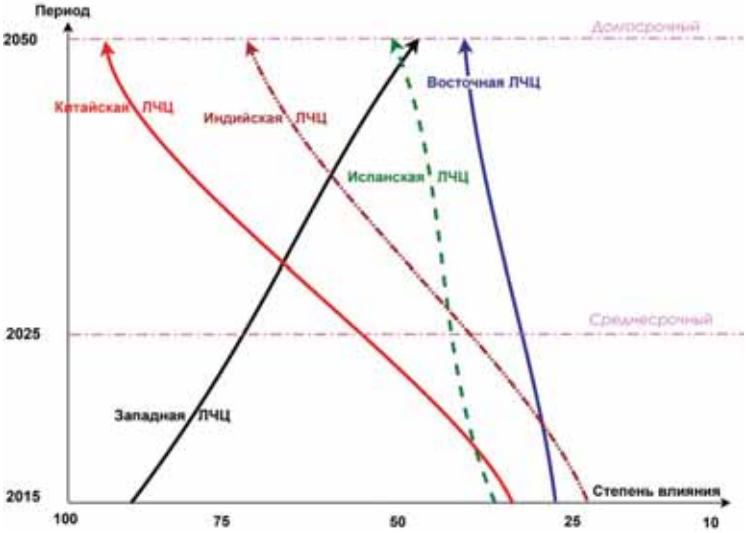


Рис. 3.4. Состояние и перспектива развития тенденции усиления цивилизационно-политического противоборства между ЛЧЦ в XXI веке

Как видно из рисунка 3.4, на фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение) происходит усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего, китайской, исламской, а затем и индийской, чьё влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым.

Отсюда ключевое значение в настоящее время и в среднесрочной перспективе следует уделить влиянию западной ЛЧЦ, которая начала активно бороться за сохранение своего

влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ.

Программное заявление Б. Обамы 2013 года имело стратегические по масштабам и времени последствия. В последующие годы США предприняли резкую активизацию своей внешней политики, что позволило Б. Обаме в конце 2014 года заявить, что Америка вернула себе мировое лидерство.

Между этими заявлениями прошло всего несколько лет. Понятно, что за 2–3 года правящая элита США не могла осуществить каких-то качественных изменений в соотношении сил в мире, таким образом, чтобы «вернуть лидерство США». Значит, «возвращение лидерства» лежит в политической области, а именно:

— в публичной заявке на такое мировое лидерство, которое сохраняется как минимум на среднесрочную перспективу до 2021–2024 годов независимо от того, какая администрация будет у власти;
— в декларировании того, что США не потерпят попыток помешать этому лидерству, что было наглядно продемонстрировано в политике по отношению к В. Путину в 2014 году;
— в безусловном усилении силового, в том числе военно-силового, компонента американской внешней политики.

Собственно, все усилия должны быть сосредоточены на утверждении этого сценария.

Развитие МО до 2020 года находится под влиянием трех основных групп факторов, деление на которые лежит в основе анализа и прогноза МО и выступает в качестве структурообразующего принципа данного раздела[55]. Это:

— основные тенденции (глобальные, региональные и локальные), формирующие условия развития МО в самых

[55] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

разных сферах человеческой деятельности, черты и особенности развития МО и ВПО;
— основные субъекты МО — государства и нации, реализующие свое право на проведение в той или иной степени суверенной внешней политики;
— другие акторы МО, прежде всего, международных, негосударственных и иных политических коалиций, экономических союзов и т.д.

Исходя из предлагаемой систематизации, следует рассмотреть развитие всех трех групп факторов до 2026 и 2040 годов, обратив особое внимание на период до 2020 года. Думается, что в итоге каждая из тенденций может привести нас к этому наиболее вероятному сценарию, а совпадение двух тенденций делает этот сценарий убедительным.

Существует два принципиально отличных подхода к оценке значения ведущих акторов мировой политики. Первый — цивилизационный, в соответствии с которым основные системы ценностей и интересов предопределяют развитие политических и иных отношений в мире. Второй подход отдает предпочтение государствам в качестве основных субъектов формирования МО, игнорируя цивилизационную общность и интересы.

Развитие МО и в самом общем плане отношений между ЛЧЦ в XXI веке происходило на фоне нового качественного («фазового») цивилизационного кризиса. Вот как его в общих чертах описывают Сергей и Елена Переслегины: «В целом ситуация выглядит следующим образом: столкновение цивилизации с постиндустриальным барьером проявилось как возникновение ряда тормозящих социальных практик. Это усугубилось попытками правящих кругов Запада предотвратить развитие революционной ситуации 1968 года, что вылилось в „политику нулевой пассионарности“ и строительство социального государства. В результате произошло резкое снижение качества человеческого материала, упала

производительность капитала и возникла угроза кризиса евроатлантического мира-экономики» [56].

Ответом на этот риск стала политика глобализации, которая стала возможной после краха СССР. Глобализация привела, однако, лишь к двадцатилетней передышке. Начало кризиса удалось отодвинуть, но за счет увеличения его масштаба. К концу 2008 года экономические возможности глобализированной экономики были полностью исчерпаны.

Кроме того, распад Советского Союза и крушение советского мира-экономики снизили уровень технологической, научной и военной конкуренции, что, во-первых, привело к дополнительному барьерному торможению и, во-вторых, уничтожило возможность выхода из экономического кризиса через перекачку инвестиционных ресурсов в альтернативные экономические структуры. На практике это проявилось как пропуск очередного кондратьевского цикла.

Политика глобализации привела к росту международного терроризма и переходу его в новую, гораздо более опасную форму. 11 сентября 2001 года мир столкнулся с классическим событием-маркером, обозначающим точку невозврата в фазовом кризисе. Реакция Запада на разрушение башен-близнецов была инстинктивной, то есть выполненной в логике естественного ответа социальной системы на внешний раздражитель. Результатом стали две малопопулярные и затратные войны, а также развитие практики ограничения демократических свобод под предлогом борьбы с терроризмом и различные сценарии.

На сегодня можно с уверенностью сказать, что все сценарные разработки запоздали. Тем не менее, делать что-то надо. «Окно» сценарных возможностей закрывается на наших глазах, но оно еще не закрыто окончательно.

---

[56] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 70–72.

Примерно так выглядит сценарное пространство, на котором развернутся все значимые события ближайшего десятилетия.

В начале 2015 года приходится констатировать, что обострение межцивилизационных отношений между двумя центрами силы и цивилизаций — прежде всего, Россией и США — приобрело устойчивую тенденцию, которая просматривается и в будущем. Эти отношения стали называть в 2014 году «новой холодной войной», хотя сохранилось и определенное число известных политиков и экспертов, по-прежнему считающих, что холодная война была временной «аберрацией… на общем фоне всемирно-исторического развития»[57].

В действительности отношения между локальными человеческими цивилизациями будут не только заменой «идеологических и иных форм конфликтов», как справедливо считает С. Хантингтон, но и станут ее «преобладающей формой»[58]. Превращение межцивилизационных отношений в основную форму к 2021–2024 годам означает:

1. Перенос противоречий между государствами и нациями из области борьбы за ресурсы в область борьбы и продвижения системы ценностей. Причем главный ресурс в XXI веке, от которого, в конечном счете, зависит противоборство ЛЧЦ, — человеческий потенциал, существующий в нации и ее институтах[59].
2. Усиление бескомпромиссности борьбы, так как в области идеологии и систем ценностей поиск компромиссов затруднен.

---

[57] *Яковенко А.* После смерти идеологии // Россия в глобальной политике. Т. 10. 2014. № 4. С. 33.

[58] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны. В 2 ч. Ч. 1. Основы теории войны. М. : Синергия, 2013.

[59] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М. : МГИМО–Университет. 2011–2013.

3. Изменение основного объекта политического воздействия — абстрактного государства — на представляющую его элиту.
4. Усиление субъективности в принятии тех или иных решений и в оценке действительности.
5. Значительное усиление роли творческих (креативных) социальных групп в экономической и политической жизни государств.
6. Складывание новой многополярной системы, в которой возрастающую роль будут играть новые центры.

Анализ относительно устойчивых экономических и финансовых тенденций остается, может быть, единственной реальной материальной точкой отсчета для политического анализа и стратегического прогноза потому, что все другие факторы настолько субъективны, что допускают великое множество толкований и неограниченное количество сценариев. Среди этих доминирующих тенденций в мировой экономике традиционно выделяют две — глобализацию и интенсификацию инновационных процессов.

Если согласиться с этой точкой зрения, то будущее ЛЧЦ представляется достаточно простым: победит тот сценарий развития, где доминировать будет лидер в области глобализации и инноваций. Сегодня этот бесспорный лидер — США, но к нему уже вплотную приблизился Китай, который удивительно эффективно использует не только достижения глобализации, но и перенимает успехи инновационного развития. Других соперников в 2015 году не видно — настолько США и КНР опередили другие ЛЧЦ и нации в этих двух процессах.

Перераспределение физических объемов торговли в 2010–2050 годы очень хорошо иллюстрирует изменение в соотношении сил между центрами силы.

Усиление цивилизационных центров силы и нарастание межцивилизационных противоречий неизбежно будет вести к появлению валют — конкурентов американскому доллару

и укреплению золотого стандарта. Этот объективный процесс уже начался с исключения доллара из ряда соглашений в качестве единственной резервной валюты во взаиморасчетах целого ряда государств — от КНР и России до Ирана.

По мере ограничения использования доллара в качестве единственной валюты будет сокращаться, и его возможность универсального средства платежа и усиливаться финансовая нестабильность в США.

Таким образом, в первой половине XXI века в финансово-экономической области будут развиваться две прямо противоположные, противоречивые и даже враждебные тенденции.

Первая: усиление политического, экономического и военного давления США на остальные страны с тем, чтобы сохранить позиции доллара в качестве основной мировой валюты.

Вторая: укрепление других валют и экономик, и переход на взаиморасчеты в других валютах между странами. Так, прогнозируемый к 2050 году рост внешней торговли в мире радикально меняет всю ее структуру в пользу новых экономических центров силы, что неизбежно ведёт к постепенному возрастанию роли национальных валют и ослаблению роли доллара.

Особенно дестабилизирующую роль может сыграть отказ КНР, России и других стран от доллара и переход к золотому стандарту.

После того как Центральный банк Швейцарии сообщил в январе 2015 г. о том, что он отказывается от привязки курса франка к евро которую он ввёл в 2011 году, на мировых финансовых рынках начался хаос и паника. После объявления этого решения курс евро по отношению к франку одномоментно упал на 30 %.

Если посмотреть на привязку китайского юаня к американскому доллару, то возникает естественный вопрос: что

произойдёт, если Китай также откажется от привязки своей национальной валюты к доллару? История со Швейцарией имеет одни последствия, а история с Китаем может иметь совсем другие результаты. Если монетарные власти Китая всё же примут решение отказаться от привязки юаня к доллару, то это будет иметь катастрофические последствия для американской валюты и тогда вся мировая финансовая система начнёт рушиться на глазах.

Китай также прекрасно понимает, что цена золота рассчитывается в Нью-Йорке и Лондоне с помощью «бумажного золота», которое не имеет никакого отношения к физическому наличию драгметалла. Если на мировом рынке золота все владельцы «бумажного золота» потребуют поставки им физического металла, то это приведёт к коллапсу, так как все сразу поймут, что 99 % мирового золота — это всего лишь фальшивка в виде бумажных обещаний о поставке драгметалла. По оценкам, в мире 30 000 тонн физического золота, из которых в США — 8 тыс., Германии — 3,3, России — 1,2 тыс.

В целом же следует отметить, что «на другом полюсе» от США, в странах БРИКС, концентрируется уже более 50 % всех золотовалютных резервов мира, а Китай уверенно занимает в этой области 1-е место в мире[60].

Если, например, Китай откажется от привязки юаня к доллару, то курс американской валюты может также опуститься на 30 %, как это было с евро, и тогда все инвесторы начнут скупать золото и серебро. Но в наличии может не оказаться столько физического металла. И тогда владельцы «бумажного золота» наконец-то поймут, что они всё это время держали фальшивку, которая ничем не обеспечена, кроме обещания поставить драгметалл по первому требо-

[60] БРИКС–2015: Сборник статьей / Под ред. А. А. Климова. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 63.

Золотовалютные резервы стран БРИКС, на 1 января 2013 г.

Страны	Объем золотовалютных резервов, млрд долл.	Доля в мире, %	Объем ВВП по ППС, млрд долл.	Резервы по отношению к ВВП, %
Россия	538	6,4	3261	16,5
Бразилия	373	4,4	2239	16,6
Индия	296	3,5	4749	6,2
Китай	3341	39,6	12 240	27,3
ЮАР	51	0,6	573	8,9
БРИКС в целом	4599	**54,7**	23 062	19,9
Мир в целом	8407	100	—	—

ванию. В этот момент на рынке драгоценных металлов могут начаться большие изменения, которые непременно приведут к резкому росту цен на золото и серебро[61].

Важнейшая тенденция, определяющая будущее МО в 2021–2025 годах, а тем более после 2040-х годов, — стремительно растущая роль субъективного фактора — отдельной человеческой личности, а в целом — национального человеческого капитала и его институтов[62]. Сказанное означает, что в XXI веке происходит перераспределение влияния целых групп факторов, формирующих международную обстановку

[61] Китай владеет ключом к резкому росту цен на золото. 22 января 2015 г. URL : http://gold.ru/analytics/kitaj-vladeet-kljuchom-k-rezkomu-rostu-cen-na-zoloto.html

[62] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. I. М. : МГИМО–Университет, 2012.

в пользу роста значения тех из них, которые так или иначе связаны:

— с человеческим капиталом ЛЧЦ, нации и общества;
— качеством правящей элиты и общества;
— средствами влияния на ЛЧЦ, общество и нацию.

Происходящие внешние, формальные изменения в МО, в том числе в соотношении мировых сил, традиционно рассматриваются в качестве основы для их анализа и стратегического прогноза. Они, естественно, продолжают оставаться важнейшим фактором, но в XXI веке не они стали главной особенностью формирования современных и будущих МО, которые во все возрастающей мере становятся зависимыми от социального, в том числе субъективного, фактора. Именно этот субъективный фактор — «казаться важнее, чем быть» — становится доминирующим в МО. И не только в конфликте, как на Украине, где вербальные трактовки США и Киева во все возрастающей степени формируют реальность, но и в научной среде.

Соответственно внешняя политика становится не прагматичной, как прежде, а виртуальной. Руководство и МИД работают «на камеру», создавая новую реальность.

В эпиграфе, отражающем взгляд значительной части правящей российской элиты начала XXI столетия, например, очень точно выражена констатация структуры современной МО, а заодно и место в ней России. «Остатки» биполярности, надо полагать, характеристика не только МО, но и реальной роли США в мире, а «всплески инерционных поведенческих инстинктов» — это ожидаемый отказ со стороны России и других стран согласиться с такой однополярностью. Авторы прогноза — сознательно или нет — вносят свое точное субъективное отношение к реалиям, фактически соглашаясь с «однополярностью» и компенсируя попытки противоборства с ней «рецидивами внешнеполитического мышления». Здесь видна и констатация, и позиция, и прогноз которые

имеют слабое отношение к науке и политике, но очевидную идеологическую ангажированность.

Собственно говоря, главная политико-дипломатическая тенденция и особенность развития МО в первой четверти XXI века и будет заключаться в том, что некоторые ЛЧЦ и нации будут проводить политику «всплесков инерционных поведенческих инстинктов» несогласия с претензиями США на мировое лидерство. Именно она стала характеризовать отношения между ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века: однополярность и мировое лидерство США фактически сразу не признали четыре локальные человеческие цивилизации. Не признали, но вели себя в политическом плане совершенно по-разному:

— российская ЛЧЦ публично не признав, на практике выступила против;
— исламская ЛЧЦ заявила о непризнании, в частности, действиями ИГИЛ и терроризмом в западных странах;
— латиноамериканская ЛЧЦ;
— китайская ЛЧЦ.

Международная обстановка (МО) будет во все большей степени формироваться под воздействием новых социально-политических факторов. Речь идет о следующих наиболее важных факторах, влияющих на формирование МО в XXI веке (табл. «Наиболее важные социальные и политические факторы формирования МО в XXI веке»).

Идеологические факторы будут выступать в качестве стимулов для создания новых международных институтов. Это выразится в том, что, во-первых, неизбежно произойдет резкое усиление значения традиционных и появление новых международных социальных институтов. Эти институты во многом смогут взять на себя функции государства (как, например, частные военные кампании — ЧВК) или содействовать этим функциям скрыто. В частности, речь идет о:

— формальных национальных и международных социальных институтах, (т.е. уже существующих какое-то

Наиболее важные социальные и политические факторы формирования МО в XXI веке

Название	Первый приоритет	Второй и другие приоритеты
1. Идеологические факторы	Социальная справедливость	Борьба с бедностью
2. Организационные факторы	Создание псевдо-государственных роевых структур в качестве «облачного противника»	Коалиционная политика и поиск союзников
3. Подчинение своему влиянию существующих и создание новых международных институтов	Эволюция ООН, ОБСЕ, МВД ВБ в полностью подчиненное положение	Создание новых международных институтов, подчиненных ЛЧЦ
4. Создание институтов управления человеческим сознанием (манипулирования)	Создание новой социальной реальности из виртуальной	Утверждение виртуальной реальности в качестве действительности

время вполне легально), не только участвующих в формировании социально-политической системы общества и государства, но и влияющих на формирование МО в регионах и даже на планете. Речь идет, например, о многочисленных правозащитных, экологических и иных организациях, чье влияние ощутимо возросло еще в конце XX века;

— неформальных социальных институтах, которые создаются и развиваются вне всяких политических, правовых, нравственных и иных рамок. Это могут быть как религиозные, так и культурные и особенно информационные сообщества, например сообщества хакеров или фанатов.

На Украине, например, большое значение имеет деятельность «КиберБеркута».

Во-вторых, произойдет резкое усиление идеологических социальных институтов, формирующих идеологию и мировоззрение, а затем превращающих их в политический ресурс. Причем не только как субъектов, обладающих только политико-идеологическим, но и организационным и институциональным, а иногда и военным влиянием. ИГИЛ, «Правый сектор», талибы, «Братья мусульмане» — яркие примеры таких идеологических организаций, которые быстро превратились в политические и военные факторы формирования МО и ВПО. В последние десятилетия мы наблюдали, как происходила стремительная эволюция идеологических структур, из общественных организаций, в политические партии, сетевые и, наконец, роевые структуры. Модели, которые со временем становились все сложнее, можно представить следующим образом.

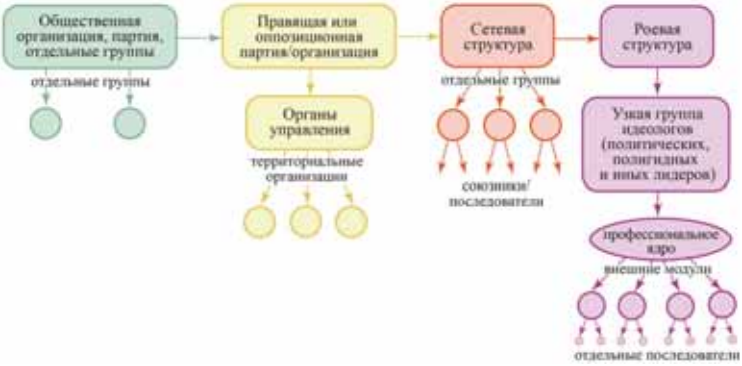


Рис. 3.5. Организационная эволюция идеологических структур в XX и XXI вв.

В силу целого ряда особенностей в XXI веке особенное значение будет принадлежать роевым структурам. Прежде всего, потому, что по этому принципу государство может достаточно быстро и просто создать «облачного противника»

для своего противника. Принципиальная схема создания такого влиятельного политического фактора может быть следующей (рис. 3.6).

По большому счету, роевые структуры повторяют прежний опыт создания общественных и политических структур, но на более высоком уровне: значительно быстрее, массовее и многофункциональнее. По существу, в конце XIX века в России по аналогичному сценарию была создана РСДРП: также прошли по этому пути:

— создание отдельных организаций, кружков и параллельных структур;
— создание территориальных организаций и органов управления;
— поиск союзников и партнеров.

Но эта близость между «моделью РСДРП» и современной роевой моделью кажущаяся — такая же, как схожесть между первым паровым автомобилем и современным гибридом класса «люкс». Только на развитом, окончательном этапе, превратившись в правящую партию, РСДРП, стала обладать возможностями государственных институтов. Не только идеологическими, но и финансовыми, и военными.

Нетрудно увидеть, что аналогов современным роевым структурам не существует. «Структура ИГИЛ, например, сама по себе является мощным и действенным организационным оружием, направленным против неповоротливых, бюрократизированных и в той или иной степени коррумпированных политических режимов стран Ближнего и Среднего Востока», — справедливо отмечает Е. Ларина.

Вряд ли случайно, что впервые подобная структура была описана в работе Брюса Хоффмана из корпорации «RAND» «Военная исламистская угроза и эволюция Аль-Каиды». Работа была опубликована в 2006 г., а в 2009 г. ведущий американский теоретик и практик в сфере специальных операций и контртерроризма отставной офицер армии США

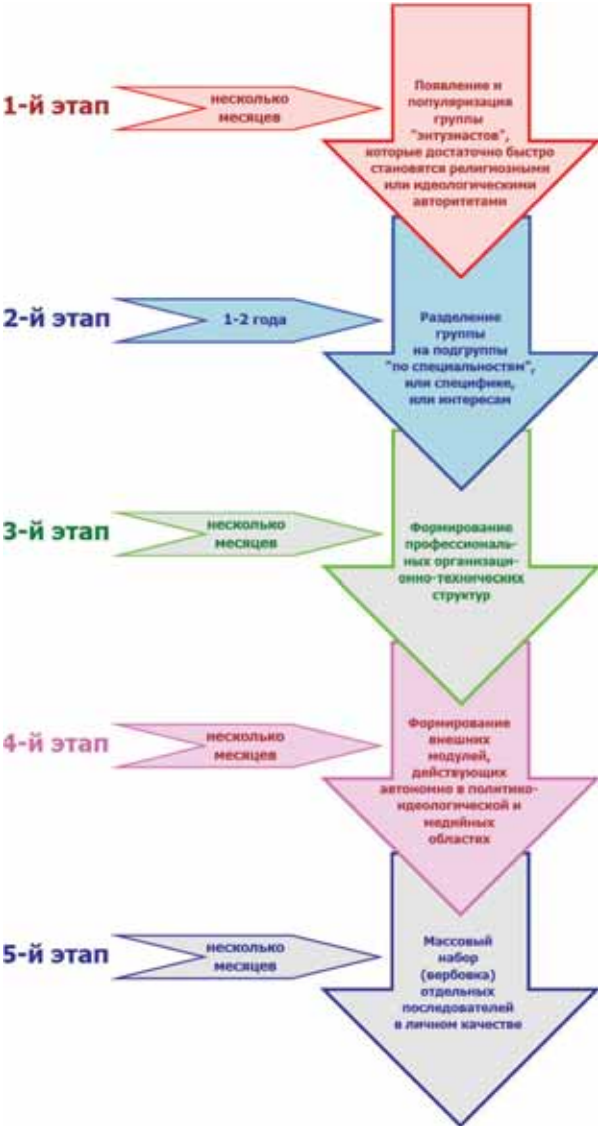


Рис. 3.6. Принципиальная схема создания «облачного противника» по роевой модели

профессор Клинт Вуудс опубликовал книгу, углубляющую идеи Б. Хоффмана относительно самоорганизующихся роевых структур. Вуудс сделал предположение, что в ближайшем будущем произойдет отход от иерархических и сетевых структур террористических организаций в пользу более сложных роевых образований. Роевые структуры, по мнению Вуудса, должны включать в себя: узкую взаимозаменяемую, в большинстве случаев непубличную группу религиозных, военных и гражданских руководителей; высокоподготовленное профессиональное ядро; внешние периферийные модули — военные и террористические группы, своего рода расходный материал; разветвленную сеть союзников, сторонников; и, наконец, формально не скрепленный никакими связями с организацией рой последователей»[63].

Показателен в этой связи пример с влиянием ИГИЛ. Как отмечают исследователи МГИМО, «деструктивным внешним фактором, влияние которого может начать распространяться и на Афганистан, усугубляя тем самым внутреннюю обстановку в пользу вооруженных оппонентов правительства, в последнее время становятся не только отголоски „арабской весны“ на Ближнем Востоке, но и активность „Исламского государства Ирака и Леванта“ (ИГИЛ). По своей сути его идеология и методы достижения целей, тактика практических действий, фанатизм, агрессивность и непримиримость функционеров и боевиков в значительной степени напоминают деятельность талибов во второй половине 1990-х годов. Такое сходство может стать основой для практической координации их действий, причем не только в Афганистане (где наибольшие опасения пока вызывают северные районы), но и в сопредельных ареалах Центральной и Южной Азии, а также Северо-Западного Китая, на Кавказе и т.д. При этом

[63] *Ларина Е.* Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : http://topwar.ru/ (дата обращения: 17 января 2015 г.).

по мнению ряда экспертов, до 10 процентов боевиков ИГИЛ являются выходцами из российского Северного Кавказа; в их рядах действуют также отдельные лица из Ханты-Мансийского округа, Новосибирска, Поволжья и т.д. Открытого проникновения моджахедов ИГИЛ на афганскую территорию пока не наблюдалось. Однако в ряде анклавов страны, в том числе в северных, стала появляться их религиозно-пропагандистская литература, а пакистанское крыло талибов уже открыто провозгласило себя союзниками „Исламского государства“»[64].

«Этот рой состоит из единичных приверженцев того или иного духовного авторитета, террористического движения и т.п. и имеет свойство нарастать подобно снежной лавине. Его участники должны быть способны действовать, абсолютно автономно и самостоятельно по сигналу духовного лидера или неизвестных военных командиров. Кстати, есть основания подозревать, что за французскими терактами стоит роевая структура»[65].

Создание из роя «облачного противника» означает, что противостоящее государство борется с противником, не зная его возможностей, подлинных целей, способов борьбы и многого другого. Рой не ограничен в выборе таких средств и способов.

Другая важнейшая политико-дипломатическая тенденция XXI века — создание международных широких коалиций на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций не только для решения частных, пусть и важных задач (как это

---

[64] *Конаровский М. А.* Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

[65] *Ларина Е.* Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : http://topwar.ru/ (дата обращения: 17 января 2015 г.).

было, например, в Афганистане), но и постоянно используемых в борьбе с другими ЛЧЦ.

Военно-политические тенденции и факторы играют очень важную, а иногда и решающую роль в формировании международной обстановки как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу. В данном разделе мы можем сделать лишь самые общие замечания. Более того, учитывая непроработанность темы, они будут еще и очень субъективными. Важно, однако, подчеркнуть следующее.

Во-первых, помимо военно-политических тенденций и факторов, существуют и другие влиятельные тенденции и факторы, определяющие характер МО и влияющие косвенно на собственно военно-политические тенденции. Так, демографическая обстановка в той или иной стране определенно влияет на мобилизационные возможности государства. В еще большей степени на личный состав ВС влияет качество национального человеческого капитала (НЧК), а на эффектность вооружений и военной техники (ВиВТ) — уровень развития гражданских технологий и т.д. Другими словами, «в чистом» виде военно-политические тенденции и факторы не существуют. Их необходимо прогнозировать в комплексе с другими факторами государственной мощи. Даже когда речь идет только о танках, самолетах, орудиях и т.п. ВиВТ, они малоэффективны без вспомогательной техники.

Во-вторых, собственно военно-политические факторы влияют тем сильнее и определеннее, чем они ближе к конкретному историческому событию, например военному конфликту или войне. В силу динамичного характера этих факторов они могут меняться быстрее, чем другие. Так, например, объем ВВП за 5 лет радикально изменить невозможно, но объем военных отраслей — задача вполне реальная. В СССР, например, за 1944–1949 годы была создана целая новая отрасль — атомная промышленность, которая включала в себя целую группу новых подотраслей. Поэтому

влияние военно-политических и военно-технических факторов в среднесрочной перспективе значительно сильнее, чем в долгосрочной.

Простейшая матрица, отображающая только основные факторы, формирующие военно-политическую обстановку (ВПО) в мире, может быть представлена, например, следующим образом.

Матрица факторов, влияющих на формирование ВПО в мире в конкретный период времени (2015 г.)

Область формирования международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО)	Факторы влияния			
	Государственные субъекты МО	Негосударственные акторы	Глобальные тенденции мирового развития	Отношения между субъектами и факторами
Политические отношения				
Экономические отношения				
Военные отношения				
Торговые отношения				
Финансовые отношения				
Гуманитарные отношения				
«Доля» ВПО в отношениях при формировании МО				

Из матрицы видно, например, что «доля» ВПО при формировании МО может быть небольшой (или не быть вообще) либо значительной. Так, состояние ВПО на Ближнем Востоке во многом определяется МО, а именно уровнем политических, экономических и военных отношений, с одной стороны, России с Сирией и Египтом, а с другой — США с Турцией и Израилем. В любом случае ясно, что:

— во-первых, сценарии развития МО и их варианты во многом предопределяют сценарии и варианты развития ВПО. Это означает, что при негативном сценарии развития МО не может быть в принципе позитивного сценария развития ВПО. Он может быть либо кризисный, либо враждебный;

— во-вторых, сами по себе сценарии развития ВПО зависят как от общего состояния международной обстановки, так и основных факторов, определяющих эту обстановку: политических, экономических, дипломатических и пр. Это означает, что уровень и качество развития невоенных областей МО во многом влияют на военные области. И наоборот: военные области могут оказывать позитивное влияние на другие области развития МО. Например, военно-техническое сотрудничество (ВТС), безусловно, укрепляет доверие;
— в-третьих, анализ и прогноз ВПО носит сугубо конкретный (временной, военно-технический, экономический и финансовый) характер и не может быть универсальным. Это означает, что не существует абстрактного сценария развития ВПО, применимого к 2015, 2030 или 2050 годам или характеризующего не только одну, но несколько стран и т.д.;
— в-четвертых, экстраполяция существующего сценария развития ВПО на долгосрочную перспективу может быть очень ограничена в силу огромного числа факторов влияния вообще и переменных величин таких факторов в частности. Поэтому большинство прогнозов строятся на двух составляющих: во-первых, прогнозах развития ВиВТ и, во-вторых, анализа существующего военного искусства. Представьте себе прогноз на 20 лет развития ВиВТ, сделанный в 1920 году: куча бронепоездов и тачанок, объединенных в конные армии.

Тем не менее, вывод о возможности и необходимости анализа существующих и прогноза будущих сценариев и вариантов развития ВПО не просто подтверждается, но и усиливает свое значение в условиях качественных перемен, происходящих в ВПО в мире и отдельных регионах во втором десятилетии XXI века, если принимать во внимание не только военные факторы.

Очевидное усиление негативных тенденций в сценариях развития ВПО требует адекватной военно-технической реакции со стороны России, что совершенно понятно, естественно и необходимо. Любые усилия в этом направлении (даже если они дают незначительный видимый результат) представляются не просто желательными, но и обязательными.

Основу таких усилий может составить поиск общецивилизационных интересов (потребностей) народов Евразии вообще и Европы в частности. На базе таких общих интересов возможно и необходимо создание новых и активизация существующих механизмов обеспечения безопасности при том понимании, что не должно быть иллюзий: США и ряд их союзников вполне удовлетворены имеющимся механизмом НАТО[66]. Других механизмов безопасности им не надо. Более того, они будут препятствовать их созданию. Так, если в Европе после самоликвидации ОВД осталась одна военно-политическая коалиция — НАТО, а ОБСЕ фактически атрофировался, то любая идея создания формализованного блока — ОДКБ, «нормандской четверки», «общеевропейской системы безопасности» и т.п. — будет восприниматься как альтернативная блоку НАТО. За исключением, пожалуй, внутрирегиональных натовских субъобъединений по типу «северной» пятерки и т.п.

Надо отчетливо понимать, что негативные сценарии развития ВПО набирают силу, поэтому любые политические или дипломатические усилия, направленные против этого процесса, имеют огромное значение.

Поэтому, учитывая особое значение политических и международных факторов МО на формирование ВПО, важно чтобы эти и иные аспекты, влияющие на собственно военные факторы не недооценивались. Так, если вернуться

---

[66] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. Роль идеологии в модернизации России. М., 2012.

к опыту послевоенной Европы в условиях холодной войны, можно признать, что:

— в 1975 году, когда состоялось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, вопросы безопасности и политики были «уравновешены» вопросами гуманитарного сотрудничества. Фактически произошел неравноценный размен: «Запад признал принцип нерушимости границ, а СССР — концепцию „прав человека“», которая, в конечном счете, и стала миной, заложенной под ОВД;
— в эти же 1970-е годы был выдвинут комплекс «общечеловеческих» (гуманитарных, экологических, биологических и пр.) проблем, которые стали общей основой для политической и общественной дискуссии не только в мировоззренческом, но и в политическом плане. В XXI веке таких проблем стало не меньше, и использоваться в целях безопасности они стали значительно реже;
— в 1970-е годы стал актуальным тезис о пространственном измерении Европы «от Лиссабона до Владивостока». В ходе конфликта на Украине стало окончательно ясно, что раздел России на «Европу» и «Азию» стал политической целью США. Надо понимать, что раздел Европы на «Европу» и «Россию» не выгоден Российской Федерации ни как государству, ни как нации, но этот раздел очень выгоден США и Великобритании, которые фактически разделили Россию на Европу и Азию. В XXI веке очевидно можно потребовать расширение пространства Европы уже до пространства Евразии. Этот аргумент сам по себе уравновешивает позиции США и стран ЕС участием быстро развивающихся стран Азии.

При этом расширение «пространства безопасности» на другие регионы Евразии и мира отнюдь не ограничивается сушей: в XXI веке отчетливо просматривается тенденция распространения пространственных характеристик ВПО на

Арктику, океанские акватории, космическое пространство. Очевидно, что уже к 2030 году любой сценарий развития ВПО будет предполагать глобальный пространственный охват. Поэтому чем шире будет политический аспект «пространства безопасности» для России, тем это будет лучше.

Наконец, очень важно понимать, что любой сценарий развития ВПО предполагает в последующем многовариантность и возможность реализации самых неожиданных вариантов. Это положение можно продемонстрировать упрощенно на следующем рисунке (рис. 3.8).

Рис. 3.7. Многовариантность одного из сценариев развития ВПО

Иными словами, в 2015 году мы не можем ограничиться прогнозированием (даже на краткосрочную перспективу) лишь одного-двух вариантов одного и того же сценария развития ВПО. Можно говорить лишь о наиболее вероятных сценариях развития ВПО и их вариантах, которые должны конкретизироваться в зависимости от точного числа участников, времени, политической обстановки и других, в т.ч. субъективных, факторов (отношений лидеров, готовности идти на риск и т.п.). Что на самом деле не так уж и мало. Количество этих сценариев и их вариантов ограничено.

В этой связи особое значение приобретает анализ и прогноз ответных действий и реакций на будущие внешние и внутренние угрозы, прежде всего, с точки зрения мини-

мизации рисков. Это означает, что мы должны быть готовы к ответной и несимметричной реакции на максимально большое число сценариев развития ВПО и их вариантов, разрабатывая наиболее адекватные универсальные средства и способы, т.к. национальных ресурсов для ответа на все варианты всех сценариев ВПО не хватит. Так, совершенно очевидно, что невозможно для России в одиночку участвовать в войне на всех удаленных ТВД или готовиться к войне со всеми странами — членами НАТО и их союзниками, полагаясь только на обычные вооружения на европейском ТВД.

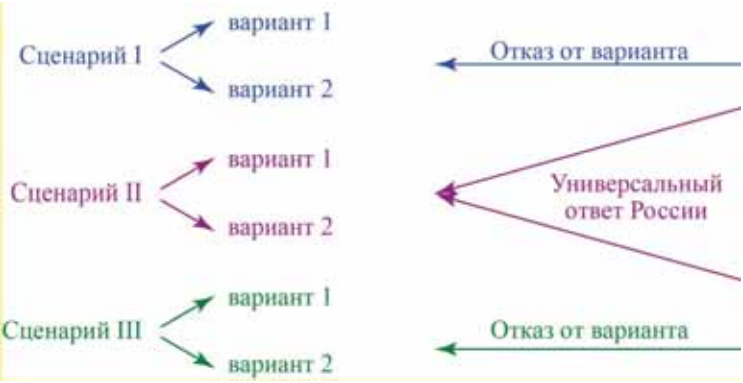


Рис. 3.8. Сценарии и их варианты внешних и военных угроз России

Выбор такой стратегии реагирования крайне важен, ибо позволяет концентрировать национальные ресурсы на самых важных направлениях военного строительства. Представляется, что в 2015 году таковыми являются:

— воздушно-космическая оборона (ВКО);
— стратегические наступательные вооружения (СНВ);
— относительно ограниченные мобильные сухопутные силы и силы специального назначения.

Выбор в пользу чего-то всегда означает отказ. В данном случае это означает:

— сохранение умеренных сухопутных сил;
— ограниченных средств фронтовой авиации.

Картинка ниже, кстати, иллюстрирует, куда тратят деньги в приоритетном порядке наиболее развитые и отстающие страны.

Ресурсные ограничения — чрезвычайно важный фактор при оценке военных угроз. Их спектр может быть чрезвычайно широк. Можно попытаться представить его на некой шкале от 0 до 100, где 0, естественно, никогда не будет потому, что затрат на оборону без ресурсов не бывает, а 100 — это абсолютная милитаризация страны, что также недостижимо. В самые трудные военные годы милитаризация экономики и социальной жизни «не превышала 70 % и называлась «тотальной». Условно эту шкалу можно отобразить следующим образом.

Рис. 3.9. Условная шкала милитаризации страны (использования национальных ресурсов для нужд обороны)

— до 2 % — минимальные расходы на оборону;
— до 4 % — незначительные (стандартные) расходы на оборону;
— свыше 30 % — мобилизационная экономика (по аналогии с СССР в конце 30-х годов);
— 70 % «тотальная» мобилизация.

Таким образом, на основные военно-политические особенности развития международной обстановки влияет огромное число внешних и внутренних факторов, которые, однако, можно не только выделить, но и учитывать, более того, — прогнозировать.

Общие условия и принципы анализа и долгосрочного прогноза развития сценариев ВПО должны включать

достаточно значимые ограничения, включая ресурсные, быть «привязаны» максимально к конкретным социально-политическим, научно-техническим, экономическим и геополитическим реалиям, которые минимизировали бы их абстрактность до прикладного практического уровня.

В среднесрочной перспективе влияние тенденций в науке и технологиях на сценарии развития ЛЧЦ и МО будет стремительно усиливаться даже по сравнению с началом XXI века, но не приведет еще к смене парадигм. Это связано с продолжением перехода локальных человеческих цивилизаций на новый технологический уклад, который будет происходить не одновременно и не везде, а в каждой ЛЧЦ по-разному.

Развитие новых технологических укладов в XXI веке
(% национальных экономик)

	2015 г.	2025 г.	2045 г.	Смена парадигмы
США	6–8 %	20 %	70 %	
Россия	0,5 %	1–2 %	3 %	
КНР	3 %	30 %	80 %	
страны ЕС	5 %	15 %	60 %	
другие	0–5 %	––30 %	0–70 %	

Из примера видно, что новый технологический уклад:

— во-первых, уже зародился в ряде развитых экономик в отдельных отраслях;
— во-вторых, будет развиваться неравномерно, определяя в реальности место и значение той или иной ЛЧЦ или страны;
— в-третьих, станет преобладающим в долгосрочной и решающим уже в среднесрочной перспективах.

Крайне неравномерное развитие нового уклада в еще большей степени, чем изменение в ВВП, определяет неравенство мировых сил. Причем «старт» уже дан. Если в США, например, этот переход уже начался, то в России еще не произошло полного перехода даже к предыдущему технологическому укладу. Существующий разрыв в технологиях и их синтезе чрезвычайно опасен потому, что он «расставляет» страны по экономическому рангу и их возможностям, но ещё и потому, что США делают свою основную геополитическую ставку именно на увеличение этого технологического разрыва.

России предстоит не просто повторная индустриализация, связанная не только с восстановлением разрушенной в 1990-е годы промышленностью, но и быстрым преодолением предыдущего информационного технологического уклада. Причем делать придется это не последовательно, как в других странах, а параллельно. И не за несколько десятилетий, а за одно десятилетие. Вместе с тем возможно и своеобразное «перескакивание через этапы» в развитии.

Ожидаются неизбежные «технологические прорывы», которые приведут к качественным изменениям в экономике, социальной сфере, политике, и других областях деятельности наций.

Такие «технологические прорывы» в военной и гражданской областях искусственно создаются для обеспечения технологического и военно-технического лидерства западной ЛЧЦ. В докладе о перспективах таких «прорывов» военно-научного комитета министерства обороны США говорится прямо: «Преимущества, обеспеченные нашим лидерством в таких возможностях, как GPS, интернет-коммуникации, космическое оповещение и технологии „невидимок“, будут сокращаться и во многих случаях ликвидированы. Для сохранения превосходства в военной области будет необходимо разработать новые технологии, тактику и процедуры,

которые… компенсируют наше предыдущее превосходство, существовавшее два десятилетия»[67]. Эксперты полагают, что «…к 2020–2025 гг. следует ожидать очередную военно-технологическую микрореволюцию в военном деле. Поэтому сегодня мы весьма туманно можем представить себе будущую технологическую базу войны…»[68].

Очевидно, что роль прогноза в этой области решающая. Именно она создает условия для стратегического целеполагания и планирования, которые, в конечном счете, ведут к изменению всего будущего.

3.3. Усиление взаимосвязи тенденций развития международной и военно-политической обстановки в XXI веке

Одна из серьезных переменных величин, влияющих на развитие различных, порой противоположных сценариев международной обстановки — развитие собственно сценариев военно-политической обстановки. С одной стороны, как уже не раз говорилось[69], сценарии ВПО являются следствием, продолжением сценариев развития МО, более того, предопределены их развитием. С другой стороны, сама логика развития того или иного сценария ВПО начинает влиять на формирование МО. И это влияние нельзя игнорировать, более того, при анализе МО его следует учитывать. На известной логической схеме это выглядит следующим образом:

---

67 Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 // Report of the Defense Science Board. September 19, 2013 / Office of the Secretary of Defense. Wash., DC 20301–3140. P. VIII.

68 *Аладьин В., Ковалев В., Малков С.* Пределы сокращения / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2013. С. 71.

69 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М : МГИМО–Университет, 2014.

Рис. 3.10. Логическая схема взаимовлияния сценариев развития МО и ВПО

Проблема, однако, заключается в том, что один (и именно действующий) сценарий развития ВПО начинает влиять сильнее или даже очень сильно на действующий сценарий МО, задавая ему свою «логику войны». На рисунке показан, например, сценарий № 1 («острая конфронтация»), который формирует свои особенности развития сценария МО. В МГИМО и РСМД, например, были рассмотрены несколько сценариев развития ВПО в Центральной Азии после вывода войск коалиции из Афганистана в 2014–2024 годы. Каждый из них, так или иначе, оказывал влияние на все сценарии развития МО в ЦА, в частности:

— сценарий № 1. «Огнедышащий дракон»: усиление Китая;
— сценарий № 2. «Стратегия анаконды»: Запад сдерживает Китай;
— сценарий № 3. «Зеленый полумесяц над Центральной Азией».

Иными словами, каждая ЛЧЦ становилась доминирующей в одном из сценариев развития МО в зависимости от последствий развития того или иного сценария ВПО[70].

[70] Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. // РСМД. 2013. 23 мая [Электронный ресурс]. URL : http://ncouncil.ru/inner/

В этой и предыдущих работах проблема взаимосвязи развития сценариев МО и ВПО уже не раз справедливо поднималась и описывалась достаточно подробно[71]. В данном разделе необходимо обратить внимание на то, что рассматриваемые конкретные сценарии развития ВПО и их варианты основываются (теоретически и методологически) на этой взаимосвязи и непосредственно вытекают друг из друга. Это означает, что существующие и будущие конкретные сценарии и варианты развития ВПО являются логическим следствием развития соответствующих конкретных сценариев МО, их естественной, составной частью, а также следствием развития одного из сценариев человеческой цивилизации. Это очень наглядно видно на примере военного конфликта на Украине, когда все страны — члены НАТО активно выступили политически сообща (хотя с военно-технической точки зрения заметных усилий и не произошло)[72].

Это означает, что анализ существующих сценариев развития ВПО в мире и их прогноз, на период до 2030-х и 2050-х годов, в силу их огромного количества и выделения из их числа наиболее вероятных вариантов изначально предполагают попытку систематизации таких сценариев (по аналогии с систематизацией по группам и подгруппам сценариев МО). Без такой систематизации и логической привязки количество сценариев и их вариантов становится неограниченным, а значит, бессмысленным с точки зрения анализа и прогноза.

Кроме того, как уже говорилось выше, необходимо выделить условия и принципы, в соответствии с которыми выдвигаются эти сценарии, делающие их более конкретными и практическими, т.е. более вероятными.

Такой анализ и прогноз, таким образом, предполагает

---

71 *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

72 2015 Global Forecast. Crisis and Opportunity // CSIS. 2014. P. 46.

логическую привязку существующих и будущих сценариев развития ВПО к уже существующим и прогнозным сценариям развития международной обстановки и сценариям развития человеческой цивилизации[73]. Надо отчетливо понимать, что не только развитие сценариев ВПО и стратегической обстановки, но и вся военная политика государства формируется под прямым, непосредственным и сильным влиянием развития конкретных сценариев МО, которые формируют такие же конкретные внешне-политические, военные, экономические и иные условия существования государств и еще более конкретные внешние и военные угрозы[74].

Так, например, развитие ВПО на Украине и в Европе зависит от многих политических, финансовых, экономических и иных факторов, которые необходимо учитывать при формировании собственно военной политики, в частности, ее продовольственной зависимости от Запада, сложившейся в 80-е и 90-е годы XX века. «Обмен санкциями», как политический инструмент, в данном случае должен учитывать эти реалии, хорошо отображенные на инфографике РБК (рис. 3.11).

И наоборот: конкретные военные и военно-политические условия формирования сценария ВПО могут оказать и часто оказывают обратное влияние на развитие сценария МО. Так, безусловные военные успехи ополченцев на Украине весной–летом 2014 года вынудили Киев и его союзников пойти на переговоры с представителями Новороссии, заключить перемирие и смягчить набирающую темпы опасную эскалацию развития сценария МО в кризисном направлении. При этом надо понимать, что влияние процессов, происходящих в развитии сценариев ЧЦ и МО, более

---

[73] *Подберезкин А. И.* Стратегия для будущего президента России: русский путь / ВОПД «Духовное наследие». М., 2000.

[74] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет. 2014.

Рис. 3.11.
Источник: Сункина Виктория, Волкова Олеся. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

глубоко и фундаментально, чем в сценариях развития ВПО и СО. Случаи, когда изменения в сценариях развития ВПО радикально влияли на сценарии МО, в истории есть, но они немногочисленны. Так, Карл XII быстрым нападением и разгромом датчан вывел Данию из военно-политической коалиции России, Польши и Дании против Швеции. Такую же попытку попытался осуществить А. Гитлер, освободив из заключения Муссолини. Но, надо признать, что эти немногочисленные примеры, в конечном счете, все равно подтверждают общее правило: развитие сценариев ВПО следует из развития сценариев МО.

Надо признать, что специфические события и тенденции в развитии того или иного сценария ВПО оказывают частные, иногда значимые воздействия на события и тен-

денции в сценариях развития МО. В частности, война на Украине стала поводом для введения санкций против России, касающихся разработки месторождений нефти и газа в Арктике[75], ограничений в добыче сланцевой нефти и газа, а в перспективе ее политики в Антарктике и других регионах. Это влияние иногда не очень заметно (как в отношениях с Японией), иногда только символично (как в отношениях с Индией), а иногда неожиданно сильно (как в отношениях с Австралией). Поэтому такой «военно-политический реверс» должен внимательно отслеживаться, особенно в тех случаях, когда он неожиданно может привести к неприятным последствиям.

Конкретные сценарии развития ВПО, вытекающие даже из одного сценария развития МО, неизбежно будут отличаться друг от друга: даже если события развиваются в одно и то же время и в одном и том же месте, конкретные военно-политические условия могут быть (и будут) разными в силу того, что они зависят от множества субъективных факторов, часть из которых была неизвестна и не учитывалась, а часть — только что появилась[76]. Поэтому нельзя просто экстраполировать сценарий развития МО на сценарий ВПО. Они могут отличаться, в т.ч. и серьезно, в ту или иную сторону.

В качестве примера можно использовать сценарий развития ВПО, сложившийся в Новороссии в сентябре 2014 года после инициатив В. Путина и П. Порошенко о прекращении огня, когда дальнейшее развитие событий могло развиваться как минимум по трем сценариям[77]. Так, сценарий № 1,

[75] *Башкатова А., Сергеев М.* Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.

[76] *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М. : МГИМО–Университет, 2014.

[77] Эта логика была описана И. Поповым и М. Хамзатовым не раз в их работах, которые использовал автор. См., например: *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты прогнозирования. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 28.

который привел в целом к прекращению огня, мог бы «заморозить» конфликт на неопределенную перспективу, а сценарий № 2 — привести к устойчивому миру. Вместе с тем сценарий № 1 может развиться и превратиться со временем в сценарий войны, вытеснив не состоявшийся в сентябре сценарий войны № 3.

Как видно, все эти потенциально возможные и даже вероятные сценарии ВПО существуют в рамках одного сценария развития МО, который был описан выше как «сценарий войны чужими руками». Его реализация, судя по всему, была в сентябре 2014 г. (конкретное время) скорректирована событиями в Сирии и Ираке (конкретными событиями в конкретном месте), а именно: бомбардировками США исламских радикалов.

Таким образом, развитие конкретных вариантов конкретных сценариев ВПО происходит под влиянием самых разных внешних и внутренних факторов внутри одного сценария развития МО или даже одного из вариантов

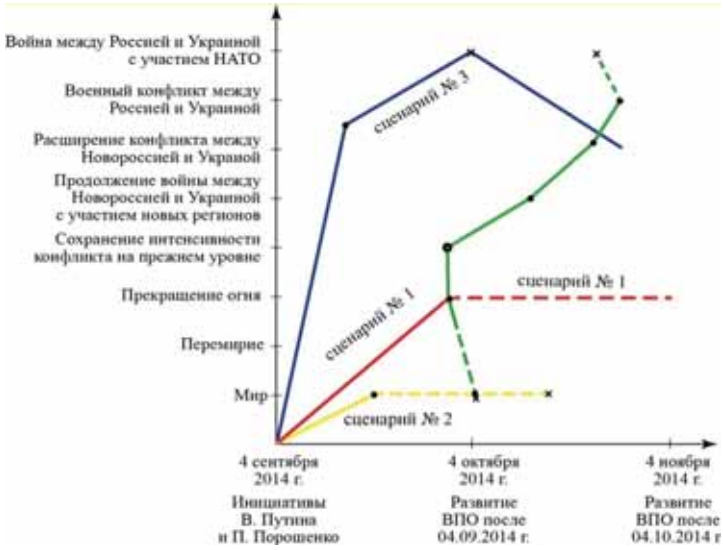


Рис. 3.12.

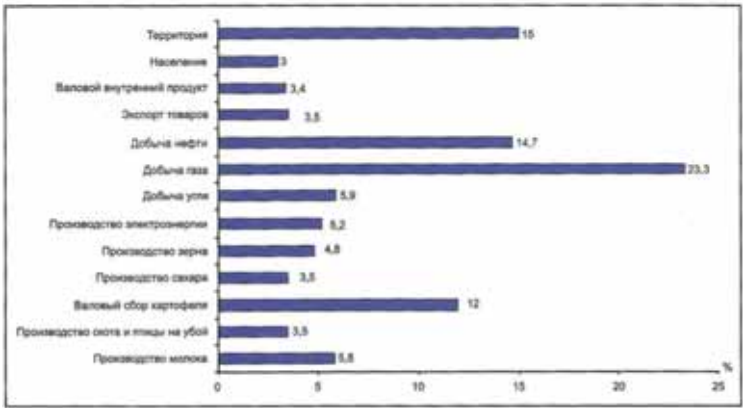


Рис. 3.13[78]. Доля ЕврАзЭС в мировых показателях в 2013 г. (в % к итогу)

такого сценария. Это означает, что прогнозировать точно развитие того или иного сценария ВПО невозможно даже в рамках одного из сценариев развития МО. По сути дела, украинские сценарии и их варианты развития ВПО в августе–сентябре 2014 г. подтверждают этот вывод. Как средства, так и способы ведения вооруженной борьбы при всех сценариях оставались одни и те же: преимущественно артиллерийские системы, стрелковое оружие и бронетехника. Действия авиации и флота по понятным причинам фактически отсутствовали.

Основные военно-политические тенденции, которые можно прогнозировать в среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов и даже далее, позволяют предположить следующее:

1. Формирование вокруг ЛЧЦ и быстро растущих центров силы военно-политических коалиций, которые могут

[78] *Мансуров Т.* ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 23.

объединяться в относительно устойчивые конгломерации, например:

— США — Западная Европа — ряд стран Персидского залива — некоторые страны Юго-Восточной Азии и АТР;
— Бразилия — Мексика — Венесуэла — некоторые страны Латинской Америки;
— Вьетнам и некоторые страны Юго-Восточной Азии;
— Россия — ЕврАзЭС — некоторые страны Европы, Азии и даже Африки.

При этом цивилизационное значение имеет огромное влияние на будущие интеграционные процессы. Как подчеркивают некоторые авторы, «…народы Евразии уже объединялись четыре раза. Самыми первыми объединителями евразийских народов были гунны. Затем континент был объединен в рамках Тюркского каганата. В XIII веке территорию Евразии объединили монголы под предводительством Чингисхана. Четвертая попытка — образование Российской империи и СССР»[79].

2. Создание широких коалиций и нескольких ЛЧЦ по аналогии с БРИКС.
3. Превращение внешней и военный политики государств и ЛЧЦ в единую сетецентрическую стратегию.

Ведущие мировые и региональные тенденции развиваются разнонаправлено, нередко противоречат друг другу. Так, очевидно, что в XXI веке глобализация противоречит растущей тенденции самоидентификации. Именно совокупность основных тенденций формирует основные условия для развития МО, поэтому крайне важно попытаться оценить некий «общий вектор» (если он есть) этой совокупности.

---

[79] *Мансуров Т.* ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 23.

Актуальность этого не исчезла и сегодня. В практическом плане, как уже говорилось в предисловии к этой работе, очень важно не только выделить, проанализировать и спрогнозировать ведущие тенденции мирового развития, но и попытаться совместить их между собой с тем, чтобы выделить общий доминирующий вектор мирового развития и международных отношений (МО). Этот общий вектор ведущих тенденций вместе с другими факторами, в конечном счете, и будет влиять на формирование будущей МО и наиболее вероятный сценарий ее развития. Грубо говоря, определить, ведёт ли общее развитие событий к войне либо сотрудничеству между цивилизациями и нациями. Самый яркий пример этому — эпоха географических открытий, когда разные вектора развития человечества предопределили длинный период войн в Европе и на других континентах, уничтожение целых ЛЧЦ и наций. В очень упрощенном виде этот период можно было проиллюстрировать развитием следующих тенденций.

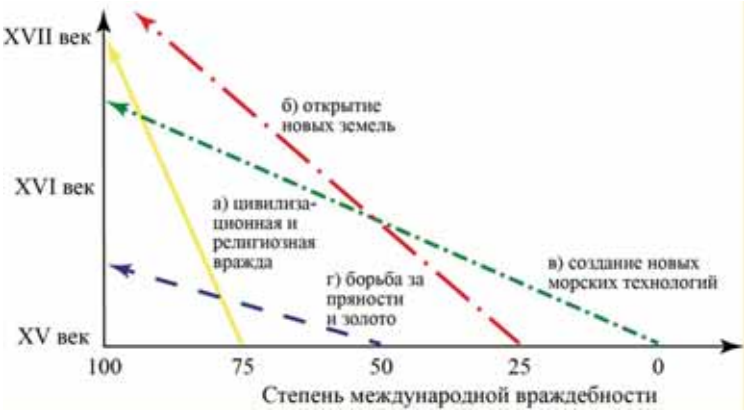


Рис. 3.14. Период Великих географических открытий через призму развития некоторых глобальных тенденций

Как видно из рисунка 3.14, все основные вектора развития человечества вели к усилению степени враждебности МО

и бесконечной череде войн, более того, уничтожению целых цивилизаций и наций (вектор «а»). Именно в эти века военно-политические факторы стали решающими в МО, сформулировав главный лозунг тех времен: «пушки — главный аргумент».

Исходя из рассмотренных тенденций (при том понимании, что их анализ, как и перечень, естественно, может быть значительно увеличен), можно представить следующую картину, отражающую некий «общий вектор» мировой политики до 2021–2025 годов и после 2045 года. Сразу оговоримся, что выбор этих тенденций и определение их влияния был сделан достаточно произвольно, но даже из этого рисунка можно сделать как минимум два вывода.

Во-первых, общая направленность («общий вектор») ведет к усилению внешнего влияния и конфликтности как следствию этого внешнего влияния.

Во-вторых, что наиболее эффективные и часто используемые в политике средства — финансовые и военные — постепенно будут уступать место гуманитарно-цивилизационным и социальным.

Это говорит о том, что будущие сценарии развития МО во все большей степени будут формироваться теми силами — цивилизациями, странами, нациями, коалициями, которые смогут обеспечить доминирование своей системы цивилизационно-идеологических ценностей и интересов. Можно даже говорить о лидерстве в идеологии.

В то же время растущее влияние гуманистических факторов как представляется, будет компенсироваться с помощью традиционных силовых — финансовых, экономических, военных, информационных — средств. Это хорошо видно на примере войны на Украине в 2014–2015 годах, где борьба за гуманитарно-цивилизационные ценности («европейскую общность») шла, прежде всего, с помощью финансово-экономических и военных средств. С целью ослабить растущее влияние российской локальной цивилизации в мире. Запад

откровенно использовал не только шантаж, санкции и давление, но и военную силу.

Это также означает, что вероятность силового конфликта на всем протяжении прогнозируемого периода будет только усиливаться: разница между векторами определяет вероятность использования силы. Если такая вероятность в 2015 году (как на картинке) рассматривается как «заметное влияние» (т.е. ниже 50 баллов по предлагаемой типологии), то уже в 2021–2025 гг. как «очень сильное», а в 2045–2050 гг. — как «доминирующее влияние». Это означает, что вероятность использования военной силы и экономических санкций стремительно превращается в самую обычную политическую практику. Это так же означает, что растёт востребованность соответствующих инструментов, наращивание их мощи и эффективности, идёт создание новых институтов и инструментариев.

Уместно в этой связи привести нормативное заключение, сделанное в уставе армии США, из которого следует, что сдерживание использования военной силы ведет, в конечном счете, к увеличению ее масштаба и интенсивности: «В общем случае, из-за политических, экономических и социальных условий, которые запрещают использование огневой мощи и ведение огня, наблюдается смещение повстанческого конфликта к этапу III, увеличивая тем самым военную силу, которую необходимо применять. В обычном конфликте обычно присутствуют такие факторы, как наличие сил и угроз, но военная сила может быть применена на более поздних этапах конфликта»[80].

Сказанное означает, что по мере усиления значения мировых тенденций невоенного и несилового влияния объективно нарастают условия для активного и масштабного применения насилия, включая военное. Этот вывод важно отметить хотя бы потому, что долгие годы (с конца 70-х гг. XX в.) считалось,

[80] Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США FM 90-8. Вашингтон, 1986. 29 VIII. С. 71.

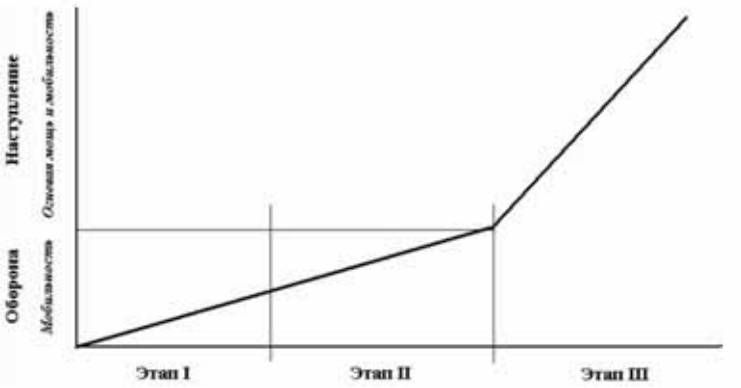


Рис. 3.15. Военная мощь, применяемая на более высоких уровнях конфликта

что военная сила теряет свое значение по мере усиления других факторов мировой политики. Более того, это положение было положено в основу советской внешней политики и стало официальной догмой в России в 90-е годы XX века.

Стратегический прогноз, в среднесрочной и долгосрочной перспективах, в этом случае, аналогичен результатам исследования современных отношений силовых и несиловых трендов. Относительное падение значения военной силы, как инструмента внешней политики, неизбежно ведет в будущем к усилению мотиваций и возможностей ее использования. Другими словами, будущие сценарии развития МО должны исходить из усиления вероятности использования военной силы в качестве политического инструмента не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе.

«Совмещение» мировых тенденций может быть достаточно аргументированным для стратегического прогноза, если это сопровождается другими факторами (например, развитием международных и негосударственных акторов). Поэтому, этот метод, полезно рассматривать параллельно с другими методами исследования.

Глава IV
Развитие основных субъектов международной обстановки в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Традиционной группой факторов, влияющей на формирование того или иного сценария МО, является группа, в которой представлены ведущие государства, субъекты МО. Изначально важно определить место этой группы факторов среди других групп. В данной работе считается, что к основным участникам и акторам, формирующим международную обстановку в XXI веке, можно отнести (в порядке приоритетности) следующие три основные группы, внутри которых отчетливо просматриваются относительно самостоятельные подгруппы факторов:

— во-первых, — основные локальные человеческие цивилизации, которые к началу XXI века превратились не только в реальные, но и ведущие факторы мировой политики. Эта группа факторов, как правило, не рассматривалась при традиционном анализе и прогнозе МО, что в XXI веке уже стало не просто существенным недостатком, но и обесценивает весь анализ и прогноз;

— во-вторых, — основные государства-нации, которые традиционно рассматриваются в качестве основных факторов МО. Анализ и прогноз развития ведущих государств мира всегда лежал в основе анализа МО, однако в настоящее время требует особенного внимания в связи с быстрым развитием новых государств, обладающих высоким демографическим, экономическим и военным потенциалом;

«То, что „ключи“ от глобальной системы находятся в руках Запада, — не секрет. Наиболее предприимчивые участники мировой политики и экономики, например, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, успешно извлекали выгоду из этой системы. Но обострение украинского кризиса наглядно продемонстрировало возможности политического воздействия. Давление на международные платежные системы Visa и MasterCard, на систему банковских коммуникаций SWIFT, с требованием по политическим причинам заблокировать Россию, подрывает главный постулат глобализации — она справедлива, потому что решает рынок, а не правительства»[81].

— в-третьих, — основные международные акторы — участники формирования МО, играющие самостоятельную роль (военно-политические коалиции, союзы, объединения финансового и иного характера), а также основные национальные и негосударственные акторы мировой политики[82]. Эти акторы представляют собой качественно новое явление, хотя и прежде они играли определенную роль (например, III Интернационал).

Примерами влияния этих групп факторов могут стать военно-политические коалиции, существовавшие в годы Первой, Второй Мировых войн и в годы холодной войны, а также очень большой спектр международных организаций сложившихся уже во втором десятилетии XXI века.

Как видно из приведенных примеров (рис. 4.1–4.2), во втором десятилетии XXI века идет решительная перегруппировка мировых сил, которая делает особенно важным значение коалиционного потенциала той или иной ЛЧЦ или нации.

Можно сказать, что во многом формирование новых коалиций, союзов и организаций происходит по цивилизаци-

---

[81] Новые правила или игра без правил? / Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2015. Март. С. 14.

[82] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

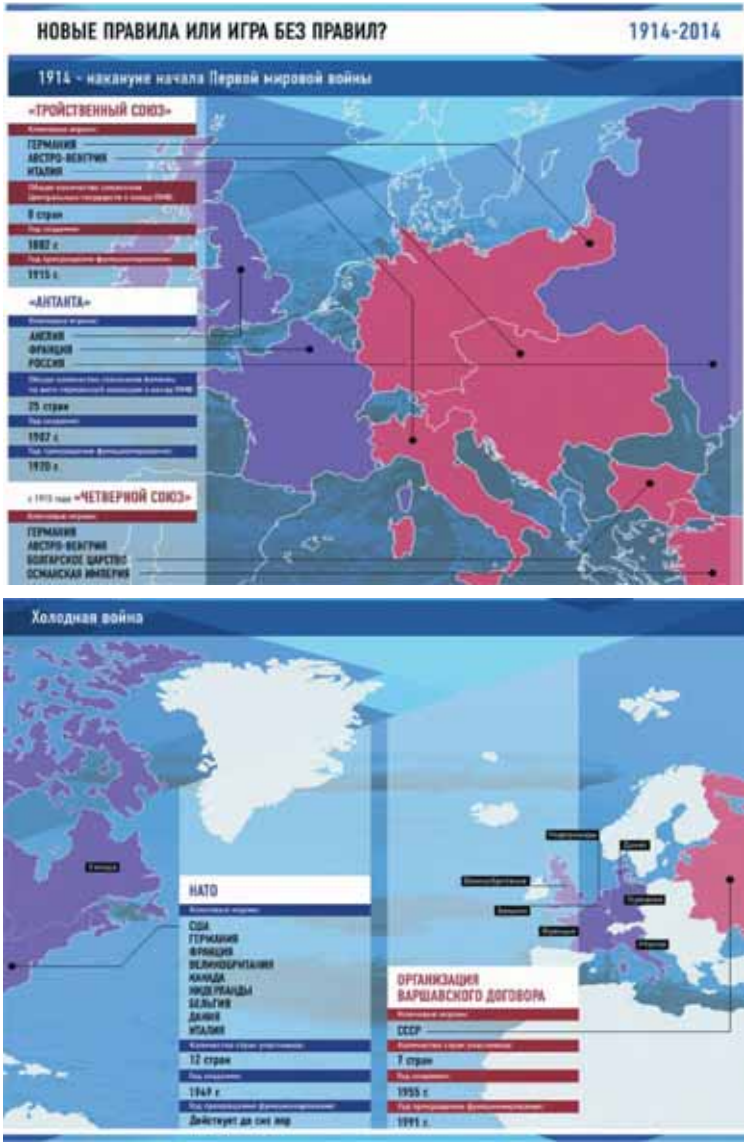

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИЛИ ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ?
1914-2014
1914 – накануне начала Первой мировой войны
«ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ»
ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
ИТАЛИЯ
3 страны
1882 г.
1915 г.
«АНТАНТА»
АНГЛИЯ
ФРАНЦИЯ
РОССИЯ
25 стран
1907 г.
1920 г.
«ЧЕТВЕРНОЙ СОЮЗ»
ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Холодная война
НАТО
США
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
КАНАДА
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ДАНИЯ
ИТАЛИЯ
12 стран
1949 г
Действует до сих пор
ОРГАНИЗАЦИЯ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА
СССР
7 стран
1955 г.
1991 г.

Рис. 4.1.

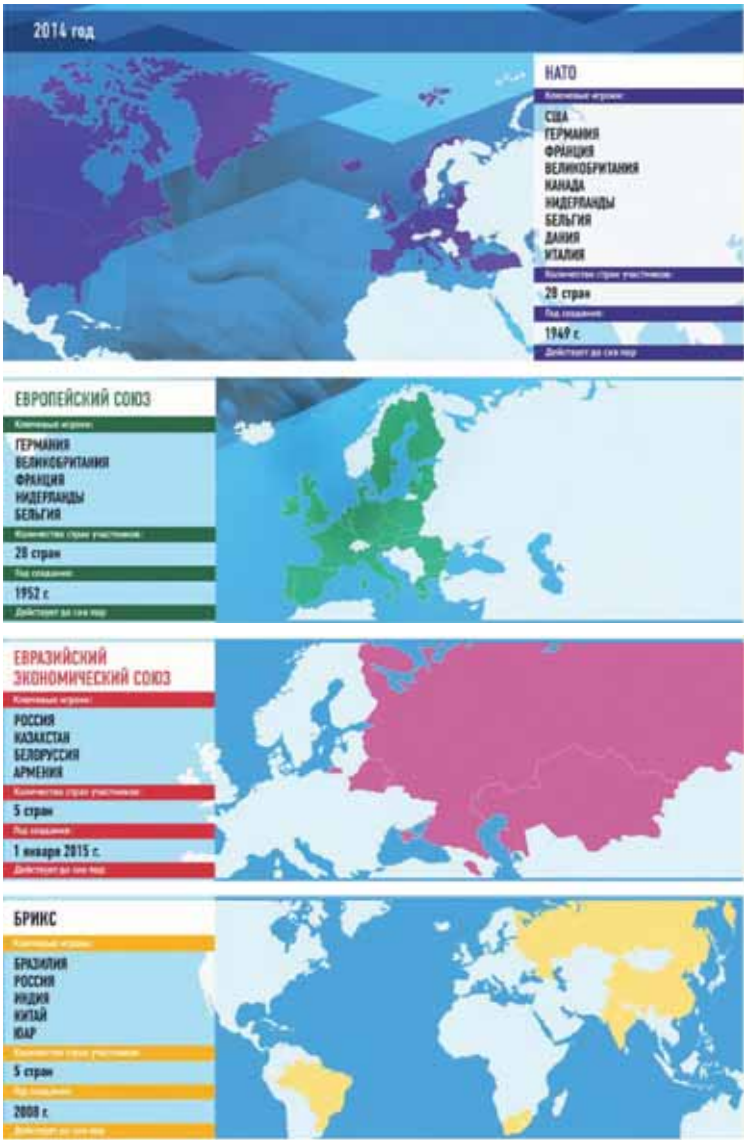

2014 год
НАТО
США
ГЕРМАНИЯ
ФРАНЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
КАНАДА
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ДАНИЯ
ИТАЛИЯ
28 стран
1949 г.
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
ГЕРМАНИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ФРАНЦИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
28 стран
1952 г.
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ
РОССИЯ
КАЗАХСТАН
БЕЛОРУССИЯ
АРМЕНИЯ
5 стран
1 января 2015 г.
БРИКС
БРАЗИЛИЯ
РОССИЯ
ИНДИЯ
КИТАЙ
ЮАР
5 стран
2008 г.

Рис. 4.2.

онному принципу, когда не только нация, но и цивилизация способна на определенные политические компромиссы и договоренности, а не на подчинение своей системе ценностей и правовых норм[83].

Надо понимать, что анализируя основные тенденции в развитии наций и государств, их влияние на формирование МО и прогноз развития сценария МО, необходимо учитывать влияние указанных выше двух групп факторов — международных коалиций и цивилизационного, — без которых только прогноз развития потенциалов государств будет неполным.

Систематизировав их, таким образом, можно попытаться далее формализовать оценку их влияния, например, по следующим матрицам (в соответствии с каждой из трех групп), понимая, естественно, определенную условность подобной формализации, а также известную субъективность оценок влияния. В самом общем виде влияние того или иного фактора (субъекта, актора, групп акторов и т.д.) можно оценить, например, по 100-балльной шкале (от 10 баллов — незначи-

Общая матрица оценки влияния ЛЧЦ в XXI веке

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
Западная ЛЧЦ	70	60	40
Китайская ЛЧЦ	30	50	60
Индийская ЛЧЦ	15	30	50
Бразильская ЛЧЦ	10	20	30
Индонезийская ЛЧЦ	10	20	30
Российская ЛЧЦ	15	20	25
Исламская ЛЧЦ	40	50	60

[83] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад / А.И. Подберезикн [и др.] М. : МГИМО–Университет, 2014.

тельное влияние на МО, до 100 баллов — решающее влияние на формирование того или иного сценария МО (таблица «Общая матрица оценки влияния ЛЧЦ в XXI веке»).

Аналогичную матрицу можно предложить в качестве начала для анализа влияния государств и прогноза на XXI век, ограничившись, например, «большой 20» и 10 наиболее перспективными кандидатами

Общая матрица оценки влияния отдельных государств в XXI веке

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
1. США	60	50	35
2. ЕС	30	30	30
3. КНР	25	45	55
4. Россия	15	15	20
…			
30.			

Такую же матрицу можно предложить для международных организаций — союзов, коалиций и др. акторов, выделив, естественно, наиболее важные из них.

Общая матрица оценки влияния отдельных международных организаций

Название ЛЧЦ	Оценка влияния в 2015 г.	Оценка влияния в 2030 г.	Оценка влияния в 2050 г.
1. НАТО	75	65	60
2. ШОС	15	25	30

4.1. Основные тенденции в развитии традиционных субъектов международной обстановки

Классическое противоборство наций-государств в XXI веке сохранится, хотя оно неизбежно трансформируется в участие тех или иных государств в коалициях — международных, цивилизационных, политических, экономических и других, — а также будет находиться под влиянием цивилизационных факторов. Процессы глобализации неизбежно стирают межгосударственные и межнациональные различия. Соответственно и влияние национальных государств на МО ослабевает, что вносит существенные изменения в весь процесс формирования МО и, вероятно, такое ослабление будет только усиливаться. Во многом даже вытесняться другими факторами, прежде всего, цивилизационными и международными. Если попытаться оценить изменение значения государства-нации в сценарии формирования МО в баллах, то ситуация может выглядеть следующим образом: см. таблицу «Общая матрица оценки влияния ЛЧЦ в XXI веке».

Субъектность государств-наций будет становиться важной не сама по себе, а потому, что она будет центром политического и экономического притяжения других государств, наций и акторов мировой политики. Это явится, в конечном счете, важнейшим условием консолидации вокруг одной локальной человеческой цивилизации, превратившейся в мировой центр силы[84]. Для России это перспектива становления «российского ядра» в качестве центра российско-евразийской цивилизации.

Один из способов определения влияния государств на формирование МО — измерение их доли в ВВП всех стран

[84] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.

Значение отдельных групп факторов на формирование МО

до начала XX века	до середины XX века	до конца XX века	до середины XXI века
— значение государств-наций для формирования МО			
— 90 баллов	**75 баллов**	**50 баллов**	**— 30 баллов**
— международные (государственные) акторы:			
— 10 баллов	**10 баллов**	**25 баллов**	**— 30 баллов**
— (негосударственные) акторы			
— 0 баллов	**0 баллов**	**10 баллов**	**— 10 баллов**
— цивилизационные факторы			
— 0 баллов	**15 баллов**	**15 баллов**	**— 30 баллов**

мира, отдельных регионов или, например, в военных расходах. Так, военный бюджет США составляет 35 % или в 2 раза выше доли США в мировом ВВП и в 10 раз превышает долю США в мировом населении. Наконец, военные расходы США превышают аналогичные расходы последующих 8 стран, вместе взятых. Эти данные говорят об очевидном акценте политики США на военной силе[85].

Вместе с тем эти подсчеты требуют уточнения и корректировки. В частности, если речь идет о финансовых расходах и физических объемах. Так, по оценке МВФ, Китай по паритету покупательной способности еще в октябре 2014 г. вышел на первое место в мире. А Индия, по всем основным прогнозам Запада, к середине века опередит США и выйдет на второе место в мире. «У нас здесь затуманены мозги, — считает профессор МГИМО С. Лунев. — Данные по ВВП вычисляются очень просто. Берется официальная статистика, тупо умно-

[85] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 83–90.

жается на официальный курс местной валюты к доллару и получается объем экономики. Это совершенно несправедливый счет. Надо считать, хотя это и гораздо сложнее, по паритету покупательной способности. По этому показателю по итогам 2011 года Индия — третья мировая держава. Она опередила Японию». «К 2030 году Индия станет самой населенной страной мира. Средний возраст, там, на 10 лет ниже, чем в Китае, и на 20 лет ниже, чем в Германии и Японии. Значит, будет больше рабочей силы. Конечно, вопрос в том, насколько она квалифицирована, но квалифицированных специалистов в Индии много. Нужно добавить, что там фантастическими темпами развивается инфраструктура»[86].

Наиболее традиционными, даже исключительными объектами исследований и прогнозов в области МО, определяющими её характер, являются государства. При этом работа ведётся на базе их основных параметров: численности населения, ВВП, площади территории и других. В результате получается некий прогноз МО, составленный на основе прогноза развития пяти–шести государств по 10–12 основным параметрам. По сути дела, это экстраполяция существующих в настоящее врем качеств субъектов МО, перенесенная механически на будущее. Иногда с теми или иными поправками и коэффициентами.

В целях существенного улучшения точности анализа и прогноза МО предлагается[87]:

— расширить число участников до нескольких десятков, даже до 100 государств-наций

---

[86] *Скосырев В.* Индия обошла Китай по темпам экономического роста // Независимая газета. 2015. 13 февраля.

[87] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 553–587.

— расширить число параметров до нескольких десятков, даже до сотен и ввести критерии;
— рассмотреть возможность качественных характеристик.

Прежде всего, необходимо проанализировать состояние и перспективу развития традиционно главных субъектов МО — государств. В самом общем виде, вероятно, придется выбрать 100 наиболее значимых государств и проанализировать их с точки зрения современного влияния и изменения их влияния на МО, в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В результате заполнения матрицы мы получим приблизительную картину соотношения сил и влияния государств-субъектов на МО в настоящее время и далее.

Матрица влияния субъектов МО (государств) до 2050 гг.

Название субъекта	Состояние, степень влияния		
	в н/в (в баллах)	в 2021–2025 гг.	в 2045–2050 гг.
1. Российская Федерация	Великая держава (40 баллов)	Великая держава (45 баллов)	Великая держава (50 баллов)
2. Соединенные Штаты Америки	Великая держава (85 баллов)	Великая держава (80 баллов)	Великая держава (75 баллов)
…			
100. Андорра	Микрогосударство (5 баллов)	Микрогосударство (5 баллов)	Микрогосударство (5 баллов)

Важно, чтобы выводы о влиянии, сформулированные в матрице, были достаточно обоснованы и минимально субъективны. Поэтому необходимо ввести достаточное количество критериев, характеризующих мощь и влияние государств в мире. В самом общем виде это может быть 10 групп по 10 критериям, т.е. 100 критериев для одного государства (или $100 \times 100 = 10\,000$ для всех отобранных государств).

Влияние того или иного государства может определяться, например, по следующим основным 10 группам количественных и качественных критериев:

— экономическим (10 критериев);
— демографическим (10 критериев);
— военным (10 критериев);
— гуманитарным (10 критериев) и т.д.[88]

В частности, очень важный критерий, значение которого все более увеличивается, связан с коалиционными военно-политическими и экономическими возможностями государств. Так, например, влияние рядового западноевропейского государства во многом усиливается его участием не только в военно-политических интеграционных объединениях типа НАТО, но и экономических — ЕС. Именно усиливающееся значение этого фактора становится стимулом для усиления военного тандема Швеция — Финляндия, который формирует региональные связи с государствами-членами НАТО в Северной Европе, прежде всего, Норвегией, Прибалтийскими государствами, а также Польшей и рядом других стран. Речь идет о концепции «Северного кулака» как наиболее приоритетной цели для складывающейся коалиции. По мнению Л. Нерсисяна, эта тенденция находится, прежде всего, в русле интересов США, глобальная политика которых ориентирована на создание непосредственной военной угрозы максимально близко к территории России. Он, в частности, приводит в пользу этого следующие аргументы[89]:

1) «Северный кулак» действительно формируется. Его целью пока что является геополитическое давление

---

[88] Существует множество количественных способов оценки мощи и влияния государства в мире, о которых речь пойдет ниже в специальном разделе работы.

[89] *Нерсисян Л.* «Северный кулак» США против России: угроза Калининграду и ядерным силам. 2015. 10 апреля / ИА «Регнум» / http://www.regnum.ru/news/polit/1913924.html

на Россию и создание угрозы Калининградской области.

2) Группировка войск в Калининграде должна поддерживаться в максимально боеготовом состоянии, её численность, по возможности, необходимо увеличить.
3) США с помощью создания «мини» военного блока в Скандинавии и Прибалтике ещё плотнее сжимают кольцо военного окружения России.
4) Норвегия, несмотря на свои амбиции, пока далека от того, чтобы тягаться с Россией в Арктике. Северный флот РФ представляет собой серьёзную мощь, с которой невозможно тягаться с помощью 6 дизельных субмарин, нескольких фрегатов и ракетных катеров. У России здесь имеется 45 подводных лодок, в том числе 23 атомные, авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», тяжёлый атомный крейсер «Пётр Великий» и множество других кораблей.
5) Кроме геополитических причин и борьбы США с Россией, есть намного более насущная задача — заставить работать ВПК на «полную катушку», несмотря на экономические проблемы в большинстве стран Европы. Сейчас, даже условно нищие прибалтийские государства начинают выделять какие-то деньги на закупку военной техники[90].
6) Большая война в Европе всё же может возникнуть — уровень напряжения в некоторые моменты действительно приближается к критическому. А наличие большого количества вооружения и активная подготовка к войне могут вызвать лишнюю самоуверенность.
7) Следующим шагом расширения проекта ЕвроПРО может стать размещение противоракет в Скандинавии.

---

[90] *Нерсисян Л.* «Северный кулак» США против России: угроза Калининграду и ядерным силам. 2015. 10 апреля / ИА «Регнум» / http://www.regnum.ru/news/polit/1913924.html

Система ПРО GMD (Ground-based Midcourse Defence) будет иметь возможность перехватить часть российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР), летящих через Северный полюс к США. И что самое главное, перехватить их до разведения боевых частей — ведь большая часть современных МБР России имеет разделяющиеся головные части. Такой расклад вполне возможен после 2020 года, когда будет реализован нынешний этап ЕвроПРО и будет «доведена до ума» GMD. Соблазн разжечь войну после такого шага будет, естественно, ещё выше.

8) Страны, входящие в этот новый антироссийский блок, не являются бенефициарами — скорее наоборот, им, в случае чего, придётся хуже всего, так как именно они и станут полем боя. До США, как и раньше, далековато.

9) Все страны, находящиеся недалеко от России и размещающие у себя элементы ПРО США, должны быть предупреждены на самом высоком уровне о том, что они будут самой первой мишенью для стратегических ядерных сил РФ и получат они не безопасность, а наоборот — смертельную опасность. Заявление должно быть не на уровне посла, как было сделано в Дании, а на самом высоком уровне. Население этих стран должно знать, к чему ведут решения их правительств.

Эта политика США исходит из основополагающей предпосылки усиления значения неядерного оружия в военных конфликтах параллельно с уменьшением роли СЯС в мире. Их суть сводится к тому, чтобы укрепить принципы ядерного сдерживания, с одной стороны, сделав ядерное оружие «неиспользуемым» инструментом внешней политики, а, с другой стороны, добиться очевидного превосходства в области неядерных ВиВТ и использования ВС. В Докладе о стратегии использования ядерного оружия

Соединенными Штатами Америки, подготовленном Конгрессу США в июне 2013 года, прямо говорится: «В Обзоре ядерной политики 2010 года поставлена цель создания условий, в которых Соединенные Штаты смогли бы безопасно принять политику сдерживания ядерного нападения в качестве единственного предназначения американского ядерного оружия. Хотя мы не можем принять такую политику сегодня, в новых указаниях [президента по использованию ядерного оружия] подтверждается намерение работать для достижения этой цели в будущем. Учитывая это, новые указания предписывают министерству обороны предпринять конкретные шаги в направлении уменьшения роли ядерного оружия в американской стратегии национальной безопасности.

Министерству обороны предписано заблаговременно планировать варианты неядерных ударов для оценки потенциальных возможностей [какие цели и результаты могут быть достигнуты] комплексных ударов неядерными средствами и выработки предложений о разработке средств, которые обеспечили бы достижение требуемых целей и необходимых результатов. Хотя такие средства не заменяют ядерное оружие, планирование вариантов неядерных ударов является одним из главных элементов процесса уменьшения роли ядерного оружия.

Признавая существенное уменьшение вероятности внезапного разоружающего ядерного нападения, новые указания предписывают министерству обороны исследовать дополнительные варианты сокращения роли ответно-встречного удара в ядерном планировании США, сохраняя при этом возможность для пуска в ответно-встречном ударе в случае принятия соответствующего решения».

Очевидно, что для того, чтобы победа в неядерной войне была обеспечена США, необходимо выполнить несколько условий, а именно:

— создать военно-политическую коалицию против России, включающую широкий спектр государств, находящихся в непосредственной близи к нашим границам, которые могут послужить:
  а) плацдармом;
  б) основными участниками;
  в) минимизировать военные риски для США;
— эта коалиция «выводит за скобки» ядерные потенциалы США и России, превращая их в «неиспользуемое» оружие;
— эта же коалиция обеспечивает возможность использования ВТО в воздушно-космическом нападении и применение систем ПРО[91].

Обращает на себя внимание система анализа и долгосрочного комплексного прогноза, сделанная для Западной Австралии, где выделены временные, географические, ресурсные, транспортные компоненты, на базе которых и представлен долгосрочный прогноз региона Западной Австралии.

Эти тенденции или некоторые из них могут стать базой для анализа и прогноза развития мировых тенденций до 2050 года, т.е. можно взять австралийский прогноз (отбор тенденций) за основу.

Следует понимать, однако, что для всей планеты, для всех субъектов МО такой выбор тенденций недостаточен. Глобализация, регионализация сами по себе стали ведущими мировыми тенденциями, но они, кроме того, породили и другие тенденции, имеющие значительные последствия. Например, в области образования, научно-технического сотрудничества, а тем более внешней торговли и финансов.

---

[91] Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в конгресс правительством Соединенных Штатов Америки в соответствии с положениями раздела 491 тома 10 Свода Законов США 12 июня 2013 года / http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf

4.2. Основные тенденции в развитии локальных человеческих цивилизаций до 2021–2022 годов

Основные сопоставления и долгосрочные прогнозы развития ЛЧЦ были даны в предыдущих работах сотрудников Центра военно-политических исследований, а до этого — других авторов, — опубликованных в 2008–2014 годы в России[92]. В данной работе остановимся на наиболее важных аспектах этой проблемы.

Такие сопоставления и прогнозы применительно к ЛЧЦ на среднесрочную перспективу представляются малоинформативными. Действительно, вряд ли стоит ожидать глубоких изменений в позициях тех или иных цивилизаций и их влияния в мире в среднесрочной перспективе. И количественные оценки в целом это подтверждают.

Другое дело, если речь идет о долгосрочном прогнозе, либо о формирующейся в среднесрочной перспективе тенденции, зарождении неких важных трендов и намечающихся глобальных изменениях, которые не поддаются экстраполяции — столь любимой большим количеством авторов ошибке в исследовании социально-исторических явлений. Именно такая тенденция обнаруживается в настоящее время в политике КНР, которую можно было бы назвать «двустороннее сотрудничество, со всеми и без долгосрочных обязательств». И без союзов, связывающих обязательствами.

Это важно, например, для правильного понимания будущей конфигурации мировых сил и места КНР в мире. Но не

---

92 *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 77–89; Глобальный прогноз «Будущие цивилизации» на период до 2050 года. Часть 7 / под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М. : МИСК, 2009.

только. Это не менее важно для осмысления будущей роли России в мире.

Самая простая конфигурация мировых сил после 2021 года сегодня выглядит следующим образом:

Рис. 4.3. Конфигурация мировых сил (ЛЧЦ) после 2021 года (общепринятый взгляд)

В этой конфигурации, как правило, ведутся споры о том, какие отношения будут между западной ЛЧЦ и китайской — партнерские или враждебные? Роль российской ЛЧЦ нередко рассматривается в качестве союзника КНР или США, «склоняющего чашу весов противоборства» на одну или другую сторону.

Между тем Китай может выбрать (и, похоже, так и делает) другую мировую модель взаимоотношений, которая строится на «равноудаленности» (или «равноприближенности») со всеми цивилизациями и странами, позиционируя Поднебесную в центре этой модели (рис. 4.4).

Не случайно, КНР выстраивает, во-первых, принципиально, систему двусторонних, а не многосторонних отношений, во-вторых, инвестирует, в транспортные коридоры,

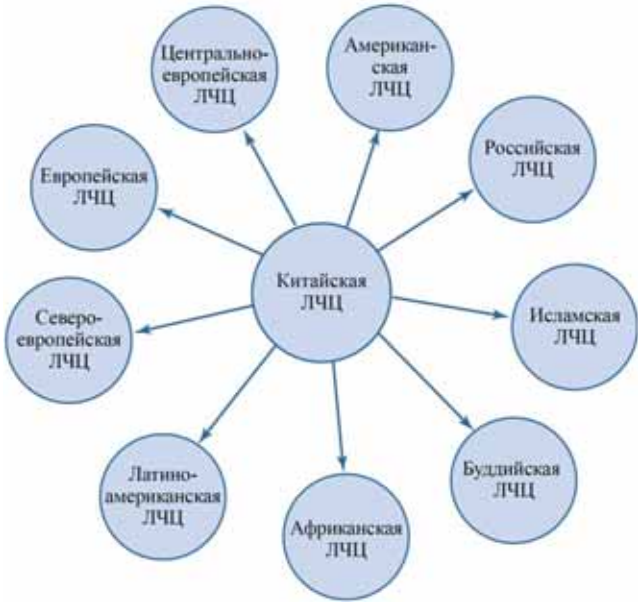


Рис. 4.4. Конфигурация мировых сил (ЛЧЦ) после 2021 года (китайский взгляд)

а, в-третьих, избегает стратегических военно-политических союзов. В «набор» двусторонних встреч и контактов руководства КНР входят все страны и регионы. Не случайно и то, что объем торговли КНР выглядит очень сбалансировано со всеми центрами силы: на конец 2013 года с ЕС — 560 млрд долл.; США — 520 млрд долл.; АСЕАН — 443 млрд долл. Таким образом, КНР создает — спокойно, целенаправленно и последовательно — ту «параллельную реальность» в мире, которая ему необходима. Как отмечает эксперт А. Виноградов, «Вся эта активная деятельность Пекина — строительство портов и дорог, активное развитие экономического сотрудничества с самыми различными странами, формирование инфраструктуры, способной накрепко соединить Китай с самыми различными уголками мира и обеспечить беспе-

ребойную поставку китайских товаров во все страны — это на самом деле лишь часть той кропотливой работы, которую ведёт Китай, по-прежнему, стараясь не вступать в открытую конфронтацию с существующим миропорядком (и в этом смысле известный завет Дэн Сяопина — „не высовываться“ — по-прежнему, может считаться одной из основ внешнеполитической деятельности руководства КНР на международной арене). Работа по созданию „параллельной реальности“, существующей независимо от тех, кто сегодня пока ещё определяет судьбы мира — США, стран Запада и международных финансовых структур, — ведётся постоянно и активно. И в тех случаях, когда эта реальность нуждается в защите, Китай уже способен действовать жёстко и твёрдо отстаивать свои интересы (именно на это и намекают те, кто уже сегодня в Китае призывает отказаться от вышеупомянутого постулата Дэна).

Международные организации, созданные без участия США и западных стран, — ШОС, БРИКС и др., переход на расчёты в юанях, которые уже сегодня практикуются (на основе прямой взаимной конвертации) с Японией, Гонконгом, Макао, странами АСЕАН, Великобританией (обсуждается переход на подобные расчёты с Россией и другими странами БРИКС), создание под эгидой Китая многочисленных зон свободной торговли по всему миру, формирование независимой от МВФ и США международной финансовой системы — банки в Азии и банк БРИКС — всё это шаги, ведущие к построению такой „параллельной реальности“.

Замечу, что параллельная реальность, независимая от руководства Европейского союза, уже существует и в Европе. Это созданный несколько лет назад и успешно функционирующий форум КНР — страны Центральной и Восточной Европы.

Пекин некоторое время назад без оглядки на Брюссель начал активно налаживать двусторонние экономические

связи с проблемными европейскими странами (страны Центральной, Восточной и Южной Европы), вовлекая их в свою орбиту. А с началом второго десятилетия нынешнего века даже перешёл к формированию так называемого субрегионального формата сотрудничества, создав независимый от отношений с Брюсселем форум Китай — страны ЦВЕ со штаб-квартирой (вернее, представительствами стран-участниц) в Пекине»[93].

Как вино на примере КНР, каждая ЛЧЦ будет стремиться «приспособить под себя» будущую модель мирового устройства. Но далеко не каждой это удастся: если китайская стратегия может быть названа сегодня наиболее перспективной и результативной, американская — наиболее влиятельной, а исламская — радикально-наступательной, то российская — в лучшем случае только как «перспективная».

В любом случае цивилизационный подход в стратегическом прогнозе будущего сценария развития международной обстановки представляется в качестве основного подхода.

Есть основания полагать, что значение противоборства локальных человеческих цивилизаций в международной политике XXI века будет стремительно возрастать. Именно на их основе будут формироваться будущие центры силы и международные коалиции[94].

Это связано с двумя основными причинами. Во-первых, с выдвижением на первое место системы ценностей, характерных для цивилизаций, а не государств, а во-вторых, с совпадением этого цикла (видимо, не случайно) с очередной сменой технологических укладов. Важно, что как из первой группы, так и второй группы причин основные противоречия переносятся в межцивилизационную плоскость.

---

93 *Виноградов А.* Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире. Ч. 2 / Эл. ресурс: «Однако». 2015. 6 февраля / http://www.odnako.org/

94 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 90–99.

Академик С. Глазьев, в этой связи, отмечает три возможных цивилизационных сценария развития, которые и будут предопределять во многом отношения между ЛЧЦ[95]:

1. Сценарий быстрого выхода на новую длинную волну экономического роста (оптимистический). Он предусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам канализировать спад в устаревших секторах и периферийных регионах мировой экономики и направлять остающиеся ресурсы на подъем инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада. При этом кардинально изменится архитектура глобальной финансовой системы, которая станет поливалютной, а также состав и относительный вес ведущих стран. Произойдет существенное усиление государственных институтов стратегического планирования и регулирования финансовых потоков, в том числе на мировом уровне. Глобализация станет более управляемой и сбалансированной. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе объединяющих, ведущие страны мира, целей будет использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, массовым голодом, болезнями и другими угрозами человечеству.
2. Катастрофический сценарий, сопровождающийся коллапсом существующей американоцентричной финансовой системы, формированием относительно самодостаточных региональных валютно-финансовых систем, уничтожением значительной части международного капитала, резким падением уровня жизни в странах «золотого миллиарда», углублением рецессии и возведением протекционистских барьеров между регионами.

---

95 *Глазьев С. Ю.* Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер / http://vpk-news.ru/articles/22623

3. Инерционный сценарий, сопровождающийся нарастанием хаоса и разрушением многих институтов, как в ядре, так и на периферии мировой экономики. При сохранении некоторых институтов существующей глобальной финансовой системы появятся новые центры экономического роста в странах, сумевших опередить других в формировании нового технологического уклада и «оседлать» длинную волну экономического роста.

Инерционный сценарий представляет собой сочетание элементов катастрофического и управляемого выхода из кризиса. При этом он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и оптимистическим — для других. Следует понимать, что институты ядра мировой финансовой системы будут выживать за счет стягивания ресурсов с периферийных стран путем установления контроля над их активами. Достигается это обменом эмиссии их валют на собственность принимающих эти валюты стран в пользу банков и корпораций ядра.

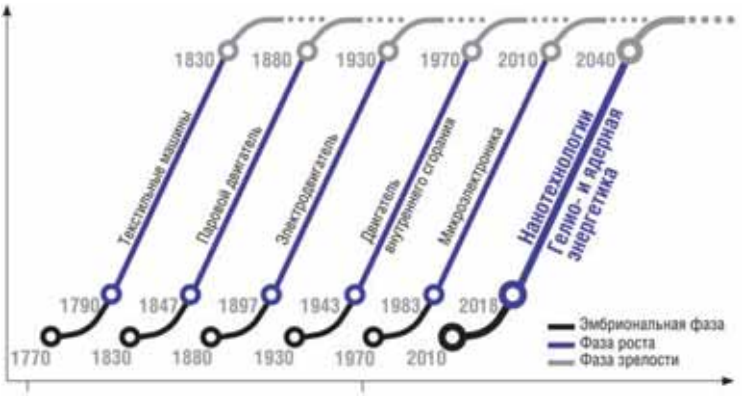


Рис. 4.5. Смена технологических укладов

Пока развитие событий идет по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут

открытые экономики, в которых падение промышленного производства и инвестиций составило в начальной фазе кризиса 15–30 %. Страны с автономными финансовыми системами и емким внутренним рынком, защищенным от атак спекулянтов, продолжают расти, увеличивая свой экономический вес.

Рис. 4.6. Структура нового (VI) технологического уклада и темпы роста его составляющих

Для выхода на оптимистический сценарий необходимо формирование глобальных регулирующих институтов, способных обуздать турбулентность на мировых финансовых рынках и уполномоченных на принятие универсальных глобальных правил для финансовых учреждений. В том числе, предусматривающих ответственность менеджеров, прозрачность фондовых опционов, устранение внутренних конфликтов интересов в институтах, оценивающих риски, ограничение кредитных рычагов, стандартизацию финансовых продуктов, проведение трансграничных банкротств.

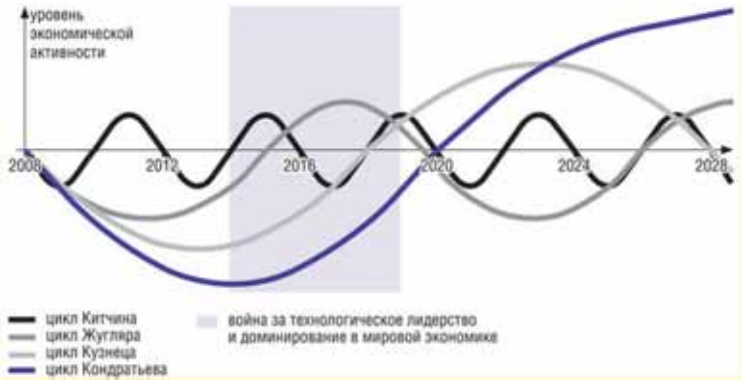


Рис. 4.7. Глобальный кризис как сочетание циклических кризисов

В любом из сценариев экономический подъем возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. Кризис закончится с перетоком, оставшегося после коллапса долларовой пирамиды и других финансовых пузырей, капитала в производства нового технологического уклада.

В основе нового (шестого) технологического уклада лежит комплекс нано-, информационно-коммуникационных и биотехнологий. И хотя основная сфера их применения — здравоохранение, образование и наука — лишь косвенно связана с производством военной техники, гонка вооружений и увеличение оборонных расходов привычным образом становятся ведущим способом государственного стимулирования нового технологического уклада[96], что сегодня стало фактически непризнанной реальностью, которую в упрощенной форме можно представить в виде тенденции.

---

[96] *Глазьев С. Ю.* Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL : http://vpk-news.ru/articles/22623

Таким образом, на протяжении российской истории наиболее яркой ее чертой является наличие 400-летних периодов, каждый из которых включает в себя пять 80-летних циклов.

На основе изучения методологии построения стратегической матрицы и опыта ее применения для выявления и оценки цикличных колебаний в российской истории участники цивилизационной игры рассматривают следующие игровые ситуации.

1. Дается оценка предложенных девяти параметров в истории евразийской цивилизации в XX веке, цикличных колебаний этого периода. Полученные результаты сопоставляются с выводами авторов стратегической матрицы, изложенными выше. Обсуждается проблема: неизбежен ли был распад СССР и евразийской цивилизации в конце XX века?
2. Строится стратегическая матрица для России на период до 2050 года, дается оценка девяти параметров и интегральная оценка по десятилетним периодам по двум сценариям — пессимистическому и оптимистическому. Выявляются ожидаемые цикличные колебания, фазы сверхдолгосрочного и долгосрочного циклов.

Обсуждаются проблемы:

— каковы предпосылки, факторы и последствия реализации оптимистического сценария? Сможет ли Россия сохранить статус великой державы и претендовать на возвращение статуса сверхдержавы?
— какое место в геоцивилизационном пространстве займет Россия при реализации пессимистического и оптимистического сценария?

Геоцивилизационная матрица разработана Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и использована для оценки исторической динамики и перспектив развития цивилизаций в XXI веке (Кузык Б. Н.,

Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М.: ИНЭС, 2006. Т. II. Гл. 18), перспектив развития глобальной и российской цивилизаций в XXI веке (Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Будущее мира и России. Манифест интегрального макропрогнозирования. М.: ИНЭС, 2006. Гл. 3), оценки и прогноза социокультурной динамики цивилизаций (Осипов Г. В., Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М.: ИНЭС, 2007. Гл. 5).

Методология построения геоцивилизационной матрицы изложена в монографии «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее».

При разработке методологии клиометрических геоцивилизационных измерений мы исходим из следующих основных методологических положений.

1. Объектом измерений являются локальные цивилизации четырех поколений — как уже сошедшие с исторической сцены, так и ныне существующие в составе 5-го поколения. К первой группе относятся греко-римская, персидская, византийская, монгольская, доколумбовы американские локальные цивилизации. За основу классификации современных и перспективных цивилизаций принимается 12 локальных цивилизаций 5-го поколения, формирующегося на рубеже XXI века.

   Использована следующая группировка локальных цивилизаций:

   — европейские цивилизации — греко-римская, византийская, западноевропейская, восточноевропейская, восточнославянская (российская, евразийская);
   — цивилизации Азии и Африки — китайская, индийская, японская, буддийская, мусульманская, африканская (южнее Сахары), исчезнувшие персидская и монгольская;
   — цивилизации Америки и Океании — древнеамериканские (Мезоамерики, Андской территории),

современные дочерние по отношению к западноевропейской цивилизации — североамериканская, латиноамериканская, океаническая.

В исследуемый период (1–2100 гг. н.э.) включены пять мировых цивилизаций (завершающий этап античной, средневековая, раннеиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная) и три исторических суперцикла развертывания глобальной цивилизации (конец первого, второй и начало третьего).

Исследование ведется в трехмерном цивилизационном пространственно-временном измерении.

2. Критериями измерения динамики и соотношения цивилизаций служат шесть факторов, составляющих генетическое ядро цивилизаций и являющихся определяющими в их судьбе:
   - демографический — численность и темпы динамики населения, его структура, процессы миграции;
   - природно-экологический — обеспеченность необходимыми для жизни людей и производства природными ресурсами; территория, климатические условия, уровень загрязнения окружающей среды, частота экологических и техногенных катастроф;
   - технологический — технологический уровень производства и продукции (преобладающие, технологический способ производства, технологический уклад, уровень инновационной активности, конкурентоспособность продукции);
   - экономический — объем и темпы динамики ВВП, уровень экономического развития (ВВП на душу населения), структура экономики, вовлеченность в международную торговлю;
   - социально-политический — социальная структура, политический строй, социально-политические конфликты (революции, войны), сила и активность государства, уровень правового регулирования и т.п.;

— духовная сфера — преобладающий социокультурный строй, уровень развития культуры, науки и изобретательства, образования; моральное состояние общества (браки и разводы, уровень преступности); активность религиозной жизни и ее влияние на общество; идеологический настрой, система цивилизационных ценностей.

3. Измерения уровня, динамики и соотношений цивилизаций производятся на основе экспертных балловых оценок. Понятно, что никакие другие способы измерения и сопоставления столь разнокачественных факторов и многочисленных их составляющих применены быть не могут — не найти общего знаменателя. Конечно, экспертные оценки носят субъективный характер — они отражают уровень компетентности эксперта, его личные симпатии или антипатии, принадлежность к тому или иному поколению и т.п. Но разве используемые в социально-экономической статистике и тем более в экономико-математическом моделировании показатели не имеют столь же субъективного характера, не меняются время от времени? Значит, дело не столько в количестве экспертов, привлекаемых для измерений, сколько в их компетентности и возможно более полной беспристрастности.

Применяемые методы измерений в концентрированном виде выглядят следующим образом. Общая сумма оценки (интегральный показатель) принята за 100 баллов. Они разделены между шестью факторами. Проведенный анализ позволил два фактора (экономический и духовной сферы) оценить по 20 баллов, каждый из четырех оставшихся (демографический, природно-экологический, технологический, социально-политический) — по 15 баллов. Это высшая, предельная оценка; реальная может быть более низкой, вплоть до нулевой (впрочем, нулевая оценка по любому из факторов означает отсутствие цивилизации как таковой из-за

неполноты или распада ее генотипа). Эти шесть факторов определяют контуры геоцивилизационной матрицы. Сумма пофакторных оценок по каждому периоду времени формирует интегральный показатель (он не может превышать 100 баллов).

Сопоставление динамики локальных цивилизаций по названным в п. 1 их четырем группам производится на основе среднеарифметического измерителя. Если проводить деление по средневзвешенному принципу (населению, территории или объему ВВП), то те или иные цивилизации получат явное превосходство (по населению — китайская и индийская, по территории — евразийская, североамериканская и африканская, по ВВП — североамериканская, западноевропейская и японская). Поэтому такой подход не является правильным. Мы исходим из того, что все цивилизации равноценны на историческом поле, независимо от их населения, территории или объема ВВП.

После того как оценки выставлены, рассчитывается сводный интегральный показатель по всем существующим для данного периода времени локальным цивилизациям (протоцивилизации в расчет не берутся). Интегральный показатель характеризует уровень развития преобладающей в этот период мировой цивилизации, а также данного этапа развития глобальной цивилизации. Сопоставление динамики по периодам позволяет выявить ритм цикличной динамики мировых цивилизаций и исторических суперциклов. Следовательно, предлагаемая методология дает возможность количественно оценить ритм цивилизационной динамики в трех составляющих: локальных, мировых и глобальной цивилизаций.

Рассмотрим опыт применения геоцивилизационной матрицы на примере трех цивилизаций Европы (западноевропейской, восточноевропейской, евразийской), китайской и мусульманской.

Западноевропейская цивилизация

Западноевропейская цивилизация сформировалась на землях Западной и Южной Европы, ранее входивших в состав Западной Римской империи. Становление западноевропейской цивилизации проходило долго и тяжело, достижения греко-римской цивилизации были забыты на несколько столетий, и многое приходилось начинать с нуля. Оценка динамики западноевропейской цивилизации приведена в табл. «Динамика западноевропейской цивилизации» и на рис. 4.8.

Западноевропейская цивилизация складывалась при сравнительно низких показателях социально-политического строя и духовного мира — 6 баллов; экономического и демографического — 8 и 9 баллов. Интегральная оценка составляла всего 45 баллов.

В средневековую эпоху начался уверенный подъем: на рубеже XIII и XIV веков интегральная оценка достигла уже 62 баллов. Затем темп развития замедлился, особенно в период глубокого кризиса XIV столетия (в том числе за счет постигшей Европу эпидемии чумы). В раннеклассовую эпоху он вновь ускорился, достигнув 65 баллов к 1750 году. Однако настоящий бум ожидал Западную Европу на первых этапах индустриальной цивилизации, когда интегральная оценка достигла рекордного уровня — 86 баллов в 1900 году (прежде всего, за счет технологического фактора — 14 баллов и фактора духовной сферы — 17 баллов).

Две мировые войны имели тяжелейшие последствия для Западной Европы и значительно ухудшили все параметры ее развития, особенно демографический и природно-экологический; интегральная оценка снизилась до 64 баллов в 1950 году, то есть до уровня 1300 и 1600 годов (впрочем, падение началось раньше, чему способствовал мировой экономический кризис). Западная Европа уступила мировое лидерство США. В послевоенный период она вновь добилась

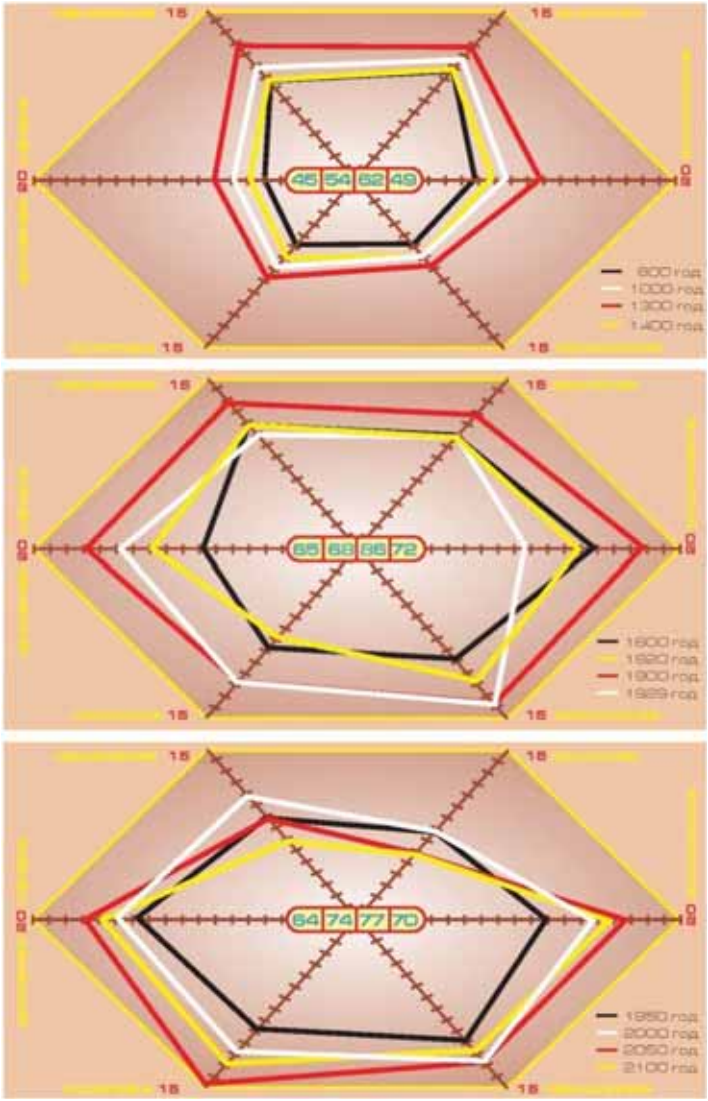


Рис. 4.8. Оценка динамики западноевропейской цивилизации на основе геоцивилизационной матрицы
(оценка в баллах по факторам, в центре — интегральная оценка)

Динамика западноевропейской цивилизации*

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
Максимальная оценка в баллах	15	15	15	20	15	20	100
800	9	10	6	8	6	6	45
1000	10	11	7	10	8	8	54
1200	11	12	8	11	9	10	61
1300	12	12	8	12	9	9	62
1400	9	10	7	9	7	7	49
1500	11	11	9	12	8	10	61
1600	11	10	10	15	9	10	65
1700	11	10	10	14	8	11	64
1750	12	10	10	13	8	12	65
1800	11	11	11	12	7	12	64
1820	11	10	12	14	8	13	68
1850	12	12	13	16	10	15	78
1870	12	13	13	17	9	16	80
1900	13	12	14	18	12	17	86
1913	12	11	14	18	13	17	85
1929	10	10	14	11	12	15	72

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
1938	11	10	13	15	9	13	71
1950	9	8	11	12	10	14	64
1970	10	8	12	16	11	14	71
1990	10	9	13	15	12	15	74
2000	11	8	13	15	12	15	74
2010 а	11	8	13	16	13	15	76
б	10	7	13	16	12	14	72
2020 а	10	8	14	17	13	15	77
б	9	7	12	16	12	14	70
2030 а	10	7	14	18	13	16	78
б	9	6	13	16	12	14	70
2050 а	9	6	13	17	15	17	77
б	8	5	12	16	12	15	68
2070 а	8	6	12	16	15	17	72
б	7	5	11	15	12	14	64
2100 а	7	6	12	16	13	16	70
б	6	5	10	15	11	13	60

*Прогноз: а – оптимистичный сценарий, б – пессимистичный сценарий.

рекордных темпов прироста ВВП, чему способствовали интеграционные процессы, однако к концу столетия ее развитие затормозилось.

В XXI столетии возможны два сценария развития западноевропейской цивилизации. Если процессы интеграции Западной Европы в рамках Европейского Союза принесут ощутимые плоды, то она сохранит ведущие позиции в геоцивилизационном пространстве (интегральная оценка 70–72 балла, при сдерживающем влиянии демографического фактора). Если же верх возьмет пессимистичный сценарий, нас ждет очередной «закат Европы» — снижение ее интегральной оценки до 60 баллов, прежде всего, за счет демографического и природно-экологического факторов (с учетом потепления климата и возможной экологической катастрофы — затопления прибрежных районов).

Восточноевропейская цивилизация

Восточноевропейская цивилизация неразрывно связана с западноевропейской. Она быстро развивалась в период Средневековья — ее интегральный показатель возрос с 48 баллов в 1000 году до 58 в 1300 году. После общеевропейского кризиса XIV века, когда общая оценка снизилась до 47, Восточная Европа вновь начала возрождаться, ее интегральный показатель поднялся к 1600 году до 63 баллов. В дальнейшем он увеличился лишь однажды — к 1900 году (70 баллов), а все остальное время находился на том же, либо более низком уровне: Восточная Европа была постоянно вовлечена в межцивилизационные конфликты — Наполеоновские войны, Первую и Вторую мировые войны и более мелкие вооруженные конфликты. В результате к 1950 году ее интегральный показатель составил всего 47 баллов (табл. «Динамика восточноевропейской цивилизации» и рис. 4.9).

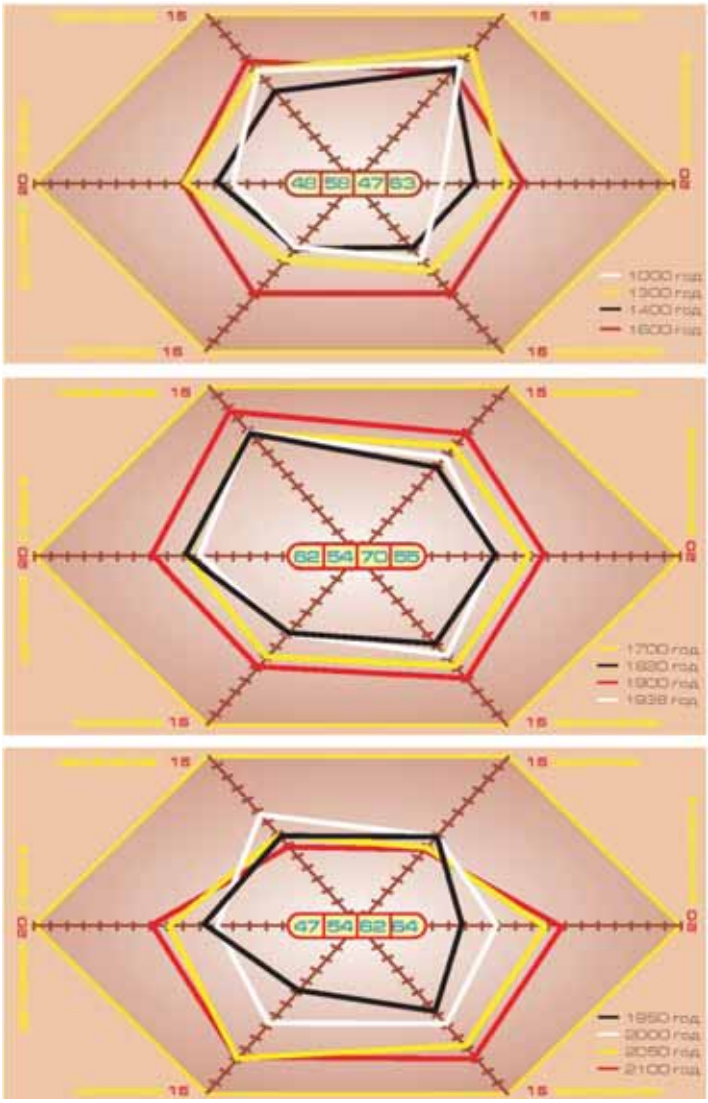


Рис. 4.9. Оценка динамики восточноевропейской цивилизации на основе геоцивилизационной матрицы
(оценка в баллах по факторам, в центре — интегральная оценка)

Динамика восточноевропейской цивилизации*

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
Максимальная оценка в баллах	15	15	15	20	15	20	100
1000	10	11	7	6	6	8	48
1200	11	12	8	8	8	10	57
1300	10	12	8	10	7	11	58
1400	8	10	6	8	6	9	47
1500	10	11	8	9	9	12	59
1600	11	10	10	11	10	11	63
1700	11	10	10	11	9	11	62
1750	12	10	10	10	9	11	62
1800	11	9	10	9	8	11	58
1820	11	8	8	9	7	11	54
1850	12	9	9	10	8	12	60
1870	12	10	10	11	9	12	64
1900	13	11	11	12	10	13	70
1913	13	11	11	12	9	12	68
1929	11	10	10	10	8	12	61

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
1938	11	9	9	9	7	10	55
1950	8	8	8	7	6	10	47
1970	10	9	10	9	8	12	58
1990	11	9	10	11	10	11	62
2000	10	8	9	9	9	9	54
2010 а	10	8	9	10	11	10	58
б	10	8	9	10	10	10	57
2020 а	10	8	10	11	11	11	61
б	9	7	9	9	10	10	54
2030 а	9	7	11	12	11	12	62
б	8	6	9	9	9	10	51
2050 а	8	7	11	12	12	12	62
б	7	6	8	9	9	10	49
2070 а	7	7	12	13	12	12	63
б	6	5	8	9	9	9	46
2100 а	7	7	12	13	12	13	64
б	6	4	8	8	9	9	44

* Прогноз: а — оптимистичный сценарий, б — пессимистичный сценарий.

В послевоенный период восточноевропейская цивилизация, попав в сферу влияния евразийской (СССР), быстро восстановила потерянные позиции, и ее интегральная оценка к 1990 году возросла до 62 баллов. К 2000 году она вновь снизилась (до 54 баллов), поскольку трансформация постсоветского пространства вызвала затяжной кризис.

До 2050 года восточноевропейская цивилизация сможет (при воплощении положительного сценария) устойчиво развиваться, особенно если использует преимущества, накопленные западноевропейской цивилизацией. В таком случае интегральный показатель Восточной Европы возрастет до 62 баллов, несмотря на то, что его рост будут ограничивать демографические и природно-экологические факторы. Однако нельзя исключить и пессимистичный вариант развития событий, когда в результате нарастающей депопуляции, истощения природных ресурсов, запоздалого освоения шестого и седьмого технологических укладов, снижения конкурентоспособности местной продукции общая оценка восточноевропейской цивилизации снизится до критического уровня (44–46 баллов).

Следует учитывать и возможность того, что восточноевропейская цивилизация к середине XXI века будет поглощена западноевропейской и полностью растворится в ней. Однако это снизит жизнеспособность западноевропейской цивилизации: ей придется взять на себя нелегкое бремя трансформации восточноевропейской цивилизации (как это сделала ФРГ в отношении ГДР). Поэтому не исключено, что в Западной Европе усилится сопротивление тесной интеграции с Восточной Европой, хотя система ценностей в обеих цивилизациях во многом идентична.

Окончательный выбор, вероятно, будет сделан в течение ближайших десятилетий XXI столетия.

Восточнославянская (евразийская) цивилизация

Здесь рассмотрена предыстория формирования восточнославянской цивилизации на обширных пространствах от Черного и Каспийского до Балтийского и Белого морей, от Карпат до Урала. Эта цивилизация соединила в себе наследие античной греко-римской цивилизации, протоцивилизаций скифов, антов, хазар, тюрков, а также многочисленных народов, которые проживали на севере Евразии либо переселялись через эти территории на другие.

Оценку динамики восточнославянской (евразийской) цивилизации начнем с 500 года — со времени антов, хотя более четко ее генотип сформировался в период с VIII по X век. Результаты экспертной оценки приведены в табл. и на рис.

Интегральная оценка исходного пункта (500 г.) весьма низкая — 30 баллов, прежде всего, за счет низких показателей социально-политического, технологического и экономического факторов, да и численность населения была невысокой. Однако быстрый технологический и социальный прогресс, формирование обширного Древнерусского государства, принятие христианства подняло интегральную оценку до 67 баллов к 1200 году, что отвечает уровню развитых цивилизаций. Монгольское нашествие, феодальная раздробленность, гибель тысяч людей, разруха, ухудшили положение цивилизации, так что ее оценка к 1300 году снизилась сразу до 51 балла, что отвечает состоянию глубокого цивилизационного кризиса.

Однако военно-политические неудачи конца царствования Ивана Грозного и после него, неурожаи, политическое противоборство, польская агрессия привели ко второй цивилизационной катастрофе, снизившей интегральную оценку к 1600 году до 51 балла, то есть до уровня периода монгольского нашествия. Резко снизилась оценка всех шести факторов.

Динамика восточнославянской (евразийской) цивилизации*

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
Максимальная оценка в баллах	15	15	15	20	15	20	100
500	4	8	4	4	3	7	30
800	6	9	5	5	5	9	39
1000	8	10	6	10	10	13	57
1200	10	10	8	12	11	16	67
1300	6	9	6	9	8	13	51
1400	7	9	7	10	10	14	57
1500	8	10	8	11	12	15	64
1600	6	9	6	9	9	12	51
1700	7	10	7	10	9	13	56
1750	8	11	8	12	10	14	63
1800	9	11	9	12	11	13	65
1820	9	11	8	12	11	13	64
1850	11	10	7	11	10	12	61
1870	11	10	7	11	12	13	64
1900	10	11	8	12	12	14	67
1913	10	10	10	13	14	12	69

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
1929	8	10	9	11	11	11	60
1938	8	10	11	11	9	10	59
1950	9	9	10	12	11	11	62
1970	9	10	11	11	13	13	67
1990	9	10	10	9	11	11	60
2000	8	9	8	7	8	8	48
2010 а	7	9	9	9	9	9	52
б	7	8	9	7	9	9	49
2020 а	7	8	10	9	10	10	54
б	6	7	8	10	7	8	46
2030 а	7	8	10	11	11	10	57
б	5	7	8	9	8	8	45
2050 а	6	8	11	13	13	13	64
б	5	6	6	12	8	9	46
2070 а	6	7	12	15	12	15	67
б	4	5	7	9	9	9	43
2100 а	6	7	12	16	13	15	69
б	4	5	7	9	7	8	40

* Прогноз: а — оптимистичный сценарий, б — пессимистичный сценарий.

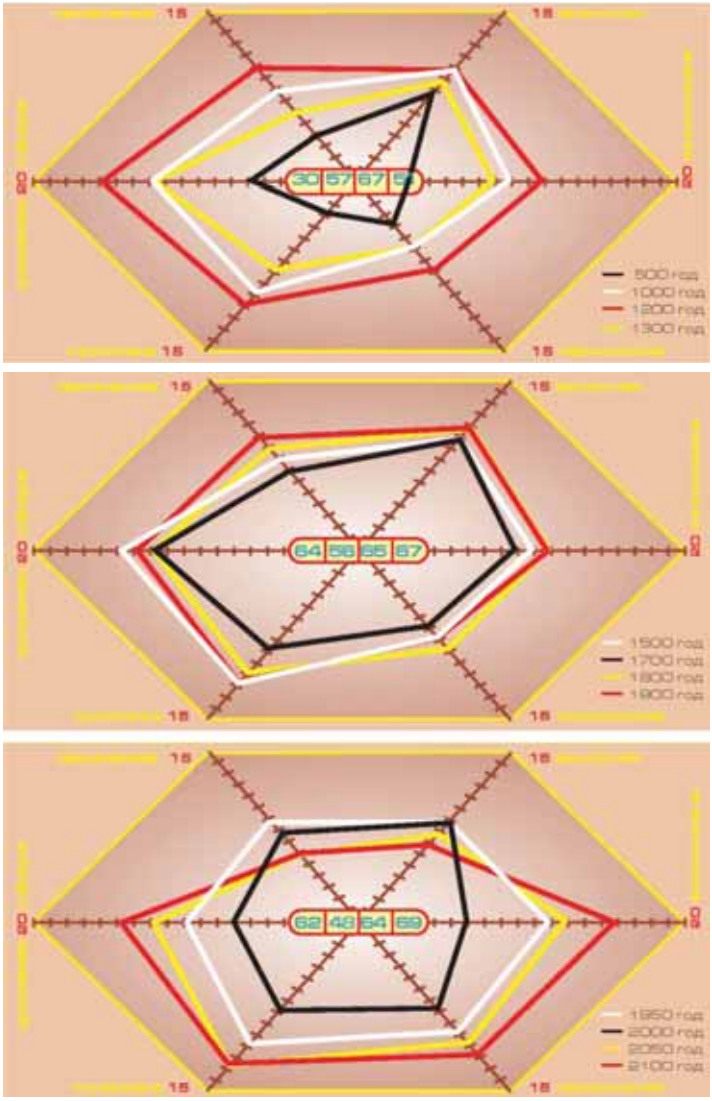


Рис. 4.10. Оценка динамики восточнославянской цивилизации на основе геоцивилизационной матрицы
(оценка в баллах по факторам, в центре — интегральная оценка)

На возрождение цивилизации после Смутного времени понадобилось чуть больше столетия. Преобразования Петра I, закрепленные Екатериной II, победа в Отечественной войне 1812 года сделали Российскую империю одним из лидеров мирового цивилизационного прогресса; интегральная оценка повысилась к 1820 году до 64 баллов, улучшилась оценка всех факторов. Б. А. Мясоедов указывает следующие признаки возрождения в этот период: улучшение качества жизни и рост численности населения; распространение трехпольной системы земледелия, строительство флота (можно добавить развитие промышленности, особенно металлургии и производства вооружений); экономический подъем; стабильность абсолютной монархии, превращение России в европейскую державу; подъем культуры, создание Академии наук, открытие Московского университета.

Однако вслед за периодом подъема началась стагнация; интегральная оценка к 1850 году снизилась до 61 балла (главными причинами этого были слишком позднее начало промышленной революции, запоздалая отмена крепостничества). Явным признаком упадка стало поражение России в Крымской войне против союза западноевропейской и мусульманской цивилизаций, трех мировых империй — Британской, Французской и Османской.

С последней трети XIX века и до 1913 года началось недолгое, но активное возрождение России, повысившее ее интегральную оценку до 69 баллов. Этому способствовали крестьянская, административная и военная реформы, ускоренное развитие капитализма, строительство железных дорог и освоение новых земель в Сибири и на юге страны, подъем науки, культуры, образования. Однако все еще сохранялось (хотя и сократилось) технологическое отставание России от Запада. Волна террора, революционных потрясений и ответных репрессий, поражение в Русско-японской войне снизили

оценку социально-политического фактора. Россия оказалась на грани новой цивилизационной катастрофы.

И она не замедлила случиться. Распад Российской империи, гражданская война, вызвали разруху и технологическую деградацию хозяйства, стали причиной гибели сотен тысяч людей, в том числе квалифицированных рабочих и интеллигенции. К 1920 году интегральная оценка евразийской цивилизации снизилась до 45–47 баллов. И лишь к 1929 году, в результате решительной смены курса, перехода от политики военного коммунизма к рыночному социализму на основе НЭПа, после восстановления экономики, подъема науки и культуры общая оценка поднялась до 60 баллов.

В предвоенный период технологический рост продолжался, но фактически страна оказалась в состоянии кризиса, интегральная оценка снизилась с 60 баллов в 1929 году до 59 в 1938 году. Причинами стали коллективизация, подрыв аграрного сектора, а вслед за ним легкой и пищевой промышленности; волна репрессий, обрушившихся, прежде всего, на интеллигенцию — творческий потенциал народа; утверждение тоталитарного социально-политического режима.

Победа в Великой Отечественной войне вновь подняла творческий дух народа, что позволило в небывало короткий срок восстановить экономику, совершить научно-технический прорыв, в крупных масштабах освоить четвертый технологический уклад. СССР стал сверхдержавой, одним из геополитических полюсов, возглавил мировую систему социализма, достиг военно-технического паритета с Западом, в 50-е годы был мировым лидером по темпам экономического роста. Это дает основание повысить интегральную оценку евразийской цивилизации к 1970 году до 67 баллов.

Однако в 1970–1980-е годы проявились признаки стагнации, назрели предпосылки цивилизационного кризиса. Правящая элита дряхлела и была уже не в состоянии надлежащим образом управлять государством. Пятый техно-

логический уклад был освоен слишком поздно, социально-политическое обновление запаздывало. Добившись успеха в противостоянии США в период войны во Вьетнаме, СССР в дальнейшем совершил крупнейшие стратегические ошибки, силой подавив попытки гуманизации социализма в Венгрии и Чехословакии, решившись на вторжение в Афганистан. Страна оказалась в международной изоляции, поспешно сдавала позиции на геоцивилизационном пространстве и проиграла в холодной войне. В результате интегральная оценка снизилась к 1990 году до 60 баллов, что стало свидетельством начала цивилизационного кризиса.

В начале 1990-х годов он перерос в цивилизационную катастрофу. Перемены начались с благой целью, но захватившая власть, радикально настроенная правящая верхушка и команды идеологов в новых государствах, на просторах бывшего СССР, оказались не в состоянии дать верную оценку кризису и выбрать надежный путь выхода из него. Поддержанные западными политиками и консультантами, некомпетентные, но агрессивно настроенные руководители своими неумелыми действиями добились того, что произошел развал СЭВ, Организации Варшавского договора, самого СССР. Евразийская цивилизация вступила на путь самоликвидации, отбросила собственные и взяла за образец западные цивилизационные ценности. Произошел переход от государственно-бюрократического социализма к стихийно-рыночному паразитическому капитализму эпохи первоначального накопления капитала, под флагом приватизации была разграблена государственная собственность, большинство населения оказалось за чертой бедности. Результатами стали технологическая деградация экономики, рекордный для мирного времени спад экономики, снижение интегральной оценки до катастрофического уровня — 48 баллов.

С начала XXI столетия началось медленное возрождение евразийской (в суженном составе и с ослабленными

внутренними связями) цивилизации. На перспективу до 2050 года четко вырисовываются два сценария: инновационно-прорывной и инерционный. Если удастся осуществить научно-технологический прорыв, провести эффективное инновационное обновление технологической базы общества, экономики и социально-политического строя, укрепить и развить интегральные связи внутри евразийской цивилизации (в рамках СНГ или в еще более суженном составе), то есть шанс, что она постепенно возродится, ее интегральная оценка повысится к 2030 году до 57 баллов, а к 2100 году до 69. Если же эти возможности не будут реализованы и по-прежнему сохранится нынешняя стратегия инерционного развития (а точнее — ее отсутствие), то неизбежно усилятся процессы депопуляции и технологической деградации, в экономике начнется новый кризис. В такой ситуации социально-политическая обстановка на просторах евразийской цивилизации обострится до предела, а ее интегральная

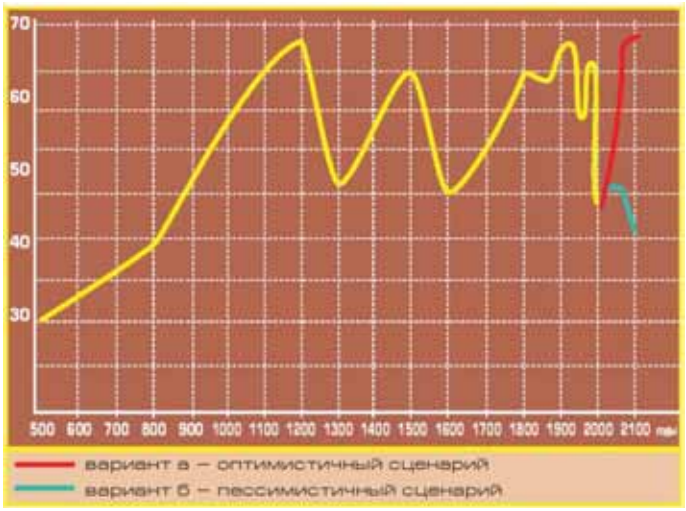


Рис. 4.11. Траектория динамики восточнославянской (евразийской) цивилизации (интегральная оценка)

оценка снизится до закритических 40–44 баллов. Евразийская цивилизация окончательно уйдет со сцены истории, а ее ядро, российская цивилизация, окажется в числе отстающих, часть ее территорий поделят между собой другие, более успешные цивилизации. И хотя вероятность такого трагического конца не слишком высока, но поколению 2020-х годов и интеллектуальной элите нужно в полной мере осознать реальность этой угрозы, цивилизационного вызова XXI века, — чтобы своевременно дать на него ответ, выбрать и реализовать стратегию возрождения евразийской цивилизации, повысить ее роль в геоцивилизационном пространстве, как это было после предыдущих цивилизационных катастроф.

Траектория динамики восточнославянской (евразийской) цивилизации за 10 столетий показана на рис. 4.11.

Китайская цивилизация

Рассмотрим экспертную оценку динамики другой древней цивилизации — китайской (табл. «Динамика китайской цивилизации» и рис. 4.12).

В I и начале II тыс. н.э. китайская (как и индийская) цивилизация занимала лидирующие позиции в мире. В Китае были изобретены компас, порох, бумажные деньги; здесь началось книгопечатание. В раннеиндустриальную эпоху Китаю принадлежало мировое первенство по численности населения (36,6 % всех жителей планеты в 1700 г.), объемам ВВП (32,9 % от общемирового показателя); максимальная интегральная оценка в 1600–1820 годах составила 74 балла. Однако затем разразился длительный цивилизационный кризис, охвативший почти полтора столетия. В 1820–1870 годах численность населения сократилась с 381 до 358 млн человек, доля в населении мира снизилась с 36,6 % до 28,1 %, доля в мировом ВВП — с 32,9 % до 17,1 %; периоды 1620–1870 годов и 1913–1950 годов характеризовались абсолютным сокращением объема ВВП. Этому способствовали как

Динамика китайской цивилизации*

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
Максимальная оценка в баллах	15	15	15	20	15	20	100
1	10	12	11	18	11	14	76
300	12	12	12	17	11	15	79
500	12	12	12	16	10	15	77
800	12	12	12	16	11	16	79
1000	11	12	12	16	12	16	79
1200	10	11	13	17	12	17	80
1300	9	10	13	17	10	16	75
1400	9	10	12	16	9	14	70
1500	10	11	12	15	10	13	71
1600	11	12	11	17	10	13	74
1700	11	11	11	19	9	13	74
1750	12	11	10	18	9	13	73
1800	13	11	10	17	8	12	71
1820	13	11	10	16	8	12	70
1850	10	10	8	15	7	11	61
1870	9	10	8	14	6	11	58
1900	10	10	7	13	6	10	56

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
1913	10	10	7	10	5	11	53
1929	10	10	6	10	6	11	53
1938	10	9	6	9	5	9	48
1950	9	9	5	7	7	12	49
1970	10	9	8	9	9	15	60
1990	11	9	9	13	11	16	69
2000	12	8	11	17	13	17	78
2010 а	12	8	11	18	13	18	80
б	11	7	10	17	12	17	74
2020 а	13	9	10	17	14	18	81
б	11	8	9	16	12	16	72
2030 а	12	8	11	16	12	18	77
б	10	7	8	15	11	15	66
2050 а	11	7	9	16	11	17	71
б	9	6	7	13	9	13	57
2070 а	10	7	9	15	10	16	67
б	8	5	7	11	8	12	51
2100 а	10	7	8	14	10	16	65
б	7	5	6	9	7	11	45

*Прогноз: а — оптимистичный сценарий, б — пессимистичный сценарий.

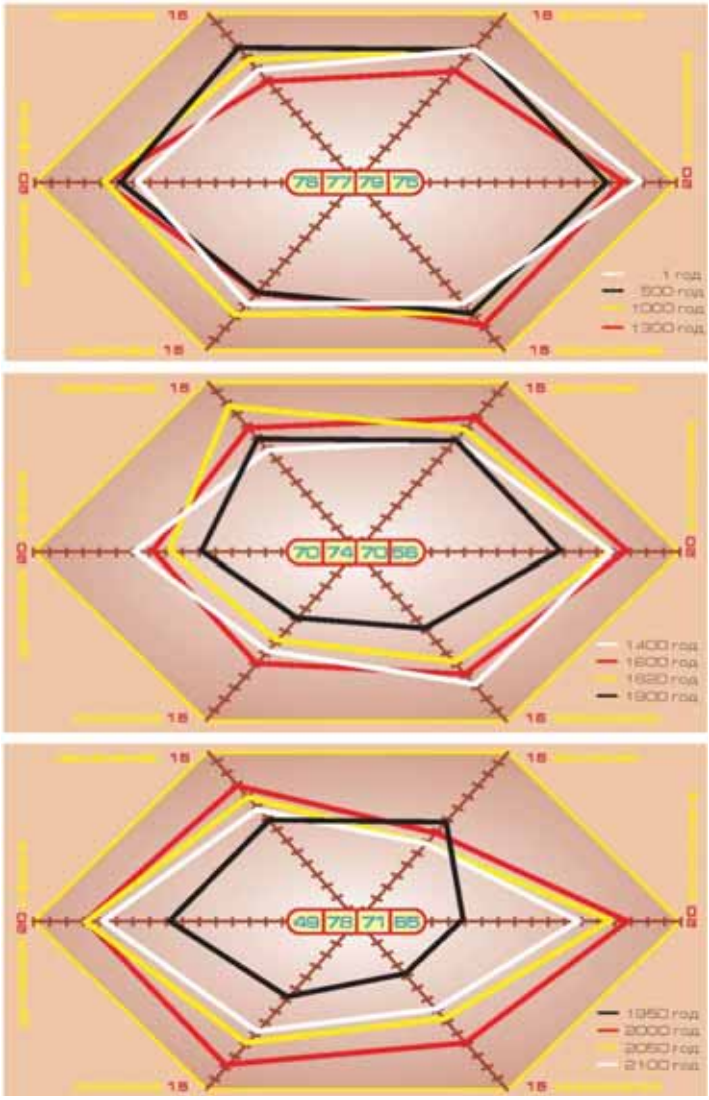


Рис. 4.12. Оценка динамики китайской цивилизации на основе геоцивилизационной матрицы
(оценка в баллах по факторам, в центре — интегральная оценка)

западноевропейская и японская агрессии, так и революция, и многолетняя гражданская война. В результате интегральная оценка к 1950 году снизилась до 49 баллов.

После завершения гражданской войны и образования КНР начался быстрый подъем, ненадолго прерванный «культурной революцией». Рекордные темпы прироста ВВП приходятся на конец 70-х годов — около 10 % среднегодовых. Численность населения возрастала умеренными темпами, улучшалась технологическая база, росла конкурентоспособность продукции на мировых рынках. Китай обеспечил социально-политическую стабильность и спокойный режим смены поколений, стал образцом устойчивого развития для всех стран мира. Интегральная оценка поднялась за полвека с 49 до 78 баллов, прежде всего за счет экономического (17 баллов из 20), социально-политического (13 баллов из 15) факторов, а также духовной сферы (17 баллов из 20). Многие эксперты (как в России, так и на Западе) считают, что в ближайшие десятилетия Китай превратится во вторую сверхдержаву, а геополитическое пространство планеты вновь станет биполярным.

Однако перспективы китайской цивилизации в XXI столетии не столь радужны, как может показаться, если экстраполировать на будущее преобладавшие в течение последней четверти века тенденции.

Во-первых, вступают в силу ограничители роста — демографический и природно-экологический факторы. К 2030–2040 годам, согласно прогнозу ООН, Китай вступит в период депопуляции, старения большей части населения, снижения доли граждан в инновационно-активном возрасте. В таком случае даже при благоприятном развитии событий оценка демографического фактора снизится с 12 баллов в 2000 году до 10 — в 2100 году, а при неблагоприятном — до 7. Еще более сильным ограничением станет природно-экологический фактор, быстрое истощение собственных (особенно

энергетических) ресурсов, усиление зависимости от их импорта, а также загрязнение окружающей среды 1,5 млрд жителей страны и десятками тысяч заводов и фабрик. В итоге оценка природно-экологического фактора с 8 баллов в 2000 году к 2100 году снизится до 7 баллов по оптимистичному и 5 баллов — по пессимистичному сценарию.

Во-вторых, Китай не имеет достаточного инновационного потенциала, чтобы осуществить крупномасштабное освоение шестого технологического уклада в 20-е годы XXI века и седьмого уклада в 2050–2070-е годы. В результате будет снижаться конкурентоспособность китайских товаров и всей китайской экономики на мировых рынках. Оценка технологического фактора снизится с 11 баллов в 2000 году до 9 — в 2050 году и 8 — в 2100 году при оптимистичном сценарии и до 7 и 6 баллов соответственно — при пессимистичном. Это неминуемо скажется на экономическом факторе: его оценка снизится с максимальных 17 баллов в 2000 году до 16 — в 2050 году и 14 — в 2100 году по оптимистичному сценарию и до 13 и 9 баллов соответственно — по пессимистичному. Положение может быть частично исправлено, если удастся интегрировать российский научно-интеллектуальный и китайский инновационно-экономический потенциал не только в военно-технических, но и в гражданских отраслях. Такое партнерство позволит повысить конкурентоспособность экономики обеих цивилизаций в условиях развертывающегося в авангардных странах научно-технического переворота, становления постиндустриального технологического способа производства. В противном случае и Россия, и Китай будут отодвинуты на периферию мирового технологического и экономического пространства.

В-третьих, снижение конкурентоспособности продукции и падение темпов роста ВВП и уровня жизни нарушат социальную стабильность, обострят противоречия в геополитической сфере. Оценка социально-политического фак-

тора снизится с 13 баллов в 2000 году до 11 — в 2050 году и 10 — в 2100 году по оптимистичному сценарию и до 9 и 7 баллов соответственно — по пессимистичному. Хуже всего то, что эта тенденция может негативно сказаться на российско-китайских отношениях, особенно в связи с тем, что на российском Дальнем Востоке число эмигрантов из Китая быстро увеличивается. Следует учитывать, что коренные, долгосрочные цивилизационные интересы Китая и России если не совпадают, то весьма близки, поэтому необходимо поддерживать партнерские отношения.

Одна из наиболее сложных геополитических проблем, вызывающих напряженность между Китаем и США, это вопрос Тайваня. Если удастся воссоединить остров с материковым Китаем мирным путем, как это сделано в отношении Гонконга и Макао (принцип «одна страна — две системы»), это укрепит экономику Китая и усилит его позиции на международной арене, тем более что различия между этими «двумя системами» невелики и постепенно уменьшаются. Тогда шансы на воплощение в жизнь оптимистичного сценария значительно возрастут.

Мусульманская цивилизация

Это сравнительно молодая и в настоящее время самая активная, пассионарная цивилизация. В нее входят государства африканского и евразийского континентов. По оценке ООН, в 1998 году к этой цивилизации относилось 40 стран, численность населения которых составляла 982 млн человек; крупнейшие из них — Индонезия (215 млн человек), Пакистан (148 млн), Бангладеш (126 млн), Египет и Иран (68 и 66 млн) и Турция (71 млн). Согласно прогнозу ООН, к 2050 году в этих государствах будет проживать уже 1529 млн человек (больше всего в Пакистане — 342 млн человек).

В первой половине XX столетия темпы прироста населения в мусульманских странах были умеренными, хотя

и превышали среднемировые (кроме Бангладеш), но в последующие десятилетия заметно ускорились. Они замедлились лишь к концу XX века, и, по всей видимости, эта тенденция сохранится и в первой половине XXI столетия.

Мусульманская цивилизация возникла в VII веке, в сложный период смены исторических суперциклов, мировых цивилизаций (от античной к средневековой), поколений локальных цивилизаций (от 2-го к 3-му), социокультурного строя (от чувственного к идеациональному). Причем образовалась она не на пространстве развитой, но переживавшей кризисную фазу цивилизации, а на краю ойкумены, в Аравийской пустыне. Почва для появления новой мировой религии — ислама — была хорошо подготовлена, и результаты не замедлили сказаться: ни христианство, ни буддизм не распространялись в мире с такой быстротой. Мусульманская цивилизация трансформировала и включила в свой ареал ряд древних культур — Египет и Северную Африку, страны Ближнего Востока, часть Индии, Малайзию, Индонезию. Ислам восприняли Золотая Орда, народы Поволжья, Кавказа, Малой Азии и даже части Европы (в Пиренеях и на Балканах).

В индустриальную эпоху большинство мусульманских стран стали колониями европейских держав, но сохранили свою веру, систему цивилизационных ценностей. В XX веке они вновь обрели независимость, их геополитический вес увеличился. По подсчетам С. Хантингтона, если в 1900 году под политическим контролем мусульманской цивилизации находились 6,8 % территории планеты и 4,2 % населения, в 1920 году — 3,5 % территории и 2,4 % населения, то к 1993–1995 годам — уже 21,2 % территории и 15,9 % населения.

Большинство исламских государств (за исключением нескольких стран — экспортеров нефти) относится к числу бедных, что в условиях высокой рождаемости вызывает у большинства их граждан агрессивность, ненависть к богатым странам и цивилизациям. В этом кроются социальные

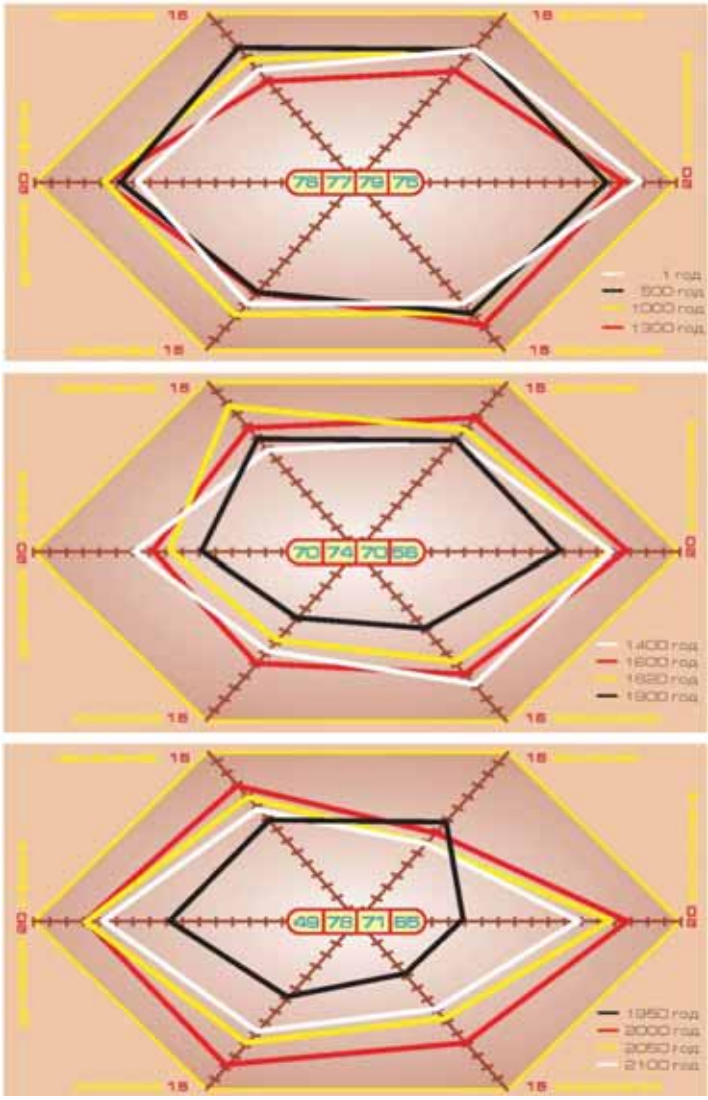


Рис. 4.13. Оценка динамики мусульманской цивилизации на основе геоцивилизационной матрицы
(оценка в баллах по факторам, в центре — интегральная оценка)

Оценка динамики мусульманской цивилизации*

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
Максимальная оценка в баллах	15	15	15	20	15	20	100
800	7	7	7	9	9	12	51
1000	8	8	8	10	10	14	58
1200	8	12	9	12	12	15	68
1300	7	11	8	11	11	14	62
1400	8	11	8	12	10	13	62
1500	8	10	8	10	10	11	57
1600	9	12	10	13	10	14	68
1700	9	12	10	12	10	13	66
1750	10	12	10	11	9	14	66
1800	10	12	10	10	8	12	62
1820	10	11	9	9	7	12	58
1850	9	11	8	8	6	12	54
1870	8	10	7	7	6	10	48
1900	8	10	7	6	6	9	46
1913	8	10	7	7	6	9	47

Годы	Факторы						Интегральная оценка
	демографический	природно-экологический	технологический	экономический	социально-политический	духовный мир	
1929	8	10	7	7	5	9	46
1938	7	10	6	8	6	8	45
1950	8	9	7	7	7	11	49
1970	9	10	8	8	8	12	55
1990	10	11	9	9	9	14	62
2000	9	11	10	10	10	16	66
2010 а	9	11	10	10	11	16	67
б	8	10	9	9	10	15	61
2020 а	9	11	10	10	12	15	67
б	7	9	9	9	9	14	57
2030 а	8	10	9	9	10	14	60
б	7	8	7	8	8	13	51
2050 а	8	10	9	9	10	14	60
б	6	8	7	8	9	12	50
2070 а	7	9	8	9	9	13	55
б	5	7	6	7	7	11	43
2100 а	7	9	7	9	9	13	54
б	5	6	5	6	6	9	37

*Прогноз: а — оптимистичный сценарий, б — пессимистичный сценарий.

и религиозные корни терроризма, причины появления десятков шахидов, сознательно идущих на смерть ради уничтожения «неверных».

Обратимся к количественным оценкам динамики мусульманской цивилизации за все время ее существования (табл. «Оценка динамики мусульманской цивилизации» и рис. 4.13).

Начав со сравнительно низкой стартовой позиции (интегральная оценка в 800 г. — 51 балл, технологический уровень — 7, природно-экологический — 7), мусульманская цивилизация уже к 1200 году подняла этот показатель до 68 баллов, резко повысив значимость технологического, экономического и природно-экологического факторов (в основном за счет завоевания более развитых стран и цивилизаций). Несколько потеряв позиции в столкновении с монгольской цивилизацией, мусульманская цивилизация возобновила стабильный рост, достигнув в 1600 году исторического максимума — 68 баллов. Затем началась стагнация, страны ислама превратились в колонии европейских держав, вследствие чего их интегральный показатель снизился до 46 баллов в 1900 году и 49 — в 1950 году (сказались и последствия Второй мировой войны).

В послевоенный период эти государства, обретя независимость, вновь ускорили рост, достигнув к 2000 году интегрального показателя в 66 баллов. Немалую роль в этом сыграли нефтяные богатства стран Персидского залива и Ирана.

Однако в XXI столетии поддержать такой уровень даже при оптимистичном сценарии вряд ли возможно (снижение интегрального показателя до 60 баллов в 2050 г. и 54 баллов в 2100 г.). Если же ситуация окажется неблагоприятной, то интегральная оценка составит всего 50 и 37 баллов соответственно, что будет свидетельством затяжного кризиса мусульманской цивилизации. Можно назвать несколько факторов, которые способствуют такому падению: быстрый прирост

численности населения, высокий уровень безработицы; истощение запасов нефти и газа, падение спроса на них во второй половине XXI века в связи с развитием водородной энергетики и других альтернативных источников энергии; снижение технологического уровня и конкурентоспособности местной продукции из-за слишком позднего освоения шестого и седьмого технологических укладов; возможный распад мусульманской цивилизации во второй половине XXI века; угроза столкновения с другими цивилизациями (например, Индии и Пакистана из-за Кашмира); обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов как реакция всего мира на волну терроризма.

4.3. Основные тенденции в развитии союзов, коалиций и блоков до 2020 и 2050 годов

Влиятельную группу факторов, определяющих характер будущего сценария МО, составляют международные государственные акторы, имеющие как национальную, (прежде всего этнические, религиозные и экстремистские организации), так и многонациональную основу. Их многообразие неизбежно ведет к разделению этой группы факторов на подгруппы, в основу которых может быть положен характер их основной деятельности: политической, экономической, военной, гуманитарной. Учет этих факторов имеет огромное значение не только для анализа и долгосрочного прогноза сценариев развития МО, но и более конкретных сценариев развития военно-политической обстановки и стратегической обстановки. Так, сравнивая военные потенциалы России и западной ЛЧЦ, — по оценке НГШ ВС РФ В. Герасимова, необходимо учитывать, например, что общая численность вооруженных сил НАТО превысила 3,7 млн по сравнению с российской армией (1,0 млн человек), а, с 1999 года число

членов блока возросло на 12 стран, в то время как за период «холодной войны» их количество увеличилось только на 4[97].

В этой связи необходимо подчеркнуть, что очень важно попытаться взглянуть на всю картину формирования МО целиком, во взаимосвязи. Не бывает «чисто» политических или «чисто» военных международных организаций в принципе, но в условиях сетецентрической войны (или системного влияния) эта взаимосвязь становится политической и технологической. Если использовать аналогию с современным крупным авиалайнером, состоящим из 2 млн деталей, то нам, в конечном счете, важно не количество и даже качество этих деталей (каждая из которых очень важна), а куда этот самолет и за сколько времени долетит, сколько пассажиров он перевезет, какие последствия для внешнего мира (экологии и т.д.) будут.

Сказанное означает, что перечисленные выше тысячи факторов, а до этого — тенденции, должны быть каким-то образом взаимосвязаны.

К наиболее важным мировым тенденциям, влияющим на субъекты и акторов МО, можно отнести следующие:

— усиление роли субъективного, человеческого фактора, прежде всего, роли и значения правящих элит и общества;
— усиление значения национального человеческого капитала и его институтов;
— усиление значения социальных факторов: распределения доходов, справедливости, бедности и т.д.

Спектр государственных международных акторов, влияющих на формирование МО, чрезвычайно широк — от государств, наций, до международных НПО и союзов, объединяющих национальные, региональные и иные организа-

[97] В Генштабе РФ назвали опасным расширение НАТО к границе России / Эл. ресурс: «РГ». 2015. 16 апреля / www.rg.ru

ции. Естественно, что, хотя в последние десятилетия произошло резкое усиление негосударственных международных организаций, основную роль продолжают играть государство и отдельные нации хотя бы потому, что именно они финансируют, создают такие международные организации и управляют ими. Так, например, радикальное движение «Исламское государство Ирака и Леванта» перенацеливается на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии, выделяя для этих целей 70 млн долл.[98] Но сама ИГИЛ, неожиданно появившаяся в 2014 году и за несколько месяцев ставшая влиятельным актором не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах, была искусственно созданным продуктом третьих стран, заинтересованных в изменении соотношения сил не только в арабском мире, но и глобально.

Поэтому можно говорить о двух основных моделях искусственного формирования международных факторов влияния, за которыми в любом случае стоят ЛЧЦ и государства. На рисунке это может выглядеть следующим образом.

Рис. 4.14. Логика создания искусственных факторов влияния

В среднесрочной перспективе до 2021–2024 годов международная обстановка (МО) и соотношение сил во многом будут зависеть от того, насколько западной локальной цивилизации (ЛЧЦ) во главе с США удастся создать военно-

[98] *Панфилова И.* ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии // Независимая газета. 2015. 21 января. С. 1.

политическую коалицию, способную нейтрализовать последствия быстрого развития других ЛЧЦ и новых мировых центров силы. Таким образом, коалиционная политика США становится их высшим политическим приоритетом.

Тенденция формирования военно-политических широких коалиций отчетливо проявилась в ходе создания таких коалиций в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, а в 2014–2015 годах — на Украине. Причем в состав таких коалиций входили не только союзники США по НАТО, но и широкий круг «партнеров», которые участвовали в них на основании двусторонних соглашений и договоренностей.

Очень важно при стратегическом прогнозе изначально попытаться выделить несколько наиболее опасных направлений, на которых может формироваться угроза стране. Ответ «по всем азимутам» — непозволительная роскошь, на которую никогда не хватит ресурсов.

Оценивая современное состояние МО и формируя среднесрочный и долгосрочный прогнозы, необходимо выделить наиболее важные для России тенденции в развитии ее отношений с отдельными субъектами МО, как минимум наиболее важными государствами и акторами, формирующими МО.

Так, например, развитие восточного вектора российской политики предполагает приоритетность не только в отношениях с КНР, но и со всеми странами АТР и Центральной Азии, что, естественно, вносит существенные акценты в формирование МО в будущем. В частности, по мнению профессора МГИМО Д. Стрельцова, «трудно ожидать принципиального пересмотра роли Китая в российских внешнеполитических приоритетах — его доля в российском газовом экспорте, даже после выхода газопровода на проектную мощность, составит не более 20 %. Здесь важна долгосрочная перспектива: к 2040 году Китай, как ожидается, станет крупнейшим потребителем газа в мире. Значимость Китая для России стала определяться и тем обстоятельством, что эта крупнейшая

в Азии (а в будущем — и во всем мире) экономика стоит перед острой необходимостью перестройки своего энергетического баланса — переориентирования с угля на газ[99].

Произошли подвижки и в военно-техническом сотрудничестве России и КНР. В ноябре 2014 года Россия заявила о готовности начать поставки в Китай истребителей СУ-35, а также возобновить экспорт других видов высокотехнологичных вооружений, приостановленный несколько лет назад из опасений несанкционированного копирования российских ракетных технологий. Тогда же российский министр обороны С. Шойгу объявил о намерении провести в 2015 году совместные с Китаем военно-морские учения в Средиземном море и в районе Тихого океана.

Особая роль Китая в российской внешней политике проявлялась в минувшем году и в том, что прошедший в сентябре 2014 года саммит двух стран, символизировавший их политическое сближение, стал своего рода ответом на попытки Запада дипломатически изолировать Россию. Отказавшись поддержать западные санкции, Китай предотвратил своими действиями формирование синдрома окруженной крепости и таким образом обеспечил Москве что-то вроде психологической передышки. К тому же своего рода солидарность проявилась и на уровне массового сознания: судя по опросам, отношение к России в китайском общественном мнении, в отличие от большинства западных стран, на протяжении всего прошедшег о года стабильно улучшалось.

Важнейшее место в азиатской дипломатии России традиционно занимает Япония. Не составлял исключения и прошедший год. Хотя в период украинского кризиса Япония и присоединилась к западным санкциям против России, по своему уровню и содержанию японские санкции были за-

[99] *Стрельцов Д.* Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ресурс]. URL : http://www.mgimo.ru/ (дата обращения: 28.01.2015).

метно слабее европейских и американских. Контакты между В. Путиным и С. Абэ, начавшись с личной встречи в ходе сочинской Олимпиады в феврале 2014 года (в условиях бойкота со стороны прочих западных лидеров), не прекращались даже в период санкционной войны: состоялось несколько телефонных разговоров, обмен личными посланиями, осенью прошли две встречи на полях крупных международных форумов. В ходе пекинского саммита АТЭС в ноябре 2014 года стороны подтвердили намерение продолжить подготовку к визиту российского президента в Японию, намеченному на 2015 год.

Интерес к Японии как к крупнейшему экономическому партнеру, занимающему заметное место во внешнеполитических приоритетах России, был связан как с логичным стремлением диверсифицировать рынки сбыта энергоресурсов, так и с пониманием перспективы стабильной потребности в этих ресурсах, существенно возросшей после фукусимской катастрофы. В октябре 2014 года Россия предложила Японии проект строительства газопровода длиной около 1350 км, который бы соединил богатый шельфовым газом остров Сахалин с Хоккайдо, а в дальнейшем был бы продолжен до префектуры Ибараки к северу от японской столицы. Строительство газопровода позволит России нарастить свою долю на крупнейшем в мире японском внутреннем рынке газа до 20 %[100].

[100] *Стрельцов Д.* Указ. соч.

Глава V
Основные возможные сценарии развития международной обстановки в XXI веке

5.1. Логика формирования вероятных сценариев развития международной обстановки в XXI веке

Развитие сценариев МО в XXI веке вызывает бесконечные споры, которые, в конечном счете, сводятся к признанию правомерности монополии США и западной ЛЧЦ на мировую власть или к рассуждениям о возможности поставить эту власть под сомнение. По сути, все конфликты конца XX — начала XXI века связаны с этим вопросом.

Однако многие политики и ученые полагали, что, если сценарий развития МО, называвшийся «биополярным», исчерпал себя к 90-м годам XX века, то «постбиполярный» сценарий теоретически мог развиваться по самым различным возможным вариантам, вероятность которых определялась многими факторами, но прежде всего интересами США и западной ЛЧЦ, которая восприняла «уход СССР» как поражение единственного достойного противника. Во многом это было даже заранее предсказано: существовавшие тенденции в МО до 90-х годов получили свое дальнейшее развитие в последующие 20 лет в полном соответствии не только с теоретическими концепциями, но и политическими планами.

«Биполярный» сценарий холодной войны трансформировался в «постбиполярный», а точнее — «однополярный», где откровенно господствовали США. Но если «биполяр-

ный» сценарий предполагал стратегию холодной войны, то «постбиполярный» — уже более системную и решительную стратегию сетецентрической войны, причем с самого начала, т.е. после завершения существования ОВД и СССР, а еще точнее — даже до этого, как продолжение холодной войны на ее новом цивилизационном этапе и геополитическом уровне. По сути дела, уничтожение России и ее расчленение рассматривалось как завершение последнего этапа холодной войны, который не закончился с распадом ОВД и СССР.

В самом общем виде логика формирования возможных сценариев МО, исходя из этой, на наш взгляд, единственно верной посылки, может быть показана на следующем рисунке (рис. 5.1).

Рис. 5.1. Логика развития МО в XXI веке

Если сегодня мы имеем общее представление о парадигме развития МО № 1 и можем более или менее точно экстраполировать ее развитие на среднесрочную перспективу (хотя и первое, и второе мы делаем субъективно и достаточно условно), то парадигма № 2 в развитии ЛЧЦ, МО и ВПО для

нас остается до сих пор еще неизвестной, неизученной даже в самых общих чертах. Более того, попыток ее сформулировать (если не считать традиционные институты — ООН и др.) — даже не наблюдается.

Мы не знаем сути и характера парадигмы № 2. Более того, мы даже не знаем, может ли она существовать в действительности, а не в тех декларируемых намерениях, о которых хорошо известно, но которые себя во многом дискредитировали. Вместе с тем мы достаточно много знаем о парадигме № 1 и всех этапах ее развития, которые привели, в конечном счете, к появлению современной формы развития МО через превращение ее в СО сетецентрической войны.

Рис. 5.2. Трансформация современной парадигмы развития МО в стратегическую обстановку через внедрение концепции сетецентрической войны

Примечательно, что обе стадии развития МО формально являются мирными: войны не объявляются, дипотношения не прерываются, но на всех этапах активно используются силовые и вооруженно-силовые компоненты. Фактически последние этапы развития сценария МО — это этапы развития ВПО и даже перехода ее в СО, которое формально таковым не считается. Война идет, но она не объявлена. Так, на Украине 2014–2015 годов нередко было непонятно состояние того или иного населенного пункта, или объекта, или группы лиц.

Важно изначально еще раз повторить, что точно прогнозировать состояние СО, войны и конфликта в современную

эпоху как отдельные конкретные социально-политические явления практически невозможно, хотя и крайне необходимо. Однако можно предсказать многие тенденции и их последствия, ведущие к формированию современной СО, войнам и конфликтам. Эти тенденции могут анализироваться и прогнозироваться на долгосрочную перспективу, как, впрочем, и вытекающие из них некоторые возможные сценарии развития МО. В частности, можно говорить о постепенной трансформации МО в ВПО и СО без формальных признаний и заявлений на этот счет.

Особенно важное значение приобретает в этой связи развитие отношений между ведущими ЛЧЦ, в данном случае — между западной и китайской, которые определят основной характер МО уже в среднесрочной перспективе. Это хорошо видно на примере долгосрочного прогноза двух базовых показателей — ВВП государств и душевого ВВП ведущих стран до 2030 года. Так, если верить прогнозу, то ВВП США и КНР могут практически сравняться к 2030 году (хотя, по данным ВБ, это уже произошло в 2014 году по ППС). Соответственно, для МО 2030 года это будет означать, что два мировых центра силы будут формировать мировую повестку дня, а с точки зрения господствующего сценария противоборства цивилизаций (парадигма № 1) это будет означать неизбежный конфликт в борьбе за влияние в мире. Этот конфликт и будет сутью развития сценария ВПО в мире в 2020–2030 годах, хотя его конкретное содержание, выраженное в СО, в 2030 году может быть очень разным — от военного конфликта с использованием СЯС до применения невооруженных средств ведения войны. Вероятнее всего, СО будет находиться в состоянии крайнего напряжения и характеризоваться многочисленными региональными и локальными войнами, ведущимися «на фоне» большой сетецентрической войны локальных цивилизаций. Другими словами, МО будет характеризоваться средствами, способа-

ми и критериями, которыми сегодня характеризуется стратегическая обстановка (СО), т.е. «формула» международных отношений приобретет вид:

$$МО = ВПО = СО$$

Парадокс этой формулы «МО — ВПО — СО» заключается в том, что уже на стадии формирования того или иного сценария развития МО в него изначально закладывается силовой и даже военный компонент, т.е. СО, как состояние вооруженной борьбы, становится частью сценария МО, который традиционно рассматривается в разных, в т.ч. мирных, вариантах. На рисунке ниже показано, что в действительности одновременность формирования сценария МО происходит параллельно с силовыми и даже военными компонентами, которые предполагают не только возможности, но даже вероятность (неизбежность?) применения силы.

Как видно из логической схемы, все многочисленные сценарии развития МО, как возможные, так и вероятные, исходят из единого конфликтного сценария развития отношений между локальными человеческими цивилизациями, который мы назвали парадигмой № 1. История человечества пока что не знает сколько-нибудь продолжительных периодов развития локальных цивилизаций в рамках иной парадигмы. Никакие обстоятельства и договоренности не препятствовали накоплению энергии конфликта и, в конечном счете, самому конфликту. В лучшем случае все попытки политического решения спорных вопросов позволяли выиграть время для лучшей подготовки к войне.

Вместе с тем существует множество возможных (хотя и не всегда очень вероятных) сценариев развития человеческой цивилизации и МО, которые можно отнести к категории «общечеловеческих». Так, в целях иллюстрации можно привести 10 таких сценариев, которые, в конечном счете, потребуют объединения усилий всех ЛЧЦ. Само их

существование говорит о том, что возможна иная парадигма. Речь, в частности, идет о следующих сценариях, причем их даже относят к категории «наиболее вероятных»[101].

Восстание машин. Истории про бунт роботов появились значительно раньше, чем сами роботы. Исследования в области создания универсального искусственного интеллекта ведутся уже 50 лет. Боевые дроиды — уже не фантастика, а штатная армейская единица. Смартфоны достаточно умны, чтобы заменять секретарей в планировании встреч или резервировании билетов. Да и имитация человеческого поведения тоже хорошо удается. Вы еще не пробовали поговорить со своим телефоном? Осталось добиться самосознания, требований признания прав разумных роботов, ну а потом, конечно, создания SkyNet или Матрицы. С каждым днем все больше устройств подключаются к Глобальной сети и уже в ближайшем будущем в Интернете среди пользователей будет больше машин, чем людей.

Ядерная война. Самый реалистичный сценарий для конца современной цивилизации. Вы думаете, что это страшилка из 1980-х? Но с тех пор во всех странах, кроме России, ядерное оружие только совершенствовалось, да и у нас боевое дежурство на пусковых установках пока не закончилось. В мире более 25 тыс. ядерных боеголовок. Стенфордский профессор Мартин Хеллман оценивает риски начала ядерной войны в 10 % — каждый год мир стоит на грани ядерной войны.

Шансы на то, что произойдет инициирующее событие (атака террористов, политический кризис, провокация, технологический сбой и т.п.), — 6 % в год.

Вероятность того, что инициирующее событие приведет к большому конфликту, — 33 %.

Шансы на глобальный кризис — до 50 %.

---

[101] 10 наиболее вероятных сценариев апокалипсиса [Электронный ресурс]. URL : http://smartsourcing.ru/blogs/kurilka/1843

Наноапокалипсис. Увлечение нанотехнологиями не столь безобидно, как кажется. В фантастике нанотехнологический конец света начинается с создания самовоспроизводящихся наноустройств, которые все вокруг способны переработать в некросферу. В 1964 году Станислав Лем в романе «Непобедимый» описал некросферу — мир, уничтоженный самовоспроизводящимися микромашинами. В 1986 году Эрик Декслер придумал «серую слизь», состоящую из самовоспроизводящихся устройств наноразмеров. Первоначально Декслер утверждал, что без создания самореплицирующихся устройств в нанотехнологиях не обойтись, впрочем, позже он доказал, что подобные устройства слишком сложны и дешевле производить наномашины на макрофабриках. Впрочем, «серая слизь» все еще остается исключительно эффективным видом оружия. Не так безобидны и менее фантастические варианты нанотехнологий: наночастицы, используемые в современных материалах, часто являются биологически активными и чрезвычайно токсичными.

Пандемия. Ежегодно биосфера преподносит нам сюрпризы. Более 7 млрд людей, промышленное животноводство, множество факторов, способствующих мутациям, — все это отличная среда для появления смертельно опасных вирусов. Вирус гриппа мутирует ежегодно, так что у людей не образуется устойчивого иммунитета в результате перенесенной болезни. В 1918–1919 годах от гриппа умерло до 50 млн человек. В XX веке счет жертв в некоторых пандемиях гриппа шел сотнями тысяч и даже миллионами. Надеяться на современные лекарства не стоит, эффективность противовирусных средств невелика, и более-менее эффективный результат дают только вакцины, которые способствуют выработке у человека иммунитета против специфических штаммов вируса. Никто не знает, насколько эффективна будет следующая мутация вируса. Кстати, этот сценарий

наиболее вероятен для еще одного сюжета фильмов-ужасов: зомби-апокалипсис — может быть, ожившие мертвецы — это слишком, но некоторые болезни вполне способны вызывать маниакальный бред, галлюцинации и агрессивное поведение.

Столкновение Земли с крупным астероидом. Вероятность события — 1 к 700000. Еще один впечатляющий сценарий для фильмов-катастроф. К счастью, со времен динозавров самые угрожающие небесные булыжники пролетали рядом. Туринская шкала (Torino Impact Hazard Scale) — это таблица, показывающая степень опасности, исходящей от определённого небесного объекта: 0 — вероятность столкновения с Землей предельно низкая, 10 — столкновение неизбежно. В 2004 году 270-метровый астероид 2004MN4 Апофис получил 4 по Туринской шкале: по данным вычислений, вероятность столкновения с Землей составляла более 1 %, последующие наблюдения угрозу не подтвердили, но на минимальном расстоянии от Земли он будет только в 2029 году. В 2011 году 400-метровый астероид пролетел мимо Земли ближе, чем Луна. В 2009 году 7-метровый астероид разминулся с Землей всего на 14 000 км, а падение подобного объекта вполне эквивалентно ядерному взрыву в несколько мегатонн и не обязательно, что он упадет в безлюдной тайге, как Тунгусский метеорит. И все же стоит помнить о том, что в исторической перспективе крупные астероиды, которые могли получить 10 по Туринской шкале, уже были. Конечно, то, что должно было упасть на нашу планету, упало на нее миллионы лет назад, но в космосе еще много крупных булыжников. Радует только то, что при появлении крупного объекта, способного нанести вред Земле, астрономы с большой вероятностью засекут его за несколько лет, и, может быть, к нему навстречу даже вылетит отряд брюсоуиллисов.

Взрыв сверхновой. Президент Путин на своей пресс-конференции 20 декабря 2014 г. пообещал, что подобный сценарий не реализуется еще 4,5 млрд лет. Проблема только

в том, что Земле может угрожать и взрыв сверхновой в соседних звездных системах. Есть даже предположение, что конец света, предсказанный майя, означает превращение в сверхновую звезды Бетельгейзе. Впрочем, о том, что произошло на Бетельгейзе 21 декабря 2012 года, мы узнаем только через 600 лет. Хотя последствия более близкого взрыва сверхновой действительно могут нанести вред Земле. На расстоянии 16 световых лет от Солнца находится более 50 звезд. Превращение в сверхновую такой звезды, конечно, не разорвет Землю на части, но поток частиц может уничтожить озоновый слой и создать опасный уровень радиации. Впрочем, более вероятен сценарий прилета из соседней звездной системы зеленых инопланетян, которые уничтожат человечество (да, это тоже вполне вероятный сценарий).

Гамма-всплеск. Вероятность — 1 к 14 000 000. Пока астрономы наблюдают гамма-всплески только в отдаленных галактиках. Это самые масштабные выбросы жёсткого электромагнитного излучения, наблюдаемые астрономами. Предположительно источником гамма-всплесков могут быть сверхкрупные сверхновые, слияния нейтронных звезд или другие процессы. Если такой всплеск гамма-излучения произойдет в нашей галактике, то это действительно может погубить все живое на Земле или как минимум вызвать масштабные мутации в биосфере. По одной из версий, именно попадание Земли под гамма-всплеск запустило процесс появления жизни на нашей планете. В среднем в Галактике наблюдается 1 гамма-всплеск в миллион лет, так что особой необходимости в приобретении противорадиационного костюма нет.

Инверсия магнитного поля Земли. Еще один сценарий, который могли предсказать майя на 2012 год. Изменение направления магнитного поля Земли последний раз произошло 780 тыс. лет назад. Исследования показывают, что подобное событие в течение миллиона лет происходит несколько раз,

и такое длительное затишье, как сейчас, для нашей планеты не слишком типично. А главное, пока нет предположений, что может вызывать смену полюсов. При смене полюсов, из-за ослабления магнитосферы Земли, космическое излучение достигает поверхности и поражает живые организмы. Миллион лет назад дело ограничивалось гибелью некоторых особей и видов, а также мутациями в последующих поколениях. Сегодня подобное событие станет инициатором множества техногенных катастроф или даже инициирующим событием для ядерной войны.

Супервулканы. Современная вулканическая активность очень незначительно влияет на климат Земли, и это при том, что вулканы даже сейчас выбрасывают в атмосферу больше углекислого газа, серы и пепла, чем в нее попадает в результате человеческой деятельности. Однако, даже незначительное изменение вулканической активности способно разрушить нормальную работу авиатранспорта на половине земного шара. Пепел вулкана Эйяфьятлайокудль привел к временным перебоям в авиаперевозках от Америки до Западной Сибири. Супервулканы производят намного более мощные извержения. 74 тыс. лет назад извержение вулкана Тоба на Суматре уже поставило человечество на грань вымирания. Тогда выжило около 10 тыс. человек: представьте, что сейчас от всего человечества останется один небольшой городок. Сегодня наибольшую угрозу представляет вулкан Йеллоустоун в США, который молчит уже около 600 тыс. лет. Некоторые вулканологи считают, что его извержение может начаться в ближайшие 60 лет. Жертвами такого извержения станут миллионы людей по всему миру. При всех научных ляпах фильма «2012» последствия извержения в Йеллоустоуне в нем показаны вполне достоверно.

Новый ледниковый период. Солнце пока на максимуме активности, поэтому естественное остывание Земле не грозит. Наоборот, планета становится все теплее. Однако

ядерная война, супервулкан, падение астероида — все это сценарии, которые могут привести к началу нового ледникового периода. Стоит вспомнить о том, что не так давно по геологическим меркам вся Европа была под таким же слоем льда, как и Антарктида. А в XIV–XVIII веках («малый ледниковый период») морозы и снег не были чем-то необычным в европейских странах, Балтийское море зимой замерзало, ну а в России птицы замерзали на лету.

В XXI веке МО стала существенно хуже, сложнее и неопределеннее, чем во многие другие периоды развития локальных цивилизаций. Откровенные попытки одной из локальных цивилизаций силовым способом сохранить некоторым странам право на неприемлемые нормы поведения, правила и систему ценностей привели к тому, что эта цивилизация вступила в продолжительный период войны за сохранение своего господства. Именно так следует характеризовать сетецентрическую войну. Впервые, пожалуй, за всю историю человечества никто точно не знает, когда была начата эта война, каковы будут ее конечные точные цели, каков масштаб, интенсивность, какие вооруженные силы и как они будут использоваться.

Пока что соотношение сил сложилось в пользу западной локальной цивилизации, и она будет стремиться его сохранить посредством опережающего развития науки и технологий и военной мощи. Очевидно и другое, а именно: подобная ставка означает открытое стремление сохранить в будущем военное превосходство и угрозу тем цивилизациям и нациям, которые с этим не согласятся. В этом смысле военный конфликт на Украине 2014–2015 годов очень показателен; это в действительности военная фаза существующего в рамках сетецентрической войны конфликта между локальными цивилизациями — западноевропейской и российской, но это одновременно и один из сценариев развития международной обстановки в XXI веке.

Необходимо четко отличать теоретически возможные и вероятные сценарии развития международной обстановки. Существует большое, даже неограниченное количество теоретически возможных сценариев развития МО на долгосрочную перспективу — от инерционно-традиционных, известных, до качественно новых, вытекающих из неожиданного появления новых парадигм в развитии человеческой цивилизации. В зависимости от того, какие факторы принимаются в качестве основных — политические, экономические, технологические, военные, иные, описываются сотни и тысячи сценариев и тенденций, изменений, существующих внутренних последствий и т.п. Учесть их все невозможно, а прогнозировать бессмысленно.

Совершенно другое дело, если попытаться отобрать из этого бесчисленного количества сценариев только наиболее вероятные, т.е. те, которые, скорее всего, и будут реализованы. Надо понимать, что в итоге должны остаться несколько, может быть, один-два вероятных сценария развития МО, которые и нужны нам для долгосрочного прогноза.

Кроме того, нужно помнить, что сценарии развития МО не только концентрируют в себе основные тенденции и важнейшие факторы, влияющие на развитие МО, но и позволяют акцентировать внимание на ключевых детерминантах и возможных поворотных пунктах мирового развития, что, собственно, и является, как отмечает справедливо академик А. Дынкин, «сверхзадачей» стратегического прогноза[102].

Другими словами, практическое значение работы над сценариями развития МО огромно. С точки зрения долгосрочного прогноза такая работа позволяет:

— выделить перечень возможных сценариев развития МО, который может быть очень большим, но, тем не менее, он

[102] *Дынкин А. А.* Предисловие // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина; ИМЭМО РАН. М. : Магистр, 2011. С. 75.

все равно будет ограниченным, предоставлять конечное число вариантов развития международной обстановки;
— вычленить из перечня возможных сценариев развития МО ограниченное количество сценариев, имеющих наиболее вероятный характер. По большому счету, таких сценариев может быть один–два, может быть, три;
— показать доминирующие тренды и тенденции, формирующие международную обстановку в настоящее время и, возможно, в будущем.

Так, исходя из уже сказанного выше, можно предположить, что основным сценарием развития МО в среднесрочной перспективе до 2021–2025 годов будет конфликтный сценарий, при котором западная локальная цивилизация будет стремиться с помощью финансово-экономических, социальных и военных силовых средств обеспечить себе сохранение контроля над основными регионами и процессами в мире.

Учитывая относительное падение мощи западной ЛЧЦ, эта политика может быть реализована только в том случае, если:
— удастся сохранить военно-экономическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других государств;
— удастся сохранить технологическое и военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ;
— не допустить других коалиций и стабилизации военно-политической обстановки на планете и в отдельных регионах. «Контрольный пакет» Запада должен сохраняться при уменьшении его относительного объема (изменения соотношения сил) за счет управляемого хаоса и дестабилизации.

Этот сценарий может иметь как минимум три варианта своего развития в зависимости от внешних условий, что можно показать на логической схеме следующим образом (рис. 5.3).

Рис. 5.3.

Подобная стратегия в отношении России бескомпромиссна по своим целям, хотя и может отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее острых форм военного противоборства. Сути (цели) это не меняет.

Важно отличать в этой связи «возможные» сценарии развития МО от «вероятных», а тем более «наиболее вероятных», которые собственно и должны лечь в основу прогнозов. Если первых могут быть сотни, вторых — десятки, то третьих — единицы. Для этого есть основания. Многие факторы и тенденции развития МО являются достаточно стабильными, изменяются медленно. Так, например, географическое положение, запасы природных ресурсов, естественные транспортные коридоры, климат и др. геополитические факторы меняются медленно и их можно отнести к «стабильным факторам», формирующим сценарии МО. Если их основательно проанализировать, то можно, в конечном счете, отобрать несколько вероятных сценариев развития МО, основанных на анализе и прогнозе больших объемов информации.

Другие факторы — демографические, инфраструктурные, основные фонды, военная мощь и др. — меняются быс-

Матрица анализа и прогноза одного из вероятных сценариев развития МО в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Основные группы факторов	Современное состояние (статус)	Прогноз на среднесрочную перспективу	Прогноз на долгосрочную перспективу	Качественно новые факторы
1. Мировые тенденции	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
2. Развитие основных (100) участников МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»
3. Развитие негосударственных акторов МО	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»	«Стабильные факторы»
	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»	«Переменные факторы»
	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»	«Динамичные факторы»

трее, чем «стабильные факторы», и их можно назвать «переменными величинами». Их анализ также имеет огромное значение. Их изменения оказывают незначительное влияние в среднесрочной перспективе, но могут качественно повлиять на развитие МО в долгосрочной перспективе. Поэтому

предполагается, что анализ и прогноз этих факторов позволит существенно корректировать представление о развитии тех или иных сценариев МО.

Наконец, есть третья группа наиболее «динамичных факторов», к которой можно отнести уровень развития науки, технологий, конкретных компонентов военной мощи, информатики и связи, других прикладных отраслей технологий и обрабатывающей промышленности. Эта группа факторов влияет на формирование МО уже в среднесрочной перспективе до 10 лет. Так, СССР провел индустриализацию, за 1930–1940 годы, создав промышленный фундамент, по сути, заново. С 1944 по 1949 год была создана атомная промышленность, а с 2013 по 2018 год в России планируется провести программы импортозамещения.

В целом для выделения из числа возможных сценариев одного–двух наиболее вероятных необходимо использовать принципиальные этапы, о которых говорилось выше в изучении трех групп факторов — мировых и региональных тенденций, международных факторов и негосударственных акторов под углом зрения возможных изменений. Подобный подход укладывается в простую матрицу исследования, которую, естественно, требуется детально конкретизировать применительно к вероятному сценарию.

Как видно из матрицы, только по одному из сценариев возможен анализ очень большого числа факторов. Так, например, в первой группе (основные тенденции мирового и регионального развития) можно выделить десятки и сотни относительно «стабильных», «переменных» и «динамических» факторов, которые должны быть рассмотрены как в их современном состоянии, так и в будущем — среднесрочном и долгосрочном.

Если обратиться, к примеру из второй группы факторов (100 основных государств — участников МО), то каждое государство следует рассматривать как минимум с точки

зрения 10 основных подгрупп (экономика, финансы, демография, промышленность и т.д.), в каждой из которых будет как минимум 10 показателей и критериев.

Таким образом, в итоге предполагается, что наиболее вероятный сценарий развития МО будет обоснован с точки зрения всех основных факторов развития в динамике.

5.2. Наиболее вероятные сценарии развития международной обстановки в XXI веке

Выше мы определили основной алгоритм работы по анализу и прогнозу развития сценариев МО с точки зрения сбора и систематизации информации. Матрицы, которые могут быть заполнены максимально полно, могут дать достаточно полную эмпирическую картину состояния и развития МО.

Эта информация, однако, окажется бесполезной, если она не будет вписана в некую реалистическую концепцию развития сценария международной обстановки. Простой набор факторов мало что даст для прогноза. Без такой концепции, без идеи и общего подхода даже массированная систематизированная информация окажется бесполезной: нужно обозначить логику и взаимосвязь политических процессов, их взаимозависимость и взаимовлияние.

Таким образом, принципиально важно выстроить логическую модель сценария развития МО с необходимым обоснованием и аргументацией. Недостаточно «просто» написать сценарий, снабдив его массой фактов и цифр. Нужно обосновать его реалистичность, т.е. вероятность реализации в конкретный временной период.

Конечная практическая ценность анализа и прогноза заключается в выделении наиболее вероятного сценария развития МО, в соответствии с которым и будет формироваться государственная доктрина и стратегия.

Уже говорилось, что есть принципиальная разница между исследованием возможных и вероятных сценариев развития МО, которая заключается в том, что возможных сценариев может быть очень много, а вероятных — один–два[103]. Более того, в конечном счете, скорее всего, вероятных сценариев окажется не больше одного-двух, а реализован будет только один. Проблема, таким образом, заключается в том, чтобы заранее, по возможности задолго, выделить такой единственный наиболее вероятный сценарий, чтобы наилучшим образом к нему подготовиться. Так, например, в феврале 2012 года в качестве вероятного сценария В. Инюшиным предлагался сценарий мировой войны в борьбе за лидерство в исламской глобализации. За 3–4 прошедших года, как видно, этого не произошло, т.е. не произошло перехода из теоретически возможного (по мнению автора) состояния в практически вероятное.

Этот переход (точнее — возможность), как представляется, и является наиболее важным фактом для исследования любых сценариев развития МО. В настоящее время с практической точки зрения мы должны говорить о двух моделях сценариев развития МО:

— для среднесрочной перспективы до 2021–2025 годов;
— для долгосрочной перспективы до 2045–2050 годов XXI века, которые будут принципиально отличаться друг от друга возможностью смены парадигм развития как всего человечества и ЛЧЦ, так и отдельных наций и государств. Это означает, что в предлагаемой матрице анализа и прогноза одного из сценариев развития МО, по сути, заложены две разные модели, хотя формально они и сосуществуют в единой матрице: прогноз на долгосрочную перспективу предполагает, что удельный вес

[103] *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО–Университет, 2014.

«переменных факторов» и «динамичных факторов» будет существенно выше, чем «стабильных факторов». Более того, вполне допустимо, даже неизбежно, что появятся принципиально новые факторы, которые пока неизвестны или имеют слишком слабое значение.

Таким образом, если мы ставим задачу поиска вероятных сценариев развития МО, то мы фактически делим матрицу «вероятного сценария» на две. При этом, говоря о долгосрочной перспективе, мы должны акцентировать внимание не только на имеющейся информации, но и на том, что только еще может быть в будущем, т.е. на футурологии.

Таким образом, анализируя наиболее вероятные сценарии развития МО в XXI веке, следует исходить из нескольких оснований, которые должны обеспечить научную обоснованность прогнозов, а также их моделей.

Во-первых, следует исходить из того, что среднесрочный прогноз (до 2021–2025 годов) можно основывать на предположении о дальнейшем развитии уже существующих — известных или незамеченных пока — тенденций, которые развиваются из предыдущих состояний в рамках современной парадигмы развития человеческой цивилизации. При всей разнице между «стабильными», «переменными» и «динамичными» факторами и тенденциями.

Во-вторых, стратегический прогноз на долгосрочный период (до 2045–2050 годов) предполагает, что должна произойти смена основных парадигм, т.е. в основных областях человеческой деятельности произойдут качественные, «фазовые» изменения. Таким образом, не только существующие ныне, но и новые явления лягут в основу этого сценария. Так, например, по мнению футурологов, «за последние годы человечество накопило больше знаний, чем за всю свою историю. А скорость обмена знаниями выросла в тысячи раз и продолжает расти. Именно этот фактор дает основания говорить о том, что в ближайшие десятилетия произойдут

фундаментальные открытия в области науки и техники. По степени влияния это можно сравнить с эпохой Великих географических открытий»[104]. Какие «фундаментальные открытия», в какой области и когда произойдут — прогноз не объясняет, подчеркивая лишь их огромное значение.

Понятно, что по мере удаления от сегодняшнего дня вероятность любого прогноза падает из-за усиления влияния переменных и появления новых факторов. Тем более это справедливо для любого сценария долгосрочного прогноза, прогноза, где влияют тысячи факторов. Но даже в краткосрочных прогнозах, например МЭР РФ за 2014 г., были огромные расхождения.

В этой связи интересно, как быстро вероятность осуществления прогнозов падает со временем?

Некоторые ученые считают, что если принять, что «прогноз», который мы делаем сегодня на сегодня, сбылся с вероятностью 100 %, то иллюстрация «сбычи мечт» на перспективу может выглядеть так[105]. Другими словами, модель № 2 развития сценария МО (долгосрочный прогноз) уже изначально выглядит как «недостижимая мечта», с чем вряд ли можно согласиться (рис. 5.4).

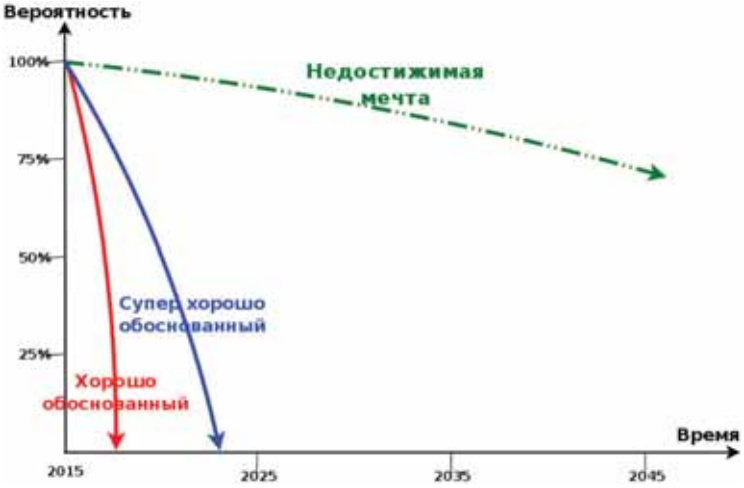
Важно повторить, что в первом случае (среднесрочного прогноза) основным методом объективного исследования выступает экстраполяция, однако она не исключает, более того, предполагает анализ возможных качественных перемен, учет «переменных» и «динамичных» факторов, а главное — научно обоснованную логику модели сценария такого прогноза.

Во втором случае (долгосрочного прогноза), использует-

---

[104] *Бенси Дж.* Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. С. 14.

[105] Вероятность совпадения прогнозов, основанных на трендах, с реальностью [Электронный ресурс]. URL : http://prognoz.eurasian-defence.ru/node/70918 (дата обращения: 27.01.2015).



5.4. Модель вероятности прогноза

ся как метод экстраполяции, так и футуристический прогноз формирования новых парадигм. Так, известно, что некоторые системы оружия находятся на вооружении уже более 50 лет и после многочисленных модернизаций могут еще некоторое время находиться на вооружении (ТБ В-52 или вертолеты МИ-8, например). Более того, планируемые сегодня системы ВиВТ в ряде случаев уже нацелены на то, чтобы поступить в ВС только в 50-е годы XXI века. Это означает, что метод экстраполяции вполне приемлем.

Вместе с тем, очевидно, что уже в среднесрочной перспективе могут появиться качественно новые системы ВиВТ (или качественно модернизированные), которые могут повлиять революционным образом на все военное искусство и ВПО в мире. Но еще более вероятно, что появятся качественно новые системы управления, связи и разведки.

В-третьих, если теоретически возможных сценариев развития МО может быть множество, то вероятных сценариев развития МО может быть всего несколько. Более того, исхожу

из того, что такой сценарий развития МО в среднесрочной перспективе может быть только один, хотя и в нескольких вариантах. При этом логическая схема такого сценария практически не меняется. На наш взгляд, логическая схема такого наиболее вероятного сценария развития МО которую сегодня уже условно можно назвать «сетецентрической войной» против российской ЛЧЦ, может быть следующей:

Очень важно понимать, что в XXI веке меняется не только характер мирового политического процесса, но и его основные особенности, что в полной мере влияет на эволюцию развития международной обстановки. Главной особенностью второй половины XX — начала XXI века становится резкое усиление влияния внешних факторов международной обстановки на положение в отдельной локальной цивилизации или нации.

Для дальнейшего анализа и прогноза сценария развития МО до 2021–2035 годов требуется вернуться к логической

Рис. 5.5. Основные направления и способы внешнего влияния (политики противоборства) в XXI веке

схеме политического процесса применительно к России как одного из двух важнейших факторов противоборства, рассмотрев подробнее направления и способы такого внешнего влияния.

Из рисунка 5.5 видно, что существуют три основных и два косвенных способа влияния на ЛЧЦ и нацию.

Вектор влияния на систему цивилизационных и национальных ценностей и интересов (вектор «В» — «А»), который в XXI веке становится основным направлением влияния и противоборства. Его целью является изменить в желаемом направлении систему ценностей и представление о национальных интересах, что требует определенного временного и материального ресурса. Так, коммунистическая система ценностей, лежащая в основе общества, экономики и государства, была трансформирована в основном за 1985–1995 годы, а русофобство стало доминирующей тенденцией на Украине за 20–25 лет.

Вектор влияния на правящую элиту и общество, целью которого является принудить («воспитать», «обучить», «заставить» и т.д.) правящую элиту и общество действовать так, как это необходимо внешнему фактору влияния (вектор «В» — «Д»). В частности, США и их союзники, например, в 2014 году приняли санкции против 120 представителей российской элиты (и частично против всего «верхнего слоя» общества) и нескольких десятков корпораций и организаций, что является ярким примером прямого давления.

В политике, однако, существует множество не столь ярких примеров внешнего влияния, которые объединяются общим термином «мягкая сила». Это влияние наименее рискованно и наиболее эффективно. Через влияние на элиту (вектор «В» — «Д») можно не только изменить ее состав (как при М. Горбачеве, например, или при Б. Ельцине, когда проводились фактические люстрации), но и качество элиты и общества. Не секрет, что правящая элита России по своим

качественным характеристикам — нравственности, профессионализму, патриотизму, образованию[106] — становится год от года хуже и хуже.

Третий вектор внешнего влияния (вектор «В» — «Г») — основные цели и задачи, стоящие перед ЛЧЦ, нацией или государством. Эти цели и задачи можно:

а) исказить,

б) заменить ложными,

в) заставить изменить и т.д.

Для того чтобы изменить в выгодном направлении цели и задачи политики, внешний фактор использует очень широкий набор средств влияния — от международного права до прямого применения военной силы.

Наконец, существуют два очень важных косвенных вектора внешнего влияния, конечной целью которых является изменение распределения национальных ресурсов. Во-первых, это происходит через вектор «В» — «А» — «В», когда меняется система базовых ценностей и представлений о национальных интересах в целях перераспределения ресурсов. Так, «универсализм» несовместим с культурным национальным ресурсом, секуляризация — с духовным, «международное пользование транспортными коридорами» — с национальным ресурсом воздушного, морского или наземного пространства (которые так же ограничены, как и природные ресурсы).

В еще большей степени внешнее влияние на перераспределение ресурсов происходит по вектору «В» — «Г» — «Б», когда производится подмена или замена национальных целей на чужие, внешние, требующие к тому же затрат национальных ресурсов. Типичным примером этого может послужить подмена целей у правящих кругов Украины в отношении

---

[106] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 ч. Т. 1. М. : МГИМО–Университет, 2012.

России, когда ложных и чужих целей ослабления России добиваются посредством использования национальных ресурсов — человеческих, военных, духовных — Украины.

Но главное влияние, все-таки, внешние факторы оказывают непосредственно на нацию и общество через формирование и воспитание, а также вербовку представителей элиты. Поэтому вектор «В» — «Д» в политическом процессе и при формировании МО в XXI веке становится основным. В конечном счете, будущее нации и государства будет определяться качеством и способностью элиты и общества, которое во все возрастающей степени зависит от влияния внешних факторов. Более того, в ряде случаев такое влияние внешних факторов становится решающим.

История человечества в XXI веке становится во все большей степени подвержена влиянию субъективных факторов

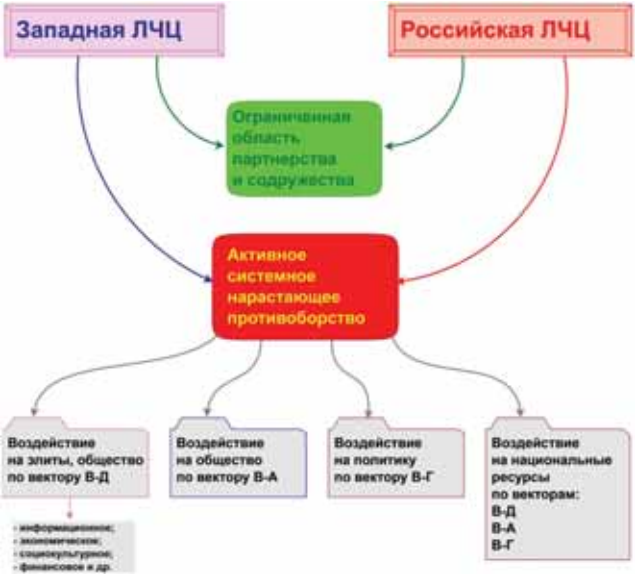


Рис. 5.6. Наиболее вероятная модель и сценарий развития МО до 2021–2024 гг.

и частных, личностных позиций, прогнозов, решений. Эта объективная реальность осознана во многих государствах и активно используется в политических целях. До тех пор пока в отношениях между ЛЧЦ и нациями будет преобладать борьба и соперничество за контроль над ресурсами, поведением в мире и транспортными коридорами, до тех пор будет расти внешнее влияние на правящую элиту противостоящей цивилизации.

Если исходить из того, что другой модели взаимоотношений между ЛЧЦ пока что не наблюдается, можно сделать неизбежный вывод о том, что наиболее вероятная модель отношений между ЛЧЦ — усиливающаяся конфронтация, а сценарий развития МО — усиление давления западной ЛЧЦ на другие ЛЧЦ и нации, прежде всего российскую, которая вплоть до 2021–2025 годов может оставаться единственной ЛЧЦ, способной оказать активное сопротивление (рис. 5.6).

Таким образом, главным объектом воздействия и основной целью противоборства становятся правящая элита и общество ЛЧЦ, нации и государства, а также понимаемые ею ценности, интересы, цели и задачи. Центр противоборства перемещается в те области, которые влияют на конкретных представителей правящей элиты и общества в наибольшей степени — личные интересы представителей элиты: экономические, социокультурные, информационные, физиологические и др. Соответственно, меняется и значение тех или иных средств политики влияния. В частности, военные средства могут играть важную роль только в том случае, если они прямо затрагивают личные интересы безопасности. Бомбардировки Донецка и Луганска — бессмысленные с военной точки зрения и противоречащие прежней логике войны — становятся логичными и понятными: правящая элита и общество восточно-украинских регионов рискуют личными интересами безопасности за противодействие внешнему влиянию.

5.3. Базовый вероятный сценарий развития МО в 2021–2024 годах

Не менее информативен для прогноза взаимоотношений локальных цивилизаций и их последствий для развития МО прогноз душевого ВВП ведущих стран мира, который свидетельствует, на наш взгляд, прежде всего о том, что по ведущему показателю — национальному человеческому капиталу (где роль душевого ВВП значительна) — идет существенное выравнивание. Этот процесс, можно предположить, характерен и для других характеристик НЧК — образования, продолжительности жизни, уровня здравоохранения. С точки зрения будущей СО это означает, что ведущий показатель, влияющий на качество личного состава, ВиВТ, также становится сопоставимым, а значит, СО с точки зрения качественных характеристик будет формироваться под влиянием равноценных факторов.

В рамках развития парадигмы № 1 (конфликта локальных цивилизаций) сказанное означает только одно: увеличение разнообразия и конфликтности будущих сценариев развития СО, усиление риска силовой, в т.ч. вооруженной, борьбы и растущего противостояния.

Взаимосвязь развития сценариев СО и сценариев МО, производных от конфликта цивилизаций, очень заметна и игнорировать ее невозможно. Более того, именно из этой взаимосвязи следует исходить при прогнозе СО. Очевидные кризисы, имевшие место в истории ЧЦ, совпадали с резким обострением СО, увеличением числа, интенсивности и масштабности войн и военных конфликтов. Нетрудно предположить, что к 2030 годам ситуация неизбежно приведет к новой, острой и опасной фазе в развитии СО[107].

[107] *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

Если признать такую вероятность, то неизбежно следует признать и то, что в приоритеты социально-экономического развития российской цивилизации необходимо внести существенные изменения. Речь идет не только и даже не столько об увеличении военных расходов (что, как правило, прежде всего, приходит в голову), а об укреплении национальной безопасности, разработке наиболее эффективных средств и способов влияния на формирование будущего сценария СО. Так, если решающим военным фактором в будущем будут НЧК и его институты, т.е. качество человеческой личности (образование, культура, творческие возможности и т.д.) и способы ее реализации (институты государства и общества), то очевидность приоритетов не вызывает сомнения. В будущей СО преимущества будет иметь та цивилизация и нация, где будет высочайший уровень развития человека и степень его реализации, в том числе в ОПК, ВС, качестве ВиВТ[108].

Сегодня существует немало попыток глобального прогноза развития глобального противостояния между локальными цивилизациями, в том числе имеющими под собой самые разные основы: экономические, религиозные, социальные, военно-политические. Как правило, такие попытки детерминированы каким-то одним обстоятельством или условием. В XX и XXI веках часто такие прогнозы исходят из анализа различных фаз экономического развития человечества, предполагая, что каждая смена ведет к катаклизмам и войнам. В частности, А. Белогорьев и В. Бушуев, например, считают следующее: «В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением. Этим законом описывается динамика численности населения, ВВП, потребления энергии и пр.

[108] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М. : МГИМО–Университет, 2014.

С 1960 г. начались изменения режима роста мировой системы и выход из режима с обострением. Гиперболический рост мировой системы не является однородным. Длительные периоды сравнительно устойчивого развития (фазы) разделены короткими периодами фазовых переходов, когда меняется режим роста и сама основа развития социума. При этом переход может идти с различной скоростью и различными путями либо вообще не состояться, поэтому фазы разделены острыми кризисами, когда возникает возможность реализации нескольких сценариев развития»[109].

Можно принять такой подход в качестве рабочей гипотезы за основу, особенно в той его части, где речь идет о «фазовом переходе» человечества с одной стадии развития на другую, когда меняются все основные существующие парадигмы его развития: социальные, политические, экономические и иные, а именно — военно-политические и военно-технические, о чем неоднократно писалось прежде, связывая нынешней «фазовый переход» с новой ролью национального человеческого капитала (НЧК)[110].

При этом представляется крайне важным, чтобы системность «фазового перехода» не сводилась только к смене средств производства и производственных отношений, технологическому укладу и прочим экономическим атрибутам. Смена этапов, «фазовой переход» означают смену всей системы взаимоотношений между и внутри локальных цивилизаций, когда — и это важно подчеркнуть — в наименьшей степени этому подвержены национальные системы ценностей.

Формирование информационно-управленческого этапа в развитии человечества имело именно такие системные

---

[109] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 8.

[110] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–2. М. : МГИМО–Университет, 2011–2013.

последствия, которые в агрегированном виде выразились в двух ключевых последствиях для всех существующих сегодня локальных цивилизаций.

Во-первых, этот этап привел к управленческой революции, которая:

а) находится во втором десятилетии XXI века еще только в самом начале;
б) охватила все области жизни и сферы деятельности человечества, от духовно-культурной до производственной;
в) предоставила уникальные возможности для развития науки, образования и технологий.

Во-вторых, эта революция не поколебала ценностных основ — систем ценностей, приоритетов и интересов локальных цивилизаций. Более того, может показаться, что она даже еще больше их укрепила.

В значительной степени новый этап информационно-управленческой революции позволил подойти к решению сверхсложных задач управления — стратегическому прогнозу и планированию. В том числе и СО, которая характеризуется ежеминутным изменением тысяч факторов и переменных величин. В неменьшей степени эти приемы могут способствовать усилиям по развитию глобального прогнозирования на всех этапах развития сценариев — от сценариев развития ЧЦ до сценариев войн.

Революционные, «фазовые» изменения, с одной стороны, и сохранение базовых систем ценностей локальных цивилизаций — с другой, привели к обострению конфликта локальных цивилизаций в XXI веке потому, что одна из них — западная локальная цивилизация — очевидно, сделала ставку на смену систем ценностей других локальных цивилизаций в качестве предварительного условия навязывания им своих норм и правил. Все это ведет к тому, что созданная в результате этих изменений и их последствий стратегия сетецентрических войн, которая стала реализовываться вместо

холодной войны в 90-е годы XX века, сформулировала следующие этапы в достижении своих целей, которые можно сопоставить с развитием событий (реализации стратегии) на Украине в 1990–2014 годы.

Рис. 5.7. Приоритетность и последовательность достижения целей сетецентрической войны

В этой связи особенно важным становится аналитическое обеспечение противодействия сетецентрической войне, которое не может быть заменено или компенсировано какими-либо иными мерами: победа в сетецентрической войне — это, прежде всего, интеллектуальная и идеологическая, а затем уже медийная победа, когда вооруженные силы используются, в крайнем случае, как правило, после неудачных идеологических операций. События на Украине — подтверждение этому. Блестящий план войны был отчасти сорван тем, что на юго-востоке сохранилась часть граждан, не желающих менять национальную самоидентификацию.

Необходима победа на всех направлениях интеллектуальной борьбы. Без исключения и без компромиссов.

По мнению А. Белогорьева и В. Бушуева, «динамика мировой системы в 1800–1970 гг. определялась очередной фазой долгосрочного гиперболического роста — индустриальной. В рамках индустриальной фазы наблюдались несколько волн роста, разделенных острыми кризисами, которые сопровождались сменой парадигмы развития. Это кризис начала 1930-х гг., кризис начала 1970-х гг. и кризис конца 2000-х гг. Кризис начала 1930-х гг. привел к тому, что резко усилилось государственное воздействие на экономику в США, Германии и СССР. Этот процесс совпал с ускоренной индустриализацией и резким ростом спроса на электрическую энергию для промышленности и нефтяное моторное топливо»[111].

К сожалению, авторы не соотносят четко границы этого кризиса с военно-политическим кризисом в мире, который привел к войне. И, соответственно, не видят обратного воздействия: как сознательное обострение СО вело к ослаблению и выходу из кризиса.

Так же они относятся и к кризису1970-х годов, не выделяя в нем военно-политической составляющей. А между тем как минимум три события военно-политического характера имели значение для развития этого кризиса: во-первых, фиксирование в начале 70-х годов стратегического паритета США — СССР и начало переговоров; во-вторых, провал войны во Вьетнаме; в-третьих, арабо-израильская война 1973 года. Авторы не видят этой взаимосвязи: «Кризис начала 1970-х гг. был вызван переходом США и Западной Европы к постиндустриальному развитию и окончанием холодной войны. Резко возросла роль частного предпринимательства, произошли либерализация и монетизация мировой экономики, на смену кейнсианскому регулированию пришло монетаристское. Ускорилось развитие атомной

[111] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 9.

энергетики, возрос спрос на газ как топливо для энергетики, обслуживающей малый и средний бизнес и жилищно-сервисную сферу»[112].

Источник: *ИЭС.*

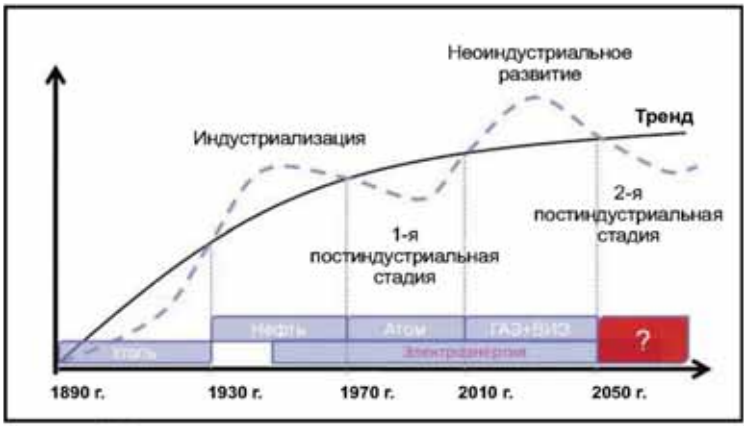
Рис. 5.8[113]. Циклы и кризисы мирового развития

Кризис 1970-х годов, в конечном счете, был разрешен переходом многих стран к постиндустриальной фазе развития. Но наряду с этим сохранились и предыдущие фазы и уклады. Три его основные составляющие — глобализация, информатизация и либерализация — были определяющими на этой фазе развития. Ключевые показатели мировой динамики после 1970 года резко изменились. Темпы экономического роста снизились с 4–5 % в год в 1945–1970 годы до 3 % в год в 1970–2010 годы. Темпы роста потребления энергии снизились с 5 % в год до 2 % и менее.

К концу 2000-х годов темпы экономического и энергетического роста приблизились к историческим максимумам 1950–1960-х годов, причем максимальные темпы наблюдались

[112] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 9.

[113] Там же. С. 10.



Источник: *ИЭС.*

Рис. 5.9[114]. Динамика мирового индустриального развития

в развивающихся странах. Но в 2000-е годы с вовлечением ключевых развивающихся стран в мировую экономику были достигнуты пределы глобализации. Развитие информационной сферы стало приобретать отчетливо спекулятивный характер, проявившийся в кризисе высокотехнологичной экономики в США в 2001 году и предшествующем ему буме. Произошло исчерпание потенциала глобализации, информатизации и либерализации, что было вскрыто в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов[115].

К сожалению, авторы опять не видят политических и других аспектов проблемы кризиса, что мешает им уйти от механического описания экономически детерминированных, по их мнению, процессов. На самом деле вторая постиндустриальная фаза (по их терминологии) развития западной локальной цивилизации характеризуется политикой ужесточения ее контроля над мировыми процессами

[114] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 10.

[115] Там же. С. 11.

в целях переложить издержки и риски глобализации на другие страны. Так, финансовая политика, основанная на спекуляциях мирового масштаба, перестала фактически работать на экономику развития, но все издержки этого ощутили на себе, прежде всего, другие государства, которых заставили принять эти правила игры силовыми средствами.

И далее авторы исходят только из оценки экономических предпосылок, не считая, что они являются всего лишь частью цивилизационных. Так, они пишут, что «возникла объективная необходимость очередной смены парадигмы развития», не раскрывая содержания «этой необходимости». «Это потребовало усиления роли государства, — продолжают они, — перехода основных углеводородных ресурсов под контроль национальных нефтегазовых компаний (вместо доминирования транснациональных компаний), развития принципов регионального самообеспечения и национальной энергетической безопасности, интенсификации энергосбережения и развития ВИЭ.

Рис. 5.10. Динамика мирового энергетического развития

Каждый кризис вызывал изменение динамики мировой энергетики, которая сходила с устойчивой траектории экспоненциального роста, характерной для докризисного периода (1945–1970, 1980–2005 гг.)»[116].

Как видно из рисунка авторов (рис. 5.10), мировые кризисы XX и XXI веков определенно совпадали по времени с периодом обострения СО и началом серии войн. В этом проявляется уникальный и универсальный характер войн как средства против кризисов. Так же, впрочем, как и отрубленная голова — лучшее средство от головной боли. Мы не можем игнорировать этой очевидной взаимосвязи хотя бы потому, что она подтверждается развитием человечества и СО во втором десятилетии XXI века. На этой взаимосвязи,

Рис. 5.11. Взаимосвязь между кризисами в отношениях между локальными цивилизациями и обострением СО в XX и XXI веках

[116] Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 11.

в конечном счете, построена и вся стратегия сетецентрической войны, которая предназначена для обострения противоречий между локальными цивилизациями в периоды кризисов и перевода их в силовую форму. Эту взаимосвязь можно условно обозначить на графике следующим образом (рис. 5.11).

Как видно из этой модели, существует фактически полная корреляция между темпами роста мирового ВВП и военными жертвами, понесенными в войнах и конфликтах: чем ниже темпы роста — тем выше потери. Сетецентрическая война 2000–2025 годов «стабилизирует» эти тенденции на низком уровне роста мирового ВВП (3–3,2 %) и высоком уровне потерь от войн и конфликтов (5–10 млн чел.). Причем и первая, и вторая тенденции имеют устойчивый вектор к сохранению. Сетецентрическая война, таким образом, «формализует» отношения и взаимосвязь между ними.

Не стоит, однако, думать, что детерминация СО от динамики роста ВВП абсолютная и не зависит от субъективных факторов. Наоборот, именно в области формирования СО влияние социальных факторов ощущается сильнее в области МО и ВПО: в конечном счете любые решения «на войну» предопределяют будущее всей нации. Но не только. Мы порой недооцениваем масштаб последствий принимаемых субъективных решений, совокупность которых в той или иной степени закладывает реальный сценарий будущего. Так, решение о массированной приватизации ОПК России в 90-е гг. XX века привело к деградации, либо полной потере целых отраслей, сделала военную экономику полностью импортозависимой и, как следствие, привело к отставанию в создании целых классов ВиВТ[117], росту импортозависимости и технологическому отставанию. Но никто еще не может во втором десятилетии XXI века оценить

[117] Секреты российской приватизации [Подберезкин А. и др.]. М., 2004.

адекватно последствия этого субъективного решения для безопасности нации и будущего всей российской локальной цивилизации, хотя пример Украины и подсказывает, что может ожидать Россию в ближнесрочной перспективе, если не удастся исправить последствия этих субъективных решений.

5.4. Сценарное прогнозирование и стратегическое планирование международной обстановки в интересах России

Будущие сценарии международной обстановки начинают формироваться уже сегодня. Они не появляются «сами по себе» из «ниоткуда», они создаются знанием и волей людей, которые основываются на огромных массивах информации. Спецслужбы ежегодно публикуют около 50 000 докладов, а ежесуточно отрабатывают несколько миллиардов единиц информации. Только в США «на этом поле» работают не только 16 национальных разведок, но и более 1200 других государственных организаций и почти 2 тыс. коммерческих структур, которые вовлекают в свою деятельность около 1 млн человек.

Иными словами, будущее уже создается сегодня конкретными структурами и людьми, информацией и деньгами. Не случайно, что участники одного из венчурных фондов ЦРУ, созданного после неудовлетворительной оценки администрацией аналитической деятельности разведслужб США, сделали вывод о том, что «Будущее не предопределено. Нет судьбы, кроме той, что мы творим»[118].

---

[118] Венчурные фонды и другие технологии для национальной разведки. М. : Физ.-Тех., 2012. С. 20.

Рассуждая о прогнозе различных сценариев (и их вариантов) развития МО, очень важно понимать, что будущий прогноз зависит не только от трех указанных выше групп внешних факторов и их взаимодействия, но и от усилий самого субъекта МО, его воли, ресурсов и последовательности. Естественно, чем эти величины будут больше, тем сильнее и будет их влияние на формирующийся сценарий МО.

В формировании будущего сценария МО будут играть решающее влияние два фактора, которые необходимо не просто учитывать, но взять за основу в своей политике.

Во-первых, это решающая роль идеологии и базирующейся на идеологии стратегии. Сегодня такая идеология и стратегия есть у двух ведущих ЛЧЦ — американской и китайской, но ее нет у российской. Поэтому в борьбе локальных цивилизаций российская окажется изначально в проигрыше.

Во-вторых, усиление влияния субъективного фактора на формирование МО выражается, прежде всего, в усилении влияния национального человеческого капитала и институтов его реализации.

Это означает, что роль этого фактора в формировании будущей международной обстановки должна будет переоценена. Прежде всего, потому, что его культурный, образовательный и исторический потенциалы, очевидно, недооценены и не используются в полной мере в качестве внешнеполитических ресурсов[119]. Среди большого числа возможных негативных сценариев развития МО, вытекающих из конфликта ЛЧЦ, сохраняется возможность, более того, вероятность развития позитивного сценария. Причем в создании и реализации такой возможности исключительная роль принадлежит России.

---

[119] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М. : МГИМО–Университет. 2011–2013.

Россия может предложить другим локальным человеческим цивилизациям и нациям альтернативный и позитивный сценарий развития МО в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, усиление субъективных факторов формирования МО в XX и XXI веках придает особое значение идеологии как политическому средству влияния. Привлекательная идеология (в данном случае система взглядов) становится «желаемым образом будущего», т.е. своего рода сценарием, изначально альтернативным сценариям противоборства. Такую идеологию не могут предложить ни западная ЛЧЦ, ни исламская, ни китайская (в силу своей национальной специфики), ни индийская.

Во-вторых, обострение МО в XXI веке находит понимание и ожидаемо значительным числом представителей общественного мнения самых разных ЛЧЦ, которые осознают антигуманный и антисоциальный характер господствующей системы. Не случайно в многочисленных прогнозах США две первые по порядку и значению глобальные угрозы США видятся в социальной несправедливости и обнищании населения.

Формирование и реализация того или иного сценария МО в долгосрочной перспективе будут во многом зависеть от позиции России и того сценария развития, который она выберет, того образа, который будет привлекательным. История начала XIX века, эпохи Наполеона, начала и середины XX века свидетельствуют о том, что «фактор России» играл в сценариях развития МО огромную роль.

Глава VI
Наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки в долгосрочной перспективе

На основании проделанной выше работы посвященной самым различным аспектам стратегического прогноза МО, ВПО и СО[120], можно сделать заключительный вывод о том, что современный этап и период в среднесрочной перспективе до 2021 года в развитии человеческой цивилизации и международной обстановки, характеризуются следующими основными чертами:

Во-первых, быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций, прежде всего китайской, российской, исламской, индийской и латиноамериканских, которые в среднесрочной перспективе до 2021 года превратятся не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные активно защищать свои цивилизационные ценности и интересы. Это означает, что развитие МО к 2021 году приведет к появлению, как минимум, нескольких самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого, — западной локальной человеческой цивилизации.

Это изменение произойдет отнюдь не сразу и не одинаково для всех ЛЧЦ: если российская ЛЧЦ уже превратилась в самостоятельный военно-политический центр силы,

---

[120] За 2011–2015 годы была подготовлена и опубликована серия работ, посвященных методологическим, теоретическим и иным проблемам стратегического прогнозирования в области МО, ВПО и СО, размещенных на сайте «Виперсон» / Эл. ресурс: Виперсон / http://viperson.ru/

претендующий на независимость от США и западной локальной ЧЦ, то китайский оформится в среднесрочной перспективе 2–3 лет, мусульманский — несколько дольше, потому, что ему придется преодолевать внутренние противоречия, а индийский и латиноамериканские центры силы, по всей вероятности, завершат свое формирование уже в 2020-х годах.

Во-вторых, современная МО характеризуется резким усилением влияния негосударственных акторов мировой политики — политических, идеологических и религиозных организаций, — превращающихся в конкурентов, в т.ч. военно-политических, ведущим государствам мира и представляемых ими цивилизаций. Эти негосударственные акторы могут играть как самостоятельную роль, так и выполнять функции «облачного противника», выступая в качестве враждебного оппонента одной из ЛЧЦ при поддержке другой. Это означает, что в формировании МО будет все активнее участвовать новый, как правило, неизвестный (или недоказанный) фактор влияния. В 2014–2015 годах эта тенденция ярко проявилась в создании такого «облачного противника» в виде ИГИЛ на Ближнем Востоке и «правительства Украины» — в Восточной Европе.

В-третьих, до 2021 года МО будет характеризоваться возникновением тенденций и организаций, в т.ч. военно-политических и региональных, противодействующих глобализации, чья политика ориентирована на защиту цивилизационных и национальных систем и ценностей. Объективно эта тенденция будет противоречить глобализации и попыткам сохранения глобального контроля со стороны западной ЛЧЦ. При определенных условиях такая тенденция может внести раскол в единство ЕС и НАТО, а в некоторых случаях даже привести к кризису этих объединений.

В-четвертых, МО характеризуется монопольным правом США и возглавляемой ими ЛЧЦ контролировать глобальную обстановку, в т.ч. и с помощью военной силы, чья роль будет

неуклонно повышаться. Этот период завершится с высокой степенью вероятности к концу 2021–2022 годов.

Таким образом, в перспективе до 2021 года сложатся все условия для обострения МО и усиления военно-силового противоборства между ЛЧЦ из-за стремления США нейтрализовать нарастающие в мире процессы, угрожающие монопольному праву США контролировать МО в мире. Это же с неизбежностью означает, что в начале 20-х годов нашего века начнется новый этап, который с высокой степенью вероятности можно охарактеризовать как вероятный этап глобального вооруженного противоборства между западной локальной человеческой цивилизацией (ЛЧЦ) с другими локальными цивилизациями, прежде всего российской, за сохранение этой монополии, с одной стороны, и ее нарушение, с другой[121]. Другими словами, можно констатировать, что за 2015–2021 годы должен завершиться подготовительный этап глобального военного конфликта, в ходе которого западная ЛЧЦ предполагает создать максимально благоприятные условия для будущей войны с другими ЛЧЦ.

Учитывая неизбежный процесс относительного падения мощи западной ЛЧЦ, эта политика может быть реализована только в том случае, если:

— западной ЛЧЦ до 2021 года удастся сохранить военно-экономическую коалицию Запада (и «систему ценностей») относительно других цивилизаций и государств;
— удастся сохранить и укрепить существующее в настоящее время у Запада технологическое и военно-техническое превосходство над остальными ЛЧЦ, выраженное в т.ч. и в военно-экономической области;
— не допустить создания иными ЛЧЦ других коалиций и стабилизации военно-политической обстановки на

[121] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 128–129.

планете и в отдельных регионах. «Контрольный пакет» Запада в области мирового управления должен сохранятся неизбежным, при неизбежном уменьшении его относительного мирового объема (изменения соотношения сил) за счет постоянного инициирования процессов управляемого хаоса и внутриполитической дестабилизации в различных регионах;

Этот сценарий развития МО, который мы условно называем сценарием «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ в мире», может иметь как минимум три варианта своего развития в зависимости от тех внешних условий, над созданием которых будет работать западная ЛЧЦ. Это можно показать на упрощенной логической схеме, следующим образом. Этот самый общий сценарий развития МО предполагает реализацию соответствующей стратегии, которая условно может быть разделена на два этапа — до 2021 года и после 2021 года, — но объединяется основными характерными чертами:

— основная цель: сохранение контроля западной локальной ЧЦ над созданными ею финансово-экономическими и военно-политическими и правовыми мировыми системами;
— основные средства: полный спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения;
— основной способ: системное и силовое использование всех этих средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных и частных ресурсов для достижения поставленных целей;
— основной принцип: сетецентричность, объединения всех ресурсов, включая информационные, в режиме реального времени;

— основные варианты: указанная стратегия может применяться в нескольких вариантах реализации указанного силового сценария, причем эти варианты могут, как чередоваться друг с другом, так и совмещаться. После 2021 года, на втором этапе, предпочтение должно отдаваться наиболее масштабным (с точки зрения применения военной силы) вариантам.

Рис. 6.1. Самый общий сценарий развития МО после 2021 года

Надо откровенно и публично признать, что подобная стратегия в отношении России бескомпромиссна по своим целям, хотя и может несколько отличаться по своим средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства. Суть стратегии, цели, это не меняет: они остаются решительными и бескомпромиссными, включая не только уничтожение и раздел российского государства, но и конечную ликвидацию российской нации в Евразии. На одной из карт эти решительные цели показаны следующим образом.

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должны быть ликвидированы, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

— устранения геополитического конкурента в Евразии;
— ликвидации потенциального враждебного центра интеграции;
— раздел природных ресурсов и территории;
— ликвидации российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что компромисса по этим вопросам быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

Важно также отличать в этой связи «возможные» сценарии развития МО от «вероятных», а тем более «наиболее вероятных», которые собственно и должны лечь в основу долгосрочных прогнозов. Если первых могут быть сотни, вторых — десятки, то третьих — единицы. Для этого вывода есть все основания. Многие факторы и тенденции развития МО являются достаточно стабильными, изменяются медленно. Так, например, географическое положение, запасы природных ресурсов, естественные транспортные коридоры, климат и др. геополитические факторы меняются медленно и их можно отнести к «стабильным факторам», формирующим сценарии МО. Если их основательно проанализировать, то можно, в конечном счете, отобрать несколько вероятных сценариев развития МО, основанных на анализе и прогнозе больших объемов информации[122].

---

[122] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 129–130.

Таким наиболее вероятным сценарием развития МО применительно к России является поэтапный переход «реалистического» варианта сценария военно-силового противоборства в «пессимистический» вариант сценария вооруженного конфликта и фазу войны с Россией после 2021–2022 годов.

Вместе с тем вероятность такой эволюции сценария военно-силового противоборства после 2021 года не означает его неизбежности. В зависимости от многих факторов возможен, например, возврат к «реалистическому» и даже «оптимистическому» вариантам сценария. Если попытаться оценить в середине 2015 года вероятность того или иного варианта сценария после 2021 года в зависимости от существующих современных тенденций, то ее можно предположительно поделить следующим образом:

Вероятность реализации одного из вариантов сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года

«Оптимистический» вариант Сценария — 10 %.
«Реалистический» вариант Сценария — 20 %.
«Пессимистический» вариант Сценария — 50 %.
Иной сценарий развития МО — 20 %.

Естественно, что развитие МО даже в среднесрочной перспективе до 2021 года может развиваться и по совершенно неожиданному сценарию, истоки которого существуют уже в 2015 году, но не привлекают внимание экспертов. Так, например, в случае резкой смены парадигмы развития МО (например, успехов ИГИЛ) произойдет неожиданно быстрое «примирение» всех ЛЧЦ, которые сформируют коалицию против радикальных исламистов. Аналогичная ситуация произошла, например, в 1941 году, когда часть западного ЛЧЦ и советская ЛЧЦ объединились в борьбе против другой части западной ЛЧЦ, возглавляемой Германией.

Можно ли предположить, что при определенных условиях насколько ЛЧЦ (западная, российская, даже китайская и индийская) смогут объединиться с частью мусульманской ЛЧЦ против радикальных исламистов-суннитов? Эту вероятность исключать нельзя, как и то, что Запад попытается использовать ИГИЛ против российской ЛЧЦ.

Подобные резкие изменения в сценариях развития МО вполне возможны, но выстраивать национальную стратегию и долгосрочное планирование в военной области, исходя из любых неожиданностей в развитии МО, — нельзя. Требуется, в конечном счете, одна — единственная рабочая гипотеза, которую необходимо положить в основу стратегического прогноза и стратегического планирования. В данной работе такой рабочей гипотезой на перспективу до 2040 года является гипотеза постепенной эволюции силового противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего, российской, в вооруженную борьбу и войну за сохранение существующей подконтрольной Западу финансово-экономической и военно-политической системы в мире. Иные сценарии и варианты рассматриваются как возможные, но менее вероятные, производные от этого главного сценария развития МО.

Изначально также важно точно определиться с основными понятиями, характеризующими сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в XXI веке. Это «сетецентрическая война», «сетевая война» и «системная война». Если говорить о первых двух понятиях, то в основном можно согласиться с их определениями, данными Л. Савиным (с некоторыми оговорками). В частности, он справедливо подчеркивает военно-технический характер сетецентрической войны, прямо утверждая, что «… сетецентричные боевые действия (Net-Centric Warfare) — это сугубо военная концепция, прошедшая длительный путь от интеллектуальных разработок и мозговых штурмов через эксперименты и симуляции к практическим действиям, повлиявшим на

изменение инфраструктуры Пентагона, а также военную стратегию США. Она во многом стала возможной благодаря информационной эпохе и информационным технологиям»[123].

Вместе с тем следует подчеркнуть важнейшие военно-технические особенности «сетецентрической войны», о которых не сказал в своем определении автор. На мой взгляд, эта война стала возможной в результате целой серии революций в военном деле, которая за последние десятилетия качественно изменили характер войны:

— во-первых, революция в системах управления ВиВТ, которая сопоставима с последствиями революций, связанных с появлением двигателей внутреннего сгорания, атомных боезарядов и баллистических ракет;
— во-вторых, в результате революций в ВиВТ, о чем неоднократно писал А. И. Подберезкин еще во второй половине 80-х годов XX века[124]. В начале 1991 года в ходе первой войны в Ираке это новое военное искусство и новый характер войны впервые проявились публично.
— в-третьих, с последствиями информационной революции для экономики, общественного и политического устройства государств.

Все эти изменения привели в конечном итоге к качественным, революционным изменениям не только в военном деле, но и в политике государств, их государственном и общественном устройстве. Так, если прежде военная организация государства включала только силовые институты ВС, органов безопасности и правопорядка, то в настоящее время появились две принципиально новые и важные «ветви» — общественные институты и бизнес, — значение которых

---

123 *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. С. 3.

124 *Подберезкин А. И.* Значение системы боевого управления в военной доктрине США / Докторская диссертация. Дипломатическая академия МИД СССР, 1989 г. / http://viperson.ru/podberezkin

вполне сопоставимо с силовыми ведомствами.

Эта особенность отмечена Л. Савиным в определении «сетевой войны»: «сетевая война (Netwar), хотя в числе новаторов по ее изучению также были многие военные эксперты и аналитики США — это более широкий феномен, который также связан с императивами информационной эры, постмодерна и глобализации. Но в данном случае это инструмент действий для самых широких слоев населения, в чем убедили многочисленные события последних лет, хотя техники и тактики сетевой войны могут вполне применяться и военными, и политическим сообществом»[125].

В целом Л. Савин справедливо подытоживает свои рассуждения следующим образом: «… сетецентричная война — это военно-техническая революция сверху, в то время как сетевая война — это, скорее, социально-политические инновации снизу, применяемые как для достижения своих целей определенными группами, так и направленные на широкую демократизацию общества, и вместе с политической борьбой подразумевают контроль обществом властных структур и вовлечение в принятие решений (имеются в виду различные проекты «электронной демократии», связанные с новыми информационными возможностями)[126].

Л. Савин, однако, ничего не говорит о «системной войне», как о синтезе всех силовых (собственно военных и не военных) средств политического насилия — от информационных и политико-дипломатических до диверсионных и боевых действий самого различного масштаба и интенсивности. Между тем последние события показывают, что именно «системная война», частью которой является сетецентрическая война, стала наиболее актуальным средством противоборства в XXI веке.

---

[125] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. С. 3.

[126] Там же.

6.1. Общая характеристика возможных и вероятных сценариев развития МО в XXI веке до 2021 года

Изменение соотношения сил в мире и относительное ослабление позиций США стало заметно, еще в первом десятилетии XXI века. Эта тенденция неизбежно продолжится во втором десятилетии и последующих десятилетиях, что также неизбежно поставит под сомнение господство США, а затем и приведет к разрушению созданной ими финансово-экономической и военно-политической системы. Такая тенденция ослабления влияния США может быть графически отображена следующим образом (рис. 6.2).

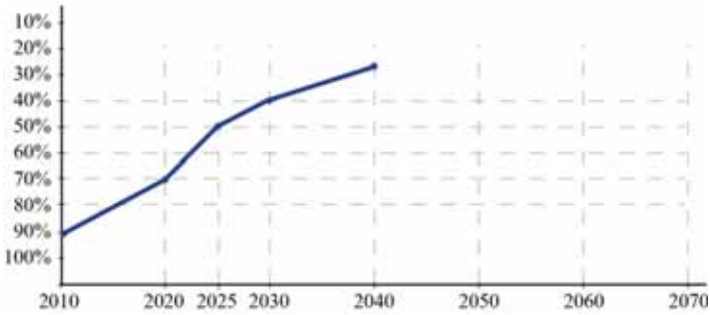


Рис. 6.2. Тенденция падения влияния США и потери ими контроля над развитием МО в мире в XXI веке

Степень влияния США на мировые процессы может быть принята:

— 80–90 % близкая к абсолютной;
— 60–80 % решающее;
— 50 % очень сильное, определяющее;
— 30–40 % сильное;
— 20–30 % заметное;
— 10–20 % существенное;
— до 10 % незначительное.

Как видно из графика, эта степень влияния достигает критического уровня уже во второй половине 2020-х годов, что ставит под угрозу, существующую финансово-экономическую и военно-политическую систему в мире, которую контролируют США, что неизбежно приведет к радикальным внутренним потрясениям.

Таким образом, вторая половина 2020-х годов будет сменой не только внешнеполитических, но и внутриполитических парадигм в мире.

Подобное развитие событий будет иметь, неизбежным своим следствием, радикализацию политики правящих кругов США, которые будут стремиться сохранить сложившийся статус-кво в мире силовыми средствами, не взирая, на объективные процессы, идущие в мире. Направление этой достаточно радикальной смены внешнеполитического курса будет иметь, прежде всего, антироссийский характер. Представляется маловероятным, чтобы противоборство западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, кроме российской, перешло из враждебной в вооруженную стадию до 2021 года в силу нескольких причин, из которых наиболее важными будут следующие:

— наиболее мощные, альтернативные западной ЛЧЦ, центры силы не будут до 2021 года обладать сколько-нибудь достаточной военной мощью, а исламская ЛЧЦ, разделенная на суннитскую и шиитскую ветвь, во многом будет контролироваться США;
— ни китайская, ни индийская ЛЧЦ, которые постепенно становятся сопоставимыми с западной ЛЧЦ, не будут в среднесрочной перспективе оспаривать первенство последней. Их стратегия во многом предопределяется созданием собственного цивилизационного окружения (включая и элементы западной ЛЧЦ);
— другие порождающиеся центры силы в среднесрочной перспективе не будут в состоянии противостоять западной ЛЧЦ;

— единственный центр силы, который уже заявил о своей самостоятельности и готовности защищать свою систему ценностей, — российская ЛЧЦ, которая вступила фактически в стадию конфронтации и силового противоборства. Соответственно и сценарий противоборства западной и российской ЛЧЦ уже начал реализовываться и получать своё развитие еще до 2021 года. Это сценарий, условно направленный «системной и сетецентрической войной против западной ЛЧЦ», является частью более общего сценария силового противоборства между ЛЧЦ, инициированного США. Его место среди других сценариев можно обозначить следующим образом (рис. 6.3).

Рис. 6.3.

Этот глобальный сценарий противоборства между ЛЧЦ — наиболее вероятный сценарий развития МО после 2021–2022 годов, он может развиваться по нескольким вариантам в зависимости от конкретных политических и иных условий, сложившихся к началу этого периода. Как минимум, можно выделить несколько групп различных вариантов этого сценария развития противоборства между ЛЧЦ в МО до 2021–2022 годов, который в настоящей работе

условно называется «Сценарием развития МО «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций»[127]. Эти варианты одного и того же сценария отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы.

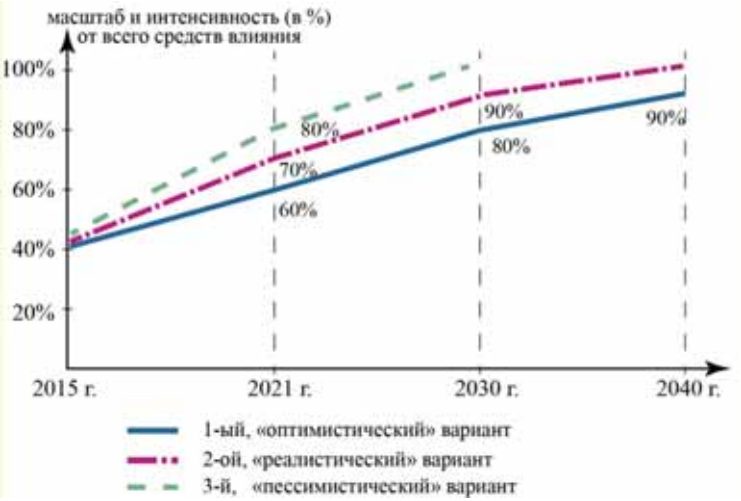


Рис. 6.4. Основное отличие вариантов сценария развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство ЛЧЦ» в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств влияния западной ЛЧЦ

Как видно из рисунка 6.4, до 2021 года прогнозируется усиление силового фактора во всех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте отношений между западной и рос-

[127] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 51–76.

сийской ЛЧЦ, уже в настоящее время. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не только в ближнесрочной (2015–2016 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2022 гг.) перспективе.

Говоря об этих вариантах одного и того же глобального сценария, следует иметь в виду, что, во-первых, еще до начала его полномасштабной реализации в 2021–2022 годах военная сила уже стала неотъемлемой частью сетевой внешней политики и сетецентрической военной политики западной ЛЧЦ, т.е. ее современным атрибутом и элементом современного сценария развития МО, а, во-вторых, любой из вариантов (как указанных ниже, так и возможных других) будущего сценария МО после 2021–2022 годов неизбежно будет опираться на военную силу и ставку на военно-техническое и технологическое превосходство западной локальной ЧЦ.

Таким образом, налицо очевидное противоречие меду объективным ходом мирового развития, который ведет к неизбежному краху монополии западной ЛЧЦ на власть и ее финансово-экономической системы, с одной стороны, и усилением силовых и военных компонентов (на фоне общего падения влияния) в политике западной ЛЧЦ, с другой.

Такие противоречия, как показывает мировая история, как правило, ведут к региональным и даже глобальным войнам между ЛЧЦ и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций.

Представляется, что противоборство между ЛЧЦ до 2021 года в мире как уже говорилось выше, будет происходить в самых разных формах, пропорциях и областях, отличаясь следующими основными особенностями:

— силовое противоборство между большинством ЛЧЦ будет исключать, как правило, прямое использование военной силы, как минимум, до 2021 года. Это объясняется, прежде всего, безусловно сохраняющимся в настоящее время и в ближайшей перспективе военным

превосходством западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ. Как известно, войны и конфликты между государствами начинаются тогда, когда есть сомнения относительно соотношения сил и возможностей победы. Когда же очевидно превосходство одной из сторон, то войну начинать, как минимум бессмысленно, а, как максимум, — опасно.

Это общее правило, однако, стало видоизменяться в XXI веке, когда появились «ассиметричные» войны и войны с «облачным противником», а именно, когда изменились традиционные условия и правила войны. В таких новых войнах, когда противником государства выступает неоформленная до конца политическая сила, а война ведется нетрадиционными средствами и способами, равенство военных сил уже не имеет принципиального значения. Никто не задавался, например, сравнением соотношения сил правительства Сирии и ИГИЛ, или ХАМАЗ и Израиля.

Это общее правило также не относится к военному противоборству между западной и российской ЛЧЦ, которое уже инициировал Запад, во втором десятилетии XXI века и которое будет развиваться и дальше, приобретая все более отчетливые формы военного конфликта[128].

— силовое противоборство между ЛЧЦ будет усиливаться, перерастая в военно-силовое, а механизмы — международно-правовые и переговорные — обеспечения международной безопасности ослабевать в силу их одностороннего использования западной ЛЧЦ. Иначе говоря, по мере усиления со стороны западной ЛЧЦ ставки на военную силу и неизбежно вытекающей из этого политики девальвации значения международных институтов, сложившаяся международная система безопасности после Второй мировой войны окончательно прекратит

[128] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 139.

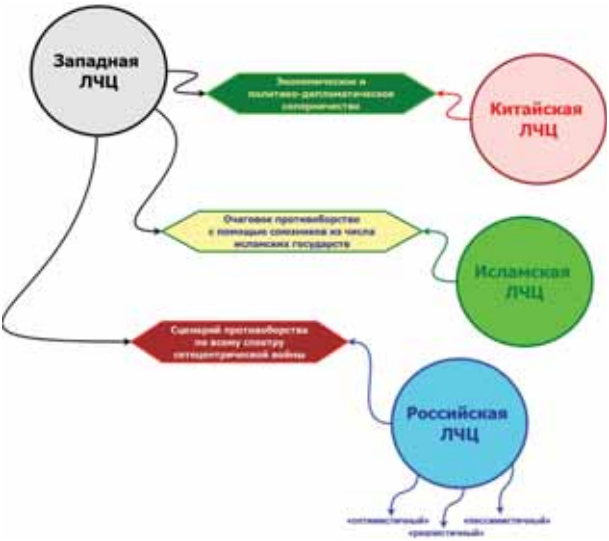


Рис. 6.5. Логическая схема наиболее вероятного сценария развития МО и его основных вариантов в среднесрочной перспективе до 2021–2025 гг.

свое существование. Она будет заменена военно-силовой системой, создаваемой США на основе западной ЛЧЦ и существующих у нее механизмов — НАТО, союзов и двусторонних договоренностей.

На фоне слабеющего объективного влияния западной ЛЧЦ (которая борется за его сохранение с помощью военной силы в настоящее время) происходит объективное усиление влияния других ЛЧЦ, прежде всего, китайской, исламской, а затем и индийской, чьё влияние в долгосрочной перспективе должно быть не только сопоставимым, но и сравнимым. Как уже говорилось выше, когда влияние западной ЛЧЦ в мире сократится до уровня ниже 50 %, неизбежно наступит кризис не только во внешней политике США, но и всей финансово-экономической и военно-политической системы западной ЛЧЦ.

Отсюда ключевое значение в настоящее время и в среднесрочной перспективе следует уделить темпам падения (роста) влияния западной ЛЧЦ, которая начала активно бороться силовыми средствами за сохранение своего влияния в мире перед лицом опасности усиления влияния российской, китайской, исламской и других ЛЧЦ;

— в отношениях между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ и странами будет нарастать процесс «управляемого хаоса», который обязательно необходим западной ЛЧЦ с целью не допустить как укрепления существующих относительно независимых институтов международной безопасности, так и появления возможных антизападных союзов и коалиций.
— западной ЛЧЦ объективно потребуется устранить до 2021–2030 гг. единственное препятствие, мешающее сохранению её контроля в мире — российскую ЛЧЦ, что делает силовой конфликт неизбежным.

Различия между этими тремя вариантами одного и того же сценария будут заключаться в значении, масштабах использования, интенсивности и некоторых других характеристиках использования военной силы. В этой связи, целесообразно точнее рассмотреть эти варианты.

Вариант № 1 («оптимистический»). Усиление начавшейся во втором десятилетии XXI века сетецентрической глобальной войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ в рамках сложившейся в это время парадигмы МО и ВПО, предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности военно-политическими и военно-техническими средствами, девальвацию международных институтов безопасности и их вытеснение коалиционными институтами (ООН и ОБСЕ, например, Евросоюзом и НАТО), а также создание новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики.

Этот вариант, в частности, предполагает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов, с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетецентрические методы ведения вооруженной борьбы. Можно констатировать, что этот вариант начал реализовываться в 2013 году. Сочетание усиления силовых мер, сворачивание сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное противостояние в 2013–2015 годы отчетливо характеризуют этот вариант.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария развития МО (который мы уже назвали сценарием «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций»), может прогнозироваться из сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-е годы XXI века, ограничивающих собственно вооруженные (но не силовые) способы политического воздействия, а именно:

— сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
— успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;
— нарастанием противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего, исламской, китайской и латиноамериканской;
— успехами в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе, до 2021–2022 годов, когда указанные выше и другие тенденции в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет, в полной мере, подготовиться к новому этапу и сценарию развития МО, в т.ч. в военно-технической области. Что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот

«оптимистический» вариант сценария развития достаточно вероятным. Такую вероятность этого «оптимистического» варианта сценария МО можно оценить после 2021 года в 35–40 %.

Вариант № 2 («реалистический»). Переход сетевой и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей парадигмы на парадигму открытого военного противоборства (возможную даже еще до 2021–2022 гг.). По сути дела этот вариант предполагает открытую глобальную войну, ограниченную отдельными ТВД, средствами и способами ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы. Исторического аналога в настоящее время не существует. С некоторой долей условности можно привести в качестве примера Вторую мировую войну на ее начальной стадии (от войны 1936 г. в Испании, 1939 г. в Финляндии и Польше).

Реалистичность этого варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций» после 2021–2022 годов во многом предопределяется не только развитием тенденций, указанных для Варианта № 1, но и силой существующей инерции во втором десятилетии, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек.

Реализация Варианта № 2 до 2021 года требует, если не признания публично новой парадигмы в международных отношениях, основанной на праве силы, то молчаливого согласия, что будет одновременно означать крах сложившейся правовой и политической системы в области международной безопасности. Такое достаточно циничное признание потребует, не менее цинично, публичной дискредитации международных институтов, норм и права, которые пока что необходимы западной ЛЧЦ в ее системной борьбе за сохранение мирового контроля, а также времени для внедрения новой системы ценностей, норм и правил.

Этот процесс, начавшийся с войны, в 1991 году, в Ираке, во многом фактически завершился к 2015 году, но для его публичной легитимизации потребуется еще какое-то время. Есть основания полагать, что этот процесс будет ускоряться, но получит окончательное завершение только к 2021–2022 годам, когда новые представления о международных нормах и правилах, и институтах получат свое публичное закрепление.

Для России этот наиболее «реалистичный» вариант сценария развития МО — самый опасный. Он позволяет США и их союзникам:

— использовать свое колоссальное экономическое, информационное, коалиционное, научно-техническое и военное превосходство практически без ограничений в глобальном масштабе системным (политическим и сетецентрическим (военно-техническим) образом, требуя от России ограничений в области международной и внутренней политики;
— на каждом из этапов возможной эскалации конфликта подвергаться наименьшему риску и обладать наибольшими возможностями для его эскалации;
— постепенно ограничивать возможности России в коалиционной деятельности, подвергая ее изоляции и мешая появлению потенциальных союзников;
— угрожать внутриполитической стабильности, посредством системного воздействия на формирование альтернативы суверенной политике внутри страны;
— создавать серьезные социально-экономические трудности в развитии, консервируя отставание и внешнюю зависимость от импорта товаров, технологий и услуг.

После 2021–2022 годов этот вариант сценария развития МО, вероятность которого оценивается в 50 %, неизбежно перерастет в прямое глобальное военное противоборство с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено постепенно

в 2015–2021 годах эскалацией вооруженного и силового противостояния по известной схеме «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, а его прототипом является модель военной коалиции, апробированная против Афганистана, Югославии и Ирака.

Вариант № 3 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО и ВПО уже до 2021–2022 гг. и угрозу перехода к глобальной войне после 2021 года, не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ведения войны. Огромные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, которые могут привести к нейтрализации российских СЯС ответного удара.

Таким образом, наиболее вероятный из всех возможных сценариев развития МО до 2021–2022 года, это сценарий «Глобального военно-силового противоборства локальных человеческих цивилизаций», который будет реализовываться в нескольких вариантах (формах сетецентрической войны): «оптимистическом», «реалистическом», «пессимистическом», самые общие характеристики которым были даны выше, а их вероятность оценивается соответственно в 35–40 %, 50 %, 10–15 %. Сказанное означает, что при подготовке ответных мероприятий необходимо ориентироваться на неизбежное военное и иное противостояние, которое произойдет уже в среднесрочной перспективе. Это означает, что необходимы срочные мобилизационные меры общенационального масштаба, включающие изменения в управлении государством и его экономикой.

Сказанное выше означает, что огромное количество (по сути дела неограниченное) сценариев развития МО уже после 2021–2022 годов (которые мы называем как «теоретически возможные»), в итоге сводятся к одному наиболее вероятно-

му сценарию «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в его наиболее вероятных трех вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом».

В стратегическом прогнозе отчетливо рассматриваются несколько степеней вероятности их реализации. Как минимум, можно выделить следующие:

— теоретически возможные сценарии развития МО;
— возможные сценарии развития МО (для реализации которых есть некоторые основания);
— вероятные сценарии развития МО (которые имеют множество оснований для реализации);
— очень вероятные сценарии (сценарии, имеющие все основания);
— неизбежные сценарии развития МО (которые имеют фундаментальные основания, которые невозможно предотвратить).

Диапазон наших исследований колеблется от группы «возможных» до группы «вероятных» сценариев развития МО, заведомо исключая, как «теоретически возможные» (которые не имеют практического значения), так и «неизбежные» (которые, учитывая субъективность МО не существуют). Поэтому вероятность развития того или иного сценария или его варианта мы можем экспертно оценить количественно по шкале от 1 до 10 баллов — «теоретически возможный сценарий» и 80–90–100 баллов — «неизбежный сценарий» развития МО.

Количественная оценка вероятности реализации того или иного сценария развития МО

Теоретически возможные сценарии	Возможные сценарии	Вероятные сценарии	Очень вероятные сценарии	Неизбежные сценарии
1–10	10–20	20–60	60–90	90–100

Естественно, что нас интересуют, прежде всего, вероятные и очень вероятные сценарии развития МО, к которым предстоит готовиться практически, но необходимо иметь ввиду и то, что категории «возможные» сценарии имеют значение потому, что они достаточно быстро могут превратиться в категорию «вероятных» сценариев и даже «очень вероятных» сценариев.

По этой шкале, например, в середине 2015 года перспектива развития сценария МО «Глобальное военно-силовое противоборство» на 2015–2021 годы рассматривается как «вероятное», после 2021 года, как «очень вероятное», а после 2030 года как «неизбежное».

Невозможно рассмотреть все теоретически возможные сценарии развития МО — от гипотетического сценария «внеземного вторжения» до не менее гипотетического сценария «вечного мира» или «экологической катастрофы» что отнюдь не говорит, однако о том, что нет необходимости мониторить их развитие. Совсем наоборот: учитывая неизбежную смену парадигмы развития человечества после 2021 года, необходимо очень внимательно следить за эволюцией всех сценариев. Вместе с тем, мы должны изначально сосредоточить основное внимание, прежде всего, на одном, наиболее вероятном, сценарии развития в его трех возможных вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом».

Сказанное означает, что к началу возможного нового этапа развития человечества после 2021 года, который будет означать смену парадигм в международной области:

— окончательно закончится формально «мирный» период в отношениях между российской и западной локальными цивилизациями (который в действительности означает просто скрытую фазу всей начавшейся между ними войны), а также возможно другими ЛЧЦ.

Ограничение этой формально мирной фазы 2013–2021 годами достаточно условно потому, что еще до 2013 года

эта скрытая фаза была тщательно замалчиваемой международной реальностью, которую после 2013 года игнорировать уже было просто невозможно, хотя ее «миролюбивые» трактовки по-прежнему продолжали существовать;

— к 2021–2022 годам завершится, в основном, военно-техническая подготовка западной ЛЧЦ к глобальной войне, т.е. будут полностью развернуты наиболее эффективные виды и системы оружия. Основные циклы — появление идеи — ТЗ — НИОКР — создание опытных образцов — испытание — уже завершаются, что говорит о том, что их полномасштабное производство может быть организовано в короткие сроки. Прежде всего, речь идет о ВТО — крылатых ракетах всех типов базирования, чья численность может превысить 20 тыс. ед., развернутых в основном по регионам, широкомасштабной системе ПРО и т.д.

Наиболее вероятные концепции использования технологического превосходства в ходе глобальной войны просматриваются уже сегодня. Это концепции глобального разоружающего удара, ведения глобальной войны с помощью воздушно-космических средств (прежде всего ВТО), создания эффективной глобальной системы ПРО и т.п. Суть их — не зависимо от названия и терминологии — одна: дать возможность США в глобальном масштабе по своему выбору использовать военную силу в прямой или косвенной форме в качестве политического инструмента без высоких рисков и масштабных издержек;

— завершится окончательное формирование военной коалиции, состоящей не только из стран-участниц НАТО, но и двух «суперблоков» — ТТП и ТАП, а также оформления целой серии двусторонних соглашений. К этому времени западная ЛЧЦ сможет представлять из себя вполне единую военно-политическую коалицию, которая объединена не только общей системой ценностей,

интересов и целей, и единой системой управления, но и концентрирует основные ресурсы планеты, способные обеспечить достижение этих целей. Такая глобальная коалиция по оценкам западных экспертов, сможет под контролем США обеспечить западной ЛЧЦ сохранение существовавшего до 2020-х годов в мире статус-кво, правил, норм международного права и порядка на долгосрочную перспективу[129].

— до 2021–2022 годов западной ЛЧЦ удастся внести с помощью стратегии «управляемого хаоса» разлад и дезинтегрировать ряды возможных противников, а другие страны — шантажировать подобным возможным развитием событий. Речь идет не только о России, но и Венесуэле, Ираке, Бразилии, Китае, Индии. По аналогии с Ираном, Ираком и Египтом такая стратегия должна серьезно ослабить ряды потенциальных оппонентов, которых отличала от других стран некая большая свобода в политике и более широкое восприятие государственного суверенитета. К 2021–2022 годам должна быть сформулирована ясная альтернатива: либо следование курсу США, либо неизбежная конфронтация и поражение.

Решение этих задач позволит западной ЛЧЦ подготовиться к неизбежному наступлению такого периода в начале 20-х годов XXI века, когда объективно закончится важный этап ее абсолютного политического господства. Это будет означать одновременно завершение целого периода международных отношений, продолжавшегося последние столетия, — безусловного объективного доминирования Запада и западной ЛЧЦ в политической и экономической жизни планеты. Фактически можно говорить о переходе междуна-

[129] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

родных отношений к новой парадигме мирового развития, переоценке всех базовых положений, сложившихся в политике, экономике, социальной жизни и науке о современной миросистеме[130]. Одним из последствий станет неизбежная потеря Западом монопольного контроля над мировыми процессами к началу 20-х гг. XXI века, который может сохраниться в будущем только с помощью военной силы.

Важнейший вопрос заключается в том, что будет после ликвидации абсолютной монополии на контроль Запада и какие конкретно действия, прежде всего, в военной области, Запад предпримет для сохранения, если и не абсолютного, то значительной части такого контроля? Иными словами, какие силы и каким образом будут влиять на будущую МО и сценарии ее развития. Именно эти базовые факторы развития человеческой цивилизации к началу 2020-х годов XXI века лягут в основу наиболее вероятного сценария развития МО, который будет доминировать в последующие годы. Этот базовый сценарий условно сегодня уже можно назвать «Сценарием глобального силового противоборства» в его наиболее реалистическом варианте сценария «Глобальной сетецентрической войны западной ЛЧЦ»[131].

Системность внешней политики предполагает такой способ организации всех возможностей нации, общества, государства и союзников, который резко повышает её эффективность для достижения поставленных целей. Этот подход предполагает, что такая политика:

— обладает целостностью, позволяющей говорить о ней как о едином целом. Это означает, что экономическая политика не может противоречить дипломатии,

---

130 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014. С. 5.

131 Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

а военная политика — культурной, информационной, образовательной и т. Не может быть внешней политики «Газпрома» или Минобороны, как и Центрального банка или Минобразования, хотя в России это и имеет иногда место;

— иерархичностью, подчиненностью отдельных элементов другим, более высокого порядка. Применительно к США это означает, что «политика» МО, ЦРУ, корпораций и т.д. подчинена политике Государственного департамента;
— структуризацией, т.е. функционирование всей политики обеспечено действием всей структуры, а не ее отдельных элементов;
— множественностью всех элементов политики — от гуманитарных до военных, экономических, дипломатических и др.
— системностью, т.е. внешняя политика обладает свойствами всей системы, а не ее отдельных элементов.

Есть все основания полагать, что западная ЛЧЦ во главе с США готовится силовым образом не допустить дальнейшего развития набирающих силу объективных изменений в мире уже сегодня и готовится к неизбежной решительной вооруженной борьбе в будущем[132]. Для этого предполагается интегрировано, системно и по сетевому принципу, использовать несколько частных стратегий: внешнеполитических, социальных, военных, объединенных в единую военно-политическую, стратегическую систему под названием «сетецентрическая война». Эта «сетецентрическая война» означает, что для главной политической цели (сохранения контроля западной ЛЧЦ над мировыми процессами) используется максимально широкий набор задач, решение каждой из которых предполагает реализацию частной стратегии в тесной

[132] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

взаимосвязи с другими задачами и стратегиями. Так, решение демографической задачи в США, например, предполагается не только во взаимосвязи с миграционной политикой («лучшие мозги — США»), но и во взаимосвязи с внешней, научной, военной и культурной политикой, задачей которых будет содействие «утечке мозгов в США».

«Системность» в социально-политической области и «сетецентричность» в военно-технической представляют собой два важнейших принципа долгосрочной единой стратегии США, суть нового подхода к развитию МО. Подобный системно-политический подход США, безусловно, оправдан. Он гарантирует высокую степень эффективности управления всеми стратегиями, т.е. системность, для достижения наиболее приоритетных целей, а также позволяет действовать с опережением: каждый раз, принимая решение, руководство США обеспечено информацией раньше, полнее и точнее. Особенно в связи с тем, что такой подход ориентирован на максимальную координацию и консолидацию всех национальных ресурсов (и в еще большей степени ресурсов союзников) ради достижения глобальной цели в долгосрочной перспективе. Его эффективность особенно ясно видна на примере политики США по отношению к Украине, которая, как сегодня видно:

— имела долгосрочный, последовательный и ясно сформулированный целевой характер — не допустить интеграции РФ и Украины, усилить позиции США на постсоветском пространстве, а в идеале — создать «проблемную зону» для России;
— носит системный характер, когда стратегия в области образования, например, ясно интегрирована со стратегией развития институтов гражданского общества, отношением к контролируемым США политическим и финансовым институтам Украины и др. элементам американской политики;

— имеет четкую координацию с другими направлениями внешней и военной политики США, например, в отношении РФ, ЕС, НАТО и т.д.
— сочетается с использованием силовых и даже вооруженных компонентов американской политики с несиловыми, гуманитарными и другими элементами политики США.

Системно-политическая и сетецентрическая стратегия США по отношению к Украине в 1990–2015 гг.

Главная цель:	Превращение Украины во враждебное России государство	
Основные задачи американской политики:	**В области образования:**	создать поколение враждебно относящихся к русской системе
	В области культуры:	провести смену системы ценностей и национальную самоидентификацию
	В области социально-политической:	создать соответствующие государственные, общественные и политические институты враждебные России
	В финансово-экономической области:	сделать максимально зависимой экономику и финансовую систему Украины
	В военной области:	провести мероприятия по развалу армии и силовых институтов
	В других областях:	сделать все возможное для десуверенизации Украины и превращения ее в зависимое от США государство

Достижение этой цели и решение частных задач на Украине должно привести к возникновению очага напряженности

на протяжении всей 2000 километровой границы с Россией, а также созданию максимально враждебной России внешней среды при минимальных рисках и издержках США.

Начальный этап этой войны против России уже в самом разгаре, но его апогей наступит именно после 2021–2022 годов, когда смена старой парадигмы МО вызовет уже не локальное, а масштабное использование военной силы. Эта смена парадигм неизбежно приведет к появлению нового варианта враждебного сценария развития международной обстановки, вероятность которого представляется не просто очень высокой, но даже единственно возможной. Сегодня можно выделить несколько основных очевидных особенностей этой сетецентрической войны, подтверждающих эволюцию МО в этом направлении, о которых речь пойдет ниже, в частности:

— происходит ускоренное формирование новых союзов и военно-политических коалиций («обновление союзов», как говорит Б. Обама), под эгидой США, объединяющих основные ресурсы ведущих стран мира;
— усиливается акцент в политике и экономике на сохранении лидерства в технологической и военно-технической области, а также в качестве ВиВТ, Соединенных Штатов и их ближайших военно-политических союзников;
— особенное внимание уделяется максимальной интеграции всех усилий западной ЛЧЦ для оказания эффективного системного военно-силового воздействия на потенциального противника;
— ведется настойчивая борьба на предотвращение создания возможных новых союзов и коалиций направленных против западной ЛЧЦ. Болезненная реакция США на БРИКС, ШОС, ОДКБ, ТС и любые интеграционные институты каждый раз подтверждает это, даже если в них и участвуют представители западной ЛЧЦ (как это было с инициативой КНР по созданию банка инфраструктурных проектов в Евразии);

— усиливается внимание к сохранению и превращению в открытое доминирование идеологического лидерства, включая силовое навязывание западной системы ценностей, привлекательных концепций, прогнозов, планирования и идей социального проектирования.

В этой связи огромное значение приобретает точный анализ и прогноз развития возможных сценариев развития МО и их вариантов на новых этапах существования человеческой цивилизации, когда будут доминировать уже новые парадигмы. Особенно после 2021–2022 годов, когда очень велика, даже неизбежна вероятность изменения всей парадигмы мирового развития, создание новой политической картины мира. Эти перемены в МО могут быть вполне сопоставимы с переменами после Второй мировой войны, когда появились два бесспорных центра силы в мире. Прогнозировать такую смену парадигм даже в среднесрочной перспективе (до 10 лет) крайне трудно, но необходимо.

К сожалению, современные прогнозы, включая среднесрочные и даже краткосрочные, не дают нам определенных и надежных представлений о будущем. Достаточно сказать, что широко разрекламированный в 2000 году прогноз Комитета национальной разведки США предрекал, например, к 2015 году «окончательное ослабление России и потерю ее ВС способности к эффективной обороне», а краткосрочный прогноз РАН до 2030 года, сделанный в 2013 году, предсказывал сохранение такой же стабильной ситуации в МО в 2014–2015 годах, каковой она была в 2013 году. Пока что можно говорить о том, что, к сожалению, все сколько-нибудь известные прогнозы не оправдываются даже в среднесрочной перспективе. Что отнюдь не означает того, что их не следует делать.

Совсем наоборот. Представляется, что не только потребность в таких прогнозах стремительно возрастает, но что и возможности их подготовки существенно увеличива-

ются. Рост «социального заказа «неизбежно ведет к росту интереса, методологическому и теоретическому осмыслению политических процессов и появлению прикладных методик, которые постепенно будут все более достоверными, обоснованными и имеющими практическую ценность. В нашем случае преследуется достаточно, частная задача: попытаться предложить один, наиболее вероятный сценарий (и несколько его вариантов) развития международной обстановки после 2021 года, который мог бы лечь в основу сценариев развития военно-политической обстановки и возможных сценариев развития стратегической обстановки в двадцатые годы XXI столетия.

6.2. Наиболее вероятный конкретный сценарий МО и вероятные варианты его развития после 2021–2022 годов

Для разработки стратегического прогноза необходимо теоретическое и методологическое обоснование, которое позволяет сформулировать достаточно обоснованную гипотезу, без которой прогноз, как правило, становится набором бессистемных фактов и механической экстраполяции. О такой экстраполяции можно заранее сказать, что она применима, отчасти, только для среднесрочного прогноза.

С другой стороны, теоретические обоснования должны иметь, в конечном счете, конкретное прикладное значение. Сказанное означает, что вся предыдущая теоретическая и эмпирическая информация и работа, проделанная до этого, должна быть рассмотрена исключительно в прикладном ключе, описывающем своего рода «СО международной обстановки», а именно — в конкретный период времени и применительно к конкретной стране — России. Но и в этом случае необходимо указать на теоретические и методические

основы этого конкретного анализа и прогноза. В нашем случае, прогноза долгосрочного развития МО применительно к России, мы исходим именно из того что требуется некая конкретная модель развития МО применительно к России, которая была бы вполне обоснована теоретически и методологически, и концептуально, а не являлась бы простым набором субъективно отобранных фактов.

Трудности общего долгосрочного прогноза — объективные и субъективные — известны[133], но они возрастают в еще большей степени в отношении конкретного прогноза. В частности, такой прогноз развития сценария МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу предполагает учет тысяч постоянных факторов и переменных величин. В предлагаемой модели их можно, на наш взгляд, объединить в три основные подгруппы: во-первых, подгруппу основных участников МО и показателей, определяющих темпы, характер и масштаб их развития; во-вторых, подгруппу основных международных и региональных тенденций, влияющих на формирование МО; а, в-третьих, подгруппу развития основных негосударственных акторов — участников МО как государственных международных организаций, коалиций и союзов, так и негосударственных акторов: партий, организаций, союзов и т.п.

Такая модель анализа и прогноза факторов, объединенных в эти три подгруппы, будет представлять в значительной степени результат синтеза развития этих факторов и тенденций.

В самом общем виде будущий вероятный конкретный сценарий развития МО находится под влиянием и отражает

---

[133] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

логику формирования всего процесса развития возможных сценариев МО[134]. В его наиболее вероятном варианте такой сценарий конкретизируется в одном из вариантов. Выбор такого наиболее вероятного варианта руководством страны всегда представляет собой наиболее трудное и ответственное

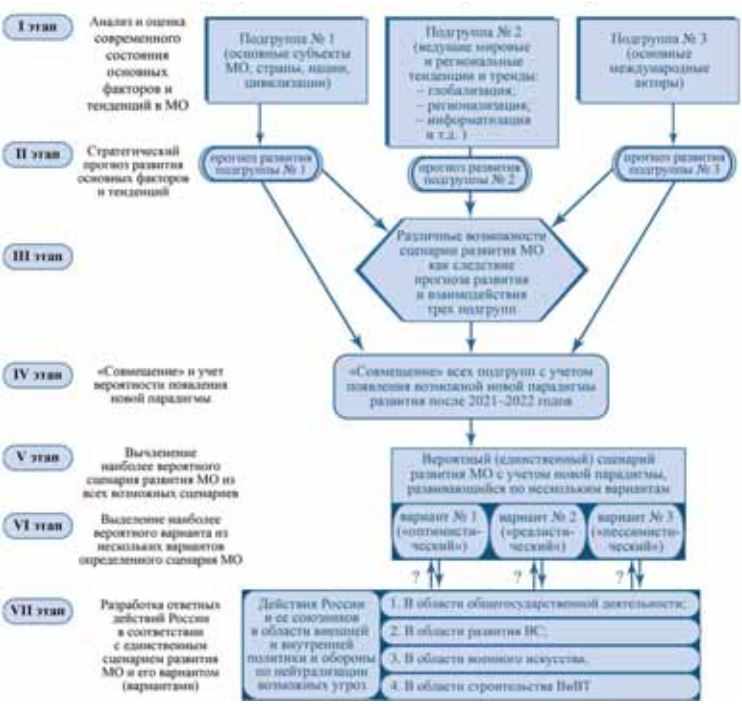


Рис. 6.6. Логическая схема анализа и прогноза влияния основных групп факторов, влияющих на формирования вероятного сценария развития МО и наиболее вероятных его вариантов

[134] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 503–692.

решение потому, что от него прямо зависит безопасность государства, темпы его развития, масштабы использования национальных ресурсов. Так, в нашем случае выбор между «оптимистическим» и «пессимистическим» вариантом одного и того же сценария будет означать выбор между 4,5 % расходами на оборону от объема ВВП и 15–20 % (т.е. милитаризацией экономики).

Как видно из логической схемы (рис. 6.6), на появление, формирование и развитие наиболее вероятного сценария МО и его вариантов (из теоретически возможных сценариев и вариантов МО), влияют, не только отдельные страны и их потенциалы (которые являются традиционно предметом основного анализа), но и глобальные тенденции, а также негосударственные акторы, прежде всего ЛЧЦ. Принципиальным для долгосрочного прогноза развития (одного или нескольких) вариантов сценария МО является анализ и попытка качественного и количественного прогноза развития факторов, акторов и мировых тенденций с последующим их совмещением («наложением») и выделением отдельных наиболее вероятных вариантов развития сценария МО.

При этом очень важно понимать, что простая механическая экстраполяция развития этих тенденций, факторов и акторов, существующих во всех трех подгруппах, в международной обстановке в 2015 году на среднесрочную перспективу не приведет даже к приблизительным результатам. Точнее — ни к чему не приведет, ибо количество этих факторов и динамика изменения переменных величин настолько велика, что вряд ли поддается точному моделированию и прогнозированию. Нужны некие новые теории, методики и модели, учитывающие качественные параметры. В частности, в этом случае возможно использование простых качественных моделей, которые иногда становятся вполне эффективным приемом. Как справедливо заметил в свое время профессор М. Хрусталев, «пытаться моделировать

интуицию — утопия. Вместе с тем моделирование необходимо — для минимизации субъективизма ученого, но лишь в сочетании с логико-интуитивным методом и как дополнение к нему»[135].

«Логико-интуитивный метод» в действительности является достаточно эффективным приемом прогнозирования как теоретически возможных, так и вероятных сценариев развития МО, если он опирается не только на огромный объем систематизированной и формализованной информации о трех основных подгруппах, факторах и тенденциях, формирующих МО, но и на качественные оценки возможного развития сценариев МО, существующих на логико-интуитивном уровне.

Другие методы прогноза, к которым, как правило, прибегают исследователи, оказываются менее эффективными. Так, малоэффективна механическая экстраполяция военной мощи как преимущественный результат производства ВиВТ (которая является основным современным методом оценки военной мощи), потому, что в планы производства и создания, существующих и новых систем ВиВТ неизбежно будут внесены коррективы, а иногда и принципиальные изменения.

Даже уже существующие системы ВиВТ, как правило, глубоко модернизируются в течение 30 и даже более лет (вертолеты МИ-8, истребители СУ-27, танки Т-90 и т.д.), что в действительности превращает их в качественно новые системы ВиВТ. Более того, меняется (иногда качественно, в десятки раз) не только качество, но и количество ВиВТ. Так, например, оценивая ВПО для СССР и ОВД в 1985 году, никто не предполагал, что всего через 6 лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более никто не предполагал, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой достаточно современной на то время военной

---

[135] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 6.

техники будут уничтожены, а создание новых образцов ВиВТ в России будет прекращено на долгие годы, даже десятилетия.

Более современной пример можно привести из экономической области: формируя российский бюджет в 1999 году, мы исходили из цен на нефть в 17 долл. за баррель (которые просуществовали, в действительности, в диапазоне 17–27 долл. 4 года, до 2003 года), однако уже через 9 лет они превысили 90 долл. за баррель[136]. При этом как добыча, так и продажа нефти устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и увеличению в 10 раз (!!!) доходной части бюджета, включая оборонный, который в итоге также вырос более чем в 10 раз. Если бы в 1999 году использовался метод экстраполяции, то самый позитивный прогноз роста военных расходов РФ на 2015 год вряд ли превысил бы 20–25 %, хотя в действительности он составил 1500–2000 %

Эти и другие примеры говорят о том, что военное планирование на долгосрочную перспективу, основанное только на простой экстраполяции в развитии ВиВТ, малоэффективно, хотя, видимо, и неизбежно в отдельных стратегиях развития вооружений. Необходим системный, многофакторный анализ и прогноз развития не только наиболее вероятных сценариев международной и военно-политической обстановки, но и вычленение достаточно широкого спектра всех возможных сценариев и их вариантов развития МО, если речь идет о долгосрочной перспективе. Таких возможных сценариев, а тем более их вариантов, теоретически может быть достаточно много, хотя в итоге все-таки должен остаться один, наиболее вероятный. Желательно именно тот единственный, который и будет реализован.

Следует четко разграничить, в стратегическом прогнозе сценария МО, возможные и вероятные сценарии развития МО для того, чтобы полноценно и масштабно проанализи-

---

136 *Konachlick W.* Russia`s Best Ally // OSW, 2014. P. 6.

ровать отдельные, наиболее вероятные сценарии (допустим, по 10 000–15 000 факторам), но и не игнорировать возможные сценарии развития МО (проанализированные, допустим, по 100 факторам), что позволило бы мониторить их состояние и держать в поле зрения динамику их развития. Логическая схема такого подхода к анализу и прогнозу возможных и вероятных сценариев МО на перспективу после 2021–2022 годов может выглядеть следующим образом[137].

Рис. 6.7. Возможные и вероятные сценарии развития МО после 2021 года

Таким образом, практически представляется возможным и необходимым вычленение одного наиболее вероятного сценария развития МО и нескольких их вариантов, которые могут быть полезными для стратегического прогноза, формирования и уточнения планов обороны

[137] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 639–777.

страны, развития ее военной организации и формирования оборонного заказа на долгосрочную перспективу. Именно один из них потом и станет реальностью. В нашем случае таким наиболее вероятным сценарием развития МО является сценарий растущего «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который применительно к России приобретает форму военно-силового противоборства с западной ЛЧЦ в трех вероятных вариантах — «оптимистическом», «реалистическом», «пессимистическом». Для практического обеспечения безопасности государства и планов его оборонного строительства, подготовки всей военной организации страны принципиальное значение имеет не только наиболее вероятный сценарий развития МО, но и его наиболее вероятные варианты, в которых этот сценарий конкретизируется.

В нашем конкретном случае мы остановились на том, что наиболее вероятным сценарием развития МО является сценарий «Глобального противоборства западной и российской ЛЧЦ». Этот сценарий, во-первых, уже приобретает форму сетецентрической войны, а, во-вторых, может быть реализован в одном из трех, либо в каком-то еще, например, гибридном четвертом, варианте.

Представляется, что признание этого сценария в качестве наиболее вероятного может внести существенные коррективы в уже утвержденные сегодня планы военного строительства в России до 2021–2022 годов, а также может их изменить достаточно радикально на период после 2021–2022 годов. В мировой истории подобное происходило и происходит не раз. Причем менялся не только характер сценария развития МО, но и его направленность, а тем более менялась в течение года направленность развития ВПО (достаточно вспомнить канун Второй мировой войны, когда Германия, Великобритания и Франция превращались в течение года из союзников во врагов СССР и наоборот).

Таким образом, в течение короткого периода времени характер сценариев МО и особенно ВПО может радикально измениться, хотя соотношение сил и потенциалов противостоящих сторон за этот же период времени изменится незначительно, либо даже вообще останется на прежнем уровне.

Таким образом, в качестве единственного вероятного сценария будущего развития МО предлагается гипотеза неизбежности развития глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ, которая после 2021 года будет реализовываться в трех вероятных вариантах — «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом» — в зависимости от роли, масштабов и способов использования военной силы. Модель такой гипотезы в упрощенном виде представляет собой следующую картину (рис. 6.8).

Рис. 6.8. Модель гипотезы сценария развития МО «Глобальное военно-силовое противоборство западной локальной цивилизации» после 2021 года

Следует отметить, что во всех четырех сценариях отношений западной ЛЧЦ усиливается силовой и военно-прикладной компонент, доля которого среди других средств взаимодействия неуклонно растет. В последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой

и средней интенсивности, которые несут в себе не только потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты. Так, в докладе немецкого института «Глобальный барометр. 2012» отмечаются следующие тенденции[138].

Рис. 6.9. Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 год

По сути дела современная политика в Евразии это больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, приобретающее силовые черты, а не простое соперничество государств, о котором в свое время говорили достаточно много[139].

Не случайно и то, что конфликты высокой интенсивности «растут медленнее», чем другие конфликты. Военные

[138] Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. P. 2.

[139] *Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М. : МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 22.

и экономические риски становятся в XXI веке слишком высоки. Поэтому, предпочтение отдается «гибридным» войнам — прежде всего, сетевым и сетецентрическим, когда собственно агрессор скрывается за спиной управляемых им субъектов МО — как государств, как и негосударственных акторов.

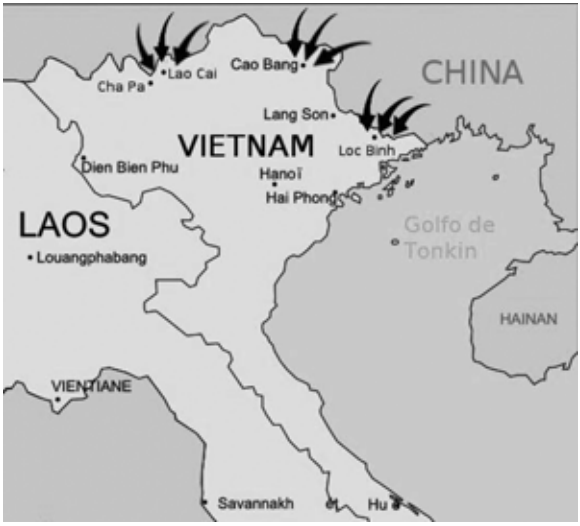
Сказанное означает, что изменение сценариев или вариантов развития МО имеет для ВПО и планов военного строительства очень важное, даже приоритетное значение, ибо отражает коренные изменения не только в фундаментальном характере МО и ВПО, но и в военной организации, военном планировании и военном строительстве. Такие изменения можно отчасти предусмотреть и даже запланировать, если внимательно анализировать эволюцию развития МО, а также пытаться прогнозировать ее последствия.

Не случайно в феврале 2015 года Б. Обама, презентуя конгрессу США новый вариант Стратегии национальной безопасности, подчеркнул смещение акцентов в военной политике страны с сухопутных крупных операций на другие формы использования военной силы: неудачи в военной области потребовали корректив во внешнеполитической стратегии. Это — пример того как не только изменения в МО воздействуют на ВПО, но и наоборот — изменения в ВПО и даже СО влияют на международную обстановку в глобальном масштабе.

Вот почему необходимо тщательно следить за эволюцией других возможных сценариев развития МО, которые неожиданно могут превратиться в единственный вероятный сценарий, конкретизированный к отдельной стране

Более того, как показывает история, мы не можем даже категорически точно прогнозировать развитие отношений между государствами с близкими социально-политическими системами. Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму много лет в войне с США, уже через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную операцию.

И если бы не мощная ПВО Вьетнама (созданная при помощи СССР) и не реакция Москвы, неизвестно, чем бы эта война закончилась[140].



Сегодня как-то стараются забыть и о советско-китайском конфликте 1968 года на о. Даманском, хотя за несколько лет до этой войны русские и китайцы были «братьями навек»[141].

Бой 2 марта не имел аналогов в мировой истории и даже вошел в энциклопедию «Великие битвы и сражения XX века»: 30 советских пограничников, вооруженных в основном автоматами и пулеметами, разгромили усиленный артиллерией батальон (500 человек) китайцев, убив при этом 248 солдат и офицеров противника…[142].

---

140 *Канчуков С. А.* Годовщина начала 1-й социалистической войны / http://blogs.yandex.ru

141 *Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М. : МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 23–24.

142 *Плугатарёв И.* Оружейные дебюты Даманского / журнал «Оружие». 2006. № 10 / http://topwar.ru

Примечательны в этой связи три черты, три особенности, выделяющие китайско-вьетнамский и китайско-советский конфликты.

Первая. Быстрое изменение политической ситуации привело к масштабным боевым действиям, хотя у противников была «прочная» дружеская политико-договорная основа.

Вторая. Потери сторон разительно (1:10) отличаются в пользу стороны, обладающей наивысшим человеческим потенциалом и качеством вооружений.

Третья. И в первом, и во втором конфликте решающую роль сыграли средства ПВО, которые не допустили господства в воздухе противника.

Отсутствие долгосрочной евразийской стратегии России тем более опасно, что по отношению к постсоветскому пространству все отчетливее ощущается внешнее неоднозначное влияние и даже силовое давление. Это опасно недооценивать, хотя бы потому, что формирование российского этноса и евразийская интеграция объективно будут находиться под влиянием негативных внешних факторов. Прежде всего, позиции США, которая может сыграть свою роль в конкуренции суперэтносов на евразийском пространстве, что может привести к размыванию российского этноса, ослаблению его влияния и, в конечном счете, вытеснению другими, прежде всего, западноевропейским, китайским и исламским этносами[143]. Применительно к России, например, это означает, что нельзя полностью исключать такого положенния, когда сценарий развития МО будет определяться во все возрастающей степени ролью таких быстро растущих ЛЧЦ, как индийская или латиноамериканская, которые через 10–12 лет смогут внести существенные коррективы во взаимоотношения и противоборство российской и западной ЛЧЦ.

---

[143] *Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М. : МГИМО–Университет. 2014. Январь. С. 24.

Этот вывод неизбежно предполагает, что необходимо не только тщательно мониторить развитие таких возможных сценариев, но и учитывать эту возможность в планах российской внешней и оборонной политики, стратегическом планировании, а также развития ВиВТ. В частности, внести коррективы в коалиционную и военно-техническую политику России по отношению к этим ЛЧЦ, прежде всего Индии. Если Индия будет развиваться такими же быстрыми темпами, как до 2015 года (а есть и прогнозы относительно того, что в 2015–2025 годы она может развиваться быстрее других цивилизаций), то позиция Дели по отношению к противостоянию российской и западной ЛЧЦ будет иметь огромное значение. Более того, не исключение, что после 2021–2025 годов именно индийская и китайская ЛЧЦ будут преимущественно формировать международную повестку дня.

Это означает, что если сконцентрировать все усилия только на наиболее вероятных вариантах одного-двух вероятных сценариев развития МО (в нашем случае — «Сценарии глобальной сетецентрической войны западной ЛЧЦ»), то можно не заметить как один из возможных сценариев развития МО превращается в наиболее вероятный и не успеть к нему подготовиться. Так, например, сегодня в качестве возможного, но наименее вероятного рассматривается сценарий противостояния США и стран Л. Америки. Однако если допустить, что при определенных (и не столь, уж, невероятных) условиях этот сценарий станет наиболее вероятным, то для России это будет означать:

— возможность появления коалиции из двух, либо даже трех ЛЧЦ, противостоящих западной ЛЧЦ, что, естественно, коренным образом меняет всю ВПО в мире;
— необходимость определения новых внешнеполитических приоритетов и возможность поддержки одного из своих потенциальных союзников по БРИКС–Бразилии,

либо других латиноамериканских государств — Кубы, Венесуэлы, Боливии и др.;

— изменение военной политики, в частности в области строительства океанского ВМФ, что неизбежно потребует качественно нового подхода по времени и ресурсам;

— радикальные изменения в своей внешнеэкономической, военно-технической и финансовой политике и др.

Таким образом, неожиданное превращение такого сценария развития ВПО из возможного в вероятный, потребует существенных, даже радикальных изменений в Российской внешней и военной политике, а также неизбежной общественно-политической дискуссии. В настоящее время необходимость таких изменений публично не обсуждается, хотя характер современной МО–ВПО–СО за последние два года существенно изменился, что отчетливо видно на примере конфликта на Украине 2014–2015 годов.

Война на Украине в 2014–2015 годах многое охватила в готовившемся сценарии развития МО применительно к России, если отнестись внимательно к проявлениям особенностей этой войны. К сожалению, пока что весь пафос направлен на политику правящей верхушки Украины, а не на военную политику России, хотя именно этот акцент стал в 2015 году главным. Можно уже, например, говорить о том, что формирование не только ВПО, но и МО происходит с учетом и под непосредственным влиянием новейших современных реалий СО, т.е. фактически уже ведущейся против РФ сетецентрической войны. Иначе говоря, классическая формула «война — продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела. Война — не только продолжение политики, но и ее составная часть даже в относительно «мирное» время. Иначе говоря, формула Оруэлла «Мир — это война» стала реальностью.

Надо наконец-то признать тот факт, что сегодня не существует четкой грани между политикой и войной, начало

которой признается в том случае, когда войска переходят границу, захватывают территории, масштабно используют военную силу, наконец, политики объявляют войну, а дипломаты разрывают отношения. Сегодня все эти атрибуты войны существуют во время «мирного» политического процесса, когда «партнеры» ведут переговоры, продолжают сотрудничество в некоторых областях и т.д. Россия помогает сопротивлению на Украине, одновременно предоставляя кредиты Киеву и не прекращая поставки газа. Именно такой «оптимистичный» вариант сценария глобального противоборства западной ЛЧЦ с Россией представляется очень вероятным. По сути он явится пролонгацией реализуемого сегодня варианта сценария с той разницей, что элементов сотрудничества останется еще меньше, а военного противоборства — больше.

Более того, даже в рамках «оптимистичного» варианта уже сегодня, в мирное время, война и специальные операции (в том числе специально подготовленными для этого военными и гражданскими лицами другого государства), изначально планируются как часть будущей ВПО. Даже как часть внешней политики и будущий сценарий развития относительно «мирного» сценария МО. Граница между вооруженной борьбой и «просто» силовым противоборством исчезла окончательно к началу XXI века, хотя многие наши военные теоретики по традиции считают, что война это по-прежнему массированное вооруженное нападение. В этом смысле «оптимистичный» вариант сценария военного противоборства с Россией неизбежно будет более насыщен военными компонентами, чем нынешний вариант развития сценария МО, который уже характеризуется как новое издание «холодной войны».

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот

риск планируется минимизировать за счет использования вооруженных сил сателлитов, ЧВК, и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стрингеры» в Афганистане). Пример с поставками ВиВТ на Украину в 2015 году показывает только самое начало этого процесса, а отход Б. Обамы от сухопутных операций по примеру Ирака и Афганистана многое объясняет в этой стратегии.

Однако «оптимистический» вариант сценария вооруженного противоборства западной ЛЧЦ еще до 2021 года предполагает, в то же время, эскалацию военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это было во Вьетнаме, Югославии или на Украине в 2015 году. По сути дела это может быть военный конфликт на нескольких ТВД с ограниченными по масштабам использования ВС и ВиВТ.

В реальной политике война может начаться и закончиться даже без всякого массированного вооруженного нападения. И такая война даже может быть выиграна без крупных боестолкновений. Так, например, когда в Крыму и на Донбассе гражданское сопротивление власти переросло из политического противостояния в вооруженную борьбу, граница между которыми вплоть до апреля–мая 2014 года была условной. Но еще более яркий пример — «революция» в феврале 2014 года в Киеве, когда «мирные» протестующие стали убивать вооруженных солдат внутренних войск.

Позже, но «с другим знаком», ситуация повторилась в Йемене, когда изгнанный повстанцами президент (как и В. Янукович на Украине) получил легитимную силовую поддержку извне от США и Саудовской Аравии, но сам не смог оказать вооруженного сопротивления повстанцам. По сути дела военные конфликты на Украине, в Йемене, а до этого в Югославии, Ираке и в Ливии стали прообразами «оптимистического» варианта будущей войны против России.

Исходя из этого, следует изначально прогнозировать, что будущий вероятный сценарий развития МО и его варианты — от «оптимистического» до «пессимистического» — в разной степени, но будут включать в себя не просто силовые, но и обязательные вооруженные компоненты. Пока что такие компоненты вооруженной борьбы (уже существующие в реалии) не получили своих признанных в мире политических и юридических определений, хотя давно уже стали фактом. В частности, планируя развитие своего сценария МО после 2021 года, в США уже сегодня готовят не только силы и средства для поддержки гражданской проамериканской оппозиции, но и вносят соответствующие изменения в штабную структуру своих специальных сил, подготавливая, даже на самом низком звене, специалистов по связям с общественностью, кураторов оппозиции к ведению информационных и кибервойн.

Соответственно для России становится очень важным учесть эти приготовления в формирующейся СО для будущей МО. В Вооруженных Силах страны, включая специальные формирования, должны быть не только снайперы, связисты и корректировщики, специалисты по информ- и кибер- войнам, но и социологи, политологи, учителя истории, политические лидеры и общественные фигуры и т.п. Это потребует соответствующих изменений в структуре и штатном расписании штабов и боевых подразделений, подготовке соответствующих специалистов уже сегодня, сейчас. Причем в достаточно близкой перспективе можно предположить, что их роль может стать решающей, может быть более важной, чем военных. Тем более что первые симптомы заметны уже сегодня. По сути дела речь должна идти не только о новой структуре ВС и органов управления, но и серьезных изменениях во всей военной организации государства, его институтов. Эти изменения предполагают, что:

— война фактически уже идет и соответственно должно быть управление государством, фактически аналогичное

тому, какое существует в условиях военного времени, но без введения чрезвычайного или военного положения во всей стране;

— необходима политика мобилизации во всех областях — от экономики до информатики, — но без публичного и законодательного оформления такой политики;

— необходима разработка соответствующих новому характеру войны сил и средств. И не только в Вооруженных силах России, но и во всей военной организации страны.

Другая особенность будущего наиболее вероятного сценария развития МО это системность и сетецентричность управления, повышение эффективности которого в гражданской и военной области неизбежно ведет к повышению вероятности реализуемых задач. Причем это не зависит от того, по какому из вариантов будет развиваться МО. Традиционно органы управления обществом, экономикой, вооруженными силами и государством (внешней политикой, безопасностью и пр.) находятся нередко в высокой степени автономности, а иногда и независимости, нередко даже противодействуют друг с другом. Системность в государственном управлении предполагает, что не только все институты государства и общества, но и все его элементы действуют взаимосвязано, по единому плану. Аналоги такой системности управления Россией были, например, в период Второй мировой войны в СССР, когда был создан ГКО.

Сетецентричность, как технологическая платформа такого взаимодействия, обеспечивает такую синхронизацию, но для этого должны быть созданы интеграторы — средства сбора, обработки и передачи информации от высшего органа управления до самого последнего звена — человека.

Новейшие достижения в области, сбора, систематизации, анализа, передачи и обработки информации делают возможным обеспечение не только единого целеполагания, прогнозирования и планирования между всеми национальными

органами управления и компонентами, но и синхронизацию всей их деятельности в режиме on-line, что резко увеличивает эффективность управления, снижая не только временные и ресурсные затраты, но и давая возможность выходить на решение качественно новых задач.

Очевидные преимущества такого управления превращают силовое противоборство в заведомое поражение от потенциального противника, который всегда будет знать раньше, больше, полнее учитывать изменения, быстрее принимать решения и контролировать развитие ситуации. Именно эта особенность современной СО стала главной особенностью сценария развития МО и главным преимуществом США[144].

Дальнейшее развитие сценария МО предполагает, что системная сетецентрическая стратегия западной ЛЧЦ и США будет во многом определять направление и характер этого развития. В частности, если речь идет об усилении силового противоборства, эскалация которого будет носить строго дозированный, поэтапный и контролируемый со стороны США характер.

При сохранении и даже упрочении лидерства США в области сбора, обработки и передачи информации такая эскалация развития того или иного варианта сценария МО будет всегда оставлять инициативу за США, позволять им выбирать направления, время и масштабы военного использования своей мощи. Это хорошо видно на примере военного конфликта на Украине 2014–2015 годов, где инициатива всегда оставалась за США (за исключением начала вооруженного сопротивления в Славянске И. И. Стрелкова), что позволяло им осуществлять эскалацию конфликта строго под своим контролем. В частности, в рамках «мирного» развития сценария МО в 2014–2015 годах США смогли пройти все са-

---

144 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. : МГИМО–Университет, 2015.

мые мелкие ступени эскалации — от относительно мирных антиправительственных выступлений, до поставок ВиВТ, направления инструкторов и т.п. Даже мирные переговоры в Минске, где США формально не участвовали, проходили под контролем США.

Способность сохранить полный контроль над развитием конфликта является очень важным преимуществом США, которое обеспечивается политической системностью в отношении противника и сетецентрической организацией, что хорошо видно на следующем примере.

Рис. 6.10[145]. Самосинхронизация и скорость командования

Обращает на себя внимание, например, что политическая ответственность Государственного департамента США превращается в его способность не только прогнозировать и планировать политику страны, но и обеспечивать приоритеты страны с помощью других, не подчиненных ему формально ведомств — МО, ЦРУ, ФБР и др. Иными словами формирование и развитие сценария МО находится под

[145] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война / http://defense-systems/wp-content/uploads/2013/06/Savin_NCWFNW.pdf. С. 32.

системным политическим влиянием США, которое аккумулирует в этих целях все необходимые национальные и международные ресурсы — от дипломатии и информационной поддержки до открытого военного вмешательства. Конечная политическая (системная) цель обеспечена «технологически» сетецентрической стратегией использования по мере необходимости, как любых средств, так и любых имеющихся в распоряжении способов политики.

И, наоборот, российская практика говорит об обратном: системность в российской политике может обеспечить только Президент РФ и его администрация (включая Совет Безопасности), которые должны в этом случае переходить в оперативный режим работы и сохранять этот режим в течение длительного времени. Только в этом случае может быть достигнут эффект синхронизации, который позволит нейтрализовать преимущество США в инициативе развития того или иного сценария МО.

Стратегическое прогнозирование должно исходить из возможности осознанного, целевого, планового и решительного влияния субъектов МО на те или иные процессы формирования международной обстановки. В конечном счете, прогноз это то, что когда-то станет историей, а если стратегическое планирование обеспечивает влияние субъекта или актора МО на его реализацию, то вполне допустимо и даже необходимо сознательное планирование вмешательства в эти процессы. В зависимости от стратегического прогноза развития того или иного сценария (и его варианта) МО происходит сценарное проектирование военной политики субъекта МО и ВПО. Так, если ваш стратегический прогноз основывается на сценарии сотрудничества ЛЧЦ, то вы неизбежно разрабатываете планы участия в таком сотрудничестве и соответствующие решения в области стратегического планирования (поездки, заключение договоров и соглашений, участие в международных организациях и т.д.).

В нашем случае мы исходим из эволюции сценария «Глобального военно-силового противоборства», когда вооруженные методы начинают активно вытеснять из политики силовые — политико-дипломатические, экономические и гуманитарные, замещая «оптимистический» вариант сценария «пессимистическим». Такой прогноз конкретизируется и в дальнейшей эволюции характера войны и вооруженной борьбы. Соответственно собственный сценарий наших ответных действий предполагает:

— во-первых, попытку удержать развитие мирового сценария от такой эволюции в рамках существующего «оптимистического» варианта, используя для этого весь набор политических средств, имеющихся в распоряжении государства;
— во-вторых, подготовку собственного сценария, своей роли в развитии мирового сценария военно-силового противоборства, если такое сдерживание не удается.

Другими словами, мы должны исходить из вероятности того, что сценарий МО будет развиваться по «пессимистическому» варианту и иметь собственный план действий внутри этого «пессимистического» варианта. Надо отчетливо понимать, что такой «пессимистический» вариант сценария развития МО и стратегии западной ЛЧЦ имеет множество особенностей, вытекающих из характера современной войны, планов, намерений и способов действий противника. Чем глубже понимаешь суть этих особенностей, тем эффективнее будет противодействие им, тем выше шанс сохранения инициативы, а не превращения в объект политического воздействия.

В этой связи правильно привести понимание того, как видится современная война в США и как планируется ее ведение в будущем. От этого во многом и зависит то, каким образом будет использоваться оборонительный потенциал России, но — что более важно — какой потенциал нужен, для

каких целей, какого качества и в каком количестве. Принцип асимметрии при планировании — самый важный принцип, ибо он позволяет государству самостоятельно планировать свою военную политику, а не идти вслед за развитием событий.

Это очень важно иметь ввиду при формировании долгосрочных программ военного строительства, например, ГОЗ-2030, где нельзя допускать «зеркального» копирования военного потенциала противника. Так, если у США и их союзников, допустим, будет 20 авианосных группировок, то это совсем не означает, что Россия должна иметь столько же или даже 1–2. Может статься, что вообще ни одной не будет нужно.

Наиболее эффективное противодействие при реализации будущего сценария заключается в обнаружении самых уязвимых и болезненных точек противника и нанесения по ним ударов. Соответственно сценарное программирование предполагает создание для этого необходимых условий. Вот как эту ситуацию описывает американский военный теоретик Уорден: «Оказывая давление на тот или иной центр тяжести можно заставить противника действовать именно так, как задумано, что приведет к его поражению. Не обязательно полностью уничтожать вооруженные силы или инфраструктуру, нужно лишь правильно и точно рассчитать какие именно центры и в какой момент следует подвергнуть атаке.

Также интересно мнение Уордена о том, что любая страна среднего размера при поражении до 500 ее объектов может быть полностью парализована»[146].

Эта концепция, в общем, была полностью принята на идеологическом и техническом уровнях военно-политическим руководством США, что подтверждается более

[146] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 15.

поздними конфликтами с военным вмешательством США (Югославия, 1999 г.).

Однако необходимо определить, под чем конкретно в военно-политических кругах США понимаются собственно операции на основе эффектов[147].

Объединенное командование США (JFCOM) эффектом называет «физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом конкретных военных и невоенных действий», а операции на основе эффектов (ООЭ) — это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или «эффект», оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. ООЭ включает «идентификацию и боевое столкновение с уязвимыми и сильными сторонами противника объединенным и целенаправленным способом, используя все доступные средства для достижения конкретных последствий в соответствии с намерением командира». Кроме того, ООЭ направлено на «достижение желаемых результатов в будущем».

Также, согласно военному справочнику США, под такими военными действиями понимается применение военного конфликта для достижения желаемых стратегических результатов посредством эффектов вооруженных сил[148].

ООЭ определяются и как операции, задуманные и спланированные в рамках системы, которая рассматривает весь спектр прямых, косвенных и каскадных эффектов, которые могут, с разной степенью вероятности, быть достигнуты путем применения всех национальных инструментов: военных, дипломатических, экономических и психологических.

---

147 *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 15.

148 Там же. С. 16.

Исходя из гипотезы сетевого и сетецентрического сценария противоборства с российской ЛЧЦ, в России предстоит, например, самое серьезное внимание обратить, прежде всего, на наиболее слабые стороны потенциального противника, а не вступать в «лобовое» столкновение. Расовые беспорядки в США весной 2015 года, в частности, позволяют говорить об очень серьезных возможностях внутриполитической дестабилизации США — самом больном месте американской политической системы. Причем эти возможности в будущем будут только усиливаться. Так, например, по оценкам Счетной палаты США, основной прирост населения страны с конца 2020 годов будут поставлять мигранты. Кроме того, собственно дети и внуки граждан-мигрантов обеспечат основную часть естественного прироста, что хорошо видно на предлагаемом рисунке (рис. 6.11)[149]

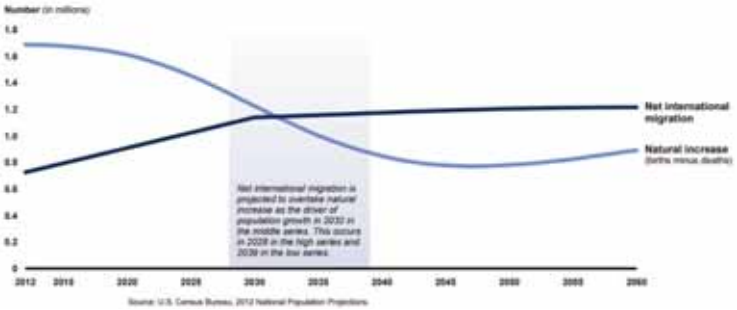


Рис. 6.11. Чистый миграционный и естественный прирост населения США в 2012–2060 годах

Это означает, что «создание проблем» для США в этой области — очевидная цель в развитии противоборства, которую нельзя игнорировать.

---

[149] Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014–2019 / United States Government Accountability Office / GAO 2014–2019, p. 65.

Орган оперативного управления политикой России позволяет не только адекватно реагировать на действия США, но и готовить стратегические прогнозы и программы стратегического планирования, включая программы военного строительства. Точная характеристика и прогноз будущего сценария (а тем более его вариантов) развития МО после 2021–2022 годов позволяют уже сегодня, в 2015 году, высшему руководству страны заранее перейти на стадию сознательного участия в формировании новой политической реальности, соответствующей необходимому для нации, цивилизации и страны сценарию развития МО.

Это сознательное участие в формировании будущего сценария МО позволит превратить Россию из объекта международной политики в ее важного субъекта, активного участника. (Это, отчасти, и стало пока что главным результатом внешней политики В. Путина последних лет). И это же стало главным раздражителем США. Россия уже превратилась в самостоятельный субъект МО, но еще не сформулировала (а тем более не сделала общепризнанной в мире) своей внешнеполитической стратегии, т.е. не оформила публично и громко своей цели в формировании будущего сценария МО.

Политические действия России не системны, а, тем более, не сетецентричны, но во многом рефлекторны, направлены на нейтрализацию угроз, а не на недопущение их появления. «Многополюсность», «справедливость», «равноудаленность» и подобные лозунги не могут стать политической идеологемой российской внешней политики, которая стала бы привлекательной для других стран. Также как в свое время лозунги «нового мышления» стали всего лишь основанием для односторонних компромиссов СССР.

К сожалению, в современной России сохраняется определенный разрыв в понимании будущего сценария МО между политическим и военным руководством страны, который возник в 1970-е годы в СССР и превратился в непреодолимую

пропасть при М. Горбачеве. Либерализм в политике оказался не подверженным политическими реалиями. Более того — прямо противоречил им. Отчасти такое противоречие сохранилось и сегодня. Очевидно, что необходим поиск новых путей формирования геополитического пространства, создания союзов и военно-политических коалиций, бездарно потерянных в 90-е годы XX века. От этого во многом будет зависеть, какой из вариантов вероятного сценария формирования МО после 2021–2022 годов будет реализован: относительно благоприятный «оптимистический» или откровенно враждебный — «пессимистический», — при всей их условности.

Есть основания полагать, например, что активная и эффективная внешняя и военная политика России в Евразии может привести, при благоприятных условиях, к появлению после 2021–2022 годов принципиально нового, российско-ориентированного варианта вероятного сценария развития МО и ВПО в Евразии и мире. Этот вариант, «выросший» из развития ШОС, ОДКБ или ЕврАзЭС, может стать для многих стран мира, а не только Евразии неожиданно очень привлекательным, ведь уже сегодня о готовности вступить в ТС заявило более 30 стран. Особенно если учесть огромный потенциал развития, который существует в Евразии. Индия, например, уже не только обогнала по объему ВВП Японию, но и вскоре может выйти на уровень КНР. Аналогичная ситуация во многом ожидается с Индонезией и Бразилией, чьи экономические и военные потенциалы после 2021–2022 годов будут вполне сопоставимы с потенциалами Великобритании, Японии и Германии.

В мире после 2021–2022 годов может сложиться совершенно неожиданная конфигурация сил, противостоящих западной ЛЧЦ, если будет лидер. Таким политико-идеологическим лидером может стать Россия. «Баланс» между доминирующим наиболее вероятным сценарием и тем, который во

многом может сформировать Россия, будет зависеть от очень разных факторов, но не в последнюю очередь от сознательно сформулированной, последовательной и привлекательной политики России. Условно говоря, в противовес негативным тенденциям и факторам в развитии опасного, но наиболее вероятного сценария МО может быть противопоставлен собственный стратегический сценарий развития, который пока что находится на стадии «возможный» сценарий.

Сказанное означает, что стратегический прогноз, а тем более стратегическое планирование должны учитывать возможности сценарного проектирования, участия в формировании будущего сценария МО и его вариантов активного субъекта — политики Российской Федерации. Эта политика в настоящее время находится перед серьезным вызовом, который по большому счету политически бескомпромиссен: либо признать монопольное право США и их союзников на формирование необходимых им норм и правил поведения в мире, приоритет их системы ценностей и интересов, а, в конечном счете, права контролировать не только политику, но и территорию и ресурсы России, либо выступить с политикой противоборства, понимая, что соотношение сил, как минимум, 1:50 не в пользу России. И в первом, и во втором случае это решение будет представлять собой не просто геополитический выбор, но и согласие: либо на субъектность, активную роль в мировой политике и способность к сценарному проектированию, либо отказ от этих прав и возможностей. Очевидно, что стратегический прогноз в этом случае будет абсолютно зависим от внешних условий, прежде всего, тех трех подгрупп внешних факторов, о которых говорилось выше.

Для активной внешней политики и сценарного проектирования очень важно изначально точно определить координаты того места, где мы сегодня реально находимся, ту «точку отсчета», от которой будет развиваться задуманный нами

сценарий развития МО–ВПО–СО. Если эта «точка отсчета» будет оценена неверно, то надеяться на то, что задуманный нами сценарий будет развиваться в нужном направлении и нужными темпами будет напрасно. Именно это произошло во второй половине 80-х годов XX века, когда задуманный М. Горбачевым–А. Яковлевым–Э. Шеварднадзе сценарий «перестройки» исходил из представления о «комфортном окружении», которое, по мнению этих политиков, «только и будет радеть за процветание СССР».

6.3. Обоснование «Точки отсчета»

«Точка отсчета» текущего соотношения сил в мире и оценка МО, а также вектор (направление) развития сценария МО имеют исключительно важное значение для стратегического прогноза будущего сценария развития МО и его вариантов. Прежде всего, потому, что вся система международных отношений, состоящая из тысяч субъектов, процессов и акторов, находящихся в известных отношениях между собой, имеет определенную инерционность и заданность, которая во многом предопределяет ее состояние в будущем. И не только потому, что в ней существует достаточно много постоянных величин (таких как территория, географическое положение, наличие природных ресурсов, климатические особенности и др.) и вполне устойчивых демографических, экономических, социально-культурных и иных тенденций, но и потому, что все новые факторы, участники МО, тенденции, как правило, уже имеют определенные зачатки в прошлом. Особенно важное значение это имеет для оценки ближайших перспектив, в частности, среднесрочного прогноза развития МО, который в значительной степени станет экстраполяцией существующей МО. Это также важно, как и определение точных координат для ракетной или артиллерийской установки на местности, от

которой рассчитывается направление и дальность будущего выстрела. Очевидно, что если вы дадите изначально ошибочные координаты ПУ ракеты или орудия, то невозможно будет рассчитать ни точное направление (вектор), ни дальность выстрела, ни, главное, точные координаты цели.

В политике это имеет не менее важное значение, ибо от адекватной оценки современной МО и ВПО зависит точность прогноза и характер политики на будущее, а также — неизбежно — эффективность стратегического планирования. В зависимости от точности анализа современной МО, кроме того, находится политическое позиционирование, как правящей элиты, так и самого государства. Далеко не всегда те или иные оценки МО являются одинаковыми для разных слоев правящей элиты. Так, если радикальные либералы 1990-х годов полагали, что «чем дальше НАТО продвигается на восток, тем будет лучше для России», то оценки государственников или коммунистов были иными. Соответственно и действия России, и стратегические прогнозы были разными.

Типичный стратегический прогноз — экстраполяция существующих тенденций на будущее. Но даже в такой простой экстраполяции необходима точная оценка существующей ситуации и перспектив ее развития. Что отнюдь не является, как это иногда кажется, простым анализом: вмешательство множества внешних факторов, прежде всего субъективных — политических, экономических, идеологических, — а так же интересов (в т.ч. материальных) превращает такой анализ порой в субъективную, нередко личностную, оценку.

Между тем, стратегический прогноз без объективной оценки современных реалий вряд ли возможен. Определение объективно точной «точки отсчета» (положения России в мире) в середине второго десятилетия XXI века имеет исключительно важное значение. Даже в наши дни огромная существенная разница в оценках — от катастрофической до оптимистической, — в зависимости от которой находятся

не только степени национальной мобилизации и идентичности, но и отношение к другим участникам и акторам МО. Так, оценивая будущее положение России в мире как катастрофическое, некоторые представители правящей элиты готовы идти на уступки западной ЛЧЦ граничащие с капитуляцией и отказом от суверенитета (А. Кудрин), а другие (А. Проханов) — предлагают национальную мобилизацию.

«Реалисты-прагматики», к которым принадлежит большинство современной российской правящей элиты, полагают, что можно совместить национально-ориентированную политику с либеральными реформами, а «Стратегию социально-экономического развития России до 2020 года» с «Военной доктриной России», принятой в декабре 2014 года.

Очевидно, что от точности определения современного положения России зависит стратегический прогноз, что хорошо видно на примере долгосрочного прогноза и планирования (рис. 6.12), вытекающего из прогноза до 2100 года развития энергетики страны, где присутствует:

— история развития и основные тенденции, существовавшие с 1980 года по н/вр;
— «точка отсчета» (2020 год, как данность);
— прогноз развития электроэнергетики и атомных станций до 2100 года.

Естественно, что этот долгосрочный прогноз (при всех сложностях его подготовки) гораздо проще, чем стратегический прогноз развития МО, который учитывает не просто большее число переменных и субъективных величин и тенденций. Вместе с тем, даже такой прогноз демонстрирует возможную и вероятную разнонаправленность тенденций, временной промежуток их существования и т.п.

Этот пример — очень характерен для иллюстрации значения «точки отсчета» в долгосрочном прогнозе и стратегическом планировании, где за исходную дату выбран 2020 год (вероятный ввод быстрых реакторов), который в энергетике

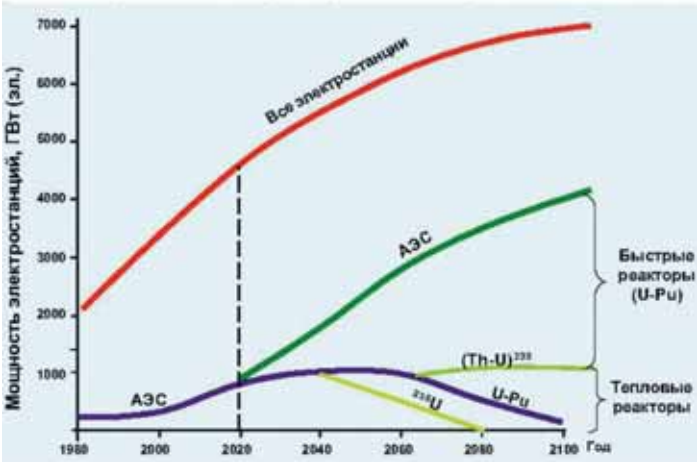


Рис. 6.12[150]. Стратегический прогноз развития энергетики России

ассоциируется с новой парадигмой, качественно меняющей всю обстановку в отрасли.

Аналогичную «точку отсчета», для развития МО, когда могут появиться новые парадигмы, можно обозначить как 2021–2022 годы. Есть основания (о которых подробно говорилось выше)[151] полагать, что именно в эти годы произойдет смена целого ряда парадигм в МО и ВПО, что может радикально повлиять на ситуацию в мире.

Сегодня точное определение «точка отсчета» в России имеет особое значение потому, что в российской правящей элите есть, как минимум, две противоположные оценки.

---

150 Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Кафедра химической технологии редких, рассеянных и радиоактивных элементов Р. Крайденко, Атомная промышленность / http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KRAYDENKO/knu/Tab…

151 *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М. : МГИМО–Университет, 2014.

Одна — как временное, тактическое охлаждение отношений России с западной ЛЧЦ, которое может и должно закончиться компромиссом (даже на западных условиях). Другая — как признание фактического вступления Запада в войну против России и невозможность компромисса. Войну, естественно, XXI века, когда действия осуществляются системно, глобально, в долгосрочной перспективе, бескомпромиссно (т.е. «на уничтожение»). Эта системная война, как уже говорилось, называется «сетецентрической войной».

Очевидно, что это две противоположные «точки отсчета» имеют исключительно важное значение для прогноза развития любого сценария МО. Очень условно их можно показать на оси координат следующим образом. В дальнейшем по аналогии с прогнозом энергетики, мы рассмотрим эволюцию развития сценария МО до 2016 года поэтапно, иллюстрируя конкретными примерами (рис. 6.13).

Как видно из рисунка, место России относительно современного сценария развития МО различается принципиально: в «Сценарии А» констатируется фактическое начало военного конфликта уже в 2014–2015 годах и прогнозируется его дальнейшее развитие до 2021 года с переходом в полномасштабную фазу войны после 2021–2022 годов. При этом, как уже говорилось, возможны три варианта: «вариант а» — пессимистический; «вариант б» — реалистический; «вариант в» — оптимистический.

В «Сценарий Б», ситуация оценивается не просто более оптимистично, а качественно по-иному, предполагая, что ухудшение отношений Запада с Россией дальше фазы «враждебность» не пойдет. Очевидно, что разница между «точками отсчета» и вариантами «А» и «Б» — принципиальная. Она заключается, прежде всего, в расхождении оценок относительно реального положения России и необходимости мобилизации ее ресурсов. Вариант «Б» не предполагает такой мобилизации. Более того он допускает современный уровень

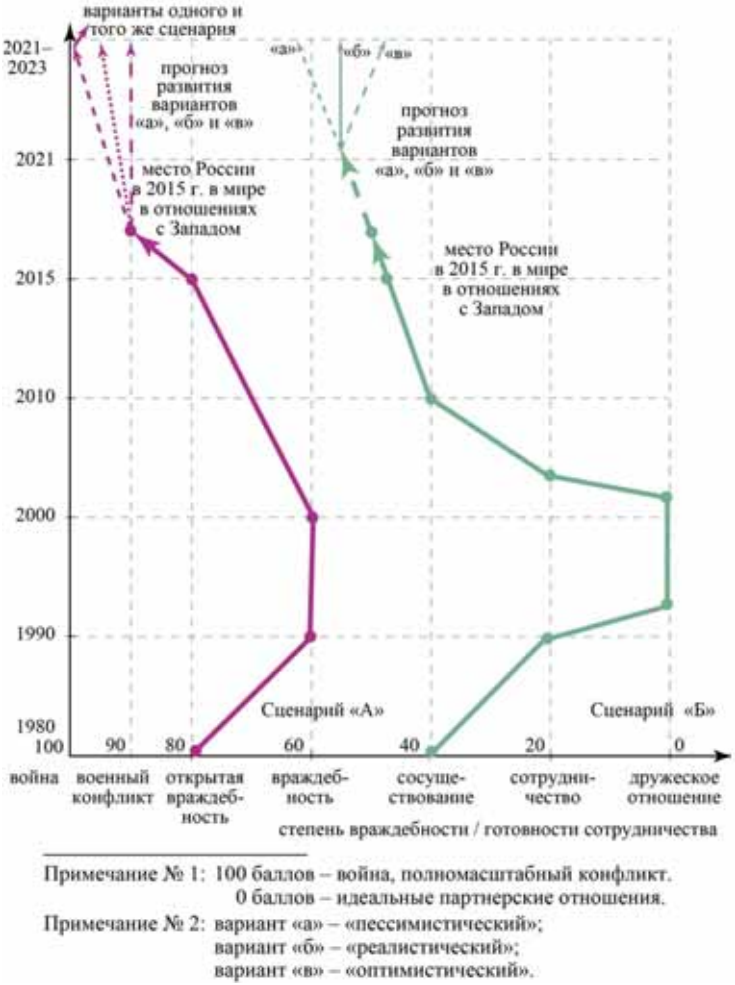


Рис. 6.13. «Точки отсчета» для развития будущего сценария МО для РФ в 2015 году

не только военных расходов, но и прогнозирует их сохранение в долгосрочной перспективе. Похоже, что именно этот вариант оценки «точки отсчета» доминирует сегодня в России.

Другой подход к оценке «точки отсчета» существует при проработке варианта «А». Учитывая, что мы предполагаем наиболее вероятным конфликтным сценарием развития МО «Сценарий А», необходимо остановиться на нем подробнее. Я полагаю, что эскалация сетецентрической войны на Украине против России к весне 2015 года прошла все основные стадии «подготовительного» этапов войны и перешла в свою «законную» военную фазу. По аналогии со Второй мировой войной — это аналог периода «странной войны» Франции и Англии, который наступил осенью 1939 года после разгрома Польши, но не сопровождался массированными вооруженными действиями. Поэтому для нас принципиально важно конкретнее рассмотреть возможные последующие этапы развития сетецентрической войны против России, т.е. «Сценария А».

Можно достаточно определенно прогнозировать, каким образом — до и после 2021–2022 годов — будет развиваться сетецентрическая война против России со стороны западной ЛЧЦ по отдельным этапам, значительная часть которых уже пройдена. Ее рабочий алгоритм не только теоретически обоснован, но и фактически уже существует последние десятилетия. Более того совершенствуется не только в секретных документах, но и открытых для общественности нормативных и иных актах[152]. Поэтому логические рассуждения о нем и действующую схему можно комментировать следующими конкретными примерами для наиболее важных этапов развития сетецентрической войны.

Развитие того или иного сценария МО вообще, а сценария «Глобального военного противоборства ЛЧЦ», в частности, будет неизбежно происходить в ухудшающихся внешних условиях. Этот неблагоприятный фон в значительной степени усугубляет общую динамику и негативный характер развития современного сценария МО.

---

[152] См., например: Противопартизанские операции. Полевой устав Армии США. № 90-8AM / Wash.: 1986.

К сожалению, можно говорить только о темпах развития этого сценария и одного из его вариантов, а не об изменении направленности или характера.

Естественно, что эта логическая схема не абсолютно выверенный конкретный алгоритм действий, — а, скорее, логический порядок развития сетецентрической войны по ее отдельным этапам. В реальной практической схеме неизбежно могут присутствовать, как различные новые этапы, так и отсутствовать, быть «пропущенными», некоторые из этапов указанных в работе[153]. Представляется целесообразным подробнее остановиться и прокомментировать логику развития этих этапов.

Общий алгоритм эскалации сетецентрической войны и развития МО по «Сценарию А» (на примере России до 2016 года)

Заинтересованное(ые) государство(а)
В нашем случае — западная локальная человеческая цивилизация во главе с США

Этап № 1[154]. Выбор одной–двух конкретных проблем из всего спектра проблем («слабого звена») в самоидентификации государства и системе его национальных ценностей.

[153] Этот перечень подготовлен на основе презентации И.М. Попова на конференции в МГИМО в апреле 2014 г.

[154] Этапы, их последовательность и продолжительность не являются абсолютно точными категориями. Они отражают логику сетецентрической войны западной ЛЧЦ против России и других стран.

Комментарий № 1: в качестве наиболее вероятных проблем для России вероятно будут продвигаться две: во-первых, «авторитаризм» (антидемократизм, антинародность) власти, «преступность» ее вертикали и т.п., а, во-вторых, патриотизм (национализм) и культурная самоидентификация русской нации. Удобство параллельного выдвижения этих проблем заключается в их «абсолютной совместимости»: «авторитаризм бескультурья русских» — как главной формулы борьбы против нации и государства, достаточно широко используется на Украине: «ватники», «колорады» и др. эпитеты противопоставляют русских «цивилизованным европейцам».

Важно также подчеркнуть, что лидерство США не только отражается в военно-политической и технологической, но и идеологической области, навязываемой ими (в том числе своим союзникам) системы ценностей.

Основные средства сетецентрической войны представляют собой очень широкий спектр средств ведения войны — от культурно-информационных до поставок самых современных ВиВТ в «очаги сопротивления» русскому авторитаризму и попыток международной изоляции России и формирования против нее широкой коалиции не только в Европе, но и в мире. Особенное значение приобретает подготовка вооруженного гражданского «протеста» против власти, включая самых современные средства борьбы, а также использование других стран и организаций в качестве «облачного противника». Так, эта стратегия отчетливо проявилась в политике США против России на Украине, где долгое время роль США вообще оставалась в тени, а на первом плане выступил ЕС.

Этап № 2. Длительное искусственное «выпячивание» и «развитие» этой проблемы, стоящей перед государством и нацией, превращение ее в «главную повестку дня» (по аналогии с «борьбой против сталинизма» и т. д.).

Комментарий № 2: В эту задачу до 2021–2025 годов (а, «возможно, и ранее) входит окончательное создание угрозы со стороны виртуальной реальности идеи «русского авторитаризма», превращение этой частной идеи в угрозу, доминирующее представление в значительной части стран мира и в значительной части российского общества. «Ватники», «азиаты», «недочеловеки» и др. «нелюди» не заслуживают не только государства, но даже территории и ресурсов, которые там расположены.

Этот важный этап можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом:

Создание виртуальной реальности «русского авторитаризма» и превращения его в международную угрозу на первом этапе сетецентрической войны (2014–2021 гг.)

В итоге к 2021–2022 годам в общественном мнении на Западе должно сложиться доминирующее

представление о «русской угрозе», «восточном варварстве» и т.п. образах, достаточно апробированных в современной Украине, где «ватники» и «бандиты» «угрожают европейскому выбору «народа Украины».

Важно подчеркнуть, что эта угроза должна выглядеть абсолютно реально и быть подкреплена не только действиями СМИ, но и «варварством российской оккупации», «неспособностью развивать демократические и рыночные институты», «агрессивностью» в отношении простых людей цивилизованных стран и, конечно же, обязательными ритуальными жертвами демократии.

Этап № 3. Организация массовых антиправительственных выступлений населения.

Комментарий № 3: Первые попытки организации антиправительственных выступлений со стороны таких групп уже происходили в XXI веке. И не только на Северном Кавказе, но и в отдельных регионах, а также в Москве. Задачей подготовительного этапа (до 2021–2025 гг.) сетецентрической войны является то, чтобы сделать эти выступления **обычным**, рядовым явлением и превратить их в массово-агрессивный характер. В идеале необходимо создать крайне нестабильную общественно-политическую обстановку (как в 1991 г. в СССР) с тем, чтобы дезориентировать элиты и общественное мнение.

При этом важно подчеркнуть, что традиционные средства вооруженной борьбы против протестующих оказываются малоэффективными. Внутренние войска и полиция должны быть обеспечены достаточным

количеством таких средств, которые эффективны в противодействии массовым гражданским беспорядкам. События в Баку и Тбилиси в СССР, а затем и в Киеве в 2014 году это наглядно продемонстрировали.

Кроме развития специальных ВиВТ необходимо и создание специальных сил для борьбы с внутренними беспорядками, которые пока что ассоциируются только с внутренними войсками. У этих сил должны быть в полной мере развиты разведывательные и контрразведывательные оперативные возможности, системы информации и связи, транспорта и т.д.

Этап № 4. Организация первых жертв (псевдожертв) среди протестующих из демонстрантов

Комментарий № 4: Очень важный этап в сетецентрической борьбе с противником наступает после появления первых жертв, которые становятся мгновенно «сакральным знаменем» борьбы. Это хорошо видно на примере всех «цветных» революций — от Сирии и Турции до Украины с ее «небесной сотней». Первые жертвы означают, что накопленные ВиВТ становятся морально оправданным летальным средством борьбы, более того, ведения военных действий. Различное нелетальное оружие и ВиВТ могут и даже уже используются еще до появления публичных жертв, однако их использование еще не узаконено в нравственном и даже правовом пространстве. Появление первых жертв дает информационный и моральный повод для перехода на силовую ступень эскалации.

Пример с гибелью С. Ющенкова и Б. Немцова очень характерен потому, что показывает, как любая жертва может превращаться в «жертву кровавого режима».

Этап № 5. Призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида правительством народа, общества, нарушения демократических прав и свобод.

Комментарий № 5: Классический пример такой политики — поведение США и их союзников в ЕС накануне военного переворота в Киеве в феврале 2014 года, когда они ультимативно заставили В. Януковича отказаться от защиты своих полномочий и борьбы за власть. До этого — в Ливии в отношении Каддафи. Целью таких действий является ограничение возможного противодействия со стороны власти. Причем речь идет не только о всей власти, но и о отдельных ее представителях. Так, президент может занимать неуверенную позицию, а силовые министры бездействовать, ожидая письменного приказа.

«Призыв» к мировому сообществу означает фактический ультиматум власти – угроза политического преследования, репрессий по отношению к родственникам за границей, арест активов и т.д. В случае с Ливией и Ираком это означало автоматически использование воздушно-космического нападения с массированным использованием ВТО.

Этап № 6. Террор против представителей государственной власти.

Комментарий № 6: На этапе эскалации конфликта очень важен психологический террор и угрозы физического террора против представителей власти и членов их семей, которые, как правило, не защищены от внешнего силового воздействия. Угрозы по телефону, расклейка угрожающих листовок и плакатов, соответствующие позиции, наконец, хулиганские действия против родственников оказываются очень эффективным средством воздействия. Достаточно сказать, что на Украине все родственники бойцов «Беркута» оказались на учете оппозиции и подверглись внешним угрозам.

Эти угрозы очень быстро перерастают в открытый террор против представителей власти — поджоги квартир и машин, стрельба становятся нормой и средством прямого физического воздействия.

Кроме того эти угрозы носят характер шантажа по отношению к политическим элитам государств. На начальной стадии — замораживание активов и запрет на въезд, а на последующих — угроза Международного трибунала.

Этап № 7. Дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны.

Комментарий № 7: Этот этап предполагает формальный или фактический захват органов государст-

венного управления, связи, СМИ и других важнейших объектов, лишение власти функций реального управления, которые так или иначе связаны с офисом и системами связи. Возможно, блокирование (изоляция) органов власти (по аналогии с Верховным Советом РФ в сентябре–октябре 1993 года), либо прямой захват органов управления, который произошел на Украине в феврале 2014 года.

На этой стадии очень важен первый этап, когда массовые беспорядки переходят в организованный захват органов управления страной. Что произошло, например, в СССР в августе 1991 года. Для этого, как правило, требуется немного хорошо организованных людей.

Исключительно важное значение имеет первая скрытая фаза этого этапа захвата власти, которая заключается в том, чтобы:

— дискредитировать институты государства в СМИ, а затем на общественно-политическом и правовом уровне;
— дезорганизовать их работу, устроив «перестройку» и «реорганизацию», в результате которых ликвидируются целые функции этих органов власти;
— внедрить в эти институты власти своих сторонников на руководящие посты с тем, чтобы те смогли нейтрализовать, либо снизить эффективность работы этих органов власти.

Очень наглядно этот «скрытый этап» наблюдался при М. Горбачеве, когда по этому сценарию действовал Э. Шеварднадзе в МИД СССР, а также новые руководители МО, КГБ, МВД и Генеральной прокуратуры СССР. К августу 1991 года фактически деятельность

этих органов была дезорганизована, что позволило Б. Ельцину совершить государственный переворот не только бескровно, но и, не встречая никакого сопротивления.

В 2015 году в России может сложиться похожая ситуация, ибо часть прозападной элиты, формально не противодействуя В. Путину, фактически саботирует его политику по целому ряду важнейших направлений. Если В. Путин не проведет кадровых перемен, избавившись от «горбачевцев» и «ельцинистов», то их консолидация во власти приведет к отстранению В. Путина от руководства страной.

Этап № 8. Ухудшение социально-экономического положения населения посредством экономических диверсий и финансовых операций.

Комментарий № 8:

Комментарий № 8. Борьба за власть и контроль над органами управления неизбежно ведет к дезорганизации экономической жизни страны. Причем сознательно применяются меры вполне диверсионные по своему характеру. Так, один из старших офицеров управления по борьбе с экономическими преступлениями КГБ СССР (!) организовывал нашумевшую забастовку в Кузбассе. Позже, в начале 90-х годов, этот подполковник «всплыл» в США уже как гражданин этой страны.

Без серьезного ухудшения общеэкономической ситуации массовые протесты не продержатся долго. Нужны «пустые полки» (как в СССР в 1991 г.), чтобы не хватало детского питания, чтобы дефицит был

повсеместным. Организация искусственного дефицита, кстати, — особенная тактика, связанная не только с дезорганизацией торговли, но и прямым уничтожением продуктов питания и массового потребления. Так, в одном из регионов страны в 1991 году хранились запасы, чуть ли не для всей страны, детского питания, а в другом — сахара, муки.

В ноябре–декабре 2014 года в России именно финансовые спекулянты, контролируемые из-за рубежа, и их сторонники в ЦБ и Минфине «обвалили» рубль. Но не только. Были использованы и другие многочисленные механизмы, которые можно охарактеризовать как политические и экономические диверсии, направленные на организацию социально-экономического кризиса в России.

Таким образом, до 2016 года Россия уже прошла несколько этапов в реализации против неё сценария противоборства. Часть из этих этапов остается на совести М. Горбачева и его элиты, часть — на совести Б. Ельцина, а часть — на нынешней власти, ее способности противостоять развязанной против России войне, история которой завершается к 2016 году.

Есть все основания полагать, что эта история станет «предисторией» дальнейшей эволюции сценария развития МО в среднесрочной перспективе 2016–2021 годов, который станет экстраполяцией уже существующих тенденций, с одной стороны, и подготовкой и решительной смене парадигм развития МО после 2021–2022 годов, — с другой.

Естественно, что все эти рассуждения имеют смысл только в том случае, если мы соглашаемся с оценкой современной МО и сценария ее развития как «Сценария А», полагая, что до 2021 года он сохранит свои основные черты.

6.4. Эволюция наиболее вероятного сценария развития МО и его вариантов в 2016–2021 годы

Прогноз развития сценария МО и его вариантов после 2021 года, а также предложения в соответствующую программу ГПВ — 2020–2030, могут быть сделаны только после корректив, внесенных с учетом возможных изменений в сценарии развития МО и его вариантов в 2016–2021 годы.

Можно говорить о том, что в краткосрочной перспективе 2015–2016 годов завершится окончательное оформление коалиции западной ЛЧЦ и ее внешнеполитической стратегии до 2021 года. Суть этой стратегии будет заключаться во внедрении в 2016–2021 годы широкого спектра силовых инструментов, которые должны будут компенсировать ослабление влияния западной ЛЧЦ в мире.

Анализ существующего сценария развития МО в середине 2015 года подтверждает, что западная ЛЧЦ во главе с США сделала ставку на усиление силового противоборства с другими ЛЧЦ, включая в свою политику все чаще вооруженные средства. Можно говорить о том, что период 2016–2021 годов будет этапом, когда военная сила станет регулярно использоваться в политических целях в двух формах: во-первых, как инструмент внутриполитической борьбы, а, во-вторых, как реальное средство внешней политики в отношениях между ЛЧЦ в ограниченных масштабах.

В среднесрочной перспективе с 2016 по 2021 годы стратегия противоборства будет придерживаться следующих основных внешнеполитических принципов, сформулированных в соответствии со сценарием «Глобального военно-силового противоборства», а именно:

1. Основным принципом реализации Стратегии в ходе этапа 2016–2021 годов будет концентрация усилий западной ЛЧЦ на инициировании внутренних конфликтов

в основных странах, представляющих угрозу сохранению контроля Западом над МО в мире. Соответственно такая активная политика потребует новых средств и способов силового и вооруженного воздействия, которые будут выходить далеко за рамки традиционных представлений о межгосударственных и межцивилизационных отношениях. Прежде всего, это будут средства и способы, предоставляемые внутренней оппозиции, которую превратят в «облачного противника» для официальной власти, обеспечив ей мощную силовую, в ряде случаев даже военную поддержку извне.

«Облачный противник» (оппозиция) власти будет получать внешнюю поддержку, как правило, из неизвестных (не доказанных) источников — медийную, финансовую, организационную, моральную, во все возрастающих масштабах, а на этапе 2016–2021 годов эта внешняя поддержка может быть даже усилена и вооруженными и специальными средствами.

2. Следующим принципом развития сценария станет принцип системного политического противоборства, основанный на интегрированном использовании всех возможностей западной ЛЧЦ (коалиционных, экономических, финансовых, военных и др.), для сохранения контроля над мировыми процессами и основными регионами. Системное противоборство ради сохранения существующей финансово-экономической и военно-политической системы в 2016–2021 годах означает использование всех силовых ресурсов западной ЛЧЦ до завершения подготовки вооруженной стадии противоборства в глобальном масштабе.

При этом акцент в ближайшие годы будет сделан на то, чтобы не допустить формирования коалиций, союзов и режимов, которые будут ставить под сомнение право на такой контроль со стороны западной ЛЧЦ во главе с США, и использование в этих целях стратегии «управляемого ха-

оса» — искусственной дестабилизации положения в этих странах и отношений между членами возможных коалиций.

Системность, в данном случае означает, что все частные задачи и средства их решения в 2016–2021 годы подчиняются главной политической цели — сохранению контроля Запада. Конфликты на Украине, В Ираке, Сирии, Афганистане, Йемене и других станах наглядно иллюстрируют этот принцип «политической системности», когда собственно военная сила Запада применяется ограниченно, а предпочтение отдается системно-силовым инструментам влияния: политико-дипломатическим, финансово-экономическим, поддержке оппозиции и дозированной военной помощи.

3. Принцип сетецентрического противоборства, предполагающий создание эффективной системы политического, информационного и военного управления, со стороны западной ЛЧЦ, которая объединяет все другие информационные системы и позволяет в опережающем режиме управлять всеми процессами «сверху–донизу», контролируя одновременно все уровни эскалации и использование всех коалиционных и национальных ресурсов — политических, экономических, военных[155]. Этот принцип отчетливо проявился в ходе противостояния Запада с Россией в 2014–2015 годах, когда управление было жестко организовано из Вашингтона не только всеми участниками МО, но и во всех задачах.

Можно констатировать, как было показано выше, что к лету 2015 года сетецентрическая война против России прошла свои первые (8+) этапы, в результате которых произошел целый ряд негативных социально-экономических и политических изменений в МО. Но в целом принцип сетецентричности полностью не удалось реализовать: в политике

[155] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

отдельные страны Запада позволяли себе действовать иногда не согласованно, а в развитии негативных процессов в России проявилась противоречивость. Народу с очевидно негативными тенденциями обнаружились и позитивные.

В частности, хотя резко обострилась МО, а также существенно ухудшились показатели инфляции и курс рубля, а также некоторые показатели уровня жизни населения, доходов, возможности приобретения товаров длительного пользования, краха экономики России, как рассчитывали, не произошло. Уровень жизни населения опустился до уровня 2008 (кризисного) года, а к апрелю 2015 года, например, продажи автомашин сократились более чем на 40 %. Можно констатировать, однако, что хотя системное давление на РФ привело к определенным результатам, внутриполитического кризиса так и не произошло. Так, ухудшение внешнеполитической обстановки и социально-экономического положения в стране не сказалось на уровне доверия к В. Путину, который, напротив, достиг своей высшей точки (85 %). Сохранилась и социально-политическая стабильность, которую планировали подорвать в 2015 году. Таким образом, к лету 2015 года внешнеполитическое осложнение МО и социально-экономический кризис в России не перерос в кризис социально-политический. Убийство Б. Немцова, например, вообще никак не отразилось на политической стабильности, а война на Украине не привела к появлению острых кризисных явлений в российском обществе. Совсем наоборот: парад 9 мая и демонстрации по всей стране доказали стабильность путинской системы.

Между тем в «классическом» сценарии развития сетецентрической войны предполагался именно такой переход от этапа социально-экономического к этапу социально-политического кризиса в стране.

Четвертый принцип реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства» в 2016–2021 годы заключается в постоянном усилении давления на Россию

с целью радикализации социально-политической обстановки в стране посредством создания внутренних условий и сил, способных изменить политику страны. Речь идет не о внешнем давлении с целью обострения кризисных явлений, как при реализации первого принципа, а о создании внутри правящей элиты и общественности социальных групп, способных изменить политический курс страны. С В. Путиным или без него, но в представлении лидеров западной ЛЧЦ Россия должна признать сложившийся мировой политический и финансовый порядок во главе с США.

Подобная тактика в свое время успешно применялась в СССР против М. Горбачева, когда давление «демократических слоев» общества заставляло его идти на бесконечные уступки Западу, а нередко и на заведомо глупые и предательские поступки. Позже, при Б. Ельцине, этот принцип оказался не просто ведущим, но и наиболее популярным: принимаемые Россией решения полностью находились в русле западной политики и соответствовали интересам западной ЛЧЦ.

Реализация этого принципа возможна только при вполне определенных условиях. В том числе и при формальном смягчении градуса противоборства. Очевидно, что создавать и активизировать прозападные силы в условиях открытой конфронтации трудно. Поэтому необходимо смягчить риторику и «допустить компромиссы» в отношениях двух ЛЧЦ.

У организаторов сетецентрической войны против России в мае 2015 года произошел «кризис жанра», подтверждением чего стал неожиданный визит госсекретаря США в Москву. Оставалось, таким образом, два варианта дальнейшего развития событий в соответствии с разработанным сценарием. Похоже, что в борьбе против российской ЛЧЦ были использованы оба. Более того, представляется, что и в дальнейшем, в среднесрочной перспективе до 2021 года, будут использоваться оба варианта, независимо от того, кто будет у власти в США.

Первый вариант применительно к России означает, что будет сделано всё чтобы радикализировать извне обострение социально-политической обстановки в России, либо посредством искусственного обострения ситуации на Украине, либо внутриполитической ситуации в самой России. Если говорить об использовании конфликта на Украине, то такой вариант обострения социально-политической обстановки в России неизбежно исходит из необходимости дальнейшей контролируемой эскалации военного конфликта, расширения его масштаба, интенсивности и территории.

Сказанное означает, что вероятность развития негативного сценария по «пессимистическому» сценарию развития МО применительно к России и возглавляемой ею ЛЧЦ — очень велика. Постепенная эскалация использования силовых и вооруженных средств в 2015–2021 годы со стороны США и ряда их союзников представляется наиболее вероятной, а переход к другой модели взаимоотношений и сценарию развития ЛЧЦ, — наоборот, крайне маловероятным.

Второй вариант по сути дела является разновидностью первого и частью развития сценария «Глобального военно-силового противоборства» МО в 2015–2021 годы. Он предполагает, учитывая стабильность режима В. Путина, «растянуть» переход от 8-го этапа к 9-ому этапу по времени на более длительной срок, за который можно было бы нанести основные удары именно по авторитету В. Путина и его руководства. Это можно назвать принципом перехвата информационной инициативы, когда действия в информационном пространстве фактически заменяют, на какое-то время (иногда весьма длительное), реальные шаги по развалу государства, либо существенно опережают их. Действия на Украине в 2014–2015 годах показывают, насколько такая информационная политика в действительности становится откровенно провокационной и дезинформационной. Ее задача сформировать «виртуальную реальность», которая будет заменять действи-

тельность и служить политико-пропагандистским прикрытием дезинтеграционных усилий. Сетевая и сетецентрическая стратегия в этой связи становятся реальным практическим содержанием этой внешне бессодержательной политики, достигающей вполне реалистических и конкретных целей. Так, за набором внешне бессодержательных и беспочвенных деклараций, укладов и решений на Украине в 2014–2015 годах проводилась реальная политика русофобии.

Естественно, что подготовка и реализация такого этапа требует много ресурсов и среди них главного ресурса — времени. Авторы Сценария отдают себе в этом отчет.

В действительности, как показывает опыт Украины, могут быть задействованы сотни таких «институтов» и «центров» одновременно, а результат их деятельности начнет сказываться уже через несколько месяцев. Сетевой принцип организации таких структур и отдельных индивидуумов позволяет создать огромную сеть в течение короткого отрезка времени. Эта сеть становится почти мгновенно политическим ресурсом «облачного противника».

Необходимо напомнить в этой связи, что главной целью варианта системного политического противоборства и сетецентрической войны являются не прежние традиционные цели — оккупация столицы, разгром ВС, уничтожение военного потенциала противника, — а установление контроля (или уничтожение) над политическим руководством страны. Поэтому контроль над В. Путиным и поддерживающим его окружением — главные цели такой войны. Они должны либо подчиниться «правилам международного поведения» (т.е. контролю со стороны западной ЛЧЦ), либо быть лишены не только власти, но и жизни. Последнее делается, как правило, демонстративно жестоко — Чаушеску, Хонеккер, Хусейн, Милошевич, Каддафи, др. примеры не случайно наглядно показывают будущим лидерам то, как это может быть сделано: беспощадно, публично, оскорбительно.

Кроме того, переход к 9-ому этапу развития враждебного сценария МО предполагает создание не просто организованной оппозиции, а именно вооруженной оппозиции, способной пусть на частные, местные, но силовые в т.ч. вооруженные акции. До мая 2015 года такие акции проводились только на Кавказе. Опыт всех революций в России, однако, свидетельствует, что очень важно вооруженное выступление против власти именно в столицах и других крупных городах.

Таким образом, перед западной стратегией развития сценария МО в 2016–2021 годы по формуле сетецентрической войны стоит задача усиления всех элементов системы давления на Россию с тем, чтобы в стране появилась социальная группа или сила, способная к открытому силовому противостоянию власти. Учитывая, что легальная оппозиция режиму В. Путина не смогла этого пока обеспечить, необходимо будет — следуя логике форсирования противостояния — активизировать системное воздействие на Россию по всем направлениям, включая переход к активным действиям в военно-силовой области.

Прогнозировать подобное развитие событий — крайне неблагодарная задача потому, что проявления такого силового давления могут быть (и будут) в самых необычных формах, местах и растянуты по времени. Так, к ним могут быть отнесены не только откровенно диверсионные акты, но и активизация бандитского подполья на Кавказе, провокации на границе с Украиной и т.п. активные мероприятия, суть которых одна: переход противостояния с Россией в вооруженную фазу, превращение силовой борьбы в вооруженную борьбу против политического режима. Период 2016–2021 годов может, таким образом, быть назван периодом перехода к фазе вооруженной борьбы.

Важно помнить и о том, о чем, как правило, всегда почему-то забывают: внешне благоприятная политическая стабильность может резко смениться на радикальные вы-

ступления, вооруженное противостояние и хаос. Это происходит потому, что люди не хотят верить в реальность радикальных изменений и далеко не всегда обнаруживают очаги напряженности, даже если они и заметны. Ни в 1917 году, ни в 1991, ни в 1993 году никто не предполагал переход политического конфликта в вооруженную и даже военную стадию. Не случайно в мае 2015 года серьезная английская газета «Файнэншл Таймс» писала: «… как отмечают политические обозреватели, кризис на Украине означает лишь затишье в долговременной тенденции, согласно которой россияне — как и жители любой другой страны с формирующимся средним классом — выдвигают требования к качеству жизни».

«Этап», по-Хрусталеву, — время бытия определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние … объекта, а периоды — некие ситуации, объединенные общей тенденцией[156]. Применительно к развитию сценария «Глобального военно-силового противоборства» это означает, что период с 2015 по 2021 годы рассматривается как серия этапов, главной общей тенденцией которых является наращивание силового (в т.ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ.

В этом смысле целесообразно рассмотреть некоторые возможные отдельные этапы развития Сценария МО в 2015–2021 годах, характерной чертой которых является инициирование вооруженного противоборства с правящими режимами в некоторых странах. К лету 2015 года таких стран было уже несколько. Наиболее известные случаи — Ливия, Сирия, Ирак и Украина, но нельзя забывать и о Йемене, Македонии и других странах.

Следует иметь в виду, что подготовительные этапы для вооруженного выступления оппозиции против власти, описанные выше, имеют исключительно важное значение и, как

---

[156] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 28.

правило, без них невозможно начало вооруженной борьбы (хотя в истории такие свидетельства и имеются, например, известная высадка десанта на Кубе во главе с Ф. Кастро).

Таким образом, существующие в настоящее время основные принципы стратегии западной ЛЧЦ в отношении России на 2016–2021 годы свидетельствуют о долгосрочной тенденции эволюции сценария «Глобального военно-силового противоборства» в эти годы как переходного периода к фазе реальной вооруженной борьбы. Альтернативой развития такому сценарию в эти годы может служить только смена политического курса и признания за США права на сохранение сложившейся после холодной войны финансово-экономической и военно-политической системы в мире.

Организованное вооруженное выступление (сопротивление) органам государственной власти. Этап вооруженного выступления наиболее известен и заметен в столицах и крупных городах, но это совсем не обязательно означает, что он не может начаться в других, более мелких городах, или даже небольших населенных пунктах. Ясно, что этот этап — публичная демонстрация готовности, к силовому сопротивлению власти. И в этом его главная цель. Так, политическое значение вооруженного выступления группы И. Стрелкова в Славянске на Украине означало переход сопротивления к вооруженной фазе борьбы.

Переход к организации систематического вооруженного сопротивления государственной власти и даже самим выступлениям происходит, как правило, очень незаметно. Так, в 1991 году А.И. Подберезкиным и коллегами была издана специальная работа, посвященная незаконным вооруженным формированиям на территории СССР. К началу 1991 года удалось обнаружить несколько сотен проявивших себя незаконных вооруженных формирований, насчитывавших десятки

тысяч человек[157], но лишь очень немногие из них проявили себя активно в вооруженной борьбе. Можно говорить, наверное, о периоде «демонстрации вооруженной силы», который нередко заканчивается захватом власти. Так было, в частности, в августе 1991 года и в других конфликтах на территории СССР, за некоторым исключением. Другими словами, эта военно-политическая реальность, влиявшая в решительной степени на политику элит («Винтовка рождает власть», как говорил Мао Дзе Дун), отнюдь не афишировалась в политическом дискурсе и СМИ, более того, была известна только специалистам. За исключением некоторых конфликтов (в Нагорном Карабахе, например) вооруженные формирования и их военные возможности, очевидно, сознательно недооценивались и демонстративно «не замечались». Более того, можно говорить, почти наверняка, что демонстрации оружия было, как правило, достаточно, чтобы силовым образом взять под контроль ситуацию. Последний пример — действия «зеленых человечков» в Крыму. Этот вероятный исход делает такую практику привлекательной.

Аналогичная ситуация, например, произошла в феврале 2014 года на Украине, когда «вдруг» не только в Киеве, но и в других регионах появились вооруженные (и обученные) отряды оппозиции, которые смогли противоборствовать профессионалам МВД и СБУ. На самом деле никакого «вдруг» не было. Эти формирования «не замечались», а иногда и прямо поддерживались отдельными институтами власти, в частности, СБУ, руководство которой на 95 % было заменено к 2014 году, а сопротивление им не было организовано. Более того, даже и не предполагалось.

Здесь важно отметить, что на этом этапе происходит уже «размывание» силовых структур, которые частично или в своем большинстве начинают ориентироваться на

[157] Незаконные вооруженные формирования на территории СССР. М. : РАУ-Университет, 1991.

оппозицию. У них, безусловно, есть вся оперативная информация о деятельности оппозиции, но они «не дают ей хода», как правило, из-за политической позиции руководства. Именно это произошло на Украине, СБУ которой к 2014 году уже контролировалось ЦРУ США. Таким образом, этот этап можно назвать «сговором» или «постановочным» этапом вооруженного конфликта.

Комментарии следующих (10–16 этапы) этапов развития «пессимистического» варианта и алгоритма действий по разрушению государства можно сократить до минимума в силу их очевидности, с одной стороны, и абстрактности (отсутствия конкретной привязки), с другой, остановившись подробнее на 17 этапе, где речь идет о формировании «марионеточного правительства».

Следует только отметить, что история СССР 1988–1991 годов является яркой иллюстрацией ко всем этим этапам. В ней есть всё — от потоков беженцев из Карабаха до «призывов к международному сообществу» об оказании помощи оппозиции со стороны А. Козырева и Б. Ельцина.

Тем не менее, коротко охарактеризуем эти этапы, которые, напомню, являются продолжением предыдущих этапов сетецентрической системной войны и реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства».

Логическим продолжением процесса перехода к вооруженному противостоянию, после появления прообраза вооруженной оппозиции, является создание атмосферы постоянной угрозы и террора, следствием чего становится внешне неорганизованный массовый поток беженцев.

Формирования миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.

Развертывание организованного вооруженного сопротивления власти предполагает, что в результате беспорядков окажутся пострадавшими тысячи граждан, чье недовольство

неизбежно дестабилизирует ситуацию в стране. Особенно если удастся организовать массовую миграцию за рубеж, как это было в ходе армяно-азербайджанского конфликта в СССР или гражданской войны в Сирии.

Фактически этот этап начался, если говорить о конфликте на Украине, еще в 2013 году, а в 2013–2015 годах поток беженцев из Украины в Россию превысил 2–4 млн человек, но потенциально он может включить не только большинство русскоязычного населения и этнических русских, но и самих этнических украинцев и тех, кто себя таковыми считает, после того социально-экономического кризиса, который обострился на Украине в 2015 году. По некоторым оценкам весной 2015 года в России работало уже около 4 млн граждан Украины.

После победы оппозиции на Украине в 2014 году могло возникнуть впечатление, что продолжение бегства из страны уже не требуется, но этого не произошло. Новой власти на Украине требуется не только сохранение, но даже усиление этого процесса в нескольких целях:

Во-первых, необходимо продолжить интернационализацию этого конфликта за пределы Украины, на всю Европу, чтобы максимально сохранить внешнюю вовлеченность. Примечательно, что собственно численность украинских беженцев в Европу увеличилась незначительно, а политических последствий этого вообще никаких не было.

Во-вторых, беженцы необходимы власти для размывания силового конфликта, превращая его в вооруженный, участниками которого предполагаются не массовые сухопутные армии, а отдельные ЧВК и отряды наемников, чья национальная принадлежность в массово-организованном миграционном процессе не устанавливается.

Наконец, в-третьих, массовая миграция в Россию создает трудности внутри страны и закладывает основу для организации социального протеста. Достаточно хорошо известны

примеры, когда даже относительно небольшая миграция из Афганистана, Нагорного Карабаха и бывших среднеазиатских республик СССР создавала проблемы в отдельных регионах страны и почву (при необходимости) для социально-политического противостояния.

Сверхзадача для организаторов массовой миграции — внутриполитическая дестабилизация России. События на Украине в 2014–2015 годах — стали иллюстрацией этого. Можно предположить, что дальнейшее развитие конфликта на Украине преследует именно такую цель, что неизбежно приводит к выводу о том, что этот конфликт должен разрастаться и становиться все более беспощадным. Одной из его основных целей является стимулирование огромного потока беженцев из Украины в Россию. Обустройство миллионов соотечественников в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса может стать тем импульсом, который приведет к кризису внутриполитической стабильности в России и дестабилизации ее политической системы[158].

Следующая, после внутриполитического кризиса, цель — организация гуманитарной катастрофы в наиболее населенных, центральных районах России, которые расположены вдоль 2000 километров границы с Украиной. Эта цель соотносится со следующим этапом сетецентрической войны и возможно планируется на осень 2016 года и 2017 год.

Способность государства противостоять гуманитарной катастрофе — главный экзамен для политической власти. После внутриполитической дестабилизации и организации массовой миграции должен наступить следующий этап — гуманитарная катастрофа.

В «классической» и «традиционной» схеме по развалу государства предполагается, что в результате всех указанных

---

[158] Долгосрочное прогнозирование международной обстановки: аналит. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] М. : МГИМО–Университет, 2014.

выше действий в стране стремительно слабеют институты государства и наступает гуманитарная катастрофа. Именно этот этап наблюдался в СССР в 1989–1991 годы, когда стремительно девальвировались институты власти (ЦК КПСС, Советы, наконец, «президентская вертикаль»), с одной стороны, и всё ярче проявлялись признаки гуманитарной катастрофы, с другой. Из продажи пропали самые необходимые товары, инфляция превысила все мыслимые пределы и т.д.

Собственно сочетание этих двух процессов — девальвация институтов власти и гуманитарная катастрофа, — осложненные беженцами с окраины и бывших советских республик, подготовили государственный переворот в августе 1991 года, которому безуспешно пытался противостоять ГКЧП.

В случае сохранения жизнеспособности государства — организация гуманитарной катастрофы.

В 2014–2015 годах в России также попытались организовать гуманитарную катастрофу, пик которой достиг в декабре 2014 — январе 2015 года. Но В. Путину и его окружению удалось не только сохранить контроль над ситуацией, но и значительную общественно-политическую поддержку и дееспособность государственных институтов. Более того, в созданных извне кризисных условиях удалось даже решить некоторые не решившиеся до этого проблемы, что в целом укрепило внутриполитическую стабильность.

В апреле–мае 2015 года в Европе, а затем и в США были вынуждены признать, что стратегия давления и классические подходы (включая организацию гуманитарной катастрофы) оказались малоэффективны. Было принято решение остановить эскалацию на какое-то время.

Объясняется это тем, что сама по себе гуманитарная катастрофа, очень радикальное средство и политическое оправдание для делегитимизации власти и внешнего прямого

вмешательства. Но только в условиях потери контроля над страной, чего не произошло. Поэтому этап гуманитарной катастрофы — обязательное условие для дезинтеграции России, но при отсутствии власти. Также как в свое время (1990–1991 гг.) в СССР, а до этого (январь-февраль 1917 года) в период Февральской революции, гуманитарная катастрофа является самым веским основанием для внешних сил для смены политической власти, даже революции в стране, ибо, «списывает» все издержки переворотов и дает «основание» для вмешательства и незаконных действий.

Она же является и моральным оправданием для перехода части правящей элиты на сторону противника. А это — обязательное условие смены режима. История России: 1917 год, 1991 годы — яркие свидетельства этого правила: и в первом, и во втором случае значительная часть правящего класса перешла на другую сторону по соображениям преодоления «хаоса» и гуманитарной катастрофы, но, в конечном счете, для того, чтобы сохранить контроль над ситуацией.

Только в этом случае оправдано фактическое наступление 12-го этапа сетецентрической войны — переходу части элиты на сторону противника. То, что происходило всегда. В т.ч. и на Украине, где часть правящей элиты В. Януковича перебежала к победителям, а до этого, в СССР, часть партноменклатуры — к «демократам». Именно это особенно наглядно, в современную эпоху, проявилось на Украине не только в Верховной Раде и силовых институтах страны, но и среди представителей региональных органов управления. «Потеря контроля» и «гуманитарная катастрофа» на фоне массовых беженцев — прекрасное оправдание для смены политического курса и элиты.

Частным проявлением развития предыдущего этапа является этап «легитимизации» новой правящей элиты и ее права на власть, который опять же ярко проявился на Украине, когда часть элиты и Верховного Совета легитимизировали вооруженный захват власти.

Призыв к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства к массовому переходу на сторону оппозиции.

Такой переход, как правило, происходит в своей основной массе довольно быстро, хотя «перебежчики» и «запоздавшие» будут всегда. Во время сентябрьско-октябрьского переворота в России в 1993 году наблюдалось несколько волн перебежчиков из сторонников Белого дома к Б. Ельцину, причем не в последнюю очередь на их позицию повлияли материальные обещания российского президента. «Ранняя» волна сторонников Б. Ельцина, из числа депутатов Верховного Совета РСФСР, получила существенные вознаграждения, а более поздняя — значительно скромнее. Самые последние — весьма незначительные гарантии. При этом формально-правовая сторона легитимизации, как правило, мало кого волнует. А если это и имеет место, то очень недолго. Так, антиконституционный указ № 1300, подписанный Б. Ельциным в сентябре 1993 года, в конечном счете, привел к новой Конституции.

Думается, что уже сегодня не только готовится, но и вводится некая «шкала поощрений» для будущих перебежчиков из числа нынешней элиты на сторону противников власти, о которой так или иначе российская правящая элита получит представление уже осенью 2015 года: регулярные гонорары, семинары и стипендии станут еще крупнее. «Первая волна» получит значительные бонусы, которые должны компенсировать риски перебежчикам, хотя сам по себе масштаб этих перебежчиков будет незначительным. «Вторая волна» — будет предназначена для массового перехода на сторону оппозиции (внешнего врага) для нее будут зарезервированы места в управлении и распределении ресурсов. Вот почему особенно актуальна борьба не только с коррупцией, но и с привычками чиновников современной России обзаводиться зарубежными активами, учить детей за рубежом, длительно лечиться, не говоря уже о постоянном проживании за

рубежом родственников. Все эти «активы» на определенном этапе развития сценария военно-силового противоборства неизбежно будут использованы против их хозяев в России, ослабив институты государственной власти.

Наравне с «пряником» для правящей элиты предполагается использовать «кнут», а именно механизмы запугивания и даже террора. В яркой форме эта особенность развития сценария военно-силового противоборства в части развала государства проявилась и проявляется на Украине.

Террор против представителей проправительственной элиты и интеллигенции. Этот этап, как правило, начинается параллельно с предыдущим этапом и постепенно усиливается от морального террора к физическому. Его смысл — поставить представителя власти перед выбором: сохранить ли свое нынешнее положение с учетом будущей опасной ситуации, либо пойти на определенный риск, заручившись бонусом компенсации уже изначально. Тот или иной чиновник может и не польстится на подкуп, но он обязательно вынужден реагировать даже на обычные угрозы себе или членам своей семьи. Особенно если эти угрозы переходят от морального к физическому порядку.

Нередко угрозы представителям власти перерастают в открытый террор всей власти, который в ряде случаев достигает своей цели — дезорганизует управление страной, либо заставляет власть идти на неприемлемые компромиссы. Такой массовый террор может полностью уничтожить политическую систему или стать одним из факторов ее уничтожения.

Как правило, в любой элите находится достаточно большое число недовольных своим статусом и положением людей, на которых, прежде всего, будет направлен террор. На стадии развития сценария перехода к вооруженной фазе военно-силового противостояния в 2016–2021 годы террор против представителей власти в России пока что кажется

малореальным, хотя в отдельных регионах на Кавказе он уже стал достаточно обычной практикой.

Ситуация однако может очень быстро измениться, если, например, террор против власти в России получит мощную поддержку извне. И не только в случае «смены курса» ИГИЛ, но и усиления масштаба террористической деятельности до уровня взрывов жилых домов в России в 1999 году.

Некоторые черты этого этапа террористической борьбы проявляются даже на начальных этапах сетецентрической войны. Иногда во вполне цивилизованных «европейских» формах. Так, даже в период господства либерального режима Б. Ельцина гонениям подвергались многие представители прежней брежневско-горбачевской и хасбулатовско-руцковской элиты. Так, сегодня мало кто вспоминает волну террора, захлестнувшую Москву после расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета.

Не случайно и то, что беспрецедентные санкции были направлены уже в ходе «дела Магницкого» против физических лиц — представителей власти. Позже, летом 2014 года, они были расширены не только США и странами ЕС, но и зависимыми от этих государств странами. Наконец, в 2015 году эти акции демонстрируются уже по отношению ко всем персоналиям из «списка сторонников режима».

Следующий важный этап — политический шантаж власти и открытые угрозы в ее адрес со стороны официальных представителей зарубежных государств.

Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения». Прямое давление на власть, включая открытые угрозы политической и судебной расправой.

Этот шантаж дополняется кампанией на уровне «Мирового сообщества».

Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным, незаконным действующее правительство.

Угрозы в адрес правящего режима — публичные и косвенные, частные являются мощным инструментом шантажа руководства страны, который нередко оказывает решающее воздействие. Так, именно угрозы В. Януковичу, как представляется, стали подлинным мотивом того, что он не использовал свои полномочия и имеющиеся у него ресурсы для борьбы с вооруженной оппозицией.

Такие угрозы и «гарантии» широко используются Западом в ходе развития того или иного конфликта. Причем в зависимости от формы этих угроз, тональности и подачи, они могут широко варьироваться — от обещаний — наставлений до грубых ультиматумов. В любом случае на стадии возможного перехвата власти позиция стран-лидеров является важным фактором победы того или иного лагеря потому, что вслед за такой позицией неизбежно идут ресурсы, направляемые в пользу того или иного лагеря.

Прямые и косвенные угрозы используются не только против прямого, непосредственного противника, но и против широкого круга государств и организаций, формирующих МО — от союзников и близких партнеров противника до нейтральных государств. Как правило, системное политическое противоборство, применяемое в ходе «пессимистического» варианта Сценария глобального противоборства ЛЧЦ, предполагает уже на ранних стадиях попытку внешней изоляции противника. Именно так происходило с Россией в 2013–2015 годы, когда администрация США, Государственный департамент и другие институты США и их союзников стали оказывать прямое (иногда даже грубое) давление на все государства в мире с тем, чтобы продемонстрировать публично ее растущую изоляцию. Есть все основания полагать, что в 2016–2021 годы эти попытки

не будут ослабевать. Их задача — максимально сузить геополитическое пространство влияния России, лишить ее внешних связей и контактов.

Свертывание политических, экономических, культурных и даже образовательных контактов происходило под прямым политико-дипломатическим давлением США и ЕС, а его последствия сказывались по-разному — от отмены государственных визитов и отказов от оговоренных программ (визит короля Марокко в 2014 году или отказ от передачи оплаченных вертолетоносцев «Мистралей»).

Важно подчеркнуть, что в условиях реализации «пессимистического» варианта Сценария противоборства эта политика (системная политика и сетецентрическая стратегия) развивается «по восходящей»: США усиливают свое давление и эскалацию политической изоляции, переходя к прямому силовому воздействию на другие государства там, где это представляется возможным, а также превращению его в мирового изгоя, поставленного под угрозу официальных международных санкций. Применительно к России это может означать уже не свертывание контактов по линии Совета НАТО, а также ОБСЕ и даже попыток исследовать механизмы «отлучения» в ООН.

Вместе с тем необходимо признать ограниченность возможностей в этой области по вполне объективным причинам: западная ЛЧЦ не обладает абсолютным влиянием и контролем над всеми субъектами и акторами МО в настоящее время, а ее возможности влияния в 2016–2021 годы будут объективно снижаться по мере, усиления неподконтрольных Западу центров силы. Даже среди союзников и зависимых государств будут усиливаться тенденции сотрудничества, как минимум, отказа от «лобовой конфронтации» с Россией в силу целого ряда причин.

Это противоречие открывает новое «окно возможностей» для российской дипломатии по формированию сети

партнерских отношений на неблоковой основе, которые «по-факту» своего существования будут антизападными.

Во многом в зависимости от этих усилий будут развиваться зарубежные возможности оппозиции: политическая поддержка, материальная помощь, военная поддержка, наконец, признание оппозиции в качестве легитимного представителя государства, способного распоряжаться его активами.

Признание и получение руководителями оппозиции права на зарубежные активы государства на фоне экономической блокады действующей власти.

Не стоит думать, что подобное развитие событий для России в 2016–2021 годы малореально. Достаточно сказать, что по «делу Ходорковского» могут быть арестованы активы в 50 млрд долл. и переданы (на определенных условиях) оппозиции. Такой исход имеет очень важное значение в реализации «пессимистического» варианта военно-силового сценария до 2021 года. Это означает, что будет иметь место попытка взять под контроль многие зарубежные активы России, которая пока что кажется нереалистичной, но вполне может оказаться реальной в среднесрочной перспективе. Более того, определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, решение Международного суда в Гааге о выплате 50 млрд долл. и 3 млрд долл. миноритарным акционерам, «задержки» в Нидерландах коллекции «скифского золота», отказ от передачи «Мистралей» эти примеры можно рассматривать не как отдельные элементы, а как компоненты единой стратегии США, результаты которой уже можно будет увидеть в 2016–2021 годы.

Наконец, завершающий этап переходного периода военно-силового сценария противоборства — формирование марионеточного правительства на территории противника, которое (в случае удачи) избавляет нападающую сторону от необходимости ведения полномасштабной войны после 2021 года, ограничившись помощью в ходе военного конф-

ликта. В случае неудачного развития сценария марионеточное правительство обеспечивает не только политическую поддержку, но и физическое присутствие войск на территории другого государства. Примеры с Югославией, Ираком, Ливией, Сирией — очень показательны. Наиболее удачный пример — Афганистан, где интересы США обеспечивают местные власти.

Формирование «марионеточного» правительства, способного вести враждебные военные действия. Смысл создания «марионеточного правительства» — выполнить поставленную внешними силами задачу по окончательному разрушению государства и дезинтеграции нации, либо использовать это государство в других целях, например, войны против третьего государства. Это хорошо видно на примере Украины и ряда других стран Восточной Европы и бывшего СССР. «Марионеточное правительство» является непосредственной альтернативой существующей власти, создавая ситуацию двоевластия, которая долго продолжаться не может. Либо существующее «де-факто» марионеточное правительство превращается в легальное правительство, либо легальное правительство эволюционизирует в форму марионеточного правительства (как российское правительство 1991–1995 годов), либо марионеточное правительство вытесняет с помощью внешних сил легальное правительство (как было в феврале 2014 года на Украине).

По сути дела это квази-правительство, управляемое извне, является «облачным противником» для России: формально с ним поддерживаются дипотношения, ведутся переговоры, учитывается его позиция и т.д. На самом деле это — «облачный противник», которым манипулируют до конца неизвестные силы и — что очень опасно — в неизвестных целях.

Анализ этапов перехода к фазе военного конфликта показывает, на примере Украины, что к лету 2015 года эскалация сетецентрической войны на Украине прошла, все перечисленные стадии и перешла к последующим стадиям военно-технического развития. «Точка бифуркации» в 2015 году проведет раздел одного и того же сценария «Глобального военно-силового противоборства» на два варианта — относительно оптимистического, где попытки политического компромисса будут сочетаться с силовой борьбой, и откровенно военного, вооруженного, когда остальные средства системной сетецентрической войны после 2021 года окончательно уступят свое место вооруженным.

Дальнейшее развитие до 2021 года сценария сетецентрической войны теоретически может идти по названным выше трем вариантам, если не произойдут радикальные цивилизационные катаклизмы и столкновения (что теоретически вполне возможно, но практически — политически маловероятно). Причем наиболее вероятный вариант сценария силового противоборства — «пессимистический», — как уже говорилось, предполагает до 2021 г. активное использование военной силы, под контролем и с минимальным риском для США.

Вероятность реализации вооруженного сценария увеличивается по мере приближения 2021 года в связи с очень вероятной сменой стратегической парадигмы в развитии военного искусства и ВиВТ, которая во многом является следствием сознательно формулируемых сетецентрических задач. Российский эксперт Л. Савин, в частности, по этому поводу отмечает: «Трансформация вооруженных сил США … продолжает улучшать возможности сетецентричной основы боевых действий. Различные виды беспилотных летательных аппаратов и боевых роботов, введение в эксплуатацию новых средств связи с большой пропускной способностью, от тактического радио до спутниковых систем, усовершенствование радарных систем и средств слежения, тесное взаимодействие

гражданских структур с военными, а также международное сотрудничество, свидетельствуют о смене стратегической парадигмы, связанной с конфликтами»[159].

Ускорение развития негативных сетецентрических возможностей уже к 2021 году ведет к появлению новых социально-сетевых ресурсов для ведения вооруженной борьбы, которые станут новой особенностью характеризующей военные действия во втором десятилетии XXI века. Л. Савин по этому поводу замечает: «Социальные сети, первоначально созданные для общения между людьми из различных стран, начинают эксплуатироваться военными и спецслужбами для манипуляции и пропаганды. Безусловным лидером на данный момент являются США, где Пентагон начал осваивание новой спецпрограммы по манипулированию с социальными сетями. Внедрение новых технологий, методов и тактик происходит в постоянно ускоряющемся режиме. Наблюдая за происходящими конфликтами, создается впечатление, что «хвост начинает вилять собакой» и проектировщики из Вашингтона сами не знают, как им ответить на те, или иные угрозы»[160].

Таким образом, период 2016–2021 годов можно охарактеризовать:

— как переходный период в сетецентрической стратегии США к преимущественно вооруженным формам борьбы, решительным действиям, способным военно-силовым способом воспрепятствовать возможным попыткам изменить контролируемые США финансово-экономическую и военно-политическую системы в мире;
— как период, в ходе которого будут завершены основные программы по созданию качественно нового потенциала ВТО, предназначенного для нанесения воздушно-космического удара с разных платформ и носителей;

[159] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 117.
[160] Там же.

— как период завершения создания полномасштабной системы боевого управления, связи, обработки и передачи информации, как «по горизонтали» между всеми видами и родами ВС, так и «по вертикали» — от высшего военного руководства до отдельного военнослужащего;
— как период полной системной интеграции всех сил и средств западной локальной ЧЦ в интересах предотвращения любых попыток изменить возможность их контроля над МО в мире;
— как период создания социально-интегрированной сети в интересах внешней политики западной ЛЧЦ, способной манипулировать политикой других стран, включая искусственно создаваемые внутриполитические кризисы, военные действия и распределение важнейших ресурсов и контроль над транспортными коридорами.

«Пессимистический» вариант развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2016–2021 годы представляется в настоящее время очень вероятным, хотя, естественно, и наименее желаемым, а поэтому и наименее привлекательным. Более того, такое публичное негативное отношение к этому непопулярному варианту сценария накладывает, неизбежно, отпечаток и с точки зрения его вероятности: кому же хочется быть пророком войны?

Между тем, точное выделение из наиболее вероятного сценария развития МО его конкретного среднесрочного варианта в 2016–2021 годы, имеет огромное практическое значение не только с точки зрения целеполагания и реализации внешнеполитической и национальной стратегии, но и с позиции неизбежного уточнения в распределении национальных ресурсов, которое требуется в силу целого ряда причин бюджетного и военно-технического характера. Хотя ГПВ-2020 выполняется, ее корректировка потребуется. Это, в полной мере, осознается теми, кто отвечает в России за долгосрочное планирование, в особенности в связи с подготовкой

новой ГПВ на будущие 10 лет. Ошибка для такой оценки стоит очень дорого. В современной истории уже случалось, что то или иное государство, чья правящая элита оказывалась недальновидной и не могла представить себе точный образ угроз будущего и военно-технические способы его достижения, оказывалась у обломков государства и на грани национальной катастрофы. Так было в 1941 году с СССР, но так было и позже с Югославией. Так было и с Ираком, Афганистаном, Сирией и Ливией, чьи элиты не смогли обеспечить военно-техническую безопасность перед лицом военной агрессии Запада. Во многом из-за неверия в реалистичность военной угрозы.

По сути дела рассматривая вероятность того или иного варианта сценария борьбы ЛЧЦ, прежде всего западной ЛЧЦ против России, необходимо отдавать себе отчет, что главным условием успешного военного противоборства в XXI веке является ясно выбранная и поддержанная нацией стратегия развития, которая имеет четкую цель и эффективные средства её достижения.

В этой связи встает вопрос о «точке отсчета» в определении уровня и, темпов национального развития (а не только экономического), которые предопределяют будущие возможности нации и государства после 2021 года. Так, к середине 2015 года существовали (как ни странно) полярные оценки развития России в 2000–2015 годы, которые вытекали не столько из конкретных статистических данных, сколько из отношения тех или иных лиц к России и конкретно к В. Путину и его окружению. Естественно, что полярность таких оценок сказывается на прогнозе национального и государственного развития России.

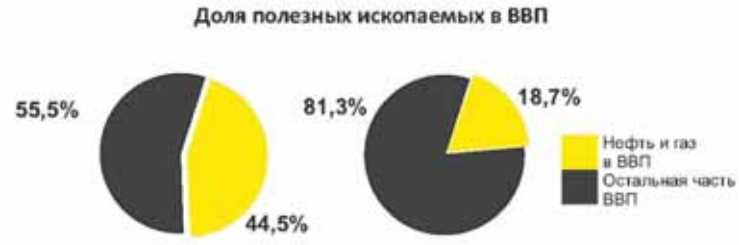
Так, ключевое значение имеет внутриполитическая стабильность, которая оценивается совершенно по-разному — от резко негативного отношения (Россия — накануне бунта, в кризисе и т.д.) до восторженного (85 % поддержки В. Путина, «новый ренессанс» и др.).

Очень важно попытаться относительно точно оценить ситуацию, в которой находится Россия в середине 2015 года, с тем, чтобы спроецировать ее на краткосрочную и среднесрочную перспективу, а затем и на стратегическую перспективу после 2021 года. Это необходимо, в том числе и для того, чтобы точнее определить сценарий развития МО после 2021 года, который во многом будет зависеть от состояния влиятельного субъекта МО — России.

И некоторые оценки социально-экономического положения России, в условиях кризиса и наложенных санкций, внушают оптимизм. Прежде всего, речь идет о всей динамике социального и экономического развития страны за период правления В. Путина (2000–2015 годы), в частности, отраженной в исследовании Йона Хеллевига.

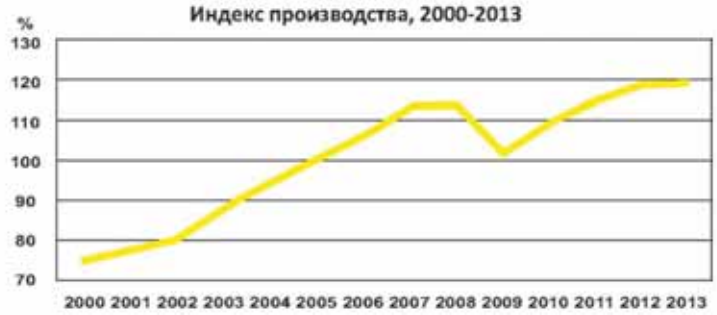
Краткое изложение некоторых фактов развития российской экономики в 2000–2013 годах[161]

Доля дохода от экспорта природных ресурсов (нефть, газ, уголь, минералы и древесина) в ВВП более чем в два раза уменьшилась (с 44,5% до 18,7%) в промежутке между 2000 и 2012 годами. Реальная доля доходов от нефти и газа составляет 16%.



[161] *Хеллевиг Йон*. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

Промышленное производство в России выросло более чем на 50%, и это при том, что в то же самое время оно было полностью модернизировано.



Развитие МО в 2016–2021 годы невозможно понять без оценки положения России.

Как видно из приведенных примеров, за 2000–2013 годы существенно изменилась, в положительную сторону, структура экспорта и вырос индекс промышленного производства, что говорит о том, что в целом страна стала развиваться в правильном направлении. Можно говорить о том, что в 2012–2013 годы страна вышла на новый уровень своего развития, что, вероятно, не могло не обеспокоить западных оппонентов. В этом смысле введение против России в 2014–2015 годах санкций можно рассматривать, как попытку остановить развитие страны и укрепление её суверенитета, а также снижение зависимости от Запада, возникшей в 90-е годы XX века.

В частности, снижение продовольственной зависимости и рост объемов несырьевого экспорта свидетельствовал о том, что Россия превратилась к 2014 году в независимую от внешнего влияния страну. Можно предположить, что та антироссийская силовая кампания, которая связывается с конфликтом на Украине, на самом деле имеет более фундаментальные причины, а именно: Запад, создав финансово-

экономическую и военно-политическую подконтрольную систему, к 2013 году стал опасаться любой конкуренции, способной поставить под сомнение это право контролировать МО в мире.[162]

Рис. 6.14.

[162] *Хеллевиг Йон*. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

Строго логически ситуация в мире и МО с точки зрения Запада выглядела альтернативно: либо возрождающаяся Россия подчинится «универсальным» нормам, созданным Западом в период однополярного мира, либо ее нужно вернуть в положение «начала 90-х» годов, когда кризис и внутриполитическая нестабильность фактически устранили ее из мирового процесса принятия решений. В перспективе 2015–2021 годов необходимо было реализовать один из этих вариантов, а в случае их неудачи, — после проведения системной и тотальной подготовки западной ЛЧЦ, ликвидировать ее как государство военно-силовым способом.

По сути дела «пессимистический» вариант развития «Глобального военно-силового сценария» в 2016–2021 годы является фазовым переходом от силового противоборства к военно-силовому этапу в отношениях России и ряда других стран с Западом. Поэтому другие варианты этого сценария можно рассматривать как менее вероятные и дополнительные, которые будут использованы в случае, если Россия пойдет на односторонние и существенные уступки.

В условиях системного и сетевого противодействия, когда друг другу противостоят не только собственно военные организации государств, но и противоборствующие системы, включая коалиции союзников и партнеров, успешная стратегия обороны уже не может опираться только на ВС и ВиВТ и даже на всю военную организацию страны. Ее эффективная опора — значительно шире. Она включает уже

Рис. 6.15. Сравнение военных организаций двух противостоящих ЛЧЦ

и общественные, и бизнес составляющие. Эту мысль можно изобразить, сравнивая две военные организации ЛЧЦ — российскую и западную, — на следующем логическом рисунке (рис. 6.15).

«Пессимистический» вариант военно-силового противоборства учитывает в полной мере эти различия в военных организациях двух ЛЧЦ. Именно поэтому сетевая системная сетецентрическая стратегия западной ЛЧЦ использует в 2016–2021 годы, прежде всего, эти конкурентные преимущества. Российская военная организация, уступающая западной в институтах развития НЧК, бизнес-организации, а также в союзниках и союзах, будет в эти годы опираться фактически только на собственно военную организацию государства и его институты. Именно поэтому в переходный период до 2021 года на все вызовы со стороны Запада — экономические, дипломатические, информационные, гуманитарные и др. — у России остается, гораздо меньше возможностей для реакции. Так, на экономические санкции Запада Россия отвечает ограничением торговли с этими странами, а на финансовую блокаду — кредитованием из государственных средств. Это неизбежно ведет к перенапряжению государственных ресурсов и сказывается на бюджете и социальных программах, которые также финансируются государством.

Таким образом, «пессимистический» вариант сценария предполагает, что к 2021 году государственные ресурсы и резервы России будут существенно подорваны, а амбиции — не подкреплены возможностями. Еще до перехода противоборства в вооруженную фазу западная ЛЧЦ стремится истощить национальные ресурсы с тем, чтобы, когда это потребуется, таких возможностей было меньше. В этом смысле понятна и война «на истощение» на Украине.

Как видно из рисунка, сравнение очевидно не в пользу России. И не только потому, что экономическое сравнение США и России составляет 10:1, а технологическое 100:1, но

и потому, что коалиционные, союзнические и партнерские возможности США и ЛЧЦ увеличивают это соотношение, как минимум в 2 раза, т.е. 20:1 и 200:1. Когда сравнивают военные возможности противостоящих сторон, то речь идет, прежде всего, об этих количественных сопоставлениях и их производных — количестве самолетов, танков и т.д. Но при реализации «пессимистического» сценария в 2016–2021 годы ставка будет делаться не на ВС и ВиВТ — эти возможности достигнут своего нового качественного уровня после 2021 года, а на конкурентные преимущества которых практически нет у военной организации России — институты общества, бизнеса и союзы.

Кроме того легко заметить «резерв», существующий у западной ЛЧЦ в виде негосударственных институтов — ЧВК, обществ, ассоциаций (например, любителей стрелкового оружия США) и др. институтов реализации человеческого капитала. А так как национальный человеческий капитал и его институты являются главным ресурсом в XXI веке, то и преимущество в нем гарантирует наиболее предпочтительные позиции в соперничестве. Речь идет об университетах, СМИ, социальных сетях, фондах, др. институтах НЧК, создающих «поле превосходства».

Такое «поле превосходства» в условиях системной сетецентрической войны в 2016–2021 годах способно обеспечить США достижение поставленных целей, либо, как минимум, привести к истощению ресурсов России. Собственно вооруженные силы и военная сила западной ЛЧЦ обеспечивают силовой фон для эффективного использования этих средств: финансовый, экономический или торговый шантаж, например, в этих условиях становится «естественным» средством политики. Учитывая, что характер современной войны определяется эффективностью противодействия не только вооруженных, но и невооруженных сил и средств, подобное противоборство становится особенно не в пользу России.

Национальная стратегия России в 2016–2021 годы прямо зависит от того какой вариант («пессимистический» или «реалистический») сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» в 2016–2021 годы будет выбран Западом окончательно. Именно от этого будут зависеть основные направления военного строительства не только до 2021 года, но и в долгосрочной перспективе. И не только в оборонных отраслях, но и в его военной организации в национальном масштабе. В частности, «оптимистический» вариант не предполагает массового использования военного потенциала в глобальных масштабах, в ближайшие годы немедленно, но он же исходит из более активного использования невооруженных средств насилия в переходный период. Это значит, что не требуется полностью боеготовый военный потенциал, который нужно будет ввести в действие немедленно после начала военного конфликта в глобальной стадии: вероятность постепенного, растянутого на годы военного конфликта, в соответствии с этим вариантом сценария сетецентрической войны, — очень велика.

Судя по всему, однако, подготовка ВС США и НАТО к немедленным военным действиям в любом регионе мира означает, что именно этот «мягкий» («оптимистический») вариант наименее вероятен в 2016–2021 годы, а «пессимистический» — наиболее предпочтителен.

Точное определение варианта развития сценария МО в 2016–2021 годы имеет важное тактическое значение для распределения национальных ресурсов. И не только бюджетного планирования, но и решений по поводу НИОКР и модернизации ВиВТ. Так, если нет непосредственной военной угрозы, то и национальные ресурсы могут быть использованы иначе. В частности, большая доля расходов в 2016–2021 годы может быть потрачена на НИОКР перспективных образцов ВиВТ и вообще на развитие национального

человеческого капитала (НЧК)[163], а не на избыточное серийное производство устаревших ВиВТ, необходимое, может быть, какое-то время непосредственно только на начальной стадии войны. И, наоборот: если, как это будет при развитии вероятного «пессимистического» варианта сценария МО, войну планируется начать глобально и масштабно в короткие сроки, то необходимо иметь соответствующие запасы ВиВТ на ее первый период.

На наш взгляд, период 2016–2021 годов станет периодом постепенного и поэтапного перехода «реалистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» в «пессимистический», который, видимо придется на 2019–2021 годы. Поэтому его можно охарактеризовать как период непосредственной подготовки к глобальной войне в условиях уже ведущейся сетецентрической войны против России, задачей которой является максимально ослабить Россию и усложнить ее подготовку к военной агрессии.

Вместе с тем важно иметь ввиду, что варианты одного и того же вероятного сценария развития МО легко «взаимозаменяются», а переход от «оптимистического» к «реалистичному» и даже «пессимистичному» варианту сценария может произойти в краткосрочной перспективе одного-двух месяцев. Политически это не должно вводить в заблуждение: переход от одного варианта к другому может быть как реальным, так и мнимым, сделанным в силу самых разных соображений. Например, для дезориентации противника или консолидации союзников, или по внутриполитическим соображениям. Так, визит госсекретаря США Керри в мае 2015 года в Москву и корректировка риторики не явились сменой «пессимистического» варианта на «реалистический», а тактической уловкой изменить позицию России по ряду вопросов. По большому

[163] Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич. М.: МГИМО, 2014. С. 111–122.

счету России дали понять если вы вернетесь к послушанию, то мы подумаем, что «можем сделать».

Быстрая смена обстановки в 2016–2021 годах потребует формирования значительного государственного резерва, который может и не быть практически использован (а, значит, будет обузой для экономики), либо найти применение которому будет трудно впоследствии. Поэтому особое значение имеет точный среднесрочный прогноз реализации того или иного варианта в рамках одного вероятного сценария развития МО на 2016–2021 годы. Сроки здесь имеют значение. Так, еще в начале 20-х годов XX века руководством СССР была констатирована неизбежность войны с империалистическими державами и необходимость индустриализации как средства подготовки к ней, т.е. политически признан в долгосрочной перспективе неизбежный сценарий войны, что не означало одновременно признание наиболее вероятного быстрого начала полномасштабной войны и необходимости мобилизации. Армию сократили. В 1930-х годах вероятность такой войны (варианта того же самого сценария) постоянно повышалась, а сроки — сокращались до нескольких лет. К началу 40-х годов вероятность того или иного варианта одного и того же сценария полномасштабной войны отличались по срокам на один-два года, даже месяцы. «Пессимистический» вариант сценария развития МО сработал быстрее, чем ожидал И. Сталин, который полагал, что у него есть еще несколько месяцев, что привело к тяжелым поражениям СССР на начальном этапе войны.

По сути дела сказанное означает, что советское руководство в рамках одного и того же сценария развития МО (неизбежность войны) оценило в качестве наиболее вероятного вариант «оптимистический» — начала войны не летом 1941 года, а в 1942–1943 годах.

В современных условиях, когда использование военной силы в глобальной войне может быть массовым и широко-

масштабным в короткие сроки и вести к достижению поставленных целей в очень ограниченный период времени, (что, собственно, и планируют в США) приходится неизбежно исходить из худшего, «пессимистического» варианта сценария, а именно, что уже до 2021–2022 годов не исключается не только региональный военный конфликт России и США и их союзников в Европе, но и глобальная война на различных ТВД с использованием всех имеющихся сил и средств против России. Другими словами предполагается, что идущая сетецентрическая война против России в качестве базового варианта ориентирована на постепенную эволюцию в 2016–2021 годы «пессимистического» варианта в направлении усиления в нем вооруженного компонента. Но этот базовый вариант отнюдь не исключает того, что эволюция «пессимистического» варианта не сможет произойти быстрее, еще до завершения переходного периода 2016–2021 годов.

Сказанное означает, что в соответствии с таким «пессимистическим» вариантом Сценария глобального военно-силового противостоянии западной ЛЧЦ с Россией, Соединенные Штаты и их союзники должны иметь все необходимые средства и возможности для такой войны уже до начала будущего этапа в 2021 году. Обладание таким потенциалом отнюдь не означает, что война обязательно будет. Вполне достаточно обладать таким потенциалом и возможностями, чтобы[164]:

— Продемонстрировать эти возможности России и иметь все основания для политического давления, т.е. использовать военную силу в политико-психологической форме. Эта форма — наиболее эффективна потому, что, во-первых, минимизирует риски собственной войны; во-вторых, снижает финансовые и материальные издержки;

---

[164] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

в-третьих, наиболее приспособлена для современного характера (гибридной) войны, когда основной целью становятся не ВС противника, а политика правящей элиты.

— В случае перехода к непосредственным военным действиям контролировать эскалацию, т.е. быть более сильным на каждой из ступеней эскалации военного конфликта, а значит фактически управлять его развитием.

— В случае перехода конфликта в полномасштабную войну необходимо быть абсолютно уверенным в победе в такой войне. Более того, важно, чтобы противник (Россия) заранее, еще до начала военных действий знал, что он обречен на проигрыш в такой войне.

— Наконец, в отличие от политики «сдерживания», которая многие годы была основой внешней политики Запада, современный вариант Сценария развития МО предполагает не оборону, а наступление на позицию России. В частности, необходимость проявления инициативы и наступательного характера по отношению к российской нации и цивилизации, суверенитету государства, его территориальной целостности и способности контролировать свои ресурсы.

Такой вывод относительно развития наиболее вероятного варианта базового сценария МО в 2016–2021 годы означает, что наша страна должна провести срочные, массовые и неотложные мероприятия по мобилизации своих экономических, политических и демографических возможностей в условиях относительно мирного времени, т.е. при формальном отсутствии войны, до возникновения явной военно-политической угрозы, т.е. в ближайшие годы. Целью таких мероприятий является фактически создание новой военной организации России, соответствующей условиям и характеру современной МО.

Учитывая опасность развития события по «пессимистическому» варианту, можно прогнозировать, что подобная

эволюция развития сценария МО будет происходить достаточно медленно, через промежуточные этапы, вероятные паузы, а иногда — даже отходы, связанные с дипломатической игрой и политической конъюнктурой в мире. Развитие любого следующего этапа «пессимистического» варианта Сценария будет неизбежно предполагать вполне определенные, а именно системные действия со стороны западной ЛЧЦ, в частности:

— усиление информационной и психологической войны;
— публичные заявления и информационную подготовку;
— резкие и противоречащие им «мирные» выступления полуофициальных и официальных лиц, не требующие немедленных действий;
— осложнение торгово-экономических и финансовых отношений между ЛЧЦ;
— формирование «внешнеполитического вакуума» вокруг России;
— максимальная консолидация позиций всех западных стран-участниц и скрытое давление на их правительства и т.д.

Такая тактика поведения США и ряда стран — союзников связана с реализацией приоритета коалиционной стратегии, который предполагает, что все (или абсолютное большинство) страны должны поддержать американский вариант («пессимистический») развития сценария МО в 2016–2021 годы.

Однако, учитывая, что интересы целого ряда стран далеко не всегда совпадают с интересами США, Вашингтону потребуется некоторое время для продвижения своей позиции как внутри США, так и за рубежом. Так, политико-информационная подготовка США и НАТО к войне в Югославии в 1999 году заняла, по некоторым оценкам, 6–8 месяцев. Соответственно и переход на очередной этап военного противоборства потребует каждый раз, как минимум, нескольких

месяцев, что в итоге может занять от 2 до 5 лет. Эти сроки вполне укладываются в цикл нарастания противоборства западной ЛЧЦ против России, который должен закончиться к 2021–2023 годам и перейти в открытую фазу войны, если политические цели не будут достигнуты иными способами, а именно с помощью системного и сетецентрического противоборства.

К середине 2015 года невоенные средства по отношению к России, с одной стороны, отнюдь не были исчерпаны. Более того, признавалось, что для проведения силовой политики в отношении России невооруженными средствами сохраняются огромные экономические и финансовые возможности. С другой стороны, эти средства наносили ущерб тем, кто их применял. Так, на страны ЕС приходится более половины внешнеторгового оборота России, более 70 % иностранных инвестиций, а также 63 % торговли нефтью[165]. Но это же имело и обратный эффект. Санкции серьезно отразились на экономике ЕС.

Но, главное, как оказалось, это прямые и непрямые средства воздействия на российскую правящую элиту, которые открыто стали политическими средствами еще со времен «дела Магницкого». Системное воздействие на Россию предполагает, прежде всего, расширение спектра этих средств как на правящую элиту, так и на все общество, которое должно оказать давление на правящие круги страны. За 1990–2015 годы правящая элита и общество «проросли» на Западе, прежде всего в Европе, не только собственностью и совместным бизнесом, но и обучением и проживанием близких, отдыхом, лечением и т.п. услугами, без которых уже трудно обойтись в России. И речь идет не о десятках тысяч человек, а о нескольких миллионах граждан, прочно

[165] *Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д.* Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М. : Спецкнига. 2014. С. 5.

связанных с существованием на Западе. Поэтому не только реальные действия, но и информационно-психологические акции на Западе крайне болезненно воспринимаются в российской элите.

Вместе с тем ограничения, наложенные на Западе на российскую элиту, привели к бегству российского капитала, который десятилетиями скрывался в Великобритании, Испании и Франции. Последствия для этих стран оказались серьезными, что лишний раз подтвердило зависимость стран друг от друга в глобальной экономике.

В определенном смысле, поведение администрации Б. Обамы в 2015 году является иллюстрацией этой тактики системного противоборства: сначала следуют радикальные заявления сенаторов и конгрессменов — зондаж, — за которыми возникает некая пауза; затем следуют выступления вице-президента и госсекретаря, после которых также наступает некая пауза, во время которой тщательно анализируется реакция Москвы; наконец, — «совместные» реакция США–ЕС с обязательными обещаниями «отказаться, в случае, если Москва…».

Очень важно, поэтому тщательно отличать эту тактику США, манеру поведения и реальную стратегию эскалации сетецентрической войны, которая неизбежно ведет к тому, что после 2021 года вероятность того, что развитие сценария МО и СО в военную стадию масштабного конфликта России с западной локальной человеческой цивилизацией будет очень высока. Надо исходить из того, что современный сценарий развития МО–ВПО–СО означает только начальную, во многом скрытую, стадию сетецентрической войны против России, которая, в конечном счете, характеризуется:

— идеологической, цивилизационной и политической бескомпромиссностью, что исключает благостные надежды «на объятия Запада». При этом такая бескомпромиссность сочетается с проведением политики «мягкой силы»,

которая (при множестве разных определений) сводится к лидерству, способности устанавливать, по мнению родоначальника этого понятия Дж. Ная, — «повестку дня»[166], т.е. быть политико-идеологическим лидером;

— конечными военными целями «на уничтожение» российской ЛЧЦ и России, как государства, а не на заключение перемирий и договоренностей (и не предполагает «цивилизованного» использования оружия, как показали события на Украине). Требуется не просто поражение России, а ее уничтожение как единого государства и центра возможной консолидации сил в Евразии и военно-политической коалиции;

— разрушением цивилизации, нации и уничтожением российского государства, как носителей системы ценностей, исторического и культурного, а также духовного наследия, альтернативного наследию западной ЛЧЦ;

— разделом территории, природных ресурсов и транспортных коридоров России, т.е. ликвидацией геополитического центра силы, способного контролировать Евразию.

Это развитие базового «пессимистического» варианта сценария МО в 2016–2021 годы можно представить на логической схеме следующим образом (рис. 6.16).

Необходимо констатировать, что уже до 2021–2022 годов развитие сетецентрической войны западной ЛЧЦ против России пройдет, как минимум, последующие после 17-ой, вооруженной, стадии, а именно:

— легальные поставки на Украину «марионеточному правительству» современных ВиВТ и достаточного количества инструкторов по обучению;

— ввод ограниченного контингента войск НАТО в ключевые стратегические точки страны;

---

[166] *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Рис. 6.16. Логическая схема наиболее вероятного, «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» в 2016–2021 гг.

— полное воздушно-космическое обеспечение боевых действий, а также возможный перевод конфликта в формат «бесполетной зоны»;
— военно-политические и экономические меры давления и др.

Подобное развитие такого варианта сценария МО будет происходить в соответствии с указанными выше тремя вариантами единого сценария сетецентрической войны против России, не предполагая серьезных альтернатив. Обращение к тому или иному конкретному варианту сценария будет зависеть от тактических условий. К сожалению, теоретически возможный альтернативный сценарий развития МО в «переговорно-договорном» ключе означает, что Россия должна будет фактически капитулировать, а именно:

— не только отказаться от поддержки населения восточных регионов Украины, но и вообще «русскости» на постсоветском пространстве и в Европе;

— резко снизить свои политические амбиции в Сирии, Египте, Вьетнаме, Арктике и т.д. фактически отказавшись от суверенной внешней политики;
— но, главное, публично признать американское мировое лидерство, право США на всемирный политический и финансово-экономический контроль, «универсальность» их системы ценностей и отчетливо выразить (в т.ч. публично) готовность впредь следовать американскому курсу[167].

Этот сценарий развития МО означает не просто отказ России от остатков суверенитета, но и отказ правящей элиты от всей системы национальных интересов и ценностей, а в дальнейшем — неизбежно — от государственности и национальной идентичности. С политической точки зрения такой исход — полная капитуляция. Это будет не просто военное поражение, а полный и окончательный национальный разгром. К сожалению, однако, значительная часть российской правящей элиты и общества, воспитанная в западном «духе», готова даже капитулировать, либо не осознает этих последствий, либо уже сознательно готова к такому сценарию[168].

Развитие событий по «оптимистическому» варианту сценария крайне маловероятно, поэтому в качестве наиболее вероятного в первой части периода 2016–2021 годов остается прежний, «реалистический» сценарий сетецентрической войны, который, напомню, вероятно, эволюционизирует в «пессимистический» вариант сценария к 2020–2021 годам.

---

[167] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015.

[168] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015.

Признание подобного стратегического прогноза и его конкретных среднесрочных результатов, до 2021–2022 годов, в качестве реалистического, означает, что неизбежно предстоит внести изменения в некоторые области стратегического планирования национального (социально-экономического, научного, инновационного, образовательного и пр.) развития до 2021–2022 годов, что должно найти свое конкретное отражение не только в гособоронзаказе, но и в бюджетном планировании.

В соответствии с этими вероятными вариантами развития сценария МО и стратегией западной ЛЧЦ против России уже в среднесрочной перспективе до 2021–2022 годов необходимо:

— Предусмотреть анализ и прогноз развития в 2015 году, всех возможных мер и средств, которые могут быть использованы противником в этих вариантах сценария сетецентрической войны — от психологических и информационных до силовых и вооруженных. Очевидно, что их будет немало, в т.ч. и таких, которые пока что мало известны в России. Также очевидно, что Россия никогда целенаправленно не готовилась к такой войне, а военная организация страны не ориентирована на отражение подобной агрессии. Речь идет не только о Вооруженных Силах России, Внутренних войсках, МЧС, но и обо всех органах государственной власти и управления на всех уровнях, а также институтах гражданского общества. Особенно, если речь идет об общественных институтах и структурах бизнеса, участие которых в военной организации страны вообще не рассматривается, в то время как, например, в США на это делается серьезный акцент.
— В противодействии агрессии в условиях сетецентрической войны участвуют все институты государства, а не только его военная организация. Кроме того, в отражении потенциальной агрессии должны участвовать

негосударственные национальные институты, а также бизнес-сообщество, ибо спектр средств воздействия сетецентрической войны чрезвычайно широк и не ограничивается только вооруженными силами и средствами. На это обстоятельство, в частности, было обращено внимание руководителей главных управлений Генштаба ВС РФ на конференции Академии военных наук в апреле 2015 года.

— Такие возможные меры противодействия необходимо тщательно проанализировать под углом зрения возможных силовых, в т.ч. военных способов ведения сетецентрической войны, а также вероятных силовых невооруженных средств (от обычных палок и листовок, до охотничьего оружия). Так, например, против России, как нации и государства, будут использованы, прежде всего, новые тактические приемы и средства, противодействие которым не проработано ни в соответствующих правоохранительных и военных структурах, ни в ведомствах, отвечающих за их техническое оснащение.

Некоторые военные эксперты, например, особо выделяют нетрадиционные приемы демонтажа государства, хотя этот перечень очень приблизителен, а нужен точный, научно обоснованный и проработанный конкретно, перечень всех возможных средств противодействия. Из этого перечня уже сегодня видно, что для некоторых приемов у современной России нет адекватных средств противодействия[169].

Из таких тактических мер и приемов видно, что самый общий замысел сетецентрической войны может быть конкретизирован применительно к частной стратегической обстановке, вытекающей из некого конкретного варианта из-

[169] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

вестного сценария развития МО. Надо отчетливо понимать, что, с одной стороны, этот перечень мер, приемов и способов может быть расширен до сотен наименований (в некоторых документах США этот перечень превышает 150 названий), а, с другой, — не существует универсального перечня всех мер и приемов. Стратегическая обстановка, в отличие от более стабильной МО, всегда абсолютно конкретна и исключительно оригинальна. Она, как и любая война, зависит от тысяч переменных, просчитать которые заранее невозможно[170].

Основная трудность заключается в том, что в 2015–2021 годы предстоит готовиться заранее к любому из вариантов развития событий, что предполагает тотальную подготовку не только военной организации страны, но и всей нации. План развития ВиВТ в этих условиях должен быть существенно расширен от нужд собственно Министерства обороны до потребностей всей военной организации страны и общества. В него, например, должны быть включены силы, средства и меры силового подавления организованного извне гражданского противостояния. Просто водометов и резиновых палок для этого будет очевидно недостаточно. Особенно, если учитывать масштаб и достигнутый очень высокий технологический уровень организации таких выступлений на Западе.

Такую подготовку должен возглавить уже не Генеральный Штаб или Министерство обороны, а — учитывая историю, традиции и правовые нормы — Президент страны, который будет вынужден создать для этого специальный орган управления, функции которого будут значительно шире, чем Совета Безопасности страны, а именно включать в себя, например, функции управления всей нацией и обществом.

---

[170] Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 19–70.

Долгосрочные прогнозы в политике и экономике (а именно такие требуются, если говорить о периоде после 2021 года) крайне редко можно признать удачными. Особенно в последние годы, и особенно в политике, где, как уже не раз говорилось выше, значение переменных факторов и субъективных представлений является решающим. Один из последних примеров такого неудачного прогноза применительно к России был сделан в конце 2012 года национальным Советом по разведке США. Этот пример неудачного прогноза полезно рассмотреть в заключительной части работы подробнее, для того, чтобы избежать аналогичных ошибок.

Это необходимо, кроме того, и для того, чтобы уточнить перспективы долгосрочного прогноза для России и обозначить свою «точку отсчета» вектора развития страны и, соответственно, направление и перспективы стратегического прогноза.

Россия: потенциальные перспективы в мировом масштабе

Роль России в мире на протяжении двух следующих десятилетий будет обуславливаться растущими вызовами для нее — как внутри страны, так и в глобальной среде. Ахиллесовой пятой России является ее экономика. Бюджет страны весьма зависит от продажи энергоресурсов, попытки модернизации экономики пока дают слабый эффект, а старение рабочих кадров будет сдерживать экономический рост.

Население России, согласно прогнозам, уменьшится с почти 143 млн в 2010 году до приблизительно 130 млн в 2030 году. Уровень рождаемости в России аналогичен показателям во многих европейских странах, и росту их экономик тоже мешает старение населения, однако средняя продолжительность жизни в этих странах превышает российский уровень приблизительно на 15 лет. Уже с 2007 года объём трудовых ресурсов в России уменьшается и в ближайшие два десятилетия эта тенденция сохранится.

Важнейшим демографическим вызовом для России может стать интеграция быстрорастущей части этнических мусульман на фоне сокращающейся доли этнических русских в населении страны. Сегодня в России проживает почти 20 миллионов мусульман, что составляет около 14 % населения. К 2030 году прогнозируется рост этой доли почти до 19 %. Изменяющееся этническое соотношение населения России практически уже является источником растущего социального напряжения.

Чтобы улучшить свои экономические перспективы, России потребуется оптимизировать климат иностранных инвестиций и создать возможности для экспорта российских промышленных товаров. Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) должно дать толчок этим усилиям и помочь Москве диверсифицировать экономику. Согласно одной из оценок, членство России в ВТО может придать существенный импульс ее развитию, увеличив ВВП в краткосрочной перспективе на 3 %, а в долгосрочной — на 11 %.

Вероятно, еще одним ключевым фактором в движении России к статусу более стабильного, конструктивного игрока на мировой арене в следующие два десятилетия будут являться отношения России с Западом и Китаем. Мы видим здесь три возможности.

1. **Россия может развивать партнерские отношения с другими странами**, скорее всего, по расчету, а не «по любви». Многовековая двойственность отношений России с Западом и остальным миром по-прежнему является центральной проблемой в разработке стратегии России.
2. **Россия может сохранять двойственные отношения с другими державами**, но в следующие 20 лет такие принципы принесут много проблем глобальному сотрудничеству, особенно, если Россия восстановит свою военную мощь и будет вынуждена соперничать с растущим Китаем.

3. **Россия может превратиться в проблемную страну**, используя военное преимущество перед соседями для запугивания и доминирования. Такой результат станет более вероятным, если лидеры России столкнутся с ростом общественного недовольства из-за падения качества жизни и ухудшения экономических перспектив. Они начнут поддерживать националистические настроения, становясь более напористыми в отношениях с ближним зарубежьем.

Рассмотрим «по пунктам» основные выводы, сделанные экспертами разведывательного сообщества США. Всего этих основных выводов восемь:

Пункт № 1. Бюджет России действительно «весьма зависит» от продажи ресурсов, но в 2015 году уже в значительно меньшей мере, чем в 2000–2014 годах. Налицо не только рост бюджета в эти годы в 10 раз, но и изменение структуры его доходов, уменьшение зависимости от экспорта энергоресурсов.

«Попытки модернизации пока дают слабый эффект». Этот вывод экспертов не соответствует действительности потому, что за 2000–2015 годы более 50 % промышленности было модернизировано.

«Старение рабочих кадров» — общая проблема для всех развитых и даже развивающихся стран.

Пункт № 2. Очевидно, что население России не только не уменьшается, но и в 2012–2015 годы даже понемногу увеличивается как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции. С учетом граждан Крыма оно может составить не 130 млн человек в 2030 году (как прогнозировали американцы), а около 150 млн человек.

Увеличивается и продолжительность жизни граждан, разница которой составляет уж не 15 лет, а не более 8–9 лет, при устойчивой тенденции к сокращению.

Пункт № 3. Действительно, в России изменяется соотношение этносов в пользу мусульман, но это не означает

автоматический рост социального напряжения, как считают эксперты США. В течение столетий (если ни тысячелетий) различные этносы мирно интегрировались на территории России, а евразийский проект это не только экономическая интеграция, но и продолжение социо-культурной, естественной интеграции.

Пункт № 4. В России улучшается климат для инвестиций российских и зарубежных компаний не только потому, что налоги в среднем ниже (30 % — для предприятий и 13 % — для физических лиц), но и потому, что в ряде случаев больше возможностей развития на новом рынке.

Данные за 2000–2015 годы свидетельствуют о достаточно быстром росте не только экспорта вообще, но и доли в нем промышленной продукции.

Пункт № 5. Фактором развития будут отношения России с Западом и Китаем:

— с Китаем эти отношения ускоренно развиваются;
— с Западом — свертываются не по вине России. Этот фактор не имеет отношения к политике РФ.

Пункт № 6. «Двойственность» России в отношениях с Западом действительно существует с самого начала существования российского государства, но она является следствием западной агрессии, которая продолжалась все эти годы — в XI–XIV вв.; XV–XVI вв.; XIX–XX вв.; наконец в XX в. и XXI веке.

Пункт № 7. «Двойственность» отношений синоним суверенности России, которая, безусловно, сохранится.

Пункт № 8. Россия не превратится в «проблемную страну» из-за «падения качества жизни» и «роста социального недовольства» потому, что в 2000–2015 годы все эти параметры качественно улучшились.

Таким образом, стратегический прогноз огромного коллектива Совета по разведке США не подтвердился уже через 2 года. Причем расхождения, как оказалось, качественные,

даже диаметральные. Это свидетельствует либо о некомпетентности экспертов (во что слабо верится), либо в заведомой идеологической ангажированности составителей прогноза.

В этой связи, приходится повториться, политическая и идеологическая ангажированность, субъективизм в составлении прогнозов играют решающее значение. Они непосредственно ведут к безответственности, ведь никто не спросит через 10–15 и даже 5 лет с авторов за их заведомо ошибочную позицию[171]. Для целей нашего долгосрочного прогноза развития сценариев МО после 2021 года этот вывод полностью соответствует существующим и будущим реалиям, которые также не раз анализировались в предыдущих работах[172]. Вот почему следует изначально разделять идеологические (публичные) прогнозы и научные прогнозы по степени влияния субъективных факторов. В первом случае они играют определяющее значение, а во втором — случайное, непреднамеренное или личностное.

В данной работе мы исходим из предпосылки того, что из всего множества возможных сценариев развития МО, в конце-концов, останется один, наиболее вероятный сценарий развития МО, который, в конечном счете, трансформируется в конкретный вариант развития МО и вытекающий из него сценарий развития ВПО в трех «гибридных» вариантах: «оптимистическом», «реалистическом» и «пессимистическом». Эта логика с неизбежностью приводит нас, в конечном счете, к одному варианту МО и вытекающему из него варианту

---

171 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 137–138.

172 См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики : монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. С. 795 / Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 720.

развития ВПО, а иногда и СО. О ней не раз говорилось уж в работе, но, применительно к ее заключительной части, эту логику можно повторить в следующем рисунке (рис. 6.17).

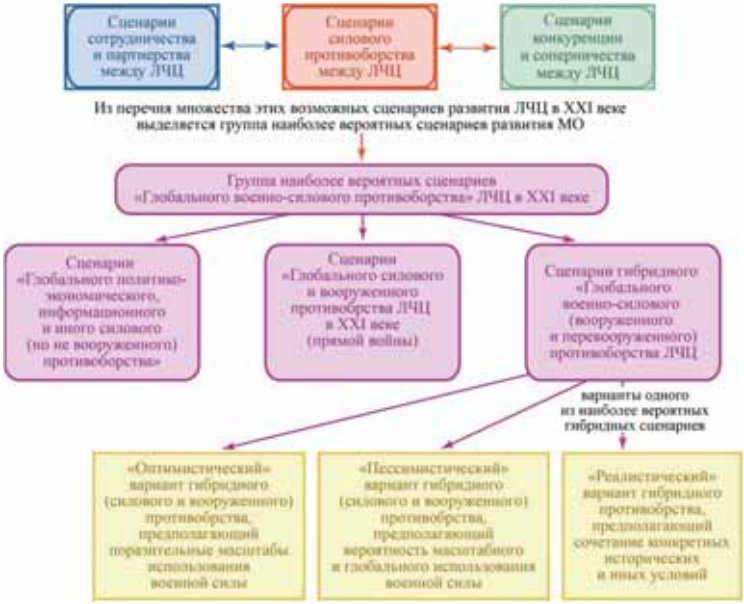


Рис. 6.17. Логика выделения единственного варианта развития сценария МО после 2021 года. Возможные сценарии развития отношений между ЛЧЦ

Конкретный вывод работы заключается в том, что из всего множества (сотен и даже тысяч) возможных сценариев развития МО и их вариантов в XXI веке, в конечном счете, остается один, наиболее вероятный сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Этот сценарий реализуется (иногда попеременно) в конкретных вариантах, реалистичность которых зависит от многих факторов, но, прежде всего, фактора времени. Так, в ближнесрочной перспективе 2015–2016 годов наиболее вероятным следует

рассматривать «оптимистический» вариант развития МО по сценарию «Глобального военно-силового противоборства». Этот вариант, однако, имеет устойчивую тенденцию к эволюции в сторону «пессимистического» варианта, что может стать реальностью примерно в то же самое время, т.е. еще до 2021 года.

Более того, даже в 2015 году уже можно будет предположить, что эта эволюция приведет в 2016 году к тому, что МО будет характеризоваться, как откровенно враждебная и будет развиваться по «пессимистическому» варианту Сценария. Можно признать, что некоторые признаки свидетельствуют, что некоторые элементы такого варианта уже существуют и развиваются достаточно быстрыми темпами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к 2021 году МО будет сформирована по «пессимистическому» варианту Сценария и в дальнейшем будет одновариантной. Если до 2021 года еще можно ожидать, что МО будет колебаться в зависимости от множества субъективных факторов между «реалистическим» и «пессимистическим» вариантами этого сценария, то после 2021 года прогнозируется, что она устойчиво приобретет характер «пессимистического» варианта, т.е. полномасштабной войны между ЛЧЦ. Как минимум, между российской и западной, но не исключено, что и с тем или иным участием мусульманской, латиноамериканской и китайской.

Ключевым вопросом развития МО и ВПО после 2021 года, следовательно, становится вопрос о том, в каком именно варианте силового противоборства и когда будет реализован сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Пока что он развивается, повторно, по «оптимистическому» варианту (с очевидным усилением тенденции на использование военной силы и скатыванию к «реалистическому» варианту еще до 2021 года), но вопрос о том, какой вариант будет преобладать после 2021 года, ос-

тается открытым. Тем более, как известно, что чем дольше перспектива, тем меньше вероятность. Если использовать теоретическую модель вероятности прогноза, которую мы приводили в одной из работ[173] для практических целей оценки вероятности одного из вариантов известного сценария, то эту вероятность можно проиллюстрировать следующим образом:

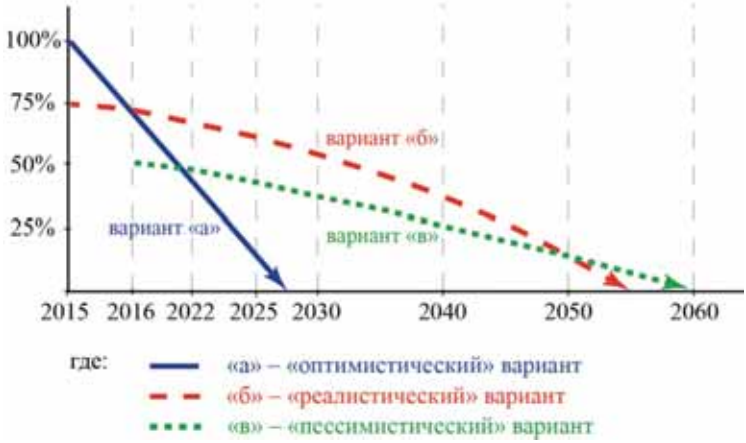


Рис. 6.18. Вероятность реализации одного из вариантов сценария гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ»

Как видно из рисунка 6.18, наибольшую вероятность на долгосрочную перспективу имеют «реалистичный» и «пессимистичный» варианты, что для нас имеет существенное значение: при оценке вероятности любого сценария или его варианта приходится исходить из «худшего» варианта не только потому, что в вопросах безопасности нельзя допустить известной недооценки угрозы, но и потому, что вероятность

[173] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 138.

«худших» вариантов существенно выше, чем «оптимистических» и даже «реалистических».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе после 2021 года наибольшую вероятность из всех возможных сценариев развития МО имеет сценарий гибридного «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который может быть реализован в двух наиболее опасных своих вариантах:

— варианте («В») — «пессимистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в полном объеме на различных ТВД, вовлекая в такую войну всех участников МО и повышая уровень эскалации вплоть до применения ОМУ;
— варианте («Б») — «реалистическом» — глобального гибридного силового (вооруженного и невооруженного) противоборства, когда военная сила используется в ограниченном масштабе на ограниченных ТВД с привлечением части ведущих стран мира;
— варианте («А») — «оптимистическом» — реализуемый в настоящее время, он видимо будет окончательно исчерпан к 2021 году, хотя изменение ряда условий (внутриполитический конфликт США, развал военно-политической коалиции Запада и др.) может привести к тому, что он останется актуальным и после 2021 года.

«Завершение перехода» в МО, о котором говорят эксперты РАН, характеризуется, как уже говорилось, прежде всего, стремлением западной ЛЧЦ сохранить этот монополярный мир фактически силовыми средствами. Что, — если говорить очень коротко, — является основой для базового прогноза наиболее вероятного сценария и его варианта развития МО в долгосрочной перспективе после 2021 года. По сумме и сочетанию всех факторов и тенденций, формирующих МО, известных к середине 2015 года, можно говорить,

таким образом, о высокой степени вероятности развития «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства между ЛЧЦ» после 2021 года с переходом его из стадии глобального конфликта в стадию глобальной войны.

Сказанное не означает, однако, что при реализации такого Сценария будут использоваться только военно-силовые средства, а сам Сценарий всегда соответствовать только своему «пессимистическому» варианту. Характер современной внешнеполитической и военной стратегии развитых государств неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т.е. использовании всех ресурсов для достижения окончательного результата), сетецентричности (т.е. военно-технического и информационного обеспечения политики) и сети (т.е. комплексности подхода), что изначально предполагает лидерство в подготовке и принятии решений, а также использования всего спектра «умной силы» (smart power). Иными словами в реализации указанного сценария всеми странами могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) варианта развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которого будет борьба за ликвидацию (сохранение) контроля в мире, и средствами противоборства станут не только вооруженные, но и невооруженные средства — широкая система мер противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находятся сетецентрические средства ведения войны. Разница между этими тремя вариантами будет не только «в доле», «массе» и интенсивности использования военной силы, но и в том, как она будет использована. Другими словами выбор стоит не между «жесткой силой» и «мягкой силой», а в пользу «умной силы» (smart power) — сочетания жесткой и мягкой силы. Условно говоря, эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать в следующей матрице.

«Доля» военной силы в каждом из вариантов сценария развития МО «Глобального военно-силового противоборства между ЛЧЦ» после 2021 года

Условное название варианта	Значение тех или иных элементов силовой политики			
	военная сила	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40 %	25–30 %	20–30 %	10 %
«реалистический»	40–50 %	15–20 %	20–25 %	0–5 %
«пессимистический»	75–80 %	5–10 %	5–10 %	0–5 %

Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции соотношения различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе — «мягкой силы» или «жесткой силы». В зависимости от обстоятельств варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменятся и варианты одного и того же сценария. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2015 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Более того, примечательно, что одновременно сохранялась теоретическая возможность развития всех трех сценариев, которая ставилась в зависимость «от поведения России». Причем не только на Украине, но и в других регионах и областях. В частности, визит госсекретаря США в мае 2015 года в Москву был вызван очередной попыткой добиться уступки со стороны Москвы.

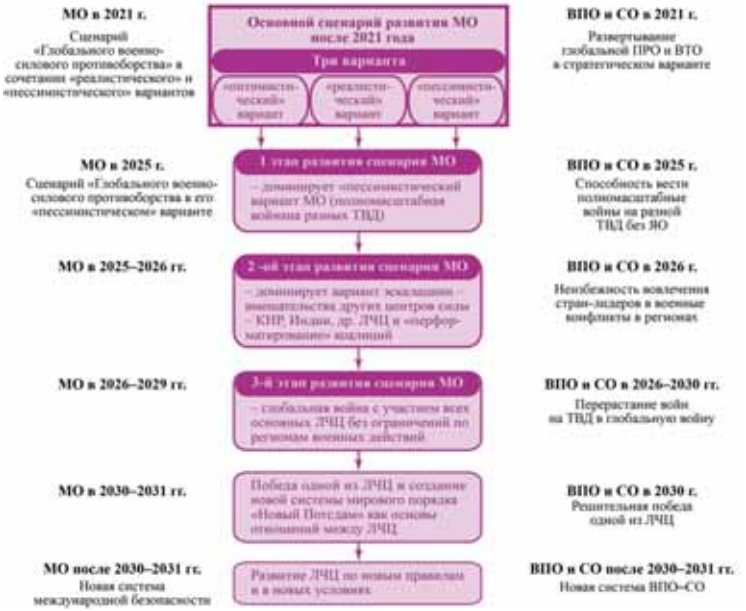


Рис. 6.19. Развитие вероятных вариантов Сценария МО после 2021 года и на перспективу до 2045 года

Эти три варианта развития одного и того же сценария МО будут нести на себе очень серьезные конкретные черты и особенности ВПО и СО каждого конкретного периода времени после 2021 года. Этот будет связано, прежде всего, с резким ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетецентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии МО. Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии СО будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность. И наоборот. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка СО и МО

может выглядеть следующим образом, что может объяснить растущую взаимозависимость МО, с одной стороны, и ВПО–СО, — с другой. Если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки), СО в мире имела подчиненное значение МО и вытекала из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетецентрических войн влияние ВПО–СО на формирование сценария МО постоянно усиливалось. В частности, возможность развертывания США после 2021 года глобальной ПРО в сочетании с массовым развертыванием неядерного стратегического ВТО, коренным образом меняет не только всю ВПО и СО в мире, но и МО.

Как видно из этого рисунка (рис. 6.19), мы исходим из постулата о том, что после 2021 года Сценарий противоборства западной ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий (ТВД) от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ.

Крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами не приведут к военному конфликту и войне. Поэтому такие сценарии развития МО не рассматриваются. Вопрос, как уже говорилось выше, в «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте «умной силы» («smart power»). Очень приблизительно эту «долю» (роль военной силы) среди других инструментов политики западной ЛЧЦ можно показать следующим образом.

Роль «жесткой силы» («soft power») и «мягкой силы» («smart power») среди инструментов «умной силы» («smart power») в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития МО

	«жесткой силы»	«мягкой силы»
МО в 2015 г.	60 %	40 %
МО в 2021 г.	70 %	30 %
МО в 2025 г.	80 %	20 %
МО в 2025–2026 гг.	85 %	15 %
МО в 2026–2029 гг.	90 %	10 %
МО в 2030 г.	95 %	5 %
МО после 2030–2031 гг.	?	?

Если сравнивать с таблицей, в которой оценивается «доля» военной силы в каждом из вариантов доминирующего сценария, то оказывается, что на нее приходится от 35 % до 80 % (в «оптимистическом» и «пессимистическом» вариантах), а на силовую политику в целом — 90–95 %. Иначе говоря, любой вариант известного Сценария предполагает безусловное доминирование силовых инструментов.

Сетецентричность, системность и сетевая сочетаемость всех инструментов «умной» политики ведет к тому, что далеко не всегда «жесткая сила» представляется как инструмент принуждения. Нередко он преподносится (даже в условиях войны) как инструмент «договоренности», даже «помощи».

На втором этапе развития полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт неизбежно втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны.

Дело даже не в том, это в войны вовлекаются неизбежно соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы после военного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы, чье влияние в XXI веке усилилось.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка.

Рассматривая подобный гипотетический сценарий развития МО и ВПО после 2021 года, мы сознательно исходим из того, что это — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев. Некоторые из них описывались в предыдущих работах, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»[174]. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть неограниченное количество. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный сценарий после 2021 года нас интересует более всего потому, что, в конечном счете, этот сценарий, во-первых, окажется, в конце-концов, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться

[174] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. С. 693.

уже сегодня. Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а, с другой, — нам в любом случае придется к чему-то готовиться. Разрешить, это противоречие можно только выделив из всего спектра возможных сценариев какой-то один, наиболее вероятный. И именно этот, наиболее вероятный вариант выбранного сценария взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для последующего стратегического планирования. Даже теоретически государство и общество не могут готовиться ко всем сценариям развития МО, а тем более их вариантам. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития МО и его варианты указывают на необходимость:

— переоценки внешнеполитических приоритетов с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего, с точки зрения возможных союзников и партнеров;
— пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
— пересмотра планов оборонного строительства, прежде всего с учетом специфики навязываемой системной, сетецентрической и сетевой войны.

Но, прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария МО уже говорит о начале против России сетецентрической войны

и сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно, потребует веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромное последствие для государства. От этого зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невосполнимым ресурсом в МО и СО обстановке. Ошибка, например, в оценке со стороны руководства СССР с точной датой войны с Германией на 2–3 недели (т.е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и изменению в МО — вступлению на стороне Германии в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2021 г., но и далее. При этом «точка отсчета», перехода «реалистического» варианта в «пессимистический», может быть пройдена уже в 2016–2017 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта Сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД. Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут

в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущаяся гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным округом А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ[175].

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2021 года диктуется не только соображениями логики развития МО, но и обстоятельствами вынужденного характера: для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, исключающую компромиссы, риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

Готовность США и западной ЛЧЦ к реализации любого из силовых вариантов гибридного «Глобального военно-силового сценария развития МО» предполагает самый широкий набор средств, интегрированных в единую систему, под сетецентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать

---

175 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 13.

развитие сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ — главная особенность развития будущих сценариев МО, — позволяющая сохранять инициативу и выбирать тот или иной вариант развития сценария.

Заключительные этапы системной и сетецентрической войны западной ЛЧЦ против России, которые вероятно будут развиваться после 2021 года, на наш взгляд, преследуют три основные, самые решительные и бескомпромиссные цели применительно к России и возглавляемой ею ЛЧЦ:

— **во-первых**, предотвращение превращения России в центр силы, способный угрожать сложившейся в XX веке военно-политической и финансово-экономической системе, обеспечивающей США и возглавляемой ими ЛЧЦ выгодное перераспределение мировых ресурсов. Россия фактически поставлена перед выбором: либо, сохранив остатки суверенитета, принять внешние правила и нормы поведения в мире и в самой стране, либо быть уничтоженной в качестве самостоятельного и независимого государства с последующим разделом территории, ресурсов и контролируемого в мире пространства.

В этой связи политика В. Путина в 2004–2015 годы рассматривается западной ЛЧЦ именно в качестве угрозы такого монопольного контроля и сохранения существующих систем и институтов;

— **во-вторых**, ликвидацию суверенных институтов управления России, способных защищать национальные интересы и ценности уже после фактической потери ими власти в стране. Национальные институты — будь то институты военной организации, культуры, образования, природопользования, либо любые иные — рассматриваются в качестве потенциальной угрозы западной ЛЧЦ именно в силу их «неподчиненности» Западу, возможному, неизбежному противодействию его политике.

Такие независимые институты, по оценке западной ЛЧЦ, угрожают всей сложившейся в мире системе взаимоотношений и ценностей самим фактом своего существования. Они могут, даже не будучи активированы, подавать пример другим участникам и акторам международных отношений, ставя под сомнение право западной ЛЧЦ контролировать положение в мире;

— **в-третьих**, изменить существующие нормы и правила, включая территориальные изменения зон ответственности, контроля над транспортными коридорами, акваториями и, в конечном счете, геополитическим пространством в пользу западной ЛЧЦ, изоляцию страны от союзников и возможный раздел ее территории.

Таким образом, в отношении России преследуются бескомпромиссные, самые решительные и безальтернативные цели, в соответствии с которыми формируются и стратегии, средства и способы их достижения. Особенности целеполагания, кроме того, предполагают значительную детерминированность в выборе сценариев и их вариантов развития, а также соответствующих стратегий, которые должны каждый раз ставить государства, в конечном счете, перед выбором — капитуляция, либо вооруженное противоборство.

«Бескомпромиссность» — как принцип реализации будущего сценария развития МО, предполагает, что каждый раз вслед за очередным агрессивным действием США и их союзников другим государствам предстоит согласиться с этим действием («пойти на компромисс»), либо столкнуться с усилением давления (очень характерен пример такой стратегии политика США и ЕС на Украине, которая характеризуется эскалацией антироссийских действий). Ответная реакция России должна быть либо «компромиссной», т.е. признанием де-факто этих шагов, либо столкнуться с силовой эскалаций (санкциями), либо угрозой военного давления.

Другой важной особенностью будущего варианта развития МО после 2021 года станет изоляция континентальной части России от ее акваторий, потенциальных союзников и партнеров.

Рис. 6.20. Огораживание России

Особенное значение на начальном этапе реализации этого варианта будет оспаривание безусловности суверенитета России над целыми регионами — от Арктики и морских акваторий до сухопутных пространств, а также транспортными коридорами. В ходе реализации этой задачи на определенных этапах прогнозируемого варианта силового сценария может быть:

— изолирована и отторгнута Калининградская область, остров Сахалин, полуостров Крым, Арктика и ликвидирован контроль над Северным морским путем (СМП);
— де-факто и де-юре, где возможно, ликвидирован суверенитет России над акваториями Черного, Балтийского, Каспийского и Баренцева морей, ограничен экономический и военно-политический контроль над акваториями Охотского и Северного морей и др.

Как «реалистический», так и «пессимистический» варианты доминирующего сценария развития МО после 2021 года будут нацелены на максимальную изоляцию России с севера, запада и юга, а также препятствие для развития отношений РФ на юге со странами Центральной Азии и Юго-Восточной Азии. «Стратегическое окружение» предполагает, что будет сделано все для того, чтобы такие организации как ШОС, БРИКС (особенно «треугольник» КНР–РФ–Индия), ОДКБ не получили своего развития и не превратились в альтернативный западной ЛЧЦ центр силы.

Определенное представление о последовательности достижения этих геополитических целей может дать следующая «эскалация» десуверенизации морских и сухопутных регионов:

— медийные «вбросы» и «научные» концепции, обосновывающие необходимость международного использования некоторых регионов, ресурсов и транспортных коридоров;
— политические декларации отдельных деятелей, как правило, не связанных с реальной политической деятельностью;
— создание организаций (общественных, гуманитарных, экологических, наконец, политических), требующих пересмотреть существующий статус территорий;
— осторожные инициативы иностранных правительств, требующих формализации новых международных институтов и норм международного права;
— продвижение баз, органов управления и ВС западной ЛЧЦ максимально близко к границам РФ;
— создание органов управления для ведения специальных базовых операций на ТВД;
— инициирование внутриполитических кампаний, инспирирование акций, «помощь» НПО и другая деятельность, дестабилизирующая обстановку вблизи или в самих этих некоторых регионах и т.д.

Если обратить внимание на карту прилегающих регионов и акваторий, то легко обнаруживается, что зачатки этой деятельности (иногда в весьма продвинутой стадии) уже наблюдаются. В частности, если речь идет о районах Арктике и СМП.

Параллельно со стратегией «отгораживания» и изоляции России во всех вариантах Сценария предполагается содействие любым попыткам дестабилизации внутриполитической ситуации в стране и инициирование таких попыток. Такая политика реализации этого варианта силового сценария впоследствии должна привести к территориальному разделу уже материковой части России. При этом такой процесс будет происходить поэтапно — от «отгораживания» России и появления «спорных» территорий рядом с исторической частью страны до раздела территории страны по ее «естественным» географическим рубежам — Уральским горам, реки Волги, Западной и Восточной Сибири, районам Дальнего Востока и т.д.

Эта особенность развития Сценария военно-силового противоборства в любом из его вариантов, реализуемом после 2021 года, предполагает:

— во-первых, создание специальных политических органов сетецентрического управления внутриполитической ситуацией не только во всей России, но и в ее отдельных регионах, например, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, Татарстане, Карелии и в других регионах, ориентированных на формирование национальных и социальных региональных конфликтов.
— во-вторых, обеспечение этих органов управления информационными, медийными, экономическими и иными ресурсами, включая силы и средства для осуществления специальных операций;
— в-третьих, создание органов управления и группировок сил и средств вооруженных сил для последующего ведения войны на ТВД и возможной глобальной войны.

В рамках сетецентрической войны по «пессимистическому» варианту военно-силового сценария развития МО после 2021 года предполагается использовать все ВС западной ЛЧЦ, которые будут ориентированы функционально на эти геополитические цели по аналогии с существующей системой управления ВС США, но с той разницей, что:

— будут максимально использованы коалиционные возможности и силы внутренней оппозиции России, т.е. управление ВС западной ЛЧЦ будет не только политически системно, но и сетецентрично с военно-технической точки зрении и сетевым с точки зрения социальной, внутриполитической;
— в значительной мере пропорции внутри механизмов управления ВС США и коалиции в отношении РФ будут «исправлены» в пользу «мягкой силы», экономических и информационных средств, механизмов социальной инженерии, внутриполитических диверсий и т.д.

Иными словами, существующая матрица управления ВС США должна быть существенно модернизирована для решения задач стоящих перед вариантами сценария «Глобального военно-силового противоборства».

Эти территориальные разделы хорошо согласуются со сферой ответственности отдельных командований ВС США, которые видны на следующей матрице, а также с основными тенденциями в финансировании родов войск США. В частности, армии, которая свидетельствует о том, что общая тенденция в финансировании сухопутных сил США в 2002–2014 годы свидетельствует о наращивании их мощи.

Эту тенденцию можно рассматривать как очевидный признак готовности США к ведению сухопутных операций на чужой территории: «накопленное финансирование» говорит в пользу долгосрочной подготовки Армии США к наземным операциям. Более того очевидно, что к 2021 году

все ВС США будут мобильны и способны непосредственно участвовать в военных действиях.

Очевидно, что такие наземные операции планируется вести не на территории США, в Африке или Л. Америке, а в Евразии, прежде всего, против России. Крайне маловероятно, что США планируют масштабные операции сухопутных сил против других стран — опыт войны в Ираке и Афганистане дал убедительные доказательства того, что ведение сухопутных операций бессмысленно. Поэтому основной упор будет сделан на использование сил коалиции и подготовленной заранее оппозиции.

Другое дело — использование сухопутных сил против ключевых объектов, имеющих политическое, экономическое или военное значение. В этом случае их оккупация и удержание являются важным этапом завершающего этапа войны после уничтожения (или смены) политического руководства. До этого предстоит завершить последний этап сетецентрической войны и демонтажа государства.

Финансирование сухопутных сил США подтверждает тот факт, что к 2012 ф.г. был достигнут максимальный уровень и удовлетворены неотложные потребности. Сохранение объемов финансирования после вычета расходов, которые прежде шли на наземные операции в Афганистане и Ираке обеспечивают Армии США необходимый уровень опережающего развития.

Как видно из приведенных выше данных этот уровень достаточно высок для обеспечения решения оккупационных задач после нанесения поражения в воздушно-космическом ударе с помощью средств ВТО.

Все варианты гибридного сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», как в отношении всех ЛЧЦ, так и применительно к российской ЛЧЦ, предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств и цивилизаций. Более того,

можно сказать, что после 2021 г. основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств, их институтов и лишения их национальной самоидентификации.

Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект МО, строго выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции. Если такая главная и конечная цель достигается, то уже нет необходимости ни в уничтожении армии и правоохранительных органов, ни в оккупации территории, ни в захвате столиц и др. традиционных целях войны.

Собственно поэтому основной акцент в военно-силовом противоборстве будет делаться на борьбе с государством, его институтами и структурами. Так, к началу военного переворота на Украине, например, уже было заменено до 95 % руководства МВД и СБУ страны, а армия фактически самоликвидировалась. Именно поэтому диверсионные сетецентрические операции против руководства страны оказались успешны с самого начала — у В. Януковича уже фактически не оставалось подконтрольных ему силовых структур, а у оппозиции к тому времени уже были созданы таковые.

Предполагается, что при реализации сценариев противоборства после 2021 года параллельно с эскалацией военных действий и подготовке к оккупации будет происходить опережающая эскалация действий и спецопераций по демонтажу государства. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации,

когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угроз В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе. У западной ЛЧЦ сложился устойчивый алгоритм по демонтажу государства, который в общих чертах отражается в следующих этапах.

Этот алгоритм совершенствуется постоянно, и после 2021 года будет представлять собой более сложную и эффективную систему, полностью интегрирующую все средства силовой и вооруженной борьбы — от космической разведки до активности, завербованного для работы в социальной сети.

Тактические приемы завершающих этапов демонтажа государства

(один из возможных перечней, сложившихся к 2015 году и предложенных И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым)

- Шествия, голодовки, беспорядки и акты вандализма. В этой области следует, прежде всего, ожидать появления мощных негосударственных акторов (по типу ИГИЛ), способных непосредственно конкурировать с государством в контроле над населением страны.

- Террор против представителей силовых структур (так, в течение года в СБУ Украины было заменено 95 % руководства и заместителей). После 2021 года можно ожидать, что у противников государства будет абсолютно полная информация о состоянии и личном составе институтов стран, а также способность контролировать деятельность силовиков как за рубежом, так и в своей стране.

Окончание табл. «Тактические приемы…»

- Организация хаоса в государственном управлении. Такой хаос будет организован посредством массовой дезинформации, кибероперациий, разрушением системы государственного управления и др. мерами.

- Организация массовой миграции населения и появление лагерей беженцев, которые станут социальной опорой «борцов с режимом». В отличие от практики XX века такие лагеря беженцев превратятся фактически в прообраз будущего анти-государства, обладающего своей информационной, финансовой и военной системой. Это будет модернизированный качественный вариант лагерей беженцев ООП или курдских повстанцев, соизмеримый с государством.
  - террор против населения с целью развязать в нем межконфессиональную войну или войну по любому другому признаку;
  - диверсии на объектах электро и газоснабжения населения;
  - уничтожение продовольствия в том или ином районе страны.

- Организация нападения на силовые структуры из густозаселенных районов (в густозаселенных районах), которые будут иметь мощное политическое и психологическое значение, фактически сопоставима с террором против представителей институтов государства.

- Уничтожение экономического, промышленного потенциала государства, что в условиях внешнего эмбарго ведет к снижению боевых возможностей силовых структур. Антигосударственные силы постепенно будут вытеснять это из экономики страны, государства.

- Запугивание (уничтожение) представителей проправительственных СМИ и духовных лидеров, которое будет сопровождаться террором по отношению к силовикам, но будет носить массовый, повальный характер. Такому террору, как показал опыт Украины, может быть подвержен целый город, даже несколько регионов, относительно небольшими силами внутренней оппозиции. Так, активные группы численностью до 1000 человек терроризировали города-миллионники.

- Жестокие карательные операции против членов семей представителей силовых структур и других органов законной власти.
- Уничтожение потенциала силовых структур «распылением» их усилий по территории всей страны и последовательным массовым уничтожением мелкими группами отдельных подразделений войск.

По сути дела все эти действия — специальный этап сетецентрической войны сознательно организованный и управляемый извне. К 2016 году уже ясно, что такие мероприятия стали контролироваться руководством ВС в ряде государств. Вероятно, один из первых примеров относится к руководству пакистанским генштабом моджахедами в Афганистане в 80-е годы XX века. Позже эта практика широко применялась. Этот этап развертывания специальных операций может сопровождаться военными действиями, но гораздо безопаснее, если он будет проходить без внешней вооруженной борьбы. Во всяком случае видимой и официально признаваемой. Именно так произошло в 2014–2015 годах на Украине.

Кроме того надо понимать, что совершенно новое качество приобретают в такой борьбе негосударственные субъекты МО, чья сила и влияние становятся сопоставимы. Например, «Правый сектор», или «ИГИЛ», которые становятся новым международным фактором в ведении военных действий. Проблема сегодня заключается в том, что наша военная наука и искусство традиционно воспринимают в качестве субъекта вооруженного противостояния только государства, их военные организации и их вооруженные силы (хотя война в Афганистане и военные операции на Кавказе и внесли свои коррективы), не разрабатывая способов и средств ведения сетецентрических войн с «облачным противником».

Сегодня, однако, «главным противником» может оказаться уже не государство, а некая «общественная организация». Так, сейчас «Исламское государство» как пылесос

засасывает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, — отмечают исследователи МГИМО, а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет сейчас 16 тысяч человек. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России, в основном из Чечни[176]. Аналогичные организации могут стать той военной силой, которая будет использована против России на завершающем этапе сетецентрической войны.

В различных вариантах сценария «Глобального военно-силового противоборства», которые будут реализовываться после 2021 года, в конечном счете, победит та ЛЧЦ и то государство, которые смогут обеспечить не только сопоставимую государственную мощь и военный потенциал, но наиболее защищенную систему национальных ценностей, эффективную и патриотическую систему государственных и общественных институтов. В конечном счете, в России, предстоит пересмотр всей концепции военной организации государства, которая, пока еще (в отличие от американской), не учитывает два важнейших фактора и две группы факторов, определяющих в XXI веке мощь военной организации любой страны:

— уровень развития и качество общественных, национальных (негосударственных в целом) институтов общества и нации — от религиозных и профессиональных до молодежных и детских организаций. Именно эти организации в настоящее время (и еще больше в будущем)

[176] Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А. В. Федорченко, А. В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.

будут определять качество национального человеческого капитала и мощь, включая военную, страны;

— негосударственные бизнес-структуры за рубежом и внутри самой страны, которые определяют не только экономический, финансовый, оборонный, но и человеческий потенциал того или иного государства.

В настоящее время в России существуют лишь самые общие контуры, зачатки, в организации этих групп, которые не способны организовать в полной мере эти потенциалы, а тем более противопоставить их внешнему влиянию. Очень скромные успехи Общественной палаты, Совета по правам человека при Президенте РФ и других органов, содействующих развитию негосударственных институтов, очевидно не сопоставимы с новыми задачами, стоящими перед всей военной организацией государства.

Глава VII
Оценка и прогноз цивилизационных и национальных возможностей в ходе вероятного военно-силового противоборства

Реализация тех сценариев развития МО и ВПО еще на стадии их формирования требует стратегического прогноза развития возможностей той или иной локальной человеческой цивилизации или нации (коалиции) обеспечить достижение поставленных целей. Вопрос оценки и прогноза возможностей и ресурсов является одним из ключевых в политической стратегии. При этом вопрос о собственно военных ресурсах (военном потенциале — ВП) является основным, если рассматривать этот потенциал как «совокупность (всех) задействованных и потенциальных материальных и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы в военных целях при максимальном и своевременном их раскрытии и применении». ВП — делают, однако вывод эти же российские авторы, — определяется возможностями страны (коалиции стран) содержать и совершенствовать вооруженные силы, обеспечить достижение целей войны»[177].

Налицо в одном абзаце очевидное противоречие: если первое определение предполагает «использование задействованных и потенциальных (!) материальных и духовных возможностей государства», то второе — «возможности содержать и обеспечивать вооруженные силы».

Подобное противоречие у одних и тех же авторов не случайно. Оно отражает существующую недооценку цело-

[177] *Фомин А. Н., Рябошапко В. А., Самарин И. В.* Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 32.

го ряда современных факторов, определяющих собственно военные возможности государства или цивилизации. И прежде всего устаревшее представление о собственно «военных возможностях» как целом спектре средств и способов ведения войны. Если прежде они предполагали «основной набор» состоящий из ВиВТ, а также личного состава и обученного резерва, то в настоящее время спектр военно-силовых средств и способов стал существенно шире — от возможностей телевидения и средств гражданской связи до культурной экспансии. Речь идет, в конечном счете, о принципиальной разнице, существующей в России (но не в США) о содержании военной организации государства–нации–ЛЧЦ.

Для сравнения воспользуемся двумя упрощенными логическими моделями, в которых описывается содержание и структура военных организаций России и США.

По сути дела в содержании и структуре государства уже заложены те ресурсы, которые, в конечном счете, и составляют военный потенциал как «возможности страны содержать и совершенствовать вооруженные силы … для … достижения целей войны». Соответственно и количественные, и качественные оценки, прогнозы и сопоставления с ВП других стран также будут происходить из этих критериев.

На самом деле (и это, к сожалению, в полной мере учитывается в США) современное содержание и структура военной организации государства иная. Кроме уже указанных

элементов она включает на равных (а, может быть, и более важных) правах те элементы, которые в российской структуре не предусматриваются.

Рис. 7.1. Содержание и структуры (упрощенный вариант) современного представления о военной организации государства и его ВП

Из сравнения двух структур легко увидеть, что военная организация западной ЛЧЦ и ее ВП принципиально отличаются от российской:

— включает уже существующие и развивающиеся международные финансово-экономические, военно-политические и идеологические системы, находящиеся под контролем США;
— включает развитую систему институтов гражданского общества, т.е. «мягкой силы» — от университетов, фондов и пр. общественных, автономных и др. организаций, находящихся под контролем правящей элиты западной ЛЧЦ;
— включает развитую систему негосударственного бизнеса, способную мобилизовать огромное количество ресурсов в интересах ВП.

Таким образом, любые сравнения и сопоставления ВП государств, наций и ЛЧЦ должны исходить из максимально полного учета всех ресурсов и возможностей этих субъектов МО.

7.1. Количественные методы оценки потенциалов государств, коалиций и цивилизаций в XXI веке

Количественная оценка военно-экономического, военного и военно-политического и др. потенциалов разных стран и локальных цивилизаций имеет важное значение, как для определения реальной «точки отсчета» в развитии того или иного сценария МО и её вариантов, так и прогноза развития субъектов и акторов МО и ВПО.

Вместе с тем такие оценки изначально должны производиться при учете логики развития МО, последовательности различных этапов и значение существующих и будущих сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, конкретных целей политики и множества других субъективных факторов, совокупность которых значительно перевешивает значение количественной оценки государственного военного потенциала. В частности, если говорить о среднесрочной перспективе до 2021 года, то мы исходим из существования наиболее вероятного Сценария противоборства ЛЧЦ, как минимум, в его трех вариантах применительно к России. Этот сценарий, безусловно, учитывает соотношение военных и иных сил и потенциалов, но они не являются решающими для его обоснования. Так, современное соотношение сил между западной и российской ЛЧЦ, как минимум, 20:1, а в действительности еще больше. С военной точки зрения такое соотношение сил может означать только одно — бесспорное поражение в войне России, что, однако, не является совершенно бесспорным.

Такая ситуация, безусловно, накладывает существенный отпечаток на субъективные количественные оценки экспертов. В частности, например, если речь идет об оценке коалиционного потенциала западной ЛЧЦ. Но не только. Субъективный характер количественных оценок МО отражается

даже в подсчете тех факторов, которые, как представляется, могут быть подвергнуты количественному анализу, в том числе по методу Саати, получившему широкое распространение на Западе в последние десятилетия. Именно поэтому к такому анализу стоит относиться с осторожностью. Он, безусловно, позволяет лучше анализировать ВПО, но отнюдь не делать точные прогнозы. Рассмотрим преимущества и недостатки количественного анализа на примере метода Саати.

Развитие того или иного сценария МО во многом предопределено наличием у ЛЧЦ или государства ресурсов для реализации своих внешнеполитических целей. Поэтому вопрос об оценке и сопоставлении этих ресурсов всегда являлся одним и важнейших вопросов внешнеполитической и военной стратегии. При этом разведки и генеральные штабы всех стран мира пытались и пытаются дать максимально точные оценки, которые, как правило, приводятся, в конечном счете, к количественным критериям — тонны добываемого угля и выплавляемой стали, количество танков, самолетов, боеспособных дивизий, судов ВМС и т.д.

Всю историю человечества предстояло решать, как минимум, два вопроса, когда речь шла о противоборстве государств и коалиций. Во-первых, о том, каким образом получить максимально точные и полные данные, а, во-вторых, как их оценить (измерить) и проверить их достоверность. И, несмотря на огромные средства, которые до сих пор тратятся на агентуру и аналитику, проблема точного ответа на эти вопросы сохраняется до сих пор. Прежде всего, потому, что есть некие параметры, которые трудно поддаются количественным оценкам, а также потому, что в политике очень важную роль продолжают играть субъективные факторы.

Метод Анализа Иерархий (МАИ, иногда МетАнИе) — математический инструмент системного подхода к сложным проблемам принятия решений. МАИ не предписывает лицу, принимающему решение (ЛПР), какого-либо «правильного»

решения, а позволяет ему в интерактивном режиме найти такой вариант (альтернативу), который наилучшим образом согласуется с его пониманием сути проблемы и требованиями к ее решению[178].

Иногда складывается впечатление, что популярность метода Саати обусловлена не его, метода, твердой математической основой и/или приемлемыми практическими результатами, а массированной рекламной компанией, целью которой, не исключено, является направление конкурирующих групп аналитиков из разных стран по ложному и трудоемкому пути. Более того, иногда даже попахивает интеллектуальной спецоперацией.

Попробуем разобрать простой пример:

Потенциалы человеческого развития трех стран — важнейшего современного ресурса — соотносятся по мнению:

Эксперта № 1,

Страна	США	Китай	Россия
США	1	7	3
Китай		1	1
Россия			1

А по мнению, Эксперта № 2 следующим образом:

Страна	США	Китай	Россия
США	1	1	7
Китай		1	7
Россия			1

[178] https://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%E5%F2%EE%E4_%E0%ED%E0%EB%E8%E7%E0_%E8%E5%F0%E0%F0%F5%E8%E9

Обработка (любым, более или менее подходящим методом) даст какую-то среднюю оценку потенциалов трех стран, например по десятибалльной шкале:

1. США — 8
2. Китай — 7
3. Россия — 6

Интуитивно сразу ясно, что оба эксперта сильно ошиблись в оценках, причем в разные стороны. Так, в первом случае качество ЧК в России существенно выше, а количество — ниже, хотя выглядит наоборот.

Итоговый индекс, вроде бы, ближе к реальности, хотя, скорее всего, 1 и 2 номера нужно поменять местами.

Авторы методики предполагают, что при большом количестве экспертов их ошибки будут взаимно нивелированы.

Однако ни теорией, ни практикой это не подтверждается.

Не беремся выносить окончательный вердикт, но из общих соображений понятно, что недостоверный (субъективный) и сходный материал при любой, сколь угодно изощрённой математической обработке, не может дать точных индексных значений. Но международные отношения и являются (как и все явления в социальной области), изначально субъективными.

Более того математики хорошо знают, что при неточных данных чем больше составных частей в индексе тем он менее отражает реальность т.к. ошибки содержащиеся в каждом ингредиенте, перемножаясь, увеличивают неточность конечного результата. Поэтому статистики редко берутся сводить больше 3–4 исходных данных в обобщенный индекс.

Именно поэтому у нас ничего не вышло, когда мы захотели улучшить ИРЧП ПРООНа добавлением показателей — это была методологическая ошибка.

Если бы нас спросили, мы бы предложили взять 3–4 ТОЧНЫХ числа по странам:

1. Территория — фундаментальное число — содержит: ареал обитания, ресурсы недр, логистику и пр.

2. Бюджет — это: богатство, экономический буфер (подушка), возможность развития (инвестиции).
3. Население — главный экономический и мобилизационный потенциал.
4. ИРЧП — качество рабочей и военной силы.

Здесь только последнее число необъективно, но этот индекс так давно и тщательно вылизывают, что его можно считать вполне достоверным.

В этих числах нет субъективных составляющих и их, составляющих, немного — значит, их суммарный индекс будет что-то отражать РЕАЛЬНОЕ.

Можно взять другие составляющие, но тогда какие-то придется выбросить: 3–4 показателя — это максимум. И никаких субъективных, неоднозначных данных — типа количество танков и самолетов — слишком разные они у разных стран — их сравнивать нельзя, хотя именно такими сравнениями и занимаются Генеральные штабы всех государств.

Можно, группируя исходные данные по 3–4, создать несколько индексов, а не один.

Например:

1. Территория / Бюджет / Население / ИРЧП.
2. Длина границы / Военный бюджет / Количество военнослужащих / Резервисты.

Из всего вышеизложенного очевидно, что метод Саати — несмотря на свою распространенность не является инструментом, дающим объективные результаты. Скорее его популярность свидетельствует о беспомощности современной науки в области прогнозирования действительно сложных процессов.

Нами была предпринята попытка использовать этот метод для сравнения военных потенциалов противостоящих государств. В частности, экспертам была предложено сделать оценку некоторых потенциалов.

По полученным результатам, после обработки данных экспертизы, было осуществлено вычисление совокупного

потенциала с использованием мультипликативной свёртки степенных функций частных потенциалов. Требовалась экспертная оценка вкладов военно-экономического, военного, военно-политического, управленческого, коалиционного потенциалов и потенциала человеческого развития, в совокупный военный потенциал. Например, потенциал превосходства «незначительное» оценивается в 3 балла, «высокое» — 7 баллов. Эту схему предложил известный эксперт, генерал-майор С. Цырендоржиев.

Для оценки потенциалов используется следующая шкала градаций[179]/ Степень превосходства оцениваемого параметра над другими	Одинаковая	Незначительная	Средняя	Высокая	Абсолютная
Оценка	1	3	5	7	9

Сравнительная оценка потенциалов осуществлялась по методу Т. Саати, для чего заполняется верхняя часть матрицы сравнения потенциалов для заданной выборки стран. Заполнение матрицы сравнения осуществлялось следующим образом. По диагонали матрицы записывается единица. В верхней треугольной матрице эксперт указывает число от 1 до 10 на основе парных сравнений потенциалов страны с номером $i = 1,2,\ldots,n$ с остальными странами[180].

[179] Допустимо использовать как целые, так и дробные числа

[180] Понятийный аппарат, используемый в этой методике / Подберезкин А.И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО–Университет, 2013, а также серия аналитич. докладов, опубликованных в 2014 году:

Военно-экономический потенциал — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.

Пример заполнения таблиц показан в следующих таблицах.

Военно-экономический потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	2	8	4,5	5	6	8	3
Китай		1	4	2,5	3,5	4	4,5	1,5
Россия			1	0,4	0,8	0,9	1,0	0,4
Германия				1	1,5	1,6	1,6	0,7
Франция					1	1	1,5	0,8
Англия					1	1	1,5	0,5
Италия							1	1
Япония								1

Военный потенциал — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В военной области НЧК определяет качество личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВиВТ.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Военный потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1,5	3	6	8	7	9	8
Китай		1	1	4	5	5	6	7
Россия			1	6	2,5	3	4	5
Германия				1	1,4	1,6	2	2
Франция					1	1	2	1,5
Англия					1	1	1,5	2
Италия							1	1
Япония								1

Военно-политический потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	5	5	6	7	8	7
Китай		1	1,5	5	6	4	8	6
Россия			1	4	3	3	5	5
Германия				1	1,5	1	3	3
Франция					1	1	2,5	3
Англия						1	3	4
Италия							1	0,33
Япония								1

Результаты таких оценок мы рассмотрим ниже, однако изначально необходимо говорить о том, что сами по себе количественные методы без встраивания их в логику развития того или иного сценария МО и его вариантов представляются малообоснованными. Однако они могут служить существенным инструментом для логико-интуитивных операций экспертов. В частности, если изначально оценки делаются, например, из выбранной модели развития долгосрочного сценария МО. Ниже предлагается одна из таких моделей сценария среднесрочного развития МО до 2021 года, исходя из имеющихся данных на середину 2015 года.

Модель, предложенная на рисунке 7.2, изначально исходит из того, что будет реализовываться сценарий эскалации противоборства западной ЛЧЦ в нескольких возможных вариантах. Не допускаются иные варианты, например, «разрядки» или «перезагрузки», сутью которых стала бы принципиальная смена курса. При такой постановке задачи мы исходим из того, что вероятность реализации этого сценария в среднесрочной перспективе близка к абсолютной.

Из этой логической схемы видно, что наиболее реалистический сценарий развития МО до 2021 года предполагает достаточно быструю эволюцию современного сценария в новый этап сетецентрической войны — вооруженный региональный конфликт на Украине и самое широкое противостояние с Россией, включая вооруженное, т.е. превращение нынешней ВПО в конкретную вооруженную стадию СО как глобальной войны еще до 2021–2022 годов.

Этот вполне категорический вывод неизбежно влияет на экспертов, которые делают количественные оценки, эксплицитно или имплицитно. Понятно, что эксперт заведомо соотносит свои знания, интуицию и ощущения с тем или иным сценарием развития МО не только потому, что его отношение к реальности может быть пессимистично или оп-

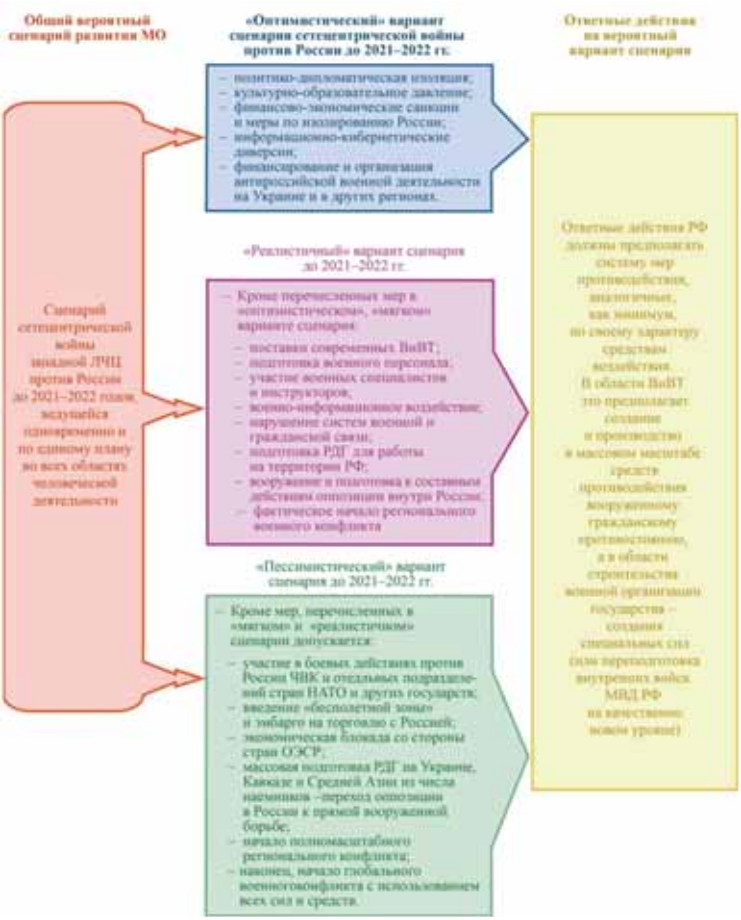


Рис. 7.2. Модель (логическая схема) развития современного варианта сценария МО как сценария сетецентрической войны против России до 2021–2022 годов

тимистично, но и потому, что эксперт пользуется (невольно отбирает) той или иной информацией.

В еще большей степени оценки экспертов зависят от того, какие ответные действия должна предпринимать Россия

в политической, военной и экономической областях. Даже если эксперт и не является так или иначе ангажированным, его информированность, политические пристрастия и прочие факторы неизбежно влияют на качество субъективной оценки.

Эти и другие соображения, как представляется, должны учитываться при количественном анализе социально-политических процессов, прежде всего, относящихся к военно-политической области, в которой субъективность особенно превалирует. В качестве иллюстрации приведем пример существующих и возможных будущих изменений в характере войн.

Стремительное развитие революции в военном деле (некоторые авторы используют аббревиатуру РВД), безусловно, влияет на формирование тех или иных сценариев развития МО и их наиболее радикальных вооруженных вариантов. Хорошо известно как политические цели предопределяют характер войны, но в XXI веке особенно ярко проявилось и обратное влияние, а именно: резко возросшие возможности использования военной силы в системной и сетецентрической войне позволяют ставить не только новые глобальные политические цели, но и такие, которые прежде считались недостижимыми в силу многих причин (риска глобальной войны, экономических издержек, мобилизационных трудностей и др.).

Огромное значение имело также изменение основной задачи войны и главного объекта для ведения военных действий. Контроль над противником, его волей и действиями, достигнутый в результате военных действий, означает одновременно и полную политическую победу, возможность формулирования подобной политической цели при формировании одного из вариантов сценария развития МО. Это неизбежно вело к изменению акцентов в использовании всех инструментов внешней политики в пользу военных средств.

Изменения в характере современных войн и военных конфликтов[181]

Составные элементы	Концепция РВД (быстрое достижение превосходства)	Традиционная концепция «больших батальонов» (решающее значение силы)
Задача	Поставить под контроль волю противника, восприятие и оценку им происходящего	Получить решающее военное превосходство над силами и средствами противника
Назначение военной силы	С помощью контроля нал волей противника и его способностью к ориентации лишить его всякой возможности действовать или отвечать па удары	Победа над противником путем достижения превосходства над его военным потенциалом
Масштаб военной силы	Можно уступать противнику численно, главное — иметь решающее преимущество в техническом оснащении, боевой подготовке и методах ведения боевых действии	Крупные, хорошо обученные и оснащенные силы, обладающие подавляющим превосходством в технике и вооружениях
Сфера применения	Универсальная	Боевые действия группировки против группировки (а также вспомогательные операции)
Скорость	Имеет принципиальное значение	Желательна

[181] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 24.

Окончание табл. «Изменения в характере…»

Составные элементы	Концепция РВД (быстрое достижение превосходства)	Традиционная концепция «больших батальонов» (решающее значение силы)
Потери в живой силе	Могут быть небольшими с обеих сторон	Потенциально значительные с обеих сторон
Приемы ведения боевых действий	Парализовать волю противника, ошеломить его, деморализовать, сковать, уничтожить	Систематическое уничтожение живой силы и техники противника. В некоторых ситуациях может применяться тактика изматывания противника

Отдельная тема, возникающая в этой связи, — смена профессиональной элиты, которая традиционно участвовала в формировании внешней и оборонной политики. В условиях ведения системных и сетецентрических войн резко возрастает роль специалистов, занимающихся формированием общественного мнения и работой с информацией и снижается роль традиционных профессионалов. Это в полной мере относится не только к дипломатии, внешней торговле и военному делу, но и к остальным отраслям деятельности, связанным с внешней политикой. «Но если будут меняться вооруженные силы, то изменения коснутся и самих военных. Для них откроются новые возможности и пути карьерного роста, будут выдвинуты новые требования к образованию военных специалистов. На первый план выйдет новая элита — например, «бойцы информационного фронта», потеснив танкистов и летчиков, они станут главной кузницей кадров для высших звеньев военного командования… Кроме того, способы ведения вой-

ны меняются не только благодаря техническому прогрессу, который невозможно остановить, но и в зависимости и от того, как государства используют армию для достижения политических целей»[182].

Соответственно меняются и собственно сценарии и варианты развития МО, прежде всего, под влиянием резкого усиления значения информационно-коммуникационных составляющих, а также субъективного роста влияния новых элит. Уже «Буря в пустыне» в 1991 году показала, что на развитие сценария МО в Азии колоссальное влияние оказала прямая трансляция СПП и умелая консолидация в информационно-пропагандистском плане элит и общественности стран-членов НАТО.

Важнейшая угроза России в 2014–2015 годах со стороны западной ЛЧЦ возникла — и в этом с Д. Трениным можно согласиться — не в военно-технической, экономической или технологической области (и разнице в потенциалах), а в цивилизационной и общественно-политической: ассоциация Украины с ЕС, которая не имела сколько-нибудь заметного экономического или политического значения, угрожала национальной идентичности России и ее суверенитету тем, что значительная часть собственно правящей российской элиты могла бы последовать вслед за украинской элитой.

Формирование будущих сценариев развития МО происходит под сильным влиянием национальных стратегий ведущих мировых государств, которые, в свою очередь, зависят от национальных ресурсов и перспектив их развития. Таким образом, оценка потенциалов государств является важной частью анализа существующей и будущей МО, без которой стратегический прогноз развития сценариев МО во многом теряет свою обоснованность.

---

[182] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 24.

В XXI веке влияние различных невоенных потенциалов стремительно усиливается. Сетевая, системная и сетецентрическая, по своему характеру, война и внешняя политика в еще большей степени ускоряют этот процесс. Как справедливо заметил российский исследователь Л. Савин, характеризуя важность этих ресурсов: «Жасминовая революция в Тунисе, египетские беспорядки, названные финиковой революцией, далее бунты в Ливии и других арабских странах, акции протеста в странах ЕС, наконец, события на Манежной площади в Москве и их последствия демонстрируют, что динамика сетевой организации в разных странах продолжает расти. Акторами сетевой войны продолжают выступать представители самых различных формальных и неформальных структур — от этнических групп и диаспор, идеологических объединений и профсоюзов до транснациональных корпораций и лобби групп, частных военизированных структур и преступных группировок. Поскольку границы сетевой войны размыты, инициаторы ее проведения также зачастую остаются вне поля зрения. Используя классические механизмы конфликтов — от подстрекательства до поощрения, авторами сетевых войн часто оказываются различные исследовательские институты, аналитические центры и неправительственные фонды, разрабатывающие сценарии по заказу различных правительственных агентств»[183].

Войны в Ираке, Афганистане, Сирии и особенно деятельность ИГИЛ в 2014–2015 годах, которая сумела охватить сразу несколько континентов и нанести поражение армиям государств — наглядная иллюстрация того как сетевые структуры могут быстро и глобально мобилизовываться и успешно бороться с государством.

---

[183] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 116.

Не трудно предсказать, что развитие будущих сценариев МО будет находиться под сильным влиянием темпов развития возможностей сетевых структур: «Сама сеть и сетевая стратегия стремительно развиваются. Они находят все новые и новые щели, новые маршруты и техники распространения контроля. Сетевые войны требуют новых подходов, новых методов работы, новых форм организации систем безопасности государства[184], справедливо пишет Л. Савин.

Естественно, что противодействие влиянию этих стратегий и ресурсов предполагает, как минимум, наличие своего влияния. Война на Украине в 2014–2015 годах, в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, операции ИГИЛ продемонстрировали, что именно сетевые, управленческие, медийные потенциалы становятся решающими ресурсами при ведении силового и вооруженного противоборства, нередко вытесняя даже традиционные военные потенциалы.

Но, к сожалению, далеко не всегда эти ресурсы и возможности учитываются при оценке и сопоставлении военных потенциалов, хотя даже первая война в Ираке в 1991 году показала значение СПП и даже незаконченной GPS. По-прежнему предпочитают подсчитывать ВиВТ, число дивизий и бригад, не уделяя достаточного внимания сетевому и сетецентрическому компонентам.

Сказанное означает, что в XXI веке сам характер политических и военных угроз изменился. Наиболее приоритетными целями стали, как уже говорилось, не вооруженные силы, военные потенциалы и иные военные возможности государств, а собственно правящие элиты, их политика, национальная система ценностей и человеческий капитал. Это делает традиционные сопоставления государственной и военной мощи бессмысленными. Даже в войне на Украине

---

184 *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 116.

2014–2015 годов собственно военные потенциалы играли незначительную роль: их принадлежность быстро менялась, а количество танков и орудий имело гораздо меньшее значение, чем информационно-пропагандистское обеспечение и моральный дух.

Тем не менее, сравнение военных потенциалов имеет прикладное значение в особенности, если в нем учитывается группа нематериальных факторов, прежде всего, качество и объем национального человеческого капитала (ЛЧЦ)[185]. Поэтому стратегический прогноз не может не учитывать этих аспектов.

Совокупный потенциал государства и совокупный военный потенциал — достаточно близкие понятия, однако между ними не может быть равенства по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что совокупный военный потенциал является, по сути, фактором, т.е. уже реализованным государственным потенциалом или его частью, долей (процентом и т.п.), которая может быть больше или меньше, но не равна всему государственному потенциалу. Эта доля военного потенциала может в разные периоды истории государства существенно отличаться. Так, во время войны она максимально приближена к государственной мощи, а в мирные периоды — составляет ее незначительную часть.

Очевидно, вместе с тем, что не только сам абсолютный «вес» этой части военного потенциала определяет его объем, но в значительно большей степени — собственно величина совокупного государственного и общественного потенциала. Так, «вес» военного потенциала может измеряться, например, долей военных расходов в ВВП государства, которая сегодня в развитых государствах составляет 1,5–2 % (но в США, Израиле, Саудовской Аравии и ряде других

[185] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

стран существенно выше). В то же самое время сам объем ВВП страны, от которого исчисляется доля военных расходов, играет решающее значение. Так, например, доля в 1,5 % от ВВП Японии значительно больше, чем доля в 2 % от ВВП Франции и даже 4 % от ВВП России. Вот почему для оценки военных возможностей страны важна оценка не только собственно военного потенциала, но и все национальные возможности государства.

Это соображение — соотношения собственно объемов военных потенциалов и национальных потенциалов — имеет огромное значение для реальной оценки, например, мобилизационного резерва, который для Индии (с населением в 1350 млн человек) и России (146 млн человек) будет находиться в соотношении 10:1. Особенно важное значение, в этой связи, имеют такие характеристики национальных потенциалов как качество НЧЦ, уровень технологического развития, степень развития институтов гражданского общества, численность креативного класса и др. показатели, ставшие в последние годы решающими при оценке государственной мощи.

Оценка собственно, военных показателей имеет также важное значение, которое, вместе с тем, не стоит преувеличивать. Характер современной войны, эволюция развития различных вариантов сценариев МО и ВПО демонстрируют, что в этой области наблюдаются революционные изменения, связанные как с изменением роли видов и родов вооруженных сил, так качеством ВиВТ. Вместе с тем именно в последние годы появилось множество попыток количественных сравнений военных потенциалов, имеющих определенное значение, прежде всего, для иллюстрации общих возможностей военных потенциалов.

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на мировой индекс военной мощи (Global Firepower Index — GFI), который регулярно определяется военными

и экономическими экспертами. Всего в GFP рассматривается 106 стран. Последнее обновление GFI-2015 состоялось в декабре 2014 г.[186]

В настоящее время GFI является одним из самых объективных обобщенных количественных показателей, который учитывает более 50 различных частных показателей. При формировании GFI не только ведется скрупулезный подсчет танков, самолетов и военных кораблей, но учитывается численность кадрового состава армии и ее резерва, уровень финансирования военной сферы, транспортная инфраструктура страны, добыча и потребление нефти, разведанные нефтяные запасы, размер государственного долга, накопленные международные валютные резервы и даже — географические особенности страны. То есть рассматривается достаточно большое количество факторов, способных повлиять на боеспособность армии. Но, при этом, специально подчеркивается: не учитываются особенности политического и военного руководства стран[187] и другие важные качественные характеристики.

Для сравнения военной мощи государств авторы GFI используют сложную методику формирования интегрального показателя, в котором представлены свыше 8 различных групп факторов. По результатам подсчетов значений этого показателя страна получает оценку (Power index или PwrIndex), интегрально отражающую ее возможности. Эти измерения легли в основу целого ряда сравнений. Так, 10 июля 2014 г., например, американское издание Business Insider опубликовало доклад The 35 Most Powerful Militaries In The World («35 самых сильных армий мира»). Для удобс-

---

[186] Рейтинг Global Firepower Index / [Электронный ресурс]. URL: http://topwar.ru/54213-reyting-global- firepower…

[187] *Фомин А. Н., Рябошапко В. А., Самарин И. В.* Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015 № 1 (50). С. 33–35.

тва рассматривались только 35 самых мощных в военном отношении стран. Авторы этой публикации не проводили самостоятельного исследования вооруженных сил стран, а использовали имеющуюся базу данных GFI. Но при этом они учли также ядерную компоненту, дополнительно включив данные о количестве ядерных боеголовок стран, правда, не разделяя ядерные боеприпасы на стратегические и тактические.

При определении рейтинга Business Insider для каждой страны рассматривались 7 частных показателей: численность экономически активного населения (в другом варианте — численность вооруженных сил), количество танков, самолетов, ядерных боеголовок, авианосцев, подводных лодок, также военный бюджет страны в долларовом выражении (см. табл. «Основные частные показатели, определяющие военную мощь стран»). В итоге были определены рейтинги стран, которые соответствуют их номерам в таблице, составленной авторами.

Этот рейтинг вызывает серьезные сомнения даже с точки зрения «чисто» военных сопоставлений, но прежде всего он требует комментариев содержательного характера: для каких целей предназначены эти военные потенциалы?; в какие временные сроки и как их предполагают использовать?; на каких ТВД? и т.д.

Без ответа на эти вопросы даже собственно оценка военных потенциалов теряет смысл. Так, мощь авианосцев теряет свое значение для военных операций в Евразии вообще, а в Центральной Азии в особенности. Также как и танковые соединения трудно использовать против территории США, Канады или Австралии.

Не обошлось и без «сюрпризов», наиболее яркий пример, из которых рейтинг КНДР, когда оказывается вдруг, что ВМС КНДР являются мировым лидером в области подводного флота: согласно имеющимся данным, КНДР имеет

Основные частные показатели, определяющие военную мощь стран

№	Страна	Численность активного населения, млн чел.	Кол-во танков, шт.	Кол-во самолетов в ВВС, тыс.	Кол-во ядерных боеголовок, шт.	Кол-во авианосцев, шт.	Кол-во ПЛ, шт.	Военный бюджет, $ млрд
1	США	145,212012	8325	13 683	7506	10	72	612,5
2	Россия	69,117271	15 500	3082	8484	1	63	76,6
3	Китай	749,610775	9150	2788	250	1	69	126
4	Индия	615,201057	3569	1785	100	2	17	46
5	Великобритания	20,164233	407	908	225	1	11	56,3
6	Франция	28,802096	423	1203	300	1	10	43
7	Германия	36,417842	408	710	0	0	4	45
8	Турция	41,637773	3657	989	0	0	14	18,185
8	Южная Корея	25,60929	2346	1393	0	0	14	33,7
10	Япония	53,608446	767	1595	0	1	16	49,1
11	Израиль	3,51119	3870	680	200	0	14	15
12	Италия	27,869443	600	795	0	2	6	34
13	Египет	41,15722	4767	1100	0	0	4	4,4
14	Бразилия	106,784621	489	748	0	1	5	33,142
15	Пакистан	93,351401	3124	847	110	0	8	7
16	Канада	15,786816	201	404	0	0	4	18

17	Тайвань	12,190243	2005	775	0	0	4	10,725
18	Польша	18,830448	1063	475	0	0	5	18,17
19	Индонезия	129,075118	374	381	0	0	2	6,9
20	Австралия	10,5	59	395	0	0	6	26,1
21	Украина	22,244394	4112	400	0	0	1	4,88
22	Иран	46,247556	2409	471	0	0	31	6,3
23	Вьетнам	50,64543	3200	413	0	0	1	3,365
24	Таиланд	35,444716	740	543	0	1	0	5,39
25	Сауд. Аравия	15,246507	1095	652	0	0	0	56,725
26	Сирия	11,550588	4950	473	0	0	0	1,872
27	Швейцария	3,614595	200	175	0	0	0	4,83
28	Испания	22,964245	415	531	0	1	3	11,6
29	Швеция	4,062455	280	216	0	0	5	6,215
30	Чехия	4,91446	123	109	0	0	0	2,22
31	Алжир	20,387681	1050	404	0	0	6	10,57
32	Нидерланды	7,728129	0	160	0	0	4	9,84
33	Мексика	59,179064	0	373	0	0	0	7
34	Бельгия	4,650921	52	166	0	0	0	5,085
35	Северн. Корея	12,933972	6600	943	9	0	78	7,5

78 подводных лодок различных типов, а также весьма приличный арсенал других средств вооружения, намного превосходящий некоторые другие страны. Тем не менее, это не помогло Северной Корее подняться выше последнего 35-го места.

Почему такое произошло, составители рейтинга не дают внятных объяснений (что-то говорится об устаревших подводных лодках, о большом количестве малых подлодок, но как это учитывается при расчетах — непонятно). Видимо, у них имелись какие-то дополнительные соображения, не учитываемые системой принятых ими значимых факторов. Вместе с тем сама идея количественных сопоставлений имеет значение для попыток долгосрочных прогнозов, в результате которых выделяются ведущие тенденции. Так, абсолютное превосходство ВВС США доказывает их ориентацию на преимущественное использование воздушно-космических ВТО в будущей войне, а значительное количество танков у КНР может свидетельствовать о готовности Китая к масштабным сухопутным операциям по всему периметру своих границ.

Среди количественных показателей все более важное значение имеют отдельные частные подуровни. Иногда даже более важное, чем общие показатели. Очень важный показатель государственной мощи — численность населения, однако еще более важный — численность креативного класса как интегрального показателя НЧК. Так, среди 749 млн активного китайского и 615 млн индийского населения за последние 15–20 лет сформировалась очень мощная социальная группа лиц с высшим образованием — порядка 300 млн человек, которую можно отнести к креативному классу и она составляет основу для институтов гражданского общества.

В условиях быстрого роста населения и дефицита ресурсов, рост новых центров силы, прежде всего КНР, Бразилии,

Индии, Мексики, Индонезии и России, неизбежно вносит коррективы в прогнозы соотношения сил в будущем уже не только по военным, но и по другим критериям. Это хорошо видно на примере соотношения сил РФ и КНР[188] в стратегической перспективе до 2070 года.

Рис. 7.3. Прогноз развития Китая (2020–2050–2070 годы)

Как видно из прогноза развития КНР, наибольший прирост государственной мощи будет обеспечен в будущем за счет неэкономических факторов — науки, культуры, образования, управления и армии. Это означает, что именно эти потенциалы в будущем будут иметь значение, а не отдельные военные показатели. Еще более наглядно сравнение уровней государственной мощи КНР и РФ

[188] *Подберезкин А.И.* Сценарии развития СО на базе возможных отдельных военных конфликтов / Эл. ресурс: «Виперсон». 2015. 14 апреля / http://viperson.ru/articles/professor-mgimo-aleksey-podberezkin-stsenarii-razvitiya-so-na-baze-vozmozhnyh-otdelnyh-voennyh-konfliktov

в долгосрочной перспективе. Прежде всего, по тем направлениям, которые будут иметь решающее значение в XXI веке. Такие сравнения, например, показывают, что в сетецентрических войнах и стратегиях, где управление, наука, культура и образование имеют особенно важное значение, преимущества одной из сторон выглядят наиболее впечатляющими и опасными.

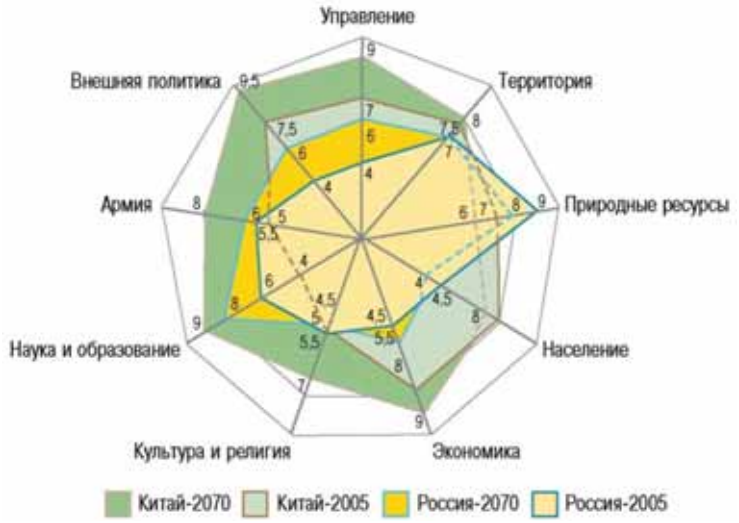


Рис. 7.4. Сравнительная диаграмма прогноза развития совокупной мощи России и Китая

Измерение соотношения сил в стратегической перспективе имеет принципиальное значение, если говорить о будущих государственных возможностях, и наименьшее значение для оценки военных потенциалов. Целый ряд невоенных факторов, среди которых на первый план в XXI веке вышел НЧК и институты его развития, оказываются по своему значению важнее собственно военных возможностей. Тем более малоперспективными представляются попытки

прогноза в долгосрочной перспективе СО, сделанные на основе будущих военных потенциалов. Что подтверждает, кстати, современная политическая история. Конфликтная СО не была в качестве приоритетных тем для анализа, а тем более политических действий в последние десятилетия. Как справедливо заметил А. Арин, прогнозисты и футурологи США тоже не определяют конкретных периодов своих прогнозов для XXI века, а дают их или как тенденции, или как желательное будущее. Но в их прогнозах обнаруживается любопытная вещь. Ещё в середине 1990-х годов, т. е. сразу после распада СССР, прогнозисты не думали о единоличном лидерстве США. Некоторые из них (например, Чарльз Кегли-младший и Грегори Раймонд) даже предполагали возможность таких «альянсов»: Русско-американский альянс (который обеспокоил бы ЕС), Американо-европейско-русскую ось, которая вызвала бы беспокойство Китая и Японии. Хотя такого типа альянсы они и не исключали, однако всё же полагали, что эти варианты были бы опасны для мира. В этой связи представляется более перспективным пытаться прогнозировать не СО, а соотношение возможных будущих потенциалов, выделяя, например, следующие: см. табл. «Сравнение военных потенциалов по важнейшим государственным критериям развития».

Естественно, что такое сравнение достаточно условно и зависит от субъективного восприятия экспертов того или иного значения военного потенциала. Которое, кроме того, может меняться в конкретные исторические отрезки времени. Огромное значение, например, имеет адекватная оценка национального человеческого капитала, для эффективности военной мощи, которая до сих пор недооценивается. Его влияние на военную мощь страны, как уже говорилось, трудно переоценить. В частности, только за последние 25 лет в КНР получили высшее образование более 300 млн человек, а средний и высший класс Индии уже превысил 176 млн человек.

Сравнение военных потенциалов по важнейшим государственным критериям развития

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,5	0,6	0,5	0,75	7
Военно-политический потенциал		1	0,4	0,4	0,75	5
Военный потенциал			1	0,5	0,75	5
Управленческий потенциал				1	0,25	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Это свидетельствует не только о возможном высоком качестве личного состава и командования ВС этих стран, но и о качестве ВиВТ. Именно НЧК сегодня определяет эти параметры, а в перспективе — по мере развития системной сетецентрической войны — этот вид военного потенциала приобретет решающее значение.

Сегодня уже явно недостаточно оценивать военные возможности Индии, отталкиваясь от оценки собственного военного потенциала или величины активного населения. Важно попытаться определить численность креативного класса и наиболее активных социальных групп, составляющих формально часть личного состава ВС, но, в действительности, определяющую военную мощь. Так, затраты на одного пилота палубной авиации больше, чем затраты на космонавта, а численность этой группы может насчитывать всего сотни человек. Вот почему важны социальные и социологические исследования и сравнения.

В частности, можно попытаться спрогнозировать будущий военно-демографический потенциал Индии, опираясь на уровень доходов и образование населения страны.

Из всего сказанного следует, что потенциал экономического и военного могущества КНР и Индии (а также Индонезии и Бразилии) в ближайшие годы резко возрастет, что позволит им резко изменить соотношение военных сил в мире. Оценить эти возможности через 20 лет можно, опираясь на статистику и экспертные оценки.

Более традиционно и привычно сопоставление будущих потенциалов в экономической области, чем занимаются уже многие годы современные специалисты в области макроэкономики. Другое дело, что, как правило, такие прогнозы редко оправдываются даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о стратегическом прогнозе. Но экспертные оценки в этой области также могут быть полезны, хотя, не следует забывать об их субъективности.

Сравнение военно-экономических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1[189]	3	7	6	6	9	7
Китай		1	3	7	9[190]	9	9	7
Россия			1	3	4	5	7	5
Германия				1	2	1	5	4
Франция					1	1	3	3
Англия						1	3	3
Италия							1	0,5
Япония								1

Очень трудно соотнести военно-экономические потенциалы различных стран не из-за отсутствия информации (её-то, как раз, больше чем по другим областям), а из-за необходимости выработки отдельных и точных критериев для сравнения. Так, с одной стороны, экономический потенциал Германии существенно больше, чем Великобритании и Франции, но, с другой стороны, у этих стран есть ядерное оружие и собственные мощности по его производству.

Другой пример — оценка военно-экономического потенциала России, который существенно меньше, чем потенциалы США и КНР, но не настолько насколько существует разница между ВВП этих стран и уровнем развития техно-

[189] Мощности по строительству ВМС КНР, например, уже превосходят мощности США с 2010 года.

[190] Потенциал КНР абсолютно превосходит потенциалы Франции и Англии (ядерных стран), но это превосходство уменьшается в случае с Японией, чей ВВП примерно равен ВВП ФРГ.

логий. Так, если соотношение ВВП России и США (и КНР) может быть оценено как 1:10, а по наукоемким технологиям и обрабатывающей промышленности даже как 1:100, то соотношение военно-экономических потенциалов до настоящего времени существенно ниже и может быть оценено как 1:3 или 1:4.

Таким образом, можно констатировать, что сравнение военных потенциалов различных стран в принципе не только возможно, но и необходимо. Но это сравнение не должно основываться только на механическом сопоставлении и сравнении собственно военных потенциалов. Необходимо учитывать происходящие качественные изменения в государственной мощи и ведущие тенденции мирового развития.

Кроме того, необходимо исходить из прогноза будущего характера МО и ВПО, войн и военных конфликтов, которые во многом будут предопределять значение того или иного потенциала противоборствующих государств.

Военно-политический потенциал во всех своих видах и формах — часть потенциала ЛЧЦ и нации. Влияние военно-политического потенциала, объединяющего огромные нематериальные ресурсы нации и ЛЧЦ, которые уже используются или могут использоваться в будущем, трудно переоценить и невозможно не учитывать при оценке существующего прогноза будущего сценария развития МО. Так, идеологическая часть военно-политического потенциала мусульманских организаций, в частности ХАМАЗ и ИГИЛ, позволяет им активно бороться с регулярными армиями не только арабских, но и западных государств.

В немалой степени этот феномен, влияющий на военную мощь, был заметен и в прежней военной истории человечества. «Крестовые походы», завоевание Америк и Азии во многом происходили под влиянием религиозного и идеологического факторов. Строительство государств, империй и союзов также во многом находилось под этим влиянием.

Не только 1000-летнее существование православной Византии и образование православного Московского государства, но и протестантские войны в Европе XVII столетия являлись религиозными и идеологическими войнами.

Неожиданно для рационального глобализирующегося мира в XX веке произошло возрождение роли идеологии, которую «похоронили» вместе с идеологией коммунизма и СССР. Причем этот фактор превратился в мощный цивилизационный и национальный ресурс, который стал важнейшей частью военно-политического потенциала. Война на Украине стала откровенной демонстрацией того каково значение этого ресурса и потенциала стало в ходе военного конфликта в XXI веке.

Сравнение военно-политических потенциалов стран и цивилизаций представляет существенное практическое значение, ибо этот потенциал позволяет использовать в военных целях весь набор средств «мягкой силы» — от идеологического лидерства и популярности той или иной системы ценностей, до средств массовой информации, пропаганды, информационной, кибер и иных военных и полувоенных операций. Нередко, как показывает опыт военных действий на Украине в 2014–2015 годах, именно пропагандистские цели и средства становятся главными, отодвигая на второй план собственно военные цели и средства ведения войны. Так, на Украине главной политической целью войны стало не уничтожение ДНР и ЛНР, их вооруженных сил и захват территории, а формирование русофобской и националистической идентичности у населения страны. Такая цель предполагала «войну ради войны» и как постоянную смену информационных поводов. Складывалось устойчивое впечатление, что не только прекращение войны не было нужно украинской элите, но даже и победа в этой войне. Эта война напоминала постоянные религиозные войны и борьбу с еретиками инквизицией в средние века.

Вместе с тем следует подчеркнуть две важные особенности военно-политического потенциала в XXI веке, которые отчетливо выделяют его из предыдущей традиции:

Во-первых, объективное усиление значения военно-политического потенциала во внешней и военной политике, «вытеснение» ими собственно военных средств — ВиВТ. Более того, можно признать, что в условиях системной и сетецентрической войны они превращаются в основные средства ведения войны, хотя в «классической» военной науке до сих пор сохраняется принципиальное различие не только между военными и невоенными средствами, но и при определении состояния МО как «война» или «мир» в зависимости от того используется оружие или нет.

Во-вторых, изменение характера войны, прежде всего изменение главных целей войны в настоящее время, ведёт к тому, что именно военно-политические цели — система цивилизационных и национальных ценностей, представления о национальных интересах — становятся главными целями войны. Сегодня завоевание контроля над правящей элитой и массовым сознанием не менее важно, чем контроль над воздушно-космическим пространством или оккупация территории, разгром вооруженных сил и военного потенциала противника, а нередко и более важно. Именно борьба за массовое сознание и контроль над правящей элитой стали главными целями войны на Украине в 2014–2015 годы.

Соответственно борьба за изменение соотношения военно-политических потенциалов становится не только залогом успешной вооруженной борьбы и войны, но и самостоятельной целью. Безусловное превосходство в военно-политической области предполагает ненужность, даже невозможность собственно военных действий. Действительно, война начинается там и тогда, где и когда возникают сомнения в превосходстве одной стороны над другой, либо появляется, пусть маленький, но шанс на победу. Если такого шанса нет, то

и война бессмысленна. Она может быть только актом отчаяния. Если с этой точки зрения рассмотреть соотношение военно-политических сил между ведущими государствами мира (по оценке ряда экспертов МГИМО, используя метод САТИ), то окажется, что наибольшие сомнения относительно победы возникают у КНР и РФ по отношению к США с одной стороны, и наименьшие — по отношению Италии и Японии к США.

Оценка соотношения военно-политических потенциалов

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	1	3	7	7	7	9	7
Китай		1	1	3	3	3	7	7
Россия			1	1	3	3	5	5
Германия				1	3	3	5	3
Франция					1	1	2	2
Англия						1	3	3
Италия							1	1
Япония								1

Для понимания значения военно-политического потенциала важно отдавать ясный отчет об уровне (существующем и будущем) отношений между странами и цивилизациями, которые влияют на возможное военное противостояние.

В частности, например, экономические, финансовые и торговые интересы КНР тесно связаны с США и ЕС, что, безусловно, сказывается на характере военной и внешней

политики Китая, формируя политический и военно-политический контекст возможного противоборства.

Эта же реальность неизбежно влияет на весь спектр китайской внешней политики по отношению к США и ЕС, оказывая очень сильное влияние на формирование сценария противоборства двух локальных человеческих цивилизаций — китайской и евроамериканской. В конечном счете, это влияние трансформируется в военно-политическое влияние, характер которого не следует упрощать: в нем наряду с взаимозависимостью все четче просматриваются элементы противоборства. И не случайно КНР не только диверсифицирует рынки, активно проникает в Африку и на Ближний Восток, но и целенаправленно расширяет свое военно-политическое и военное влияние. Учения ВМС КНР и ВМФ РФ в мае 2015 года — яркий пример системного подхода Китая к МО в мире.

Большое и возрастающее значение в соотношении военных потенциалов, в условиях системной и сетецентрической войны, играет соотношение управленческих потенциалов государств и вооруженных сил, от которых, прежде всего, зависит эффективность использования этих потенциалов, превращение их в реальный фактор политики.

В XXI веке значение управленческих потенциалов стало критически важным. Особенно в чрезвычайных и военных условиях, ибо даже наличие крупного потенциала, не означает, что он будет автоматически эффективно использован, либо использован вообще. Так, В. Янукович, будучи Президентом Украины, обладал всеми политическими, юридическими и силовыми потенциалами для стабилизации внутриполитической обстановки, которые им так и не были использованы (точнее — использованы плохо, что еще хуже) и не превратились в факторы, повлиявшие на политическую и международную обстановки. Его управленческий потенциал и возможности оказались очень плохого качества, что

в итоге привело к поражению. И, наоборот, управленческий потенциал оппозиции (а также ЕС и США) оказался в то же время достаточно высоким, что и привело к превращению относительно невысоких экономических и силовых потенциалов в политические факторы.

Системная и сетецентрическая война предполагают, что управленческий потенциал должен обеспечивать абсолютное превосходство в сборе, обработке, систематизации, анализе и передачи информации. Тем самым предполагается, что эффективность использования других потенциалов (ВиВТ, ВС и др.) будет очень высока. Более того, эффективное управление обеспечивает военную победу

Как справедливо отмечает Л. Савин, «…традиционная концепция войны вытесняется новой, на базе сетецентричных операций, информационного противоборства и мобильных боевых подразделений. На ее гибкой основе и формируются текущие задачи военно-промышленного комплекса США, разведсообщества и различных оборонных структур»[191].

Таким образом, управленческий потенциал, как часть военно-политического потенциала, рассматривается современными исследователями совершенно справедливо в качестве обязательного условия эффективного использования других потенциалов, а в ряде случаев и как самостоятельный потенциал, даже катализатор политического процесса. Его значение экспертами (как видно ниже) оценивается очень высоко.

В частности, эксперты, оценивающие управленческий потенциал по методу Саати, выделяют огромное, настораживающе большое различие в соотношении управленческих потенциалов США и России и даже различия в потенциалах КНР и России.

---

[191] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 75.

Управленческий потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	5	7	1	2	2	3	1
Китай		1	3	0,5	0,25	0,25	0,25	0,5
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
Германия				1	1	1	1	1
Франция					1	1	1	1
Англия						1	1	1
Италия							1	1
Япония								1

Потенциал человеческого развития

Среди элементов военно-политического потенциала особенно важное значение в XXI веке приобретает качество национального человеческого капитала (НЧК)[192], чьё влияние проявляется очень многогранно, но прежде всего как лидерство в науке, образовании, культуре, духовности, которое трансформируется в мировое влияние в виде «мягкой силы».

Особое значение имеют для военно-политического капитала институты развития НЧК, которые могут оказывать как сильное внешнее влияние, так и служить средством защиты от всего.

[192] Оценки даются по Индексу развития человеческого капитала (ИРЧК), разработанного ПРООН.

Этот тип потенциала, кроме того, играет все более важное значение для повышения качества государственного управления личного состава, военнослужащих и качества вооружений и военной техники. Кроме того, новейшие технологии, новый технологический уклад в основном определяются именно количеством и качеством национального человеческого капитала (НЧК), существующем в ОПК. Одним из таких важных проявлений НЧК в ОПК являет степень независимости от поставок ВиВТ. По мнению экспертов МГИМО его соотношение в 2015 году было следующим[193].

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	7	3	1	1	1	0,75	1
Китай		1	0,5	0,25	0,25	0,25	0,25	0,25
Россия			1	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75
Германия				1	1	1	1	1
Франция					1	1	1	1
Англия						1	1	1
Италия							1	1
Япония								1

Наконец, очень важное значение среди военно-политических потенциалов государств имеет коалиционный потенциал, который по оценке экспертов МГИМО является следующим.

193 *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Коалиционный потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	7	7	5	5	5	5	7
Китай		1	1	5	5	5	5	3
Россия			1	0,25	0,25	0,25	0,25	0,1
Германия				1	1	1	1	3
Франция					1	1	1	3
Англия						1	1	3
Италия							1	2
Япония								1

7.2. Цивилизационный потенциал. Его роль и значение в формировании сценариев развития МО в XXI веке

В начале XXI века наблюдается очень важная особенность мирового развития, влияющая во все возрастающей степени не только на характер международных отношений и процесс формирования сценариев развития всей человеческой цивилизации, но и на внутренние, в т.ч. внутриполитические аспекты жизнедеятельности наций и государств. Эту особенность очень условно можно назвать усилением процесса цивилизационной самоиндетификации наций и государств в отдельную локальную человеческую цивилизацию (ЛЧЦ).

В отличие от национальной самоиндетификации она представляет собой формирование общего набора принципов и признаков, характерных для нескольких наций,

а также — что имеет особенно важное значение для МО — противопоставление этой группы наций, объединенных в ЛЧЦ другим нациям и ЛЧЦ. Причем в XXI веке этот процесс локализации отдельных наций, очевидно, игнорирует многие прежние, казавшиеся универсальными, признаки и принципы (классово-социальные, например, этнические, конфессиональные и др.), все сильнее акцентируясь на неком едином наборе цивилизационных ценностей и геополитических интересах.

В современной политике и науке, следует признать, еще не сложилось доминирующего подхода к этому феномену, который уже доказал на практике свою состоятельность. События на Украине, реинкарнация ИГИЛ и другие факты это ясно доказывают. По мнению, например, одной из макрохарактеристик человечества является понятие цивилизации. Что можно, а что не следует считать цивилизацией, сколько в мире цивилизаций было и есть, как они взаимодействуют друг с другом — это большой раздел современной науки, продолжающий развиваться. Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картинку «мира в целом», на которой снова, как и на физической карте, не будет государственных границ. Вот, например, одна из возможных цивилизационных карт мира предложенная С. Белкиным (рис. 7.5)[194].

Справедливости ради следует отметить, что ведущую роль цивилизаций в формировании МО отмечали многие исследователи. Для России такие концепции имели особенное значение в изложении выдающегося историка Н. Данилевского, который еще в 70-е годы XIX века акцентировал внимание на трех важнейших цивилизационных аспектах для России и МО в целом:

---

[194] *Белкин С. Н.* Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. / http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html

Рис. 7.5.

— ведущая роли цивилизации для формирования и развития нации и государства («та нация и государство имеют будущее, которая сохранит свою идентичность»);
— значение политического суверенитета для сохранения нации («без политического суверенитета нация долго сохраниться не может»);
— место России как самостоятельной цивилизации («Россия — не Европа»).

Следует признать, что все эти три аспекта не только остались важнейшими факторами при формировании МО в последующие 150 лет, вплоть до настоящего времени, но и наиболее актуальными проблемами для внешней политики СССР, а позже и России.

Так, первый фактор формирования МО — ведущая роль цивилизации — в XXI веке стал не только фундаментальным, базовым, но и ведущей тенденцией в формировании всех сценариев МО.

Не менее актуальной стала идея сохранения политического суверенитета в условиях глобализации в противовес универсализации, которая в действительности вела не только к потере суверенитета, но и неизбежной потере идентичности, системы национальных ценностей и ориентации национальных интересов.

Наконец, важен политически и практически, а также для стратегического прогноза, курс на сохранение цивилизационной идентичности России в Европе, не предполагающий ее интеграции — политической и культурной — в Европу.

Таким образом, ведущая роль локальных человеческих цивилизаций при формировании сценариев МО, во-первых, не является чем-то новым, а, во-вторых, не только сохраняет, но и усиливает свою актуальность. Более того, вероятность того, что эта роль будет усилена в стратегической перспективе очень сильна, а значит и влияние цивилизаций в стратегической перспективе будет усилено, что необходимо обязательно иметь ввиду говоря о будущих сценариях развития МО.

Вместе с тем приходится признать, что понимание значения и роли ЛЧЦ в формировании сценариев МО далеко не соответствует их практической значимости. Более того, в политике основных стран мира XXI века сознательно или нет, но ведущее значение цивилизаций фактически игнорируется. Представляется, что любые усилия в этой области исследователей имеют огромное значение. Включая и любые попытки изучения последствий изменений в развитии ЛЧЦ. В частности, С. Белкин иллюстрирует множественность такого подхода: «Таких цивилизационных карт может быть несколько — в зависимости от того, по каким признакам выделять те или иные цивилизации, справедливо пишет он. — Окончательного ответа на этот вопрос нет, и, видимо, не следует его ожидать. Поскольку всякая типология — типология цивилизаций не исключение — выстраивается для

поиска ответов на конкретные вопросы, для оправдания тех или иных политических и иных устремлений и т.д. В зависимости от целей типологизации могут быть введены в оборот и соответствующие схемы»[195].

Как представляется, С. Белкин предложил очень образную и точную схему иллюстрирующую феномен ЛЧЦ в самых разных его аспектах, который целесообразно рассмотреть именно с точки зрения стратегического прогноза мирового развития и отношений между ЛЧЦ в XXI веке.

С самого начала важно определиться с понятием «локальная человеческая цивилизация», не ради теоретического научного интереса, а для выяснения практически самого важного вопроса: насколько военно-силовое противоборство между ЛЧЦ в XXI веке предопределяет развитие того или иного сценария МО. Цивилизации, — по справедливому замечанию С. Белкина, — выглядят устойчивыми надгосударственными сущностями, чья жизнь подчинена неким объективным законам. В связи с этим отнесение государства к той или иной цивилизации обязывает соответствовать тем целям и ценностям, тем познанным и непознанным закономерностям, которые их породили и «ведут по бушующему морю мирового процесса». С. Белкин совершенно справедливо замечает, что «Мы хотим не просто определить свое место в неких исторических потоках, знать цели, подстраиваться под сущностные характеристики этого цивилизационного потока — мы хотим им соответствовать, а не противоречить. То есть признавать и учитывать некие надгосударственные объективные ценности, цели и процессы. А тогда мы должны иначе смотреть на межгосударственные взаимодействия: как на проявление «столкновения цивилизаций» или как

---

[195] *Белкин С.Н.* Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. С. 161 / http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html

на отстраивание «концерта цивилизаций»[196], — полагает С. Белкин.

Представляется, что мысль о цивилизационной самоидентификации, т.е. соотнесения национальной системы ценностей с системами ценностей других ЛЧЦ является ключевой для понимания роли цивилизаций в XXI веке в формировании того или иного сценария МО. Эта мысль прямо вытекает из логики модели политического процесса. Где базовые ценности и интересы выстраиваются в приоритетном порядке, а именно:

— общечеловеческие ценности;
— ценности локальных человеческих цивилизаций;
— национальные ценности;
— государственные ценности;
— социальные (классовые) ценности;
— ценности отдельных социальных слоев и групп;
— корпоративные ценности;
— семейные ценности;
— личные ценности.

Как видно из этого перечня, в иерархии ценностей (и интересов) ценности ЛЧЦ стоят на самом высоком месте, уступая лишь общечеловеческим ценностям, которые приобретают конкретное содержание, к сожалению, крайне редко, достаточно вспомнить о проблемах экологии, голода и др. глобальных проблемах (которые признаются давно, но также давно не решаются). Вопрос о том, почему значение цивилизационных ценностей и интересов выросло в XXI веке, как представляется, во многом является следствием глобализации, тех ее негативных последствий, которые связаны с проведением политики США и других развитых стран в XXI веке.

---

[196] *Белкин С. Н.* Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. / http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html

Значение ЛЧЦ в МО в XXI веке во многом предопределяется тем местом, которое занимают системы ценностей в глобальном политическом процессе, а именно: они являются базовыми для формирования не только интересов и международных реалий, но и национальных ресурсов.

Ценности ЛЧЦ оказываются не только сами системой ценностей, но и оказывают системное влияние на весь спектр ключевых вопросов формирования политики от формулирования политических целей, до участия в формировании МО и распределении ресурсов. Именно это системное влияние «системы ценностей» на формирование МО и ВПО мы и наблюдали на Украине:

— выбирая «национальную» систему ценностей, часть правящей украинской элиты ориентировала общество на западноевропейскую систему ценностей и западную ЛЧЦ в противовес российской ЛЧЦ;
— в соответствии с таким выбором формулировались политические цели и задачи на протяжении целого ряда лет;
— эта же система ценностей ориентировала правящую элиту Украины на участие в западных сценариях формирования МО в противовес российскому (ЕС–ТС);
— этот же выбор, в пользу западной ЛЧЦ, означал разрыв с существующими системами национальных и государственных ценностей Украины, объективно являющимися частью российской ЛЧЦ;
— наконец, этот выбор системы ценностей ЛЧЦ предполагает перераспределение ресурсов, в т.ч. демографических, в пользу западной ЛЧЦ.

Долгосрочный прогноз развития ЛЧЦ в XXI веке и их взаимоотношений является, на наш взгляд, основной для стратегического прогноза развития различных сценариев МО, которые, в конечном счете, будут являться конкретными процессами, вытекающими из конкретных исторических

и субъективных условий и обстоятельств. Очень условно эту логику можно описать следующим образом[197].

Рис. 7.6. Логика развития сценариев МО, вытекающая из взаимоотношений между ЛЧЦ в XXI веке

В любом случае обнаруживается, что в основе любого сценария развития МО лежит сценарий отношений между ЛЧЦ. Это — очень важный вывод для целей стратегического прогноза и будущего России, хотя и далеко не новый и не оригинальный. Во многом он опирается на выводы, сделанные почти 150 лет тому назад русским историком Н. Данилевским, причем на самый главный прикладной из них о том, что для России Европа не является «маменькой», что наша цивилизации не рождена европейской, она природная, самостоятельная: «Россия не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба, не боролась с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя

[197] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.

католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу»[198].

Главное, что следует из идеи Н. Данилевского это то, что в МО доминируют отношения культурно-исторических типов и закономерности их развития. Целесообразно привести цитату из его работы целиком: «Начну прямо с изложения некоторых общих выводов или законов исторического развития, вытекающих из группировки его явлений по культурно-историческим типам.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, — для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

---

198 *Шулаков С.* О труде «реакционера» и «славянофила» Николая Данилевского «Россия и Европа» многие слышали, но мало кто читал, — так что переиздан он вовремя / Эл. ресурс: «Год литературы». 2015.01.06 / https://godliteratury.ru/public-post/rossiya-ili-evropa

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»[199].

Таким образом, суммируя, можно сказать, что идея доминирования локальных цивилизаций в формировании МО опирается, до настоящего времени, на вполне прикладные выводы Н. Данилевского, имеющие для нас решающее значение:

— «нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности…»;
— «самобытный культурно-исторический тип — основа будущего существования, зарождения и настоящего нации»;
— Россия — самобытная цивилизация.

С точки зрения современных практических потребностей стратегического прогноза эти фундаментальные положения остаются не менее актуальными, чем в середине XIX века. Ряд российских ученых успешно использовали эти идеи для разработки метода стратегической матрицы. В этой связи, важное значение имеют любые исследования, как перспектив развития ЛЧЦ в XXI веке, так и особенностей отношений

---

[199] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny05.htm

между ними, которые, в конечном счете, и проявляются в характере того или иного сценария развития МО[200]. Метод стратегической матрицы разработан Институтом экономических стратегий и использован для оценки и выявления цикличной динамики российской цивилизации[201].

Для изучения значимости цивилизаций из множества обстоятельств, влияющих на развитие исторического процесса, этими российскими учеными были выбраны девять наиболее репрезентативных факторов, на которых целесообразно остановиться подробнее. В частности ими проведен тщательный анализ взаимоотношений и взаимовлияний различных факторов. В результате в качестве автономных выбраны девять таких факторов, наиболее значимых для развития государства:

— управление;
— территория;
— природные ресурсы;
— население;
— экономика;
— культура и религия;
— наука и образование;
— армия (вооруженные силы);
— внешняя политика (геополитическая среда).

Можно, естественно, поспорить относительно обоснованности выбора именно этих факторов, их весовых категорий и многого другого, однако для анализа динамики

---

200 *Подберезкин А. И.* Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 18–23.

201 *Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др.* Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004. Для рейтинговой оценки и прогноза 50 ведущих стран мира (Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. М.: ИНЭС, 2007), а также для оценки динамики цивилизаций Востока (*Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006. Гл. 10).

развития ЛЧЦ и ее прогноза на долгосрочную перспективу, набор этих факторов представляется вполне обоснованным.

Исторические значения этих факторов выявлялись на основе экспертных оценок методом последовательного приближения.

Каждый из параметров рассматривается исследователями в соответствии с нечеткой четырехзначной топологической шкалой, численные значения которой находятся в диапазоне от 1 до 10, что позволяет экспертам варьировать оценки внутри основных классов (табл.).

Шкала экспертных оценок

Статус государства	Уровень (числовые значения)		
	ниже среднего	средний	выше среднего
Сверхдержава	8	9	10
Великая держава	5	6	7
Региональная держава	2	3	4
Малое государство		1	

В энниаграмме, представляющей собой графическое выражение потенциальной и кинетической энергии, различаются факторы, обеспечивающие потенциал развития и его реализацию. Соответственно к первым относятся территория, природные ресурсы, население, культура и религия; ко вторым — экономика, наука, армия и внешняя политика. Управление мы рассматриваем как синтезирующий все эти элементы фактор.

Увеличение или уменьшение объема профиля матрицы является признаком направленности совокупного вектора эволюции либо на созидание, либо на разрушение системы. В данном случае ЛЧЦ. Опуская обоснование этих факторов,

мы можем сразу же обратиться к практическим выводам. В частности проведенное исследование, по мнению ученых, обнаруживает отчетливо циклический характер исторической динамики России по всем девяти факторам стратегической матрицы.

Как последовательно показывают матрицы 80-летних циклов, долгосрочный вектор развития России апостериори устремлен на увеличение совокупного потенциала социальной энергетики, несмотря на периодически повторяющиеся откаты к более низким значениям по основным параметрам. При этом одни факторы обнаруживают сравнительно меньшую, другие — сравнительно большую амплитуду своей динамики. К первым относятся территория, природные ресурсы, ко вторым — внешняя политика, заметно ослабевающая в периоды кризисов, и фактор управления, зависимый от субъективных свойств лидеров страны и эффективности государственного устройства.

Анализ показывает, что отклонения величины совокупного геополитического потенциала от уровня интегрального показателя мощи государства на протяжении рассматриваемого периода — с 862 по 2004 год — имели краткосрочный (в историческом плане) характер, что, в общем-то, предопределяется методикой их расчета. Вместе с тем как интересную особенность следует отметить тот факт, что изменение значения показателя совокупного геополитического потенциала, как правило, предшествовало и соответствующей корректировке интегрального показателя мощи государства (в сторону уменьшения или увеличения соответственно).

Впервые поднявшись выше уровня рядовой региональной державы уже в первом историческом цикле своего развития, Россия впоследствии опускалась ниже уровня великой державы только в периоды долгосрочной (распад Древнерусского государства и последовавшее за ним ордынское иго) или краткосрочной утери государственности (Смутное

время, Октябрьская революция и гражданская война, распад СССР). Восстановление дееспособной государственной власти предопределяло возвращение Руси/России в разряд великих держав (с учетом трансформации этого понятия для различных исторических эпох).

Вместе с тем по интегральному показателю мощи государства Россия хотя и приблизилась к нижнему уровню статуса сверхдержавы в 80-летнем историческом цикле периода развития СССР, однако неблагоприятное геополитическое ее окружение и недостаточно гармоничное развитие составляющих мощи государства во многом предопределили распад Советского Союза. Это привело не только к потере Россией статуса сверхдержавы, но и к падению интегрального показателя ее мощи ниже уровня великой державы, что характерно для периодов временной утраты государственности.

Важнейшим результатом наблюдений и вычислений российских ученых представляется тот факт, что сброс интегральной мощи российского общества к наиболее низким значениям происходит раз в 380–400 лет. Столь же характерной особенностью являются и неизбежные подъемы этого показателя внутри этих 400-летних интервалов. На границах между 400-летними периодами отмечаются периоды «смутных времен».

И теоретические оценки, и исторические данные говорят о том, что длинный цикл российского развития имеет, по крайней мере, две приблизительно равные фазы продолжительностью до 40 лет каждая. Кроме того, вследствие своей естественной гармоничности длинный цикл развития может быть разделен не только на половины, но и на четверти, ⅛ и 1⁄16 свои части. В случае России это означает возможность обнаружения в ритмах жизни страны 40-, 20-, 10- и 5-летних отрезков времени. В общем случае разные по продолжительности ритмы в истории страны были сопряжены с разнокачественными событиями общественной жизни.

Возможное объяснение этого феномена связано с неравномерным распределением энергетики общества по его разным фазам и пропорциональным соответствием (в общем случае) масштабов социальных сдвигов длинам интервалов развития.

Так, для первой половины 40-летней фазы (продолжительностью до 20 лет) характерна минимальная энергия общественной жизни при быстром ее росте. Естественно поэтому предположить связь этой фазы с кризисными явлениями в стране. Вслед за этой фазой, однако, во второй части полуцикла, когда энергетика общества достигает своего максимума, обычно наблюдается бурный физический, научный, культурный и промышленный рост, когда страна достигает вершин промышленного и культурного развития.

Вторая 40-летняя фаза, в свою очередь, вследствие падения социальной активности подразделяется на приблизительно 20-летний период консервации достигнутого уровня жизни (в последнем цикле это период с середины 1960-х до середины 1980-х годов) и равный по продолжительности период драматичного переформатирования общественной жизни, объективно подготавливающего новый длинный цикл развития.

Десятилетние интервалы общественной жизни страны ярче всего проявлялись в ее катастрофических катаклизмах. Достаточно в связи с этим вспомнить 10-летний период Смутного времени в начале XVII века или десятилетку экономического спада в 1989–1998 годах. Весьма ярко отличительные особенности десятилеток проявились и в послепетровское время «дворцовых интриг», и в советский период.

По аналогии со значением, местом и ролью систем ценностей локальных человеческих цивилизаций их потенциалы играют исключительно важное значение, определяя границы возможностей не только наций, но и возможных коалиций и союзов. Так, в случае реализации планов США по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанско-

го партнерств (ТАП и ТТП), объединенные финансово-экономические, демографические и военно-политические ресурсы западной локальной человеческой цивилизации, контролируемые США, будут составлять от 50 % до 90 % мировых ресурсов. Сказанное, в конечном счете, означает, что такая военно-политическая коалиция сможет гарантировать сохранение, необходимых для США и их союзников, сложившихся финансово-экономических и военно-политических систем.

Сравнение военно-экономических потенциалов ЛЧЦ
(оценка экспертов, по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	7	1	9	5	1	1	1	1	5	9
восточно-европейская		1	0,25	7	1	0,2	0,2	0,2	0,25	0,2	7
северо-американская			1	9	3	1	1	5	5	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	2	7	8
китайская						1	1	3	1	7	8
индийская							1	3	1	7	8
японская								1	5	7	9
арабо-мусульманская									1	5	7
буддийская										1	3
африканская											1

Сказанное означает, что не только анализ и прогноз такого потенциала западной ЛЧЦ, но и сама политическая возможность формирования западной коалиции имеют исключительно важное значение для формирования будущих сценариев МО в XXI веке.

Вряд ли возможно точно оценить экономическую и иные составляющие мощи западной ЛЧЦ, но даже самые простые попытки экспертов сделать это могут иметь большое значение. В частности, если попытаться рассмотреть сопос-

Военно-политический потенциал локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,5	7	2	0,9	1	1	5	7	9
восточно-европейская		1	0,1	6	1	0,7	0,6	0,2	0,3	3	5
северо-американская			1	9	3	1	3	5	7	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	5	9	9
китайская						1	0,2	5	2	5	9
индийская							1	3	1	5	8
японская								1	0.2	3	5
арабо-мусульманская									1	5	8
буддийская										1	3
африканская											1

тавление военно-экономических потенциалов локальных человеческих цивилизаций, которые играют все более важное значение по отношению к быстро меняющемуся соотношению экономических потенциалов государств и наций, то можно обнаружить интересные данные. Так, различия между военно-экономическими потенциалами российской и североамериканской ЛЧЦ не так уж и велики, а между арабо-мусульманской и западно-европейской практически отсутствуют.

Не менее показательны и различия между ведущими ЛЧЦ в сравнении военно-политических потенциалов в частности, между китайской и остальными ведущими ЛЧЦ. Применительно к сравнению российской локальной ЧЦ в военно-политической области, обращает на себя внимание ее сопоставимость с другими ведущими ЛЧЦ, где отмечается единственное существенное отставание от американской ЛЧЦ.

Наконец, обращает на себя внимание высокая оценка индийской ЛЧЦ и низкая — военно-политического потенциала арабо-мусульманской ЛЧЦ.

Обращает на себя внимание сравнение управленческих потенциалов ЛЧЦ, которые в эпоху сетевых и сетецентрических войн играют особенно важное значение. Преимущества в области сбора, обработки, анализа и передачи информации становятся важным цивилизационным преимуществом, которое реализовывается во всех областях человеческой деятельности — от экономики и культуры до военного дела. Это — системное преимущество, которое используется западной ЛЧЦ системно, во многом предопределяя политический результат еще на стадии постановки задач. В частности такое преимущество Запада очень заметно в интернете и использовании социальных сетей для формирования необходимого политического климата и условий, которые реализуются политическими, экономическими и военными

средствами. Не случайно правительства ряда стран пытаются административными средствами бороться с таким преимуществом в сети, подготовке кадров и менеджменте.

В XXI веке можно говорить об «управленческом превосходстве» западной ЛЧЦ над всеми другими ЛЧЦ, это особенно важно при изменении характера войны: если главной целью войны становится контроль над правящей элитой противника, то добиться этого можно разными средствами, но эффективнее всего — перехватом управления. Именно это

Сопоставление управленческих потенциалов ЛЧЦ
(оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	1	9	3	1	2	0,9	3	3	9
восточно-европейская		1	0,2	5	1	0,2	3	0,5	3	6	8
северо-американская			1	9	5	2	2	1	6	6	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	0,8	0,8	0,8	2	2	8
китайская						1	2	0,9	3	7	9
индийская							1	0,6	0,9	3	8
японская								1	7	8	9
арабо-мусульманская									1	2	8
буддийская										1	8
африканская											1

произошло на Украине в начале XXI века, когда постепенно правящая украинская элита оказалась неспособной оказать сопротивление.

Эффективность управления западной ЛЧЦ сказывается на всех уровнях, включая военный, где она проявляется, в частности, в умении создать ситуацию «управляемого хаоса» во многих ключевых странах и целых регионах. Иногда это рассматривается, как неспособность руководства США реализовывать собственные планы, что, конечно же, не соответствует реалиям. В действительности именно хаос, а не стабильность (даже дружественная), нужен США, которые смогут именно в этих условиях обладать «контрольным пакетом» управления в мире.

В XXI веке человеческий каптал окончательно превратился в главную цель и средство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века, победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные[202]. При этом роль ЛЧЦ, системы ее ценностей, наследия, интересов в XXI веке стремительно возрастает, а национально-государственная общность, выступая альтернативой глобализации, все больше расширяется до цивилизационной. Это видно не только, например, по неожиданно быстрой духовно-интеллектуальной интеграции стран ЕС, но и мусульман, латиноамериканцев и других цивилизаций.

Для целей нашей работы важно, что НЧК становится в возрастающей мере не абстрактно-глобальным, а в локальной цивилизации, ориентированным на ее систему ценностей.

---

[202] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–4. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Потенциал человеческого развития
(оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	3	1	8	3	7	7	1	6	7	9
восточно-европейская		1	0,1	8	1	3	3	0,2	5	3	9
северо-американская			1	9	5	7	7	2	9	9	9
океаническая				1	0,1	0,5	0,5	0,1	0,3	0,9	2
русская					1	3	5	0,1	5	5	9
китайская						1	3	0,5	5	5	8
индийская							1	0,2	2	2	5
японская								1	8	8	9
арабо-мусульманская									1	2	4
буддийская										1	2
африканская											1

Из сравнения ЛЧЦ по человеческому потенциалу (национальному человеческому капиталу) видно, что заметно опережают те ЛЧЦ и страны, где уровень душевого ВВП образования, культуры и здоровья выше. Но эти же, показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и ВиВТ.

Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как

китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал. Этот результат будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и от многих частных условий. Далеко не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становились ненужными и даже вредными членами для коалиции. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько цивилизационным признакам, но и по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением к коалиции западной ЛЧЦ. Также как таким сомнительным приобретениям для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства между цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный цивилизационный и коалиционный потенциал западной ЛЧЦ может встретить вполне адекватную реакцию со стороны других ЛЧЦ в долгосрочной перспективе после 2021 года. ШОС, БРИКС и другие межцивилизационные объединения могут получить свое политическое, и даже военное развитие по мере усиления экономического веса, входящих в них стран и нарастания военно-силового давления со сто-

Сравнение коалиционных потенциалов ЛЧЦ в XXI веке (оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,8	9	5	5	7	4	7	7	9
восточно-европейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
северо-американская			1	9	7	7	7	7	8	8	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

роны западной ЛЧЦ. В итоге может сложиться коалиция, в которую будут входить государства, объединенные на основе системы ценностей западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиция, объединяющая несколько ЛЧЦ, — с другой (русская, китайская, индийская, бразильская). В этом случае, как показывают оценки экспертов, после 2020 года могут существовать и противоборствовать сопоставимые центры силы.

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует общего знаменателя, интегрирующего основные по-

казатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий.

Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный	Управленческий потенциал	Потен-циал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человече-ского развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Естественно, что подобное распределение «весов» является очень субъективным и требующим не только аргументации, но и серьезной экспертной работы. Очень важно также, чтобы были четко обоснованы критерии таких оценок, которые пока что представляются очень условными. Подобные попытки могут называться только первым опытом количественного анализа потенциалов, позволяющим более прагматично и конкретно прогнозировать будущие сценарии развития МО.

Трудно, даже практически невозможно прогнозировать последствия развития глобальных тенденций во всех областях человеческой деятельности на эволюцию сценариев МО. Тем не менее, без попыток такого прогноза любые предположения окажутся бессмысленными. В этой связи, будущий сценарий МО будет формироваться под влиянием трех групп основных факторов, о чем не раз писалось в предыдущих работах[203]:

— развития главных и традиционных субъектов МО — государств;
— развития новых акторов МО — неправительственных и международных организаций и коалиций;
— эволюции существующих и появления качественно новых глобальных тенденций и трендов.

Последняя, третья, тенденция может иметь самые радикальные и непредсказуемые последствия, которые будут в ряде случаев отражать появление принципиально новых парадигм в развитии человечества в самых различных областях. Очень условно можно сконцентрировать эти последствия в некоторой формализованной матрице, которая может помочь систематизировать эти глобальные тенденции и их последствия для МО.

---

[203] См., например, *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО, 2014; *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО–Университет, 2015 и др.

Матрица глобальных тенденций и их последствий для МО в XXI веке

Существующие глобальные тенденции в 2015 г.	Их последствия для МО в 2015–2030 гг.	Эволюция существующих тенденций и их последствия после 2020 г.	Новые тенденции и парадигмы развития МО
В социальной области:			
— формирование креативного класса как решающей экономической силы	— появление нового влиятельного фактора развития МО	— превращение креативного класса в решающую политическую силу	— переход власти от правящих элит к креативному классу
	— борьба за контроль над креативным классом		
— создание институтов реализации возможностей креативного класса	— борьба за институты гражданского общества и развития креативного класса	— превращение институтов креативного класса в главное средство силовой и вооруженной борьбы	— сновная **цель** войны — уничтожение креативного класса; — основное средство войны — креативный класс
В военно-политической области:			
— решающая роль качества НЧК для ВиВТ и ВС	— качество НЧК, а не объем ВВП, определяет мощь государства	— качество НЧК обеспечивает военно-политическое превосходство	— победа в войне обеспечивается до ее начала качеством НЧК

Окончание табл. «Матрица глобальных тенденций…»

Существующие глобальные тенденции в 2015 г.	Их последствия для МО в 2015–2030 гг.	Эволюция существующих тенденций и их последствия после 2020 г.	Новые тенденции и парадигмы развития МО
В экономической области:			
— смена доминирования глобализации на регионализацию	— формирование крупных региональных и цивилизационных союзов	— обострение противоборства основных регионально-цивилизационных союзов	— завершение вооруженного противоборства победой одной из цивилизаций и установление нового мирового порядка
… и т. д.			

Предлагаемая попытка — только пример, который отнюдь не претендует на правоту.

Тектонические сдвиги от «Сейчас» и до 2030 года

Рост мирового среднего класса	Средний класс, особенно в развивающихся странах, значительно увеличивается, как в смысле абсолютного количества, так и в процентном соотношении ко всему населению, которое может претендовать на статус среднего класса в течение следующих 15–20 лет.
Больший доступ к технологиям уничтожения и разрушения	Становится более доступным широкий спектр инструментов войны — оружие для нанесения точечных ударов, актов кибер- и биотерроризма. Отдельные лица и группы получат возможность совершать крупномасштабные акты насилия, что раньше находилось в исключительной монополии государства.

Продолжение табл. «Тектонические сдвиги…»

Значительный сдвиг экономической мощи на восток и юг	Ожидается падение доли США, Японии и Европы в производстве мирового продукта с сегодняшних 56 процентов до почти половины к 2030 году. В 2008 Китай обогнал США и стал крупнейшим в мире обладателем золотовалютного запаса. Прогнозируется, что уже к 2020 году доля финансовых активов развивающихся рынков удвоится.
Беспрецедентное повсеместное старение	В 2012 году Япония и Германия превзошли планку среднего возраста населения в 45 лет. Большинство европейских стран. Южная Корея и Тайвань к 2030 году будут иметь население со средним возрастом старше 45 лет. Миграция станет более глобальной, потому что как развитые, так и развивающиеся страны будут страдать от нехватки рабочей силы.
Урбанизация	Сегодня в городах живет практически 50 процентов населения планеты. К 2030 году этот показатель составит 60 процентов, или 4,9 миллиарда человек. Африка постепенно займет место Азии как региона с самым высоким уровнем роста урбанизации. Городские центры, как планируется, будут источником 80 процентов экономического роста. Появится возможность использовать современные технологии и инфраструктуру для оптимальной эксплуатации сокращающихся ресурсов.
Растущий спрос на воду и продовольствие	Спрос на продовольствие вырастет к 2030 году по меньшей мере на 35 процентов, а спрос на воду, как ожидается, возрастет на 40 процентов. Почти половина населения мира будет жить в районах, испытывающих острую нехватку пресной воды. Наибольшему риску дефицита воды и продуктов питания подвергаются страны Африки и Ближнего Востока. В этом плане уязвимыми остаются также Китай и Индия.
Энергетическая независимость США	Использование сланцевого газа в США будет достаточным для удовлетворения внутренних потребностей в природном газе и для создания потенциала экспорта на десятилетия вперед. Увеличение добычи нефти на труднодоступных

Окончание табл. «Тектонические сдвиги…»

	месторождениях приведет к существенному сокращению в США сальдо торгового баланса и ускорению экономической экспансии. Глобальные резервы могут в этом случае превысить более чем 8 миллионов баррелей, и в какой момент ОПЕК потеряет контроль над ценами на сырую нефть. Цены рухнут, что вызовет серьезные негативные последствия как для экспорта нефти, так и для экономики в целом.

Как видно из предлагаемых американским разведсообществом тенденций, на формирование будущих сценариев развития МО могут влиять самые разные факторы — от социальных и технологических до ресурсных и демографических. Следует сказать, что такой же приблизительно подход существует и у других авторов, пытающихся прогнозировать тенденции мирового развития в XXI веке, а именно: предлагаются самые разные тенденции и свободно расставляются их приоритеты.

С точки зрения цивилизационных и военно-политических последствий подобный подход представляется лишенным конкретики. В особенности, если пытаться учитывать его влияние и последствия для военного планирования.

С другой стороны, как оказывается, в настоящее время не существует сколько-нибудь общего мнения политиков и экспертов относительно влияния глобальных тенденций на формирование будущих сценариев МО в XXI веке. Тем более в долгосрочной перспективе после 2020 года. В этой связи предлагается по сути дела повторить этот подход применительно к влиянию глобальных тенденций на формирование сценариев МО и военных потенциалов государств, используя тот же метод — экспертного опроса. В частности, предполагается, что будут даны различные экспертные оценки развития глобальных тенденций, чьё

влияние на будущие сценарии МО и на соотношение военных потенциалов будет оценено по шкале от 1 до 10 баллов и учитываться при окончательной корректировке. Естественно, что этот опрос будет субъективен, малообоснован, неформализован, но — при всех его недостатках, предоставлять некоторую информацию о нужных процессах. В качестве варианта № 1 был предложен следующий перечень процессов.

№	Глобальные тенденции (вариант № 1)	Баллы
1.	Глобализация	7–10
2.	Регионализация	6–9
3.	Усиление взаимозависимости государств	7–10
4.	Усиление негосударственных акторов	3–7
5.	Диффузия власти	5–6
6.	Смещение центра власти из Евро-Атлантики в АТР	8–10
7.	Увеличение количества внутригосударственных конфликтов	3–4
8.	Расширение повестки дня глобальной безопасности	9–10
9.	Стирание границы между войной и миром	8–10
10.	Информатизация	7–10

Параллельно был предложен другой набор альтернатив и приоритетов, имеющий личностный субъективный характер, но основанный на личном опыте автора и длительном изучении проблематики.

Глобальные тенденции (в порядке их приоритетности), определяющие сценарии мирового развития в первой половине XXI века (вариант № 2, Подберезкина А. И.)

По мнению автора, эти процессы уже набирают силу, но после 2020 годов будут в решающей степени влиять на формирование сценариев развития МО. Именно совокупность влияния этих процессов сделает сценарий «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2020 года наиболее вероятным. Причем в его самом жестком, «пессимистическом» варианте.

1. Усиление противоборства локальных человеческих цивилизаций вообще и попытка западной локальной цивилизации сохранить контроль над мировыми процессами и сложившимися военно-политическими и финансово-экономическими системами с помощью силы, включая военную силу.
   (оценка влияния — 10 баллов)
2. Сокращение пространства сотрудничества и взаимной безопасности государств, отмирание прежних политических институтов и инструментов обеспечения международной безопасности.
   (оценка влияния — 9 баллов)
3. Полное исчезновение границ между войной и миром, сотрудничеством и противоборством.
   (оценка влияния — 9 баллов)
4. Усиление до критически важного значения качества человеческого капитала, институтов развития гражданского общества и творческого (креативного) класса, изменение в его пользу социально-политической структуры и общественно-политической системы общества развитых государств.

Фактически это означает, что лидерство в области НЧК и его институтов после 2020 годов будет означать лидерство той или иной ЛЧЦ в мире, которое будет означать:

— технологическое превосходство;
— социальное превосходство;
— военно-техническое превосходство;
— экономическое превосходство.

Учитывая, что разрыв между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в области человеческого капитала огромен и не может быть ликвидирован до 2020 года, сказанное означает, что после 2020 года западная ЛЧЦ будет пользоваться превосходством в указанных выше областях.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что китайская, индийская и, отчасти, российская, а также бразильская ЛЧЦ стремительно сокращают разрыв с западной ЛЧЦ, что должно привести к середине 2020 годов к решительному изменению в этой области: эти ЛЧЦ станут не только количественно, но и качественно самыми сильными.

(оценка влияния — 10 баллов)

5. Развитие процессов национальной и цивилизационной самоидентификации как альтернативы глобализации неизбежно будет способствовать обострению противоречий между ЛЧЦ в XXI веке, и становиться самостоятельным основанием для военных конфликтов между ними. Так, примерами такого роста конфликтности в 2014–2015 годах стали не только массовые боестолкновения на Ближнем и Среднем востоке между суннитами и шиитами, но и между ними и христианами в Европе, Египте, Сирии.

   (оценка влияния — 10 баллов)

6. Продолжение и углубление глобализации и взаимозависимости, в особенности в гуманитарной и финансово-экономической областях. Есть основание предполагать, что после 2020 года эта тенденция станет настолько сильной,

что по-разному, в разной степени, но системно, будет оказывать влияние на все области взаимоотношений ЛЧЦ.

Усиление этой тенденции, после 2020 года может привести к тому, что ЛЧЦ и отдельные нации будут бороться не только за идеологическое, мировоззренческое и религиозное, но и за цивилизационно-политическое лидерство, которое станет объектом противоборства.

(оценка влияния — 10 баллов)

7. Опережающие темпы роста мировой торговли и развития транспортной инфраструктуры по отношению к темпам экономического развития той или иной ЛЧЦ или страны. В частности, для увеличения ВВП потребуется более значительный рост внешней торговли, чем в настоящее время. Это означает, что борьба за доминирование в торговле и лучшие условия для ее реализации станут реальным предметом противоборства.

Особенно важное значение для развития сценариев МО после 2020 года будут иметь контроль над транспортными коридорами и развитие транспортной сети. Это означает, что та страна (ЛЧЦ), которая контролирует важнейшие транспортные коридоры и обеспечена транспортной сетью, имеет явные преимущества в своем развитии перед другими странами и ЛЧЦ.

(оценка влияния — 10 баллов)

8. К 2020 году завершится формирование и усиление цивилизационных центров силы в Китае, Индии, России, Латинской Америке, Индонезии, а также создание двух противостоящих друг другу центров силы исламской цивилизации.

Общий процесс поляризации различных центров силы, вероятно, будет сопровождаться коалиционным строительством, которое к 2020 годам XXI века приведет:

— к созданию широкой коалиции по защите существующей финансово-экономической и военно-политической

системы западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиции, объединяющей другие ЛЧЦ, заинтересованные в изменении этой системы;

— вероятная форма таких коалиций будет со стороны Запада представлена в виде НАТО+ (ТТП и ТАП), а со стороны других ЛЧЦ — БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС.

(оценка влияния — 10 баллов)

9. Переход человечества на новый технологический, культурный и социальный этап развития, означающий слом предыдущих парадигм и алгоритмов развития и управления.

Этот неизбежный переход, который состоится во всех областях к началу 2020 годов, но, прежде всего: в развитии НЧК и его институтов, в области технологий, в управлении обществом и большими системами, в социальной области и др., неизбежно будет формировать «коридор возможностей» для развития того или иного сценария МО в зависимости от появления и развития разных парадигм.

(оценка влияния — 10 баллов)

10. Доминирование новых технологий, сформированных на базе технологий последних десятилетий: био, информационных, нано-информационных и т.д.

Таким образом, автором предложен свой набор, состоящий из 10 наиболее важных мировых тенденций, влияющих на формирование сценариев МО после 2020 годов.

Важно отметить, что все эти тенденции не противоречат выводу о том, а наоборот подтверждают, что наиболее вероятным вариантом сценария развития МО после 2020 года будет «пессимистический» вариант сценария «Глобального военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ в борьбе за сохранение контроля над финансово-экономической и военно-политической системами, сложившимися в 1945–2015 годы XX и XXI века.

Для того чтобы каким-то образом оценить реальные экспертные возможности и степень их влияния на выводы

(которые носят субъективный характер), зависящие от качества и опыта экспертов, была предложена дифференциация экспертов.

Эксперты делятся «по весу» в баллах:

Преподаватель, научный сотрудник — 1;

Старший научный сотрудник, доцент — 2;

Ведущий научный сотрудник, профессор — 3;

Руководитель группы, сектора, доктор наук — 4;

Директор центра, посол, военный эксперт (полковник, генерал) — 5.

Иными словами, более профессионально подготовленный (обладающий эмпирическими знаниями и опытом) эксперт, «весит» в 5 раз больше, чем молодой исследователь, чье мнение (мнения) учитываются в полной мере в этом виде работы.

Сказанное выше о методе и методологии прогноза влияния цивилизационных глобальных тенденций на будущие сценарии развития МО были необходимы лишь для иллюстрации значения этого влияния, которое, в конечном счете, оказывается решающим. Две другие группы факторов влияния на формирование сценариев МО в XXI веке — субъекты МО и акторы МО — которые традиционно рассматривались в качестве главных факторов, в конечном счете, сами подвержены влиянию глобальных тенденций и трендов и в той или иной мере оказываются в качестве объектов этого влияния.

7.3. Рекомендации

Если говорить очень коротко, то содержание, основная суть стратегии российской ЛЧЦ по противодействию военно-силовой стратегии западной ЛЧЦ заключается в следующем:

В области национальной стратегии:

— российская ЛЧЦ должна максимально долго избегать военно-силового глобального столкновения с западной ЛЧЦ потому, что каждый год, даже каждый месяц, меняет соотношение сил не только в пользу новых центров силы, но и между ними в пользу России. Любые действия должны исходить из посылки о том, что укрепление национальных интересов и идентичности, суверенитета, требует времени и ресурсов, и только прямая угроза этим интересам может привести к открытому военному столкновению, с западной локальной цивилизацией. России нужно как минимум еще 10–15 лет, чтобы ликвидировать негативные последствия «реформ» и изменения геополитической обстановки и завершить процесс модернизации общества и экономики.

Несмотря на критику социально-экономической, промышленной и финансовой политики России, мы должны исходить из того, что процессы объективно носят позитивный характер, увеличивая ежегодно государственную и национальную мощь нашей страны.

Во внешнеполитической области:

— российская ЛЧЦ после 2021 года, вероятнее всего, будет находиться в состоянии открытого военного конфликта с западной ЛЧЦ, но сам этот конфликт:

— должен быть максимально локализован по своим политическим и военным последствиям, а в идеале его возможность должна быть сведена к минимуму, несмотря на все усилия оппонентов и вероятных противников. В этих целях во внешней политике страны необходимо создать привлекательную для всех ЛЧЦ модель международной и региональной безопасности, основанную на нравственных политических и социальных нормах в противовес существующей западной модели безопасности.

Эта модель должна представлять альтернативный долгосрочный сценарий развития МО для всех ЛЧЦ и наций в противовес сценарию «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», который должен быть обеспечен реалистическим долгосрочным планом реализации для всех субъектов и акторов МО. Сформулированная ясно идея и план, альтернативные военно-силовым сценариям, всегда будут обеспечивать России нравственные и политические преимущества в неизбежной информационной и сетецентрической войне;

— должен быть минимизирован по своим масштабам и последствиям;
— в случае его начала, его эскалация, должна находиться под ясным национальным контролем, а не отдана под контроль оппонента;

С точки зрения изменения мировой МО, возможна, даже неизбежна смена основных парадигм мирового развития после 2021 года, которая вероятно приведет к глубокому кризису западной ЛЧЦ и США. В этой связи, Росси важно «просто дождаться», минимизируя неизбежные издержки, связанные с силовым противоборством. «Тактика Кутузова» в период 2016–2030 годов для России будет наиболее выигрышной, но и наиболее трудной для реализации. Во многом она будет повторять внешнюю политику КНР последних десятилетий, требующую огромной выдержки, с одной стороны, и твердости, — с другой.

С точки зрения возможностей национальных ресурсов: такие возможности российской ЛЧЦ очевидно недооцениваются, а ее потенциал — занижается. В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров характеризующих развитие РФ в 2000–2015 годы.

Прежде всего, можно привести некоторые примеры, иллюстрирующие реальную динамику развития России в последние 15 лет (т.н. «путинский период»). Как отмечают,

например, зарубежные исследователи, «… критики хотят заставить нас поверить, что президент Путин не имеет никакого отношения к выдающемуся росту ВВП России и что это якобы является результатом стремительного роста цен на нефть и газ на мировом рынке. В связи с этим доводом предлагаем изучить график, на котором сравнивается рост ВВП России с ростом ВВП трёх других стран-экспортёров нефти: Саудовская Аравия, Норвегия и Венесуэла. Интересно, а эти критики России задавались вопросом, почему стремительный рост цен на нефть привёл к такому непропорциональному росту ВВП России по сравнению с другими странами в те же самых условиях?»[204]

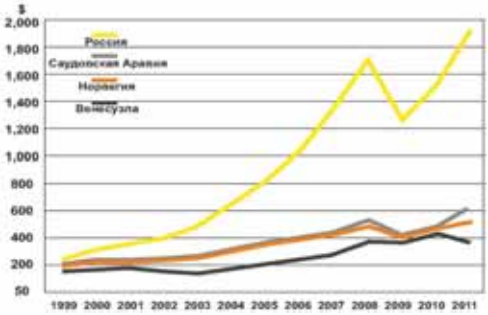


Рис. 7.7[205]. Рост ВВП России в сравнении с другими странами-экспортерами нефти, 1999–2011

Другие два примера связаны с наиболее отсталой отраслью экономики России, которая в течение десятилетий (и, отчасти, даже сегодня) игнорируется властью. На графике показаны как рост экспорта продуктов питания, так и экспорта зерна с 2000 года (рис. 7.8–7.9).

---

[204] Truth and Beauty, www.truthandbeauty.ru

[205] *Хеллевиг Йон*. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

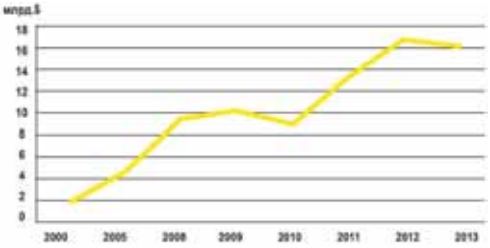


Рис. 7.8[206]. Экспорт с/х продукции и продуктов питания из России, 2000–2013

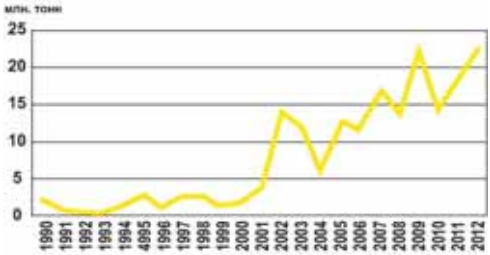


Рис. 7.9[207]. Экспорт зерна из России, 1990–2012

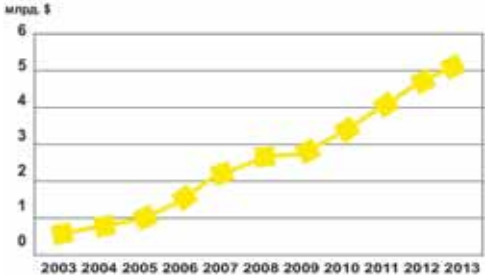


Рис. 7.10[208]. Экспорт программного обеспечения, 2003–2013

---

206 *Хеллевиг Йон*. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.

207 Там же.

208 Там же

Наконец, наиболее ясный показатель (рис. 7.10), демонстрирующий потенциальные возможности России в области экспорта наукоемкой продукции, которые, к сожалению, только еще начали использоваться. Как видно из графика, экспорт ПО вырос за 10 лет в 5 раз.

Таким образом, действия России в ходе реализации наиболее реалистического сценария развития МО и его вариантов после 2021 года не должны носить автоматический и тем более механический характер. Они должны вытекать из характера будущего противоборства ЛЧЦ в мире — сетевого, системного и сетецентрического.

Рассматривая вероятные конкретные сценарии развития МО и их варианты после 2021 года, неизбежно приходишь к выводу о том, что международные отношения не только уже вступили в новый, конфронтационно-силовой этап своего развития, но и будут развиваться в этом направлении в прогнозируемый период. В результате дальнейшей эволюции существующего сценария развития МО приходится признать, что после 2021 года эскалация силового, сетевого и сетецентрического противоборства перейдет в масштабную вооруженную фазу. Вместе с тем характер этой войны будет существенно, качественно отличаться от предыдущих войн, прежде всего, своим многообразием форм — от глобального военного конфликта, до ведения гибридной глобальной войны на отдельных ТВД.

Национальный человеческий капитал и институты его реализации в XXI веке превратились в решающий фактор развития, обеспечивающий прирост до 95 % ВВП развитых стран внутриполитическую стабильность и ускоренное развитие. Эта роль НЧК и его институтов, к сожалению, не вполне оценена для обеспечения военной безопасности, хотя именно от качества НЧК зависит качество ВиВТ, возможности оборонной промышленности, а также эффективность ВС и управления государством и его военной организацией.

В самом общем виде эту зависимость можно показать на следующем рисунке[209].

Если обратить внимание на эти функции, которые при реализации любого из вариантов сценария «Глобального военно-силового противостояния» после 2021 года становятся решающими в сетевой и сетецентрической войне, то неизбежно следует прийти к выводу:

Во-первых, о приоритете НЧК для обеспечения безопасности страны, а именно, что качество личного состава (образование, профессиональные навыки, физический уровень, нравственно-духовное состояние) ВС страны, качества ВиВТ и качеств управления должны занимать важнейшее место в планах подготовки отражения внешней опасности. В том числе и с точки зрения финансирования, администрирования и политико-идеологической подготовки.

Во-вторых, качество НЧК играет особенно важную роль для военной организации государства в XXI веке, которая должна включать в себя не только военные и силовые институты, но и институты гражданского общества (развития НЧК) и бизнеса. Если попытаться сравнить существующие структуры военной организации США и России, то даже в самом общем виде мы увидим существенные различия между ними.

---

[209] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Именно институты развития НЧК и бизнеса США составляют важнейшую часть военной организации страны, роль которых в противоборстве ЛЧЦ стремительно усиливается, а в период после 2020 года станет решающей даже по отношению к силовым институтам государства.

Современная структура военной организации России, таким образом, очевидно, устарела и не соответствует требованиям ведения глобальной сетецентрической войны по целому ряду параметров. В этой связи, остро встает вопрос о реформировании всей военной организации, которое можно сделать постепенно, за 5–6 лет, до 2021 года, а не за несколько недель как в начале Великой Отечественной войны, когда спешно были созданы ГКО, Ставка Верховного главнокомандующего и реформированы округа и др. военные и гражданские структуры.

В настоящее время уже нельзя игнорировать то, что западная ЛЧЦ фактически распространила структуру своей военной организации на все институты западного общества, включая негосударственные, частные, финансовые и международные, сделав их не просто частью военной организации страны, но и эффективными инструментами своей политики.

В этом случае, например, собственно сухопутные силы предназначаются не для ведения военных действий, а для оккупации и установления политического контроля над государством и ключевыми объектами его инфраструктуры, в то время как военизированные формирования (формально-общественные организации), выступают важными реальными политическими инструментами в реализации сценария «Глобального военно-силового противоборства». Надо отметить, что такую роль в 2014 году, фактически выполнили на Украине отряды «Правого сектора» и добровольческие батальоны, обеспечившие террор против представителей власти и силовых структур и невмешательство ВС и органов правопорядка во время государственного переворота.

В этой связи, руководству России и его военной организации предстоит уже в краткосрочной перспективе до 2021 года, разработать такие же нетрадиционные способы и средства противодействия этим мерам и средствам сетецентрической войны, которые должны быть, не только адекватными, но и эффективными, а также политически приемлемыми. В настоящее время в России существуют два института обеспечения военной безопасности — ВС страны и внутренние войска, однако даже конфликт на Кавказе показал недостаток этих сил.

Военное искусство, столетиями разрабатывалось для ведения войн — от локальных до Мировых, — но оно очень мало может сегодня нам рассказать о будущих системных войнах сетецентрического характера, когда вооруженная борьба смыкается с политико-идеологическими диверсиями, когда в качестве вооруженных подразделений выступают гражданские формирования и т.п. Пока что мы можем анализировать только самые первые признаки будущей войны, но и они говорят о необходимости изменений в военной организации государств. Так, в апреле 2015 года руководство США приняло решение о фактическом создании на базе инфраструктуры «Радио Свободы» в Праге информационного командования для противоборства в социальных сетях, прежде всего, «В контакте» и «Фейсбуке». Формально это командование не относится к ВС США, выполняя по сути дела именно такие функции. Не случайно, например, что в бюджете Центрального командования США ежегодно выделяется 3 млн долл. для поддержки сайта «Евразия». Война на Украине показала, что информационные и дезинформационные операции вышли на первый план.

В этих условиях мы сегодня должны говорить уже не только о развитии военного искусства — стратегии, оперативного искусства и тактики, его теории и практики, изучения опыта военачальников и т.д., но об искусстве ведения

сетецентрической цивилизационной борьбы за выживание нации. А это уже не только собственно военное искусство для ведения вооруженной борьбы силами армии, авиации и флота. И даже не военное искусство всей военной организации государства. Это — военное искусство для силовой борьбы всей нации за сохранение своей самоидентификации и государственного суверенитета[210]. Такое военное искусство для новой военной организации еще только требуется создавать, но уже сегодня ясно, например, что в нем необходимо будет предусмотреть не только новые способы использования военной силы (т.е. эволюцию традиционного военного искусства), но и разработку способов использования новых институтов военной организации. В частности, речь идет о том, каким образом в будущей войне могут быть использованы общественные, религиозные, творческие организации гражданского общества, бизнес структуры и институты бизнес — сообщества и т.д. В самом общем виде эти изменения можно представить следующим образом: см. табл. «Эволюция военного искусства в XXI веке, связанная с военной организацией государств».

Подобное синтезированное военное искусство встречалось исключительно редко в истории. Например, в ходе Второй мировой войны, когда Государственный комитет обороны СССР обеспечивал концентрацию и использование всех национальных ресурсов: физических, материальных, интеллектуальных и духовных. Но, повторим, что это происходило в условиях глобальной войны и абсолютной национальной мобилизации в исключительных условиях.

Сегодня складывается очень похожая ситуация, когда противостояние в мирное время всему спектру средств сете-

[210] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

Эволюция военного искусства в XXI веке, связанная с военной организацией государств

Традиционное военное искусство ВС (до XXI века)	Новое военное искусство новых военных организаций в XXI веке	
Тактика (ВС)	Тактика	ВС и др. силовые институты
		Другие институты военной организации государства
Оперативное искусство (ВС)	Оперативное искусство	ВС и др. силовые институты
		Другие институты военной организации государства
Стратегия (ВС)	Стратегия	ВС и традиционные институты
		Новая военная организация государства
	Политика	Сетецентрические, системные средства политики, экономики, финансов и др.

центрической войны только средствами и силами Вооруженных сил России и даже всей военной организацией страны уже невозможно. Нужны действующие органы национальной мобилизации, управления, способные эффективно противостоять стратегии сетецентрической войны в относительно мирный период, когда отсутствует военное положение. Или, выражаясь по-другому, когда уже идет необъявленная война, а непосредственная угроза не ощущается явно. Военная организация государства должна не реагировать на начало войны, а противодействовать ей на стадии ее подготовки, до фактического начала. «Принципиальное отличие преэмптивной войны от превентивной (preventive war) состоит в том, что если в превентивной войне упреждающий удар наносится

по противнику, который по всем признакам готовится применить военную силу, т.е. является источником угрозы, реализацию которой следует упредить обезоруживающим ударом, то в преэмптивной войне во всем мире создаются такие условия, когда нигде и ни при каких обстоятельствах данная угроза не может возникнуть. Фактически в таком подходе главным основанием является не наличие угрозы (ОМП у режима конкретной страны или чего-то иного), а как раз отсутствие таковой»[211].

Совершенно очевидно, например, что стратегия управляемого хаоса, широко используемая США в настоящее время, будет центральным элементом и будущего сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ». Противодействие этой стратегии традиционными средствами, имеющимися в распоряжении военной организации государства, — малоэффективно. Еще в 1991 и 1993 годах стало ясно, что танки на улицах Москвы не являются эффективным средством борьбы с оппозицией, а, скорее даже, провоцирующим ее на обострение противостояния. Соответственно требуются:

— новая военная организация государства, способная противодействовать противнику (как явному, так и «облачному») в новых политических условиях, в т.ч. относительно или формально мирных;
— новые институты военной организации и новые способы их использования, новое военное искусство ведения сетевой и сетецентрической войны;
— переосмысление и перераспределение распределения национальных ресурсов, включая финансирование военных расходов после выполнения ГОЗ-2020.

Такое перераспределение финансирования в рамках уже обозначенных военных расходов (ограниченных объ-

[211] *Стригунов К. С.* Новая Холодная война. Часть I. Причины и методы / http://eurasian-defence.ru/

емом ВВП и долей военного бюджета) должно исходить их нового характера военных угроз, вытекающих из сценария развития «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года. Прежде всего, необходимо пересмотреть приоритеты между видами и родами войск в пользу новых видов, ориентированных на использование в сетецентрических войнах, прежде всего, войнах управляемого хаоса.

Условно можно выделить следующие признаки стратегии управляемого хаоса, еще именуемого в СМИ «цветными революциями»:

1. Страна-объект агрессии всегда имеет внутренние проблемы, которые могут быть использованы в качестве запала для проведения переворота с приведением к власти прозападного режима. Именно поэтому новая военная организация государства должна внимательно отслеживать появление и развитие внутриполитических, экономических, этнических и иных проблем.
2. Проводится серьезный подготовительный этап при помощи агентов влияния, политико-дипломатического и, в случае необходимости, экономического давления, использования неправительственных и некоммерческих организаций, чья деятельность, как правило, затрагивает все социальные группы, начиная от молодежи и заканчивая политической элитой.

Новая военная организация должна противопоставить свои средства, свои организации, свои инструменты влияния. При чем не только для нейтрализации усилий противника, но и для борьбы на «чужой территории», включая территорию противника. Так, например, учитывая остроту расовых проблем в США можно и нужно поддержать организации, которые борются в США за расовое равноправие.

3. В нужный момент используется любой повод для организации протестов (например, засуха в некоторых арабских странах). Если такового нет, то он создается

искусственным образом (создание информационного фона на Украине в конце 2013 — начале 2014 года о якобы отказе президента В. Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС, хотя речь шла только о ее приостановке, затем разгон студентов в ночь с 30 ноября на 1 декабря 2013 г., расстрел неизвестными снайперами участников и «майдана» и силовиков и т.п.). Таким образом, в определенный момент народный протест инструментализируется с последующим его использованием против власти.

Соответственно требуется контринформационная работа на опережение, когда информационные поводы нейтрализуются или создаются в инициативном порядке.

4. Все основные силы, участвующие в перевороте, организовываются с использованием современных информационных технологий, а также через подконтрольные спецслужбы (классический пример — Украина образца 2014 г.).
5. Происходит объединение практически всех сил, оппозиционных к действующей власти и ее лидеру, который персонифицирует существующий политический режим.
6. Для большего паралича власти в возможности реагировать на вызванные волнения задействуется агентура в госструктурах, которая создает препятствия режиму в адекватном реагировании на стремительно развивающиеся процессы. В странах, прошедших демонтаж власти подобным способом, этот фактор играл разную по значимости роль.
7. Проплаченные провокаторы и специально нанятые лидеры при помощи социальных сетей и иных средств коммуникации выводят массы для создания протестов разных слоев населения, хотя практически везде главной силой выступала молодежь, что объясняется особенностями психологии и наибольшей пассионарностью данной возрастной группы.

8. После достижения цели — переворота — основная часть протестного движения фрагментируется. Исключение составляют наиболее радикальные элементы, которые в той или иной форме встраиваются в новый порядок (пример — «Правы сектор» на Украине).
9. После переворота, для лидеров антиправительственных выступлений, стремящихся как можно быстрее зайти на политический олимп, наступает короткий, но очень важный временной интервал, когда они наиболее уязвимы. В различных странах он длился по-разному, не более нескольких месяцев, и его суть заключалась в необходимости полного перехвата управления над всеми государственными структурами — от силовых органов до финансовых институтов. Если в этот момент не находилась третья сила, способная быстрее перехватить управление, то путчисты достигали цели и устанавливали новую власть.

Необходимо, кроме того, разработать соответствующие специальные средства противодействия таким невооруженным силовым акциям, чтобы у защитников государства кроме саперных лопаток и автоматов были эффективные средства борьбы, включая соответствующие ВиВТ, которые должны быть уже включены в государственный заказ еще до 2021–2022 года. Сегодня таких средств практически нет, если не вспоминать о резиновых палках и наручниках.

Между тем нужен широкий спектр таких средств — от индивидуального оснащения военнослужащего (и ополченца) и гражданина до средств вооруженной борьбы для целых подразделений и даже целых воинских частей. И не только воинских частей или внутренних войск, но и для гражданских и полувоенных формирований, резервистов или частей активного резерва и национальной гвардии, созданных по примеру Израиля, США или Швейцарии. Монопольное право на оружие для ВС или ВВ должно быть заменено

контролируемым правом для определенных гражданских и полувоенных организаций. Как, например, вы будете реагировать, если с территории Украины к Крыму приплывут сотни гражданских судов, на которых будут находиться формально невооруженные тысячи гражданских лиц? А если то же самое произойдет на Курильских островах? А если неожиданную враждебность вдруг окажут национальные меньшинства или политические противники в каком-то регионе, где собственных правоохранительных средств окажется недостаточно?

Главное, что должно произойти в государственном и военном управлении России в 2016–2021 годы, это переход от государственного (институционального) к национальному (общественно-политическому) управлению не только на уровне органов власти, но и на региональных и местных уровнях и уровне военных организаций. Это означает, что концептуально государственное и военное управление должно выйти за рамки институтов государства — как законодательных, так и исполнительных и судебных — на общенациональный уровень, где существующие механизмы и институты не отменяются, а дополняются национальными.

Эта потребность — объективна. Она вытекает из закономерности перехода борьбы между государствами в борьбу между нациями и цивилизациями. Украина, «арабская весна», события в Македонии и в других регионах мира подтверждают этот вывод применительно ко второму десятилетию XXI века.

Другая закономерность — усиление борьбы между нациями и цивилизациями за геополитическое пространство, природные ресурсы и транспортные коридоры. Все эти соображения и тенденции: борьба за геополитическое пространство, ресурсы и транспортные маршруты, разногласия по принципиальным подходам, милитаризация и глобальное потепление — превращают, например, борьбу за Арктику

в сложную многофакторную межцивилизационную борьбу, в которой все более значительное место занимает военная составляющая[212]. Она, к сожалению, оказалась, к началу второго десятилетия, почти проигранной Россией. Резкое «оживление» интереса России к Арктике — один из сигналов того, что в России стали понимать и опасаться растущих тенденций в борьбе за пространство и ресурсы между цивилизациями.

И это же «оживление» насторожило США, которые уже вписали целые регионы и их ресурсы в свои активы.

Общее количество военно-морских сил и средств России в Арктике

Наименование	Количество (по годам)					Примечание
	1990	1995	2000	2005	2010	
Боевые надводные корабли	575	220	146	121	101	Снижение почти в 6 раз
Подводные лодки	283	87	61	30	26	Снижение почти в 11 раз
Боевые катера	370	115	60	45	29	Снижение почти в 13 раз

ГПВ-2020 в этих условиях стала запоздалой, но адекватной реакцией России на происходящие изменения, а ее масштабы продемонстрировали уже к 2016 году способность российского ОПК быстро возвращать упущенные возможности. Именно в этих условиях в 2015 году проявилась необходимость предусмотреть вероятность варианта сценария полномасштабного, глобального вооруженного развития МО–ВПО–СО после 2021–2022 годов с тем, чтобы на всех

[212] *Половинкин В. Н., Фомичев А. Б.* Милитаризация Арктического региона — основа современной мировой политики / В кн.: Труды научно-исследовательского отдела

уровнях — от гражданского конфликта до глобальной войны — совершенствовать как соответствующие способы вооруженного противодействия, так и средства, прежде всего, высокоточные ВиВТ, включая военно-космические и ядерные на всех ступенях эскалации против любого противника. К середине десятилетия также стало ясно, что полагаться только на стратегические ядерные силы нельзя. В современных условиях процессы развиваются таким образом, что массовое производство высокоточного оружия, развертывание глобальной системы противоракетной обороны и многие другие действия ведут к тому, что эскалация глобального конфликта может не сразу привести к применению СНВ. Или вообще не привести, если они будут уничтожены в первом контрсиловом ударе. В этой связи, необходимо иметь достаточно широкий спектр ВиВТ и способов их применения в самых разных сценариях развития СО.

Причем разработка новых способов применения нового оружия в широком спектре конфликтов имеет особенно важное значение. Создаваемая сегодня в США система боевого управления, связи и разведки позволяет контролировать в режиме on-line развитие и управление конфликтом вплоть до уровня батальона-бригады. Есть все основания полагать, что после 2021 года система управления будет обеспечивать взаимодействие военного руководства с отдельными военнослужащими или гражданскими лицами, обеспечивая их абсолютно полной информацией, уже прошедшей проверку и предлагая наиболее эффективные варианты действий.

Новая военная организация в России должна обладать возможностью управления не только ВС и силовыми формированиями, но и гражданскими институтами и бизнес-ресурсами, обеспечивая их максимально полной и проверенной информацией, гарантируя, таким образом, работу на опережение. Другими словами, после 2021 года государственное и военное управление должно стать общенациональным

управлением ведения сетецентрических операций на любых ТВД и в ходе любого по масштабу или интенсивности конфликта, включая глобальный ядерный конфликт.

Реалистичность такого «пессимистического» варианта сценария развития МО, к сожалению, не признается значительной частью российской элиты и экспертным сообществом, чью позицию в очередной раз сформулировали ученые ИМЭМО РАН, традиционно претендующие на то, что они представляют мнение всей академической науки. В конце 2013 года они констатировали в специальной работе, например, что «Никогда на протяжении предыдущих десятилетий (и даже столетий) вероятность большой войны между великими державами и их коалициями не была так мала, как сейчас»[213].

Подобная оценка ученых ИМЭМО РАН имеет отнюдь не только академическое значение. Многие годы, начиная с прихода А. Яковлева в ИМЭМО в середине 1980-х годов, такие оценки во многом лежали в основе внешнеполитического курса М. Горбачева — А. Яковлева, Э. Шеварднадзе. Для нас также очень важно, что подобные оценки, в конечном счете, становились основой для всей системы государственного и военного управления в СССР. Они привели не только к развалу ОВД и СЭВ, неоправданным уступкам в области ограничения и сокращения вооружений, но и нарушению (разрушению де-факто) всей системы управления страной и ее военной организацией. Настолько глубокой, что первая война в Чечне показала катастрофичность ситуации.

Отрицание реалистичности «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового

[213] Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в Конгресс правительством США в соответствии с положением раздела 491 тома 10. Свода законов США 12 июня 2013 г. / http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf

противоборства» в условиях уже начавшейся во втором десятилетии XXI века сетецентрической войны против России крайне опасно, ибо исключает необходимость срочной национальной мобилизации и подготовки к отражению военно-силовой агрессии. Прежде всего, модернизации всей военной организации страны и ее гражданского и военного управления. Именно адекватные оценки состояния МО и ВПО, точное определение «точки отсчета», как говорилось выше, является первым шагом в построении стратегического прогноза и планирования. В данном случае — системы управления военной организаций и ВС в условиях сетецентрической войны после 2021 года. Такая переоценка современных международных и военно-политических реалий обязательна для создания новой системы управления государством и его военной организации в условиях сетецентрической войны, ибо она неизбежно радикально меняет не только всю систему исполнительной власти, но и политическую систему общества.

Если в «нормальных», мирных условиях, например, главная цель власти заключается в ускорении социально-экономического развития страны и повышении эффективности действующих институтов государственного управления, т.е. сохранении в целом, как всей системы, так и модели управления государством, то в условиях ведущихся сетецентрической и сетевой войнах меняется не только модель управления, но и политическая система общества и государства, а также главные цели, стоящие перед государством и его военной организацией.

Стремление избежать публичного политического признания ведущейся войны против России и ее неизбежное перерастание в глобальный конфликт — естественное и понятное желание любых политиков. В том числе и российских. Такое признание — всегда огромный минус проводимой политике и им лично.

Некоторые различия между действиями власти в мирных и военных условиях

Области государственного управления	Действия власти в области управления в мирных условиях	Действия власти в области управления в условиях сетецентрической войны
1. Признание факта войны / враждебных действий	Политическое решение, ориентирующее общество, СМИ и институты относительно ситуации в стране и МО (пример: заявление ТАСС накануне нападении Германии на СССР)	Политическое решение, ориентирующее государственные, общественные институты, СМИ и бизнес относительно положения страны и МО (Выступление В. Молотова и И. Сталина после начала ВОВ)
2. Структура и организация органов государственного управления	Отсутствие значимых мер по изменению структуры органов управления	Изменение всей структуры органов гос. управления и создание новых органов (ГКО, Ставка и др.)
3. Политическая система общества	Не меняется, заведомо отставая от возникающих задач	Меняется радикально (отмена или перенос выборов, увеличение полномочий исполнительных органов власти передача части функций военным и т. д.)
4. Стратегия развития государства	Сохраняется социально-экономическая и финансовая стратегия, ориентированная на макроэкономические показатели	Стратегия ориентирована на победу в войне на всех стадиях конфликта. В современных условиях — на отсутствие компромисса

Примечательно, что подобный противоречивый подход отражен и в американской стратегии использования ядерного оружия, которая оставляет широкое поле для толкования.

В частности, в официальном Докладе о стратегии использовании ядерного оружия Соединенными Штатами Америки, который был направлен в конгресс 12 июня 2013 года, прямо говорится: «… международная оценка безопасности резко изменилась за период после окончания холодной войны. Угроза глобальной ядерной войны отодвинулась, но возрос риск ядерного нападения»[214].

Развитие наиболее вероятного «пессимистического» варианта сценария МО после 2021 года предполагает появление и разработку самого широкого спектра способов и средств силовой и вооруженной борьбы, включающих, в том числе, и принципиально новые средства и способы, которые традиционно еще не относятся к вооруженной борьбе, а также их синтез со старыми и новыми средствами и способами ведения боевых действий. Происходит не только «размывание» границы между силовыми и вооруженными средствами и способами, но и превращение одних средств и способов их применения в другие. Так, например, бутылки с зажигательной смесью, палки и щиты не относились к категории «оружие», тем более «легальное оружие», но их использование в Киеве в феврале 2014 года показало, что при применении определенных приемов военного искусства они становятся смертельным и достаточно эффективным оружием.

Реорганизация всей военной организации страны — самый первый шаг после политического признания факта ведущейся сетецентрической войны, способный внести существенные коррективы с точки зрения повышения эффективности внешней, внутренней и военной политики самим своим фактом. Даже вполне осторожные действия В. Путина в этом направлении, которые искусно маскировались «отсутствием интереса» к агрессивным действием

[214] Россия и многостороннее взаимодействие с новыми угрозами международной безопасности (военно-политические аспекты) / под ред. А. Т. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 4.

США (маневры, в т.ч. с кораблями ВМФ КНР, высадка десанта в Таджикистане, боевые стрельбы и т.д.), показали Западу, что в России всерьез относятся к росту военной угрозы. Что там прекрасно понимают перспективы развития МО. В том числе и то, что реализация такого «пессимистического» варианта сценария в будущем направлена на достижение самых решительных политико-цивилизационных целей и не предполагает достижение каких-либо компромиссов и договоренностей, сводя роль дипломатии к медийной поддержке сетецентрической стратегии.

Вместе с тем, говоря о высокой вероятности реализации «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ», следует иметь в виду следующее: самый «жесткий», «пессимистический» вариант сценария развития МО в виде сетецентрической войны, который вероятно будет реализовываться после 2021 года предполагает в обязательном порядке его сочетание с другими вариантами того же сценария — «мягким» и «реалистичным», — в зависимости от решения тактических задач, а также не исключает полностью иных, например, «переговорных» сценариев развития МО, для необходимых пауз или времени, необходимо для консолидации внутриполитических сил и союзников, перегруппировки сил, дезинформации противника и т.д. Эту тактику, ни в коем случае, не следует смешивать с долгосрочной стратегией. В ее основе всегда будут лежать два посыла: во-первых, выигрыш для внесения сумятицы в стан противника, прежде всего, в его органы государственного, общественного и военного управления. Наглядный пример такой тактики — поведение Украины и ее союзников в ЕС и США, которые переходили к переговорам (Минск-1 и Минск-2) в самые кризисные периоды для украинских ВС, пытаясь в то же время максимально дезинтегрировать противостоящие силы и найти новые инструменты давления.

Ключевой проблемой военного строительства в России после 2021 года станет повышение эффективности используемых в целях безопасности, включая оборону, национальных ресурсов. При этом существует несколько достаточно определенных исходных посылок, основными из которых являются следующие:

Первое. С точки зрения расходуемых национальных ресурсов Россия не может симметрично тратить на оборону столько же, сколько ее потенциальные оппоненты, ибо объем ВВП у них совершенно разный, а доля ВВП, выделяемая на оборону, не может существенно отличаться без серьезных негативных последствий для социально-экономического развития страны. Так, в 2014 году военные расходы ведущих стран мира составили:

США	—	581,0 млрд долл.
КНР	—	129,0 млрд долл.
Саудовской Аравии	—	80,8 млрд долл.
России	—	70,0 млрд долл.
Великобритании	—	61,0 млрд долл.
Франции	—	53,1 млрд долл.
Германии	—	43,9 млрд долл.
Индии	—	45,2 млрд долл.

При том, что доля расходов на оборону в России в ВВП за последние 5 лет увеличилась с 1,5 % до 4,2 % представляется абсолютно невозможным, что военная политика России будет обеспечена таким по объемом средств, как в США, а тем более совокупными расходами на оборону всех стран, относящихся к западной ЛЧЦ. Более того, даже сегодняшние темпы военных расходов России представляются чрезмерными.

Как отмечают эксперты Центра анализа стратегий и технологий, «… реализация ГПВ-2020 в полном объеме предполагает либо совершенно нереальные темпы экономического роста на период 2011–2020 гг., либо существенное превышение заявленной доли оборонных расходов в ВВП страны в 3,5–4 %. Уместно отметить, что по прогнозам Министерства финансов России по проекту бюджета на 2013–2015 гг. предполагалось, что ВВП России в 2015 г. составит 82,9 трлн руб. при сумме расходов федерального бюджета 15,7 трлн руб. Фактически в реальности на 2014 г. ВВП России составил 71.4 трлн руб. (с частичным учетом Крыма).

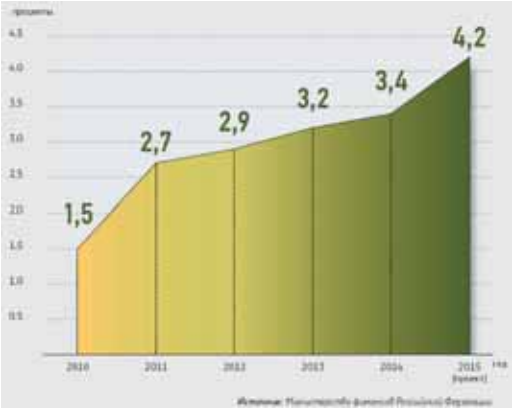


Рис. 7.11. Доля ассигнований на оборону в ВВП России

Для достижения уровня расходов на национальную оборону в 2020 г. в 6 трлн руб. при их доле в ВВП страны в 4 % общий объем российской экономики должен составить около 150 трлн руб., то есть удвоиться по отношению к ВВП 2014–2015 гг., что предполагает китайские темпы экономического роста. Это выглядит совершенно утопичным показателем и без учета наступивших в 2014–2015 гг. обстоятельств. Даже в случае постоянного роста ВВП России

в период 2016–2020 гг. на 4 % в год (что само по себе представляет собой слишком оптимистичное допущение), ВВП России к 2020 г. составит менее 100 трлн руб., то есть лишь около двух третей от заявленных потребностей ГПВ-2020. Видимо, эти две трети от первоначально запланированных и составляют наиболее реалистичную оценку возможностей фактического финансирования на последующие 5 лет ГПВ-2020[215].

Второе. Эволюция внешних опасностей и угроз, изменение характера политического противоборства и вооруженной борьбы, очевидно, внесут радикальные изменения в средства ведения силовой и вооруженной борьбы, неизбежно сделав проблему выбора между ними чрезвычайно актуальной. В самом общем виде такой концептуальный выбор после 2021 года должен быть сделан:

— между расходами на количество ВиВТ и их качества, наукоемкости, оригинальности и боевой эффективности, т.е. тех свойств, которые характеризуют высокое качество человеческого потенциала. В конечном счете, это выбор в пользу ускоренного развития потенциала человеческой личности, качества национального человеческого капитала и его институтов, который станет решающим средством повышения эффективности всех силовых и вооруженных средств, включая ВиВТ, а также личного состава ВС и других институтов военной организации государства.

Иными словами будущая победа будет обеспечена наиболее умными, креативными и профессионально подготовленными специалистами, обеспечивающими весь спектр силового (а не только вооруженного) противоборства. Соответственно и доля национальных

[215] Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 14.

ресурсов, в т.ч. финансовых, выделяемых на подготовку и сбережение таких кадров, должна быть увеличена относительно других расходов. Это означает, что расходы на профессиональную и нравственную подготовку личного состава ВС и командования будут существенно выше, а их доля не только в ВиВТ, но и в управлении будет существенно больше;

— этот концептуальный выбор в пользу качества подготовки командования и личного состава будет означать, что после 2021 года значительные средства предстоит выделять не только на базовую профессиональную подготовку, но и переподготовку, освоение тренажеров и боевой техники и вооружений, внедрение новых комплексных систем управления ВС на поле боя. В конечном счете, любая боевая единица — боец–БТР–танк–самолет–ПУ и т.д. превратятся в сложную систему, связанную в сети не только «по вертикали» от рядового бойца до командующего, а «по горизонтали» между всеми системами, но и получающую в постоянном режиме проверенную и полную информацию о боевой обстановке, а также, вероятно, варианты возможных действий;

— такой концептуальный выбор предполагает увеличение доли в военном бюджете на НИОКР и даже фундаментальные исследования, интеграции военной и гражданской науки и технологий. В этом смысле затраты на оборону будут во многом являться и затратами на инновационное развитие. Но и, наоборот, развитие гражданских НИОКР будет определять общий уровень развития военных НИОКР;

— после 2021 года неизбежно должно произойти перераспределение в пользу тех видов и родов войск, которые играют и будут в еще большей степени играть решающее значение по сравнению с другими видами и войсками. Так, очевидно, что резко усиливается значение войск воздушно-

космической обороны, информационных средств, высокоточного оружия, сил специальных операций, а также средств воздушно-космического нападения и ряд других. Поэтому традиционное распределение ресурсов между видами и родами войск требует, вероятно, радикального пересмотра. По оценке экспертов, в настоящее время эти средства распределяются следующим образом в соответствии с ГПВ-2020. Они, в частности, отмечают, что «… анализ реализуемой ГПВ-2020 позволяет усомниться в том, что как раз именно иерархия приоритетов закупок вооружения и военной техники между видами ВС и родами войск найдена оптимальным образом. Так, наибольшая относительная доля средств, выделяемых по планам ГПВ-2020 на закупки в интересах непосредственно Министерства обороны (19,4 трлн руб.) должна быть выделена на приобретение техники и вооружения для ВМФ (около 5 трлн руб.), что почти вдвое больше, чем на технику и вооружение Сухопутных войск»[216].

Маловероятно, что ВМФ России будет участвовать в сетецентрической войне в 2020-е годы столь же активно, как и другие виды и рода ВС. Его задачи, как и во время Второй мировой войны, будут значительно скромнее, а значит и выделяемые ресурсы (превышающие объемы всех других видов и родов войск) представляются чрезмерными. Даже с учетом расходов на ядерный компонент ВМФ РФ.

Значительное внимание в ГПВ на 2020–2030 годы следовало бы уделить и оптимизации ВВС, у которых на вооружении находится множество типов истребителей, перехватчиков и бомбардировщиков. Их сокращение в пользу самых современных образцов и БПЛА представляется вполне обоснованным.

---

[216] Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 24.

Наконец, очень внимательно следует отнестись к будущему составу Сухопутных войск, которые, учитывая площадь территории и протяженность границ России, должны прикрывать все стратегические направления от возможного нападения: соотношение сил 1:1 не достижимо.

Есть основания полагать, что эта функция может быть обеспечена только при помощи средств воздушно-космического нападения и высокомобильных танковых, артиллерийских и ракетных соединений.

Обеспечить решение этих задач можно будет только в случае, если Сухопутные войска будут:

— увеличены в огневой мощи в десятки раз, а точность выстрела должна гарантировать уничтожение цели с первого раза;
— увеличение мобильности всех соединений в несколько раз по сравнению с существующими возможностями;
— обеспечение Сухопутных сил средствами поражения, управления и связи, которые превосходили бы качественно возможности вероятного противника.

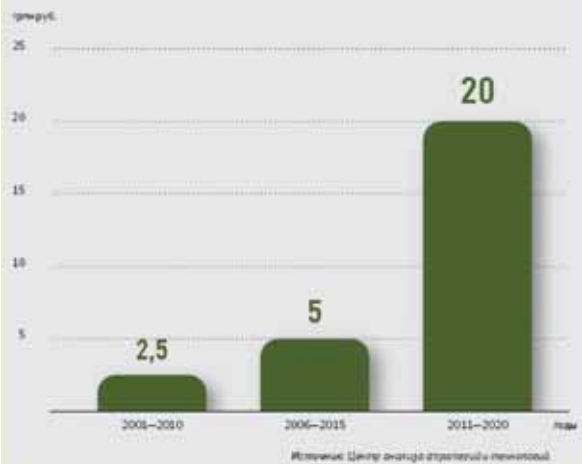


Рис. 7.12. Объем постсоветских Госпрограмм вооружения

В основе современной военной политики России находится Государственная программа вооружения на 2011–2020 годы, утвержденная Указом Президента РФ № 15651 от 31 декабря 2010 г. Её главной предпосылкой к реализации стало резкое увеличение оборонных расходов, большинство из которых не подверглось сокращению, несмотря на бюджетные трудности, что хорошо видно на примере ее сравнения с предыдущими государственными программами вооружений (рис. 7.12).

Одновременно в соответствии с принятыми нормативами была начата работа над проектом следующей Государственной программы вооружения на 2016–2025 гг. Разработка ее проекта осуществляется в соответствии с решением Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации от 24 октября 2012 г. Тогда же решением ВПК был начат процесс обновления самого механизма разработки и выполнения ГПВ[217].

[217] Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. Аналитический доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 9.

Заключение

Международные отношения, несомненно, являются сложной адаптивной системой, прогнозирование развития которой по определению невозможно. Однако предлагаемая здесь методология прогнозирования, учитывающая сложность объекта исследования, позволяет определить общий вектор развития международных отношений. Онтологическая база анализа заключается в выделении двух основополагающих факторов трансформации международных отношений: идеология политических элит акторов международных отношений и материальные ограничения деятельности акторов в системе международных отношений. Из этих двух факторов идеология элит в современном мире приобретает большее значение, чем материальные ограничения деятельности акторов международных отношений.

Идеология формирует картину мира, которая придает смысл и определяет цели и ценности акторов. Эволюция идеологии влияет на эволюцию поведения акторов в международных отношениях. С идеологическим измерением международных отношений тесным образом связано качество человеческого капитала. Идеология может быть более или менее адекватной с точки зрения материально-институциональных ограничений деятельности акторов в международных отношениях. Как правило, высокий уровень развития человеческого капитала главным образом среди политической элиты означает наличие у них более адекватной идеологии.

Похожие картины мира являются частью более общей картины мира, сложившейся в рамках цивилизаций. Цивилизационный подход далеко не нов, однако сегодня он становит-

ся особенно актуальным. Горизонт прогнозирования прямо пропорционален масштабу политических единиц анализа. Для краткосрочного анализа масштаб должен быть индивидуальный или групповой, для среднесрочного прогнозирования — годится масштаб национального государства, а вот для долгосрочного прогнозирования необходим масштаб цивилизаций.

Эпистемологическое измерение разработанной методологии основано на иерархическом соподчинении различных уровней международных отношений: цивилизационном, международном, стратегическом. Направление развития цивилизаций ограничивает варианты развития международной обстановки, которая в свою очередь ограничивает варианты развития стратегической обстановки. Зная направление развития политических отношений на цивилизационном уровне, можно довольно точно определить возможный характер отношений на стратегическом уровне.

Применение разработанной методологии к анализу современных международных отношений позволило выработать наиболее вероятный сценарий глобального конфликта между цивилизациями.

Особенностью конфликта между цивилизациями сегодня является новое качество войны. Война становится гибридной — происходит смешение силовых и не силовых методов. Отличить состояние войны и мира становится практически невозможно, а, следовательно, довольно сложно определить и акт агрессии и самого агрессора.

Гибридное противоборство между цивилизациями уже идет. В долгосрочном плане оно, скорее всего, будет только ужесточаться. Основным средством, как нападения, так и обороны в ходе такого столкновения является укрепление идеологии и тесно связанного с идеологией человеческого капитала. Развитие человеческого капитала, частью которого является идеологическое воспитание, является условием выживания в современном мире, где мир является войной, а война — миром.

Список используемых сокращений и аббревиатур

АТО	антитеррористическая операция
БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВП	военный потенциал
ВПК	Военно-промышленная комиссия
ВПО	военно-политическая обстановка
ВС	вооруженные силы
ВТС	военно-техническое сотрудничество
ВТО	высокоточное оружие
ВТО	Всемирная торговая организация
ГКО	Государственный Комитет Обороны
ГОЗ	Государственный оборонный заказ
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ИГИЛ	Исламское государство Ирака и Леванта
ИРЧП	индекс развития человеческого потенциала
КРМБ	крылатые ракеты морского базирования
ЛПР	лицо, принимающее решение
ЛЧЦ	локальная человеческая цивилизация
МАИ	метод анализа иерархий
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты

МО	международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора
НВД	нетрадиционные военные действия
НЧК	национальный человеческий капитал
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского Договора
ОДКБ	Организация договора о коллективной безопасности
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ООП	Организация освобождения Палестины
ООЭ	операция на основе эффектов
ПЛАРБ	подводная лодка атомная с баллистическими ракетами
ПО	программное обеспечение
ПРО	противоракетная оборона
ПРООН	Программа развития ООН
РСМД	Российский совет по международным делам
РВД	революция в военном деле
СБУ	Служба безопасности Украины
СМП	Северный морской путь
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СО	стратегическая обстановка
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СЭВ	Совет экономической взаимопомощи
СЯС	стратегические ядерные силы
ТАП	Трансатлантическое партнерство
ТВД	театр военных действий
ТС	Таможенный союз
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦА	Центральная Азия
ЧВК	частная военная компания
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества

Понятийный аппарат

Внутренний военный конфликт — внутреннее вооруженное противоборство, преследующее политические, экономические и идеологические цели.

Внутренняя война — конфликт в форме вооруженного противоборства между двумя (или несколькими) политическими субъектами;

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военно-экономический потенциал — часть экономического потенциала государства, которая может быть использована в военных целях при максимальном военно-экономическом напряжении.

Военный потенциал — возможности государства для ведения войны, производные от экономического и морально-политического потенциала страны.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Международная война — одна из форм международного конфликта с участием, как минимум, двух государств и их вооруженных сил.

Международная обстановка — состояние системы международных отношений в определенный период времени, характеризуемое составом акторов мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства.

Сетецентричность — такой подход к организации внешней и военной политики, который связывает все элементы системы в единую интегрированную систему управления, сбора, обработки и передачи информации.

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Стратегическая обстановка — конкретное состояние участников военно-политической обстановки и их положение в определенный период времени накануне и в ходе конкретного военного конфликта или войны.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Список источников и литературы

1. *Аднан Хан*. Стратегический анализ 2013. khilafah.com http://www.hizb-russia.info/images/knigi/strateg_analiz_2013.pdf
2. *Аладьин В., Ковалев В., Малков С.* Пределы сокращения / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
3. *Александров М. В.* К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.
4. *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013.
5. *Башкатова А., Сергеев М.* Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.
6. *Белкин С. Н.* Картина мира и карта мира / альманах «Развитие и экономика», №11, 2014. Сентябрь. / http://devec.ru/almanah/11/1684-sergej-belkin-kartina-mira-i-karta-mira.html

7. *Белоконь С. П.* Обоснование основных направлений строительства и развития военной организации Российской Федерации на долгосрочный период. Презентация. М. 2013.
8. *Бенси Дж.* Между сущим и грядущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января.
9. *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013.
10. БРИКС–2015: Сборник статьей / Под ред. А. А. Климова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 63.
11. В Генштабе РФ назвали опасным расширение НАТО к границе России / Эл. ресурс: «РГ». 2015. 16 апреля / www.rg.ru
12. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2014. С. 14, 35.
13. Венчурные фонды и другие технологии для национальной разведки. М.: Физ-Тех., 2012. С. 20.
14. *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf. С. 76.
15. Вероятность совпадения прогнозов, основанных на трендах, с реальностью [Электронный ресурс]. URL: http://prognoz.eurasian-defence.ru/node/70918 (дата обращения: 27.01.2015).
16. *Верхоянцев А.* Приметы третьей мировой войны / Эл. ресурс: «ЦВПИ» / http://eurasian-defence.ru. 2015. 2 марта.
17. *Вильямс Дж.Д.* Совершенный стратег, или букварь по теории стратегических игр / Под ред. и с пред. И. А. Полетаева. М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. С. 7.

18. *Виноградов А.* Асимметричный ответ, или Стратегия Китая в глобальном мире. Ч. 2 / Эл. ресурс: «Однако». 2015. 6 февраля / http://www.odnako.org/
19. *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 405.
20. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.
21. *Волкова Т.* Китайская стратегия украинской войны [Электронный ресурс]. URL: http://forum-msk.org/ (дата обращения: 21.01.2015).
22. *Гиркин И. И.* Выступление на круглом столе в Доме журналиста 04.06.2015 / http://rusplt.ru/policy/
23. *Глазьев С. Ю.* Выход из хаоса // Военно-промышленный курьер / http://vpk-news.ru/articles/22623
24. *Глазьев С. Ю.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015. С. 23.
25. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке США. 2012. Декабрь. С. 43.
26. Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации: аналит. доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015. С. 5.
27. Грамши А. Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 1980.
28. *Данилевский Н.* Я. Россия и Европа / http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny05.htm
29. Доклад о Стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки (направлен в Конгресс США в соответствии с положениями раздела 491 тома 10. Свода Законов США 13 июля 2013 г.). С. 3 / http://www.defense.gov.publ

30. Доклад о человеческом развитии в РФ / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2014. С. 8.
31. Долгосрочное прогнозирование международной обстановки: аналит. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014.
32. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад/ А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 12.
33. *Дынкин А.* А. Предисловие // Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.
34. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. М.: ЛКИ, 2014. С. 7.
35. *Зиновьева Е.* «Балканизация» интернета [Электронный ресурс]. URL : http://www.mgimo.ru/ (дата обращения: 20.01.2015).
36. *Иванов И. С., Браун Д., Ротфельд А. Д.* Необходимо строить Большую Европу / Проблемы и перспективы строительства Большой Европы: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига. 2014. С. 5.
37. *Иноземцев В.* Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (6478). С. 9.
38. *Ищенко Р.* Чего хочет Путин? / Эл. ресурс: Актуальные комментарии.2015. 6 февраля / http://actualcomment.ru/chego-khochet-putin.html
39. *Калашников М.* Новая военная доктрина США // Журнал «Знание — Власти». Приложение к № 444/5. С. 10 [Электронный ресурс]. URL : http://znanie-vlast.ru/arch/09/znan444-5pl.pdf
40. *Канчуков С. А.* Годовщина начала 1-й социалистической войны / http://blogs.yandex.ru

41. *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 20е изд. М. : МГИМО–Университет, 2008. С. 159.
42. Китай владеет ключом к резкому росту цен на золото. 22 января 2015 г. URL: http://gold.ru/analytics/kitaj-vladeet-kljuchom-k-rezkomu-rostu-cen-na-zoloto.html
43. *Климов А. В.* БРИКС: уже не только саммиты // Международная жизнь. 2014. № 10. С. 40.
44. *Конаровский М. А.* Состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в свете завершения миссии Международных сил содействия безопасности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.
45. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186
46. *Кортунов С. В.* Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. № 5 / http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225
47. *Крылова С.* Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_ the_future_research_13974630971293_file.pptx. С. 4.
48. *Кузык Б. Н., Агеев А.* И. и др. Россия в пространстве и времени. История будущего. М.: ИНЭС, 2004). Для рейтинговой оценки и прогноза 50 ведущих стран мира (Глобальный рейтинг интегральной мощи 50 ведущих стран мира. М.: ИНЭС, 2007), а также для оценки динамики цивилизаций Востока (*Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 2. М.: ИНЭС, 2006. Гл. 10).
49. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. V. Цивилизации: прошлое и

будущее. М.: 2008. С. 542 / http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf
50. *Куперман А.* Фиаско Обамы в Ливии / Россия в глобальной политике. 2015. Январь–февраль. Спецвыпуск. С. 152.
51. *Ларина Е.* Инженеры хаоса: почему теракт в Париже совершили агенты спецслужб [Электронный ресурс]. URL : http://topwar.ru/ (дата обращения: 17 января 2015 г.).
52. *Латухина К.* Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.
53. Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике. — Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 99-108. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.07
54. Лукс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ГУ-ВШЭ. 2009.
55. *Маккейн Д.* Интервью СПП в 2014 г. / Эл. ресурс: «РБК» / http://daily.rbc.ru/opinions/politics/29/04/2015/
56. *Мансуров Т.* ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 23.
57. *Мау В.* После сверхустойчивости // Коммерсант. 2015. 3 февраля. С. 2.
58. *Мизин В. И.* Становление европейской внешнеполитической службы: достижения и сложности: аналитическая записка. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.
59. Мощности по строительству ВМС КНР, например, уже превосходят мощности США с 2010 года
60. *Мямлин К.* Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/
61. *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово / *Подберезкин А. И.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки. М. : МГИМО–Университет, 2014. С. 3.

62. Незаконные вооруженные формирования на территории СССР. М.: РАУ-Университет, 1991.
63. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО, 2014.
64. *Нерсисян Л.* «Северный кулак» США против России: угроза Калининграду и ядерным силам. 2015. 10 апреля / ИА «Регнум» / http://www.regnum.ru/news/polit/1913924.html
65. Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября.
66. *Новиков Я. В.* Вступительное слово // *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014.
67. *Новичков Н.* Инновационные технологии на рынке военного кораблестроения // Рынки вооружений, 2014. № 12. С. 2.
68. Новые правила или игра без правил? / Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: 2015. Март. С. 5.
69. *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/
70. Общество, власть и аналитика: сб. статей и докладов (по материалам общественных слушаний)
71. *Панфилова И.* ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии // Независимая газета. 2015. 21 января. С. 1.
72. *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). С. 22.
73. *Плугатарёв И.* Оружейные дебюты Даманского / журнал «Оружие». 2006. № 10 / http://topwar.ru

74. *Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО–Университет. 2014. С. 22.
75. *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО–Университет, 2014.
76. *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО–Университет, 2014.
77. *Подберезкин А. И.* Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад: М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 69.
78. *Подберезкин А. И.* Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке. Аналитический доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 3.
79. *Подберезкин А. И.* Значение развития систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США: диссертация д-ра ист. наук: 1990 / ДА МИД СССР [Электронный ресурс]. URL : http://viperson.ru/
80. *Подберезкин А. И.* Значение системы боевого управления в военной доктрине США / Докторская диссертация. Дипломатическая академия МИД СССР, 1989 г. / http://viperson.ru/podberezkin
81. *Подберезкин А. И.* Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. II. М.: МГИМО, 2012.
82. *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал Т. I. М.: МГИМО–Университет. 2012 г.
83. *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.
84. *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М. : МГИМО–Университет. 2011–2013.
85. *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

86. *Подберезкин А. И.* Презентация доклада «Международные последствия развития ситуации в мире до 2030 года». М.: МГИМО, 2014.
87. *Подберезкин А.* И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО–Университет, 2013.
88. *Подберезкин А. И.* Стратегия для будущего президента России: русский путь / ВОПД «Духовное наследие». М., 2000.
89. *Подберезкин А. И.* Сценарии и прогнозы развития МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / http://viperson.ru/
90. *Подберезкин А. И.* Сценарии развития СО на базе возможных отдельных военных конфликтов / Эл. ресурс: «Виперсон». 2015. 14 апреля / http://viperson.ru/articles/professor-mgimo-aleksey-podberezkin-stsenarii-razvitiya-so-na-baze-vozmozhnyh-otdelnyh-voennyh-konfliktov
91. *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М. МГИМО–Университет, 2015. С. 13–15.
92. *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А.* Приватизация и приватизаторы. М.: 2004.
93. *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014.
94. *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 77–89;
95. *Половинкин В. Н., Фомичев А. Б.* Милитаризация Арктического региона — основа современной мировой политики / В кн.: Труды научно-исследовательского отдела

96. *Попов И.* М. «Сетецентрическая война» / Эл. ресурс: «Военная история и футурология» / http://www.milresource.ru/
97. *Путин В. В.* 70-летие МГИМО / http://www.kremlin.ru/news/46791
98. *Разуваев В., Разуваев В.* Россия проигрывает в споре цивилизаций // Независимая газета. 2015. 17 февраля. С. 9.
99. Рейтинг Global Firepower Index / [Электронный ресурс]. URL: http://topwar.ru/54213-reyting-global- firepower...
100. *Рогов С.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец // Российская газета. 2013. 17 апреля.
101. Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта — А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. — М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 13.
102. Россия и многостороннее взаимодействие с новыми угрозами международной безопасности (военно-политические аспекты) / под ред. А. Т. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 4.
103. *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 14.
104. *Савушкин Р. А.* Что или Кто стоит за сознанием человека? / Эл. ресурс: «Viperson». 2015. 8 июня / http://viperson.ru/
105. *Скосырев В.* Индия обошла Китай по темпам экономического роста // Независимая газета. 2015. 13 февраля.
106. *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 5.
107. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 115.
108. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО–Универси-

тет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.
109. *Стрельцов Д.* Азиатский вектор российской дипломатии: Китай, Турция, Япония [Электронный ресурс]. URL: http://www.mgimo.ru/ (дата обращения: 28.01.2015).
110. *Стригунов К. С.* Новая Холодная война. Часть I. Причины и методы / http://eurasian-defence.ru/
111. Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. // РСМД. 2013. 23 мая [Электронный ресурс]. URL : http://ncouncil.ru/inner/
112. *Тимесков А.* Маккейн жестко критикует Меркель за визит к Путину / «Эхо Москвы». 2015. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL : http://www.echo.msk.ru/blog/timeskhan/1488758-echo/
113. Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / [Белогорьев А. М. и др.]. М. : ИД «Энергия», 2011. С. 8.
114. *Тренин Д.* Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина / Московский Центр Карнеги. М. 2015. 20 марта. С. 1.
115. Феномен «Исламского государства» и борьба с ним: правовые, социально-экономические и политические аспекты. Аналит. записка / подготовлена А. В. Федорченко, А. В. Крылов. М. 2015. Март. С. 3.
116. *Фомин А. Н. Рябошапко В. А., Самарин И.* В. Методика оценки военных потенциалов стран на основе рейтинга Business Insider / Вестник академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 32.
117. *Фрэнк Г. Хоффман*. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.
118. Фуко М. Рождение биополитики. Nauka, 2010.

119. *Хеллевиг Йон*. Путин 2000–2014 гг. Промежуточные итоги: диверсификация, модернизация и роль государства в российской экономике / Витгенштейновский взгляд на российскую экономику / Исследование Awara Group. 2014. Декабрь.
120. *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2015. С. 6.
121. *Черненко Е.* Эдвард Сноуден дошел до второй стадии // Коммерсант. 2015. 19 января. С. 1.
122. *Шеремет И.* Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / http://eurasian-defence.ru
123. *Шулаков С.* О труде «реакционера» и «славянофила» Николая Данилевского «Россия и Европа» многие слышали, но мало кто читал, — так что переиздан он вовремя / Эл. ресурс: «Год литературы». 2015.01.06 / https://godliteratury.ru/public-post/rossiya-ili-evropa
124. Эффективные коммуникации. Практическое руководство для правозащитных НПО / Институт по освещению войны и мира. 2010. С. 136–137.
125. *Яковенко А.* После смерти идеологии // Россия в глобальной политике. Т. 10. 2014. № 4. С. 33.
126. Bachrach P., Baratz M. S. Two faces of power //American political science review. 1962. Vol. 56. №. 04. P. 947-952.
127. Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013.
128. Congressional Budget Office based on data from the Department of the Army // «The Congress of the United States, Congressional Budget Office. The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives». С. 2.
129. Donilon Tom. The United States and the Asia-Pacific in 2013» // The Asia Society. New York, March 11, 2013.
130. Global Defense Outlook 2014. Adapt, collaborate, and invest.

131. *Konachlick W.* Russia`s Best Ally // OSW, 2014.
132. Nye J. S. The future of power. PublicAffairs, 2011.
133. *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004.
134. Serving the Congress and the Nation. Strategic Plan 2014-2019 / United States Government Accountability Office / GAO 2014-2019.
135. Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.
136. Sustaining US global leadership: priorities for 21st century defense. — Department of Defense, 2012. http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf
137. Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 // Report of the Defense Science Board. September 19, 2013 / Office of the Secretary of Defense. Wash., DC 20301–3140.
138. The Obama Doctrine: Multilateralism With Teeth. 10.12.2009 / http://www.theatlantic.com/politics/archive/2009/12/the-obama-doctrine-multilateralism-with-teeth/31655/

* * *

Некоторые из опубликованных работ рубрики «Внешнеполитические реалии и перспективы России» данного Интернет-Издания:

https://viperson.ru/articles/viperson-viperson-eto-liniya-prikosnoveniya-ideologicheskoy-peredovoy-za-mir-utverzhdeniya-dostoynoy-narodov-zhizni-na-planete-a-i-komarova-v-5-ch-ch-3-vneshnepoliticheskie-realii-i / «VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете. А.И. Комарова. В 5 ч. Ч.3. / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 36. / Том 1165(1207). М., 2023.

https://viperson.ru/articles/viperson-viperson-eto-liniya-prikosnoveniya-ideologicheskoy-peredovoy-za-mir-utverzhdeniya-dostoynoy-narodov-zhizni-na-planete-a-i-komarova-v-5-ch-ch-2-vneshnepoliticheskie-realii-i / «VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете. А.И. Комарова. В 5 ч. Ч.2. / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 35. / Том 1163(1205). М., 2023.

https://viperson.ru/articles/viperson-viperson-eto-liniya-prikosnoveniya-ideologicheskoy-peredovoy-za-mir-utverzhdeniya-dostoynoy-narodov-zhizni-na-planete-a-i-komarova-v-5-ch-ch-1-vneshnepoliticheskie-realii-i / VIPERSON» (Виперсон) – это линия прикосновения идеологической передовой за МИР – утверждения достойной Народов Жизни на Планете. А.И. Комарова. В 5 ч. Ч.1. «Внешнеполитические реалии и перспективы России». / Том 1161(1203)М., 2023.

http://viperson.ru/articles/zaschita-territorialnoy-tselostnosti-na-povestke-sovremennyh-realiy-a-i-podberezkin-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-33-gl-red-a-i-komarova-tom-1082-1124-m-2022 / ЗАЩИТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ НА ПОВЕСТКЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ. А.И. Подберезкин / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып.33. / Гл. ред. А.И. Комарова. Том 1082(1124). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/o-likvidatsii-zelenskogo-nekotorye-aspekty-vneshnepoliticheskih-realiy-rossii-a-i-podberezkin-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-32-gl-red-a-i-komarova-tom-977-1019 / О ликвидации Зеленского. Некоторые аспекты внешнеполитических реалий России. А.И. Подберезкин / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып.32. / Гл. ред. А.И. Комарова. Том 977(1019). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/prognoziruemye-vyzovy-i-ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-i-napravleniya-ih-neytralizatsii-pod-obschey-red-a-s-korzhevskogo-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-26-gl-red / Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ и направления их нейтрализации / Под общей ред. А.С. Коржевского / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 26. / Гл. ред. А.И. Комарова / Том 953 (995). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/pobeda-rossii-nad-fashistvuyuschem-neonatsizmom-perspektiva-chelovechestva-planetarnyy-mir-i-blagodenstvie-narodov-a-i-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-25-tom / Победа России над фашиствующем неонацизмом – перспектива ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: планетарный мир и благоденствие народов. А.И. Комарова / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 25. / Том

950(992). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/rossiyskaya-mnogonatsionalnaya-tsivilizatsiya-ostanovit-napalm-nato-razzhigayuschego-yadernyy-smerch-na-zemle-a-i-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-19-gl-red / РОССИЙСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОСТАНОВИТ НАПАЛМ НАТО, РАЗЖИГАЮЩЕГО ЯДЕРНЫЙ СМЕРЧ НА ЗЕМЛЕ. А.И.Комарова / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 19. / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 931(973). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/sanktsii-protiv-rossii-grozyat-miru-ekonomicheskoy-katastrofoy-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-17-gl-red-a-i-komarova-tom-915-957-m-2022 / САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ ГРОЗЯТ МИРУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФОЙ / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 17. / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 915(957). М.,

http://viperson.ru/articles/zhestokomu-ubiytse-alyansu-nato-73-goda-a-i-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-16-gl-red-a-i-komarova-tom-914-956-m-2022 / ЖЕСТОКОМУ УБИЙЦЕ - АЛЬЯНСУ НАТО – 73 ГОДА. А.И.Комарова / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 16. / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 914(956). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/mvf-sanktsii-protiv-rossii-eto-risk-oslableniya-gospodstva-dollara-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-16-gl-red-a-i-komarova-tom-907-949-m-2022 / МВФ: САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ – ЭТО РИСК ОСЛАБЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА ДОЛЛАРА / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 16. / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 907 (949). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/rossiya-ob-yavila-ekonomicheskiy-otvet-na-sanktsii-zapada-a-i-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-14-tom-900-942-m-2022 / РОССИЯ ОБЪЯВИЛА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА САНКЦИИ ЗАПАДА. А.И.Комарова / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 14. / Том 900(942). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/rossiya-krepost-protivostoyaschaya-fashistvuyuschim-ssha-i-zapadu-podtalkivayuschim-mir-k-tretiey-mirovoy-voyne-a-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-13-tom-899-941 / РОССИЯ – КРЕПОСТЬ, ПРОТИВОСТОЯЩАЯ ФАШИСТВУЮЩИМ США И ЗАПАДУ, ПОДТАЛКИВАЮЩИМ МИР К ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. А. Комарова / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 13. / Том 899(941). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/rossiya-nepobedima-v-etom-spasenie-mira-planety-zemlya-n-rumyantseva-v-shubart-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-12-gl-red-a-i-komarova-tom-897-939-m-2022 / РОССИЯ НЕПОБЕДИМА! – В ЭТОМ СПАСЕНИЕ МИРА - ПЛАНЕТЫ «ЗЕМЛЯ»! Н. Румянцева, В. Шубарт / «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 12. / Гл. ред. А.И. Комарова. Том 897(939). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/ssha-za-sohranenie-globalnogo-dominirovaniya-rossiya-za-formirovanie-novogo-miroporyadka-bez-natsiofashizatsii-bez-genotsida-narodov-a-i-komarova-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii / США за сохранение глобального доминирования – Россия за формирование нового миропорядка без нациофашизации, без геноцида народов. А.И.Комарова /«Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып. 11. / Том 895(937). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/ruso-ssha-nato-za-amerikano-banderovskiy-fashizm-rossiya-

predotvraschaet-bolshuyu-voynu-i-n-nikitchuk-a-a-kovalev-v-s-nikitin-v-k-zilanov-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii / РУСО: США, НАТО ЗА АМЕРИКАНО-БАНДЕРОВСКИЙ ФАШИЗМ – РОССИЯ ПРЕДОТВРАЩАЕТ БОЛЬШУЮ ВОЙНУ. И.Н. Никитчук, А.А. Ковалев, В.С. Никитин, В.К. Зиланов /«Внешнеполитические реалии и перспективы России», Вып. 10./ Гл. ред. А.И.Комарова. Том 889(931). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/mnogopolyarnyy-mir-edinstvennaya-alternativa-dominirovaniyu-v-usloviyah-mezhtsivilizatsionnogo-vzaimodeystviya-a-i-komarova-tom-881-923-vyp-9-m-2022 / МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР – ЕДИНСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДОМИНИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. А.И. Комарова / Том 881(923). Вып.9. М., 2022.

http://viperson.ru/articles/ubiystvo-demokratii-operatsii-tsru-i-pentagona-v-postsovetskiy-period-kollektiv-avtorov-pod-red-v-krasheninnikovoy-gl-red-a-i-komarova-tom-880-922-vyp-8-m-2022 / УБИЙСТВО ДЕМОКРАТИИ: ОПЕРАЦИИ ЦРУ И ПЕНТАГОНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. Коллектив авторов под ред. В. Крашенинниковой / Гл. ред. А.И. Комарова. Том 880(922). Вып.8. М., 2022.

http://viperson.ru/articles/tretya-mirovaya-voyna-protiv-rossii-aleksey-podberezkin-vneshnepoliticheskie-realii-i-perspektivy-rossii-vyp-7-gl-red-a-i-komarova-tom-872-914-m-2022 / Третья мировая ВОЙНА против России. Алексей Подберезкин. «Внешнеполитические реалии и перспективы России». Вып.7. / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 872(914). М., 2022.

http://viperson.ru/articles/voyna-i-politika-v-sovremennom-mire-a-i-podberezkin-gl-red-a-i-komarova-tom-759-801-vyp-6-m-2021 / ВОЙНА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. А.И. Подберезкин / Гл. ред. А.И. Комарова. Том 759(801). Вып.6. М., 2021.

http://viperson.ru/articles/modeli-politiki-strategicheskogo-sderzhivaniya-i-strategicheskogo- upravleniya-rossii-a-i-podberezkin-gl-red-a-i-komarova-tom-451-493-vyp-5-m-2020 / Модели политики «стратегического сдерживания» и «стратегического управления» России. А.И.Подберезкин / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 451(493). Вып.5. М., 2020.

http://viperson.ru/articles/ukrainskaya-katastrofa-ot-amerikanskoy-agressii-k-mirovoy-voyne-s- glaziev-opisanie-i-kratkoe-soderzhanie-knigi-gl-red-a-i-komarova-tom-449-491-vyp-4-m-2020 / Украинская катастрофа. От американской агрессии к мировой войне? С.Глазьев. Описаниеи краткое содержание книги / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 449(491). Вып.4. М., 2020.

http://viperson.ru/articles/sovremennaya-mezhdunarodnaya-obstanovka-tsivilizatsii-ideologii-elity- a-i-podberezkin-v-g-sokolenko-s-r-tsyrendorzhiev-gl-red-a-i-komarova-tom-445-487-vyp-3-m-2020 / Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. А.И.Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев / Гл. ред. А.И.Комарова. Том 445(487).Вып.3. М., 2020.

http://viperson.ru/articles/politika-strategicheskogo-sderzhivaniya-rossii-v-xxi-veke-a-i- podberyozkin-gl-red-a-i-komarova-tom-442-484-vyp-2-m-2020 / ПОЛИТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ. А.И. Подберёзкин / Гл. ред.А.И. Комарова. Том 442 (484). Вып.2. М., 2020.

* * *